

ФЕДЕРИКО АКСАТ

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Настоящий ночной кошмар в лучшем смысле этого слова.

El País

Annotation

Неизлечимо больной бизнесмен Тед Маккей собирается застрелиться, когда к нему является незнакомец с заманчивым предложением: если Тед убьет двоих – преступника, скрывающегося от правосудия, и невинного человека, который сам хочет расстаться с жизнью, – тогда взамен такой же киллер-самоубийца убьет его самого. Семья Теда будет горевать, но избежит позора...

Соглашаясь, Тед Маккей не подозревает, что включается в сумасшедшую смертельную игру, в которой ему отведена лишь роль пешки.

- [Федерико Аксат](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [Часть третья](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [Часть четвертая](#)

- [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Федерико Аксат

Последний шанс

Federico Axat
LA ÚLTIMA SALIDA

La última salida © by Federico Axat, 2016

Published in the Russian language by arrangement with *Pontas Literary & Film Agency*

Правовую поддержку издательства осуществляет юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2018

* * *

*Моим родителям
Лус Л. Ду Пурро и Раулю Э. Аксату*

*A hand in the pocket
Fingering the steel
The pistol weighed heavy
And his heart he could feel was beating
Beating, beating, beating,
Oh my love, oh my love
Oh my love, oh my love.^[1]*

U2. Exit

Часть первая

Когда Тед Маккей уже готов был спустить курок и вышибить себе пулей мозги, во входную дверь настойчиво позвонили.

Он решил переждать. Пока за дверь кто-то есть, стрелять нельзя.

Кто бы ты ни был, пошел вон.

Снова звонок. И громкий мужской голос:

– Откройте! Я знаю, что вы меня слышите!

Слова прозвучали так отчетливо, буквально над самой головой, что Тед не поверил своим ушам: может, ему мерещится?

Он огляделся в пустом кабинете, словно пытаясь убедиться, что это не галлюцинация. Тут были его книги по финансам, репродукция Моне, письменный стол... и письмо, в котором он все объяснял Холли.

– Откройте, прошу вас!

Тед все еще держал браунинг на весу в сантиметре от головы, и кисть начала уставать. План не сработает, если этот тип услышит выстрел и вызовет полицию. Холли с девочками уехали в Диснейленд, и Тед не мог допустить, чтобы страшная новость застигла их далеко от дома. Нет уж.

Незванный гость теперь не только названивал, но и колотил в дверь.

– Эй! Я не уйду, пока вы не откроете!

Пистолет дрогнул в руке. Тед опустил кисть на правое колено.левой рукой пригладил волосы и мысленно послал незнакомца подальше. Кто он? очередной торговец? В этом престижном районе их не жаловали, особенно если они вели себя так нагло.

На несколько секунд крики и стук стихли, и Тед стал медленно-медленно подносить пистолет к виску.

Он было подумал, что наглец устал и убрался восвояси, однако новые удары и вопли убедили его в обратном. Тед не собирался открывать. Еще чего. Переждем. Рано или поздно нахал вынужден будет смириться с неизбежным – что еще ему остается?

Одна вещь на столе внезапно привлекла его внимание. Это был сложенный пополам листок бумаги, точно такой же, как тот, на котором он написал прощальное письмо Холли. Но на этом листке имени жены не было. Неужели он, идиот, не догадался уничтожить все анализы? Крики за дверь не умолкали. Тед, утешая себя мыслью, что непредвиденное промедление принесло хоть какую-то пользу, развернул листок и прочел записку.

От прочитанного мороз прошел по коже. Почерк его. Однако он не помнил, чтобы писал хоть одну из этих двух фраз.

ОТКРОЙ ДВЕРЬ

ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Может, он написал это по какому-то поводу, которого сейчас не припомнит? Может, во время игры с Синди или Надин? Нет, найти объяснение не удавалось... тем более в тот момент, когда псих за дверью, казалось, вот-вот ее выломает. Но ведь было же объяснение, его не могло не быть.

Ну-ну, обманывай себя на здоровье.

– Откройте же, наконец, Тед!

Он вздрогнул от неожиданности. Его назвали по имени? Тед не водил близкого знакомства с соседями, но все же ему казалось, что их голоса он знает, а голос этого типа не походил ни на один из них. Он положил пистолет на стол. Никуда не денешься: придется выяснить, кто там. В конце концов, ничего страшного: он быстро отделается от назойливого посетителя, кто бы тот ни был, вернется в кабинет, пустит себе пулю в лоб, и дело с концом. Когда на обдумывание плана ушла не одна неделя, едва ли его осуществлению помешает какой-то дурно воспитанный коммивояжер. Тед решительно встал, нашарил пальцем в баночке с карандашами, скрепками, полустертыми ластиками и прочей ерундой ключ, спрятанный там несколько минут назад, вынул его и стал недоверчиво разглядывать, как бывает, когда вдруг обнаружишь что-то, чего не чаял увидеть при жизни. Ведь в эту минуту он со следами пороха на ладони, сползая с кресла, уже должен был уплывать к свету.

Когда решаешь покончить с собой – даже если у тебя нет никаких сомнений, – последние минуты – настоящее испытание воли; Тед только что получил этот урок и с отвращением думал, что придется пройти через все еще раз.

Он раздраженно зашагал к двери кабинета, отпер ее и ощутил жгучий укол досады при виде записки, приклеенной скотчем снаружи чуть выше его головы. Это было предупреждение для Холли. «Дорогая, я оставил дубликат ключа на холодильнике. Не входи с девочками. Люблю тебя». Выглядело довольно жестоко, но Тед все тщательно обдумал. Он не хотел,

чтобы одна из его маленьких дочерей обнаружила тело отца у стола с дыркой в голове. С другой стороны, умереть в кабинете явно имело смысл. Он взвешивал такие варианты, как утопиться в реке или уехать куда-нибудь далеко и броситься под поезд, но понял, что для его семьи неопределенность была бы куда страшнее. Особенно для Холли. Она должна была увидеть все собственными глазами, чтобы не осталось ни малейших сомнений. Удар в сердце. Она молода и красива, сможет устроить свою жизнь. Начать все сначала.

Опять стук в дверь.

– Иду! – крикнул Тед.

Стук прекратился.

Открой дверь. Это твой последний шанс.

В окошке рядом с дверью маячил силуэт незваного гостя. Тед прошел через гостиную нарочито, чуть ли не вызывающе медленно, разглядывая все, как секунды назад разглядывал ключ от кабинета. Вот огромный экран телевизора, стол на пятнадцать персон, фарфоровые вазы. Он уже успел по-своему проститься с каждым из этих принадлежащих брэнному миру предметов. И тем не менее вот опять он здесь, старина Тедди, бредет по собственной гостиной, точно призрак.

Он застыл на месте. А вдруг это и есть его вариант «света»?

На секунду ему пришла в голову нелепая идея вернуться в кабинет и убедиться, что за столом нет его бездыханного тела. Он провел рукой по спинке дивана, почувствовал прохладное прикосновение кожи, слишком реальное, чтобы быть плодом его воображения. Но откуда ж знать наверняка?

Тед открыл дверь и, увидев на пороге молодого человека, понял, почему тому удалось выжить, работая коммивояжером, несмотря на дурные манеры. Парень был одет в идеально белые брюки на ремне из змеиной кожи и футболку в разноцветную полоску. Он скорее напоминал игрока в гольф, чем мелочного торговца, хотя и сжимал в правой руке ручку кожаного чемоданчика, потрепанный вид которого так не гармонировал с нарядом хозяина. У парня были светлые волосы до плеч, голубые глаза и развратная улыбка, которой позавидовал бы сам Джо Блэк^[2].

Тед легко мог представить, как Холли или всякая другая из живущих по соседству дам охотно покупает у этого юноши любую ерунду, которую он вздумает им впарить.

– Чего бы вы ни предлагали, мне это не интересно, – сказал Тед.

Улыбка стала еще шире.

– Боюсь, мне нечего вам продать.

Он произнес это таким тоном, будто ничего забавнее и выдумать невозможно.

Тед бросил взгляд на улицу через плечо незнакомца. Никакой машины, припаркованной у тротуара да и дальше вдоль бульвара Салливана, он не заметил. Жара в тот день была вполне терпимой, но все же, если наглый красавчик прошел по солнцепеку всю улицу пешком, какие-то следы на его одежде должны были остаться. Да и вообще, с чего бы ему парковаться так далеко?

– Не пугайтесь, – сказал незнакомец, будто читая его мысли, – коллега высадил меня здесь, а сам уехал, чтобы не вызывать лишних вопросов у соседей.

Упоминание о сообщнике не обеспокоило Теда. Гибель от рук грабителей, возможно, даже была бы ему на руку: это куда пристойнее, чем пустить себе пулю в лоб.

– Я занят. И вы мне здесь не нужны. Исчезните.

Тед хотел было захлопнуть дверь, но молодой человек удержал створку рукой. В этом жесте не было враждебности, наоборот, парень смотрел чуть ли не умоляюще.

– Меня зовут Джастин Линч, мистер Маккей. Если вы...

– Откуда вам известно мое имя?

– Если вы позволите мне войти и уделите десять минут, я вам все объясню.

На мгновение Тед замешкался. Он вовсе не собирался впускать этого типа в дом, но факт оставался фактом: тому удалось вызвать к себе некоторое любопытство. Однако в конце концов верх взял рассудок.

– Сожалею, но сейчас для разговоров не самый подходящий момент.

– Вы ошибаетесь, как раз подхо...

Тед захлопнул дверь. Последние слова Линча донеслись до него снаружи, хоть и приглушенно, но вполне отчетливо. «Сейчас самое время». Тед остался у двери и прислушался, как будто знал, что последует продолжение.

Так и оказалось. Линч заговорил громче, чтобы его расслышали.

– Я знаю, что вы собираетесь делать с девятимиллиметровой пушкой, которую оставили в кабинете на столе. Обещаю: отговаривать вас я не стану.

Тед открыл дверь.

Он готовился к самоубийству весьма основательно. Решение его не было внезапным, импульсивным, влекущим за собой массу непредвиденных последствий. Он был не из тех, кто планирует все кое-как, будто специально, чтобы привлечь внимание. Так ему, по крайней мере, казалось. Но если все настолько тщательно продумано, откуда смог что-то выведать Линч? Этот субъект с широкой улыбкой и с идеально правильными чертами лица был информирован и о калибре оружия, и о том, где оно оставлено. Хотя догадаться, что Тед покончит с собой именно в кабинете, было нетрудно, и, возможно, Линч брякнул это от фонаря, пусть и самым уверенным тоном.

Они сидели за столом друг против друга. Теда привычно потрянуло, как всегда после мощного выброса адреналина, и тут же наступил невероятный прилив интеллектуальных сил, обычно позволявший взять верх над очередным соперником. В шахматы он не играл уже много лет, но ощущение было очень знакомо. И приятно.

– Выходит, Трэвис прислал тебя шпионить за мной, – это был не вопрос, а утверждение.

Линч, успевший поставить чемоданчик на стол и уже собиравшийся открыть его, замер, и по лицу его пробежала тень досады.

– Ваш компаньон не имеет к этому ни малейшего отношения, Тед. Вы не против, если я буду называть вас просто по имени?

Тед пожал плечами.

– Что-то я не вижу в комнате фотографий ваших дочерей, Надин и Синди, – сказал Линч, заглядывая в чрево своего чемоданчика. Похоже, он там что-то искал.

Семейных фотографий и вправду не было. Тед убрал их из гостиной. Уж если ты решил покончить с собой – убери с глаз фотографии родных. Трудно обдумывать самоубийство под пристальным взглядом любимых.

– О моих дочерях больше ни слова.

Линч изобразил самую обаятельную из своих улыбок и, как бы сдаваясь, поднял руки.

– Я всего лишь пытался расположить вас к себе, чтобы легче было разговаривать. Мне приходилось видеть их фотографии, и я знаю, что сейчас они с матерью во Флориде. Поехали навестить бабушку с дедушкой, да?

Реплика точь-в-точь как в сериале про бандитов. Мы, мол, знаем, где твои родные, так что не умничай. Но Линч казался искренним. Может, и правда он таким образом проявлял участие.

– Я впустил тебя в дом, так что мы, считай, уже на короткой ноге.

– Это радует.

– Скажи, что еще тебе известно о моей семье.

Линч махнул рукой.

– Боюсь, немного. Мы не любим понапрасну копаться в чужом белье. Знаю, что они возвращаются в пятницу, так что на наши дела у нас есть три дня. Более чем достаточно.

– На наши дела?

– Ну да!

Линч достал две папки и отложил их в сторону. Потом убрал чемоданчик.

– Тед, вы никогда не думали кого-нибудь убить?

Да, парню явно нравилось сразу брать быка за рога.

– Если ты полицейский, то обязан предъявить документы.

Тед встал из-за стола. Папки наверняка набиты похабными фотографиями. За ним следили, подозревая в убийстве, и то, что он собрался застрелиться, расценивалось как самое веское доказательство вины. Потому-то Линч так настойчиво ломился в дом. А может, он агент ФБР?

– Я не полицейский, Тед. Сядьте, пожалуйста.

– Убирайтесь из моего дома сию минуту. – Тед указал на дверь, как будто Линч и без него не нашел бы обратной дороги.

– Вы и вправду хотите, чтобы я ушел, так и не сказав, откуда мы знаем о самоубийстве?

Ловкий тип. Тед ведь действительно хотел это знать.

– Даю вам пять минут.

Садиться Тед не стал.

– Справедливо, – отозвался Линч. – Приступаю к объяснениям. Я – сотрудник организации, заинтересованной в том, чтобы люди, подобные вам, познакомились с людьми, подобными тем, что у меня здесь, – и он указал на папки. – Если позволите, я открою одну из этих папок, и мы бросим беглый взгляд на ее содержимое. Вы умны и быстро поймете, что к чему.

Линч открыл папку и подвинул ее к середине стола, повернув к Теду. Тот все еще стоял, уперев руки в бока.

Это была копия полицейского досье. На развороте были фотографии

молодого человека лет двадцати пяти анфас и в профиль, смуглого, с прилизанными волосами. В объектив он смотрел дерзко, слегка задрал подбородок и широко раскрыв глаза. Звали его Эдвард Блейн.

– В прошлом у Блейна мелкие судимости: за кражи и хулиганство, – рассказывал Линч, переворачивая страницу. – На этот раз его обвинили в убийстве подружки.

Тед, выходит, не ошибался: папка и в самом деле была набита похабными фотографиями. На первом же снимке – тело женщины, убитой с особой жестокостью. Она лежала в узкой щели между кроватью и шкафом, на обнаженной груди зияли как минимум семь ножевых ран.

– Ее звали Аманда Эрдман. Они с Блейном встречались не слишком часто: ничего серьезного между ними не было. Он добывал ей дешевые наркотики, время от времени оба задумывались о более серьезных отношениях, но, по словам общих знакомых, только и делали, что ссорились и мирились. Когда женщина была обнаружена мертвой в своей квартире, полиция напрямик направилась к Блейну. Он подтвердил, что поссорился с Эрдман на почве ревности, но не признался, что зарезал ее. Хотите знать, чем все кончилось? Доказательств не нашли. Пришлось его отпустить.

В какой-то момент во время рассказа Тед все же сел. Он не мог оторвать взгляда от фотографий. Линч перевернул страницу. Там были крупные планы: заплывший глаз Аманды, глубокие раны на груди, синяки по всему телу.

– Он невиновен? – спросил Тед в замешательстве.

– Ублюдок проявил осмотрительность: он не бил ее кулаками, да и орудие убийства не было обнаружено. В доме полно следов Блейна, а на теле – ни одного.

– Но ведь он практически признался, когда рассказал о ссоре.

– Защита сослалась на то, что признание дано под давлением, и сумела это доказать. Но по-настоящему его выручила экспертиза времени смерти. Криминалист в протоколе указал, что смерть наступила между семью и десятью вечера. И множество свидетелей заявили, что видели Блейна именно в это время в забегаловке под названием «Черная шляпа». Похоже, он нарочно попадался на глаза всем подряд: у него было около тридцати достоверных свидетельств и даже видеозапись с камеры наблюдения над стоянкой.

Тед стал листать страницы. Там было еще несколько фотографий тела Эрдман и копии документов с подчеркнутыми абзацами.

– Вы уже все поняли, да, Тед?

Тед и в самом деле начал кое-что понимать.

– Откуда вы знаете, что Блейн действительно убил ее?

– Организация, к которой я принадлежу, имеет источники информации в уголовной сфере. Я не преступников имею в виду: с ними мы предпочитаем не связываться. Речь об адвокатах, судьях и технических работниках, которые чувствуют, когда дело об убийстве дурно пахнет. Наша забота... развеять любые сомнения. В случае с Блейном объяснение самое простое: парню откровенно повезло. Мы наняли эксперта, чтобы он ответил на вопрос: как стала возможной такая серьезная ошибка с определением времени смерти. Он ответил, что результаты экспертизы зависят от температуры тела, измеряемой в момент его обнаружения. Известно, с какой скоростью остывает труп, и...

– Знаю, – перебил Тед. – Я тоже смотрю сериалы про криминалистов.

Линч усмехнулся:

– Тогда сразу к делу. Мы изучили место преступления и все поняли. Прямо под квартирой Аманды Эрдман (там, кстати, сейчас никто не живет) расположена прачечная. Главная вентиляционная труба как раз проходит под тем местом, где обнаружили труп. Так что горячий воздух согревал тело, и оно остывало не так быстро, как это бывает обычно.

– То есть он убил ее раньше.

– Вот именно. То ли на шесть, то ли на восемь часов раньше. Смерть наступила не вечером, а около полудня, до того, как Блейн отправился в бар.

– И никак нельзя было опять открыть дело?

– Приговор уже обжалован и подтвержден выше стоящей инстанцией. Мы не в претензии к судебной системе. Время от времени это случается: какому-нибудь подонку удастся просочиться в щели, которые до сих пор не удосужились законопатить. К сожалению, бывают и противоположные случаи. Но одно ведь не уравнивает другого, согласны?

Услышанного Теду было вполне достаточно.

– Вы хотите, чтобы я убил Блейна, так?

Линч сверкнул ровными белоснежными зубами. – Ну я же говорил, что вы умный человек.

Он остановился у холодильника. Магнитом в форме яблока к дверце была прилеплена фотография Холли, единственная, которую он забыл убрать. Девочки вставили ее в рамку из нескольких разноцветных прямоугольников из фольги. Холли выбегала из моря в красном бикини, которое долгие годы было у Теда любимым. Она смеялась, повернувшись в профиль, длинные светлые волосы развевались на ветру. Фотограф застал Холли в тот момент, когда одной ее ноги из-за колена не было видно, так что единственная опора, казалось, удерживала ее, нарушая все законы равновесия.

Фотография висела тут очень давно. Тед смотрел на нее, забыв, зачем, собственно, пришел на кухню. Потом он подцепил фотографию за угол и потянул. Почти как наяву он услышал смех Холли и тут же – ее плач и душераздирающие крики в дверях кабинета... Можно ли так поступить с нею?

Он выдвинул какой-то ящик и положил фотографию поверх каких-то неведомых ему предметов.

В холодильнике остались две бутылки пива. Он подхватил их за горлышки одной рукой, ногой захлопнул дверцу, но остановился, облокотившись о столешницу. Линч все еще сидел в гостиной, и Тед вдруг решил угостить его выпивкой, о чем уже жалел. Надо было поразмыслить в одиночестве. Дело в том, что, когда незнакомец намекнул на свой план, у Теда в груди неприятно защекотало. С одной стороны, самосуд – дело нехорошее, с другой – мир был бы куда лучше без паразитов вроде Блейна. Перспектива стать убийцей Теда не радовала, он вообще выступал против смертной казни – во всяком случае, всегда так говорил, если его спрашивали. Иногда на стрельбище, целясь в движущуюся картонную мишень и мечтая вклеить ей заряд в башку, он воображал, будто расправляется со злодеем, с типом, совершившим какое-то зверство или мерзость. Он кивнул, соглашаясь с собственными мыслями. Линч, если и не был в прямом смысле торговцем, сумел затронуть некие струны в душе Теда и тем самым заставил отнестись к своему предложению серьезно.

Он не сводил глаз с магнитика в форме яблока. Теперь, когда там не было фотографии Холли, можно было хладнокровно все обдумать. Идеи Линча казались соблазнительными, в них было что-то глубокое, что-то важное: если Тед убьет злодея, то Холли с девочками будут считать его

борцом за справедливость, а не трусом.

По пути в гостиную его посетила дикая мысль, что он никого там не обнаружит. Окажется, что Линч ушел, не простившись, или и того хуже: встреча Теду померещилась.

Но Линч был на месте, и перед ним лежали все те же две папки. Он встал, чтобы взять бутылку из рук Теда и кивком поблагодарил его. Потом надолго приложился к горлышку.

– Как вы узнали? – Тед снова сел за стол.

– О самоубийстве?

Тед кивнул.

– У нас свои методы, Тед. Было бы неблагоприятно делиться ими.

– Уж поделись. Таковую-то малость я заслужил, раз ты уговариваешь меня убить человека.

Линч задумался.

– Это означает, что наше предложение принято?

– Это не означает ровным счетом ничего. Пока что я хочу, чтобы ты сказал мне, как вы обо всем узнали.

– Думаю, это справедливо. – Линч сделал еще глоток и поставил бутылку на стол. – Мы отбираем кандидатов двумя способами. Первый дает нам большее их количество, однако он не так эффективен, как второй. К сожалению. Связанные с нашей организацией психологи предоставляют нам информацию о потенциальных самоубийцах. Разумеется, это не совсем этично: они идут на частичное нарушение профессиональной тайны. Однако мы никого не неволим. Просто приходим домой к кандидату, как я к вам, и делаем предложение. Если кандидат его не принимает, исчезаем, не оставляя следа. В вашем случае, вынужден признать, появление мое было более бесцеремонным, чем обычно. Мне показалось... что я опоздал.

– Ты шпионил за мной?

– Не то чтобы шпионил. Перед тем как явиться домой к кандидату, я обычно осматриваю его дом и участок. Хотя в вашем случае мы знали, что супруга и дочери в отъезде, всегда можно нарваться на неожиданно нагрянувшего родственника или друга. Или на собаку, которая терпеть не может гостей. Обходя дом, чтобы убедиться, что все спокойно, я заглянул в окно кабинета и увидел, что вы собираетесь делать.

– Понятно. Значит, все-таки шпионил.

– Простите. Обычно мы стараемся как можно меньше лезть в чужие дела.

– Каков второй способ отбора?

– Ах да. Видите ли, Тед, немало людей испытывают благодарность к

организации, чувствуют, что они в долгу. Многие из тех специалистов, о которых я говорил, также относятся к этой категории. Но в основном речь идет о...

– О тех, кто имеет какое-то отношение к жертвам.

Тед указал на папки.

Линч, похоже, был из тех, кто гораздо уютнее чувствует себя, беседуя намеками, чем называя вещи своими именами. На мгновение на лице у него промелькнула недовольная гримаса.

– Так и есть, – признал он, желая поставить на этой теме точку. – Теперь позвольте объяснить, что в другой папке.

Линч отложил досье Блейна в сторону и раскрыл другую, гораздо более тонкую папку. Поверх прочих бумаг лежала цветная фотография мужчины лет сорока, стоящего на палубе небольшого катера в спасательном жилете и с удочкой в руках, на крючке которой болталась огромная рыба.

– А это кто?

– Его фамилия Уэнделл. Возможно, вы о нем слышали. Известный бизнесмен.

– Не знаю такого.

– Тем лучше.

Тед отодвинул фотографию. Под ней было несколько машинописных страниц и несколько планов местности с адресами. Намного меньше информации, чем в первой папке.

– А бизнесмен-то кого прикончил? Жену?

– У Уэнделла жены нет. И никого он не прикончил. Он не такой, как Блейн. Он – как вы.

Тед удивленно поднял брови.

– Он тоже хотел покончить с собой, – сказал Линч. – И он, как вы, осознает, какую боль и непонимание вызовет это у близких. Ваше дело, Тед, убить Блейна и тем самым принести мир и осознание того, что справедливость восторжествовала, родным Аманды Эрдман, а мы в благодарность позволим вам стать частью цепочки, где Уэнделл – звено, за которым следуете вы.

Тед на минуту задумался. И быстро все понял.

– Убив Блейна, я потом должен убить и Уэнделла?

– Совершенно верно. Он уже знает об этом и ждет вас. Так же, как вы потом дождетесь здесь у себя дома появления очередного звена цепочки. Подумайте, Тед. Подумайте, насколько легче будет вашим родным, если они обнаружат, что кто-то вломился в дом и застрелил вас, чем если вы

покончите...

– Не продолжай.

– Знаю, вы уже обо всем подумали, – сказал Линч, не обращая внимания на просьбу Теда. – Например, о том, что застрелиться лучше, чем пропасть без вести. Но теперь вам предоставляется наилучшая из всех возможностей: остаться в памяти жертвой преступника, жертвой слепой судьбы. Подумайте, насколько легче вашим дочерям будет пережить это. Не знаю, известно ли вам, что многие дети так никогда и не могут оправиться от...

– Хватит! Я все понял.

– Так что вы скажете?

– Мне надо подумать. Уэнделл ни в чем не виновен.

– Послушайте, Тед! Я с вами не с первым беседую. Поверьте. Дело не только выгодно для вас, но и для Уэнделла, который ждет в доме у озера, чтобы исполнилась его последняя воля.

– Почему бы вам не взять это на себя?

Линч не был обескуражен. Его улыбка убедительно подтверждала, что он и в самом деле вел подобную беседу далеко не в первый раз. Ни один вопрос не ставил его в тупик. У него, как у сотрудника колл-центра торговой фирмы, казалось, была шпаргалка на все случаи жизни.

– Мы в этой истории – «хорошие парни». Тот, кто убивает, по нашему мнению, должен умереть. Мы всего лишь устанавливаем связь между людьми, ухитрившимися обмануть правосудие, и теми, кто готов отдать жизнь за правое дело. Мы выбрали вас. Это ваш шанс. Боюсь, что последний.

Тед опустил глаза. Из кармана брюк выглядывал краешек записки, которую он нашел на письменном столе и сам не помнил, как сунул в карман. Он вытащил ее и развернул под столом – так, чтобы Линч ее не видел. Тот сидел и ждал окончательного ответа.

ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС, прочел Тед.

Линч только что произнес практически те же слова.

Эдвард Блейн был одинок и жил в районе, населенном людьми среднего достатка. Соседи терпеть его не могли. Он был неприветлив, занимался какими-то тайными делишками, так что отношения с соседями постепенно портились и в конце концов стали и вовсе натянутыми и едва выносимыми. Блейн был настоящим подонком, и хуже всего, что сам этим чуть ли не гордился, судя по тому, как нахально сверкал он очками с зеркальными стеклами и самодовольно ухмылялся каждому встречному. С ним пытались поговорить по-хорошему, пытались пригрозить, но без толку. Словно трудный подросток – а между тем ему уже перевалило за тридцать, – он хамил любому, кто подходил к нему с добром, желая хоть как-то договориться. Блейн упорно пренебрегал нормами общежития: запустил сад, дурно обращался со своим псом, грозным ротвейлером по кличке Магнус, долгими часами сидящим на цепи и встречающим оглушительным лаем всякого, кто проходил мимо. Добавьте к этому пьянки с друзьями, оглушительную музыку, грохот мотоцикла... Стоит ли говорить, что Блейн часто возвращался домой пьяным или под кайфом, приводил с собой проституток, которых потом полуголыми выставлял на улицу, и они в таком виде топтались на тротуаре, ожидая такси.

Когда стало известно, что Блейна обвиняют в убийстве, многие обрадовались и даже вызвались заявить в суде о непотребном поведении своего ныне знаменитого соседа. Некоторые сокрушались, что Блейн замочил подружку у нее, а не у себя дома: тут нашлись бы неопровержимые свидетельства, а то и очевидцы, так что он уж точно загремел бы в тюрьму на несколько лет. Никто не сомневался, что бедную девушку именно Блейн и убил. Соседи заранее ликовали, потому что были абсолютно уверены: Блейн предстанет перед судом, и его признают виновным в гибели Аманды Эрдман. Мечты сбываются.

Да вот только прокурору пришлось отпустить Блейна. Железобетонное алиби. Несколько человек видели сукина сына в каком-то баре как раз в час, когда произошло убийство. И записи с нескольких камер наружного наблюдения подтверждали, что Блейн не мог быть убийцей. Соседей, понятное дело, это не убеждало. Они в толк не могли взять, как подлецу удалось обвести правосудие вокруг пальца. Может, у него был брат-близнец или что-то в этом роде. Как бы то ни было, ему удалось выйти сухим из воды. Теперь приходилось жить по соседству не с мелкой шпаной,

а аж с убийцей. Многие задумывались о переезде.

Тед внимательно изучил оставленное ему Линчем досье, жуя гамбургер за самым дальним столом какого-то фастфуда. Об Эдварде Блейне никто не пожалеет, думал он. Можно было смело входить в дом с парадного крыльца: соседи не сдадут. Тед постарался запомнить все, что могло пригодиться. Например, то, что типчик прячет под половиком дубликат ключа. А собака? Собака – не помеха.

Кусая гамбургер, он составил в уме простой план. Ему удалось – как ни странно – отвлечься от собственных проблем, глотая кока-колу и закусывая горстями жареной картошки. Фотографии Аманды Эрдман и кое-какие мерзкие подробности из жизни Блейна вызвали у Теда настоящее желание убить его. Наконец он понял, что имел в виду Линч под щелями в системе правосудия. Мысль о том, что его миссия – исправить роковую ошибку, придавала Теду сил.

Он спрятался в шкафу в гостевой спальне на нижнем этаже, удобно устроившись между коробками, для чего пришлось их слегка передвинуть. Над его головой с нижней стороны полки поблескивала наклейка с изображением звездного рейнджера Базза Лайтера из «Истории игрушек». Тед представил себе ребенка, который наклеил светящуюся картинку на полку, чтобы закрываться в шкафу, как он сам в эти минуты, и смотреть, как она сверкает. Ему взгрустнулось и стало жаль старину Базза, брошенного хозяином и вынужденного сиять в одиночестве.

Блейн вернулся только через четыре часа. Тед заранее запомнил расположение комнат и теперь мог мысленно отследить все перемещения Блейна. Вот он входит в дом через гараж, болтая по телефону и посмеиваясь. Потом принимает душ. Не исключено, что снова уйдет куда-то на ночь глядя, но ничего, Тед его дождется. Он уже просидел в шкафу несколько часов и мог сидеть еще сколь угодно долго, то засыпая, то просыпаясь.

Тед снова прокрутил в голове свой скучный план, способный разочаровать любого голливудского продюсера. В нем не было ни драк, ни гневных объяснений, ни угроз. Дождаться, когда Блейн уснет, вылезти из шкафа, зайти к нему в спальню и убить так, чтобы тот не успел толком проснуться. Даже милосердно, черт побери.

В половине десятого – Тед узнавал время, глядя на экран своего мобильного, – Блейн смотрел в гостиной телевизор, возможно одновременно ужиная и время от времени отпуская ругательства в адрес бестолкового участника какой-то глупой викторины. Перспектива была неясна. Блейн с равным успехом мог отправиться на гулянку, и тогда

ожидание грозило стать бесконечным, мог принять гостей у себя дома, а мог, как паинька, лечь спать в детское время. Однако одна деталь грозила сорвать весь план. Тед понял это раньше самого Блейна и тут же насторожился, прислушался, пытаясь уловить посторонний звук за фонограммой аплодисментов и визгливым голосом ведущего. Магнус в саду перед домом жалобно скулил. Тед досадливо поморщился и покачал головой. Дозы снотворного, которое он скормил псу, оказалось недостаточно.

Телевизор внезапно смолк. После долгой паузы скрипнула, открываясь, входная дверь и захлопнулась снова. Блейн говорил с кем-то по телефону, но так тихо, что из шкафа ничего невозможно было разобрать. Он бродил по гостиной, потом голос с каждой минутой стал делаться все яснее, слова все разборчивее, и тут случилось неожиданное: он вошел в гостевую спальню, ту самую, где спрятался Тед. Зажег свет и захлопнул дверь. Тед держал дверцу шкафа чуть приоткрытой, и теперь закрыть ее так, чтобы не привлечь внимания, было невозможно. Он видел, как Блейн нервно вышагивает по другую сторону кровати, прислушиваясь к тому, что говорит ему невидимый собеседник.

– Я об этом и толкую, Тони, Магнуса чем-то накачали. Он едва шевелится. Что-то с ним сделали. Если это соседи-ублюдки, я с ними разберусь... А?.. Что?.. Нет, я этого не сделал.

Блейн остановился, сел на кровать спиной к шкафу и заговорил тише:

– Да, ты прав, Тони. Сейчас все осматриваю. Конечно. Перезвоню позже. Пока.

Он вышел из комнаты, не погасив света.

Дважды Тед видел, как Блейн крался мимо по коридору. Во второй раз Теду показалось, что в правой руке Блейна что-то блеснуло. Его появление в гостевой спальне было вопросом времени. Тед вытащил из кармана куртки нож, которым собирался зарезать спящего Блейна. Око за око.

Десять минут спустя Блейн появился в проеме двери. В руках у него действительно было оружие. На мгновение Теду показалось, что его засекли, что Блейн смотрит прямо на шкаф и видит приоткрытую дверцу. Но, войдя в комнату, Блейн опять сел спиной к шкафу, взял и поднес к уху оставленный на кровати телефон.

– Тони, привет. Всё на месте. Да, я как раз об этом. Завтра буду разбираться, кто из соседей траванул Магнуса. Но это завтра: я засыпаю на ходу... двое суток без сна... Это – конечно... ну я же тебе сказал. Не беспокойся. Пока, Тони.

Он вышел. На этот раз потушив свет.

Тед не стал снова прятать нож. Вдруг это ловушка? Почему Блейн не заглянул в шкаф? Пришлось выждать полчаса, чтобы убедиться, что хозяин дома уснул.

Тед медленно-медленно открыл дверцу шкафа, прошел через гостевую комнату, потом через гостиную к лестнице. В слабом свете с улицы он едва различал очертания предметов. Магнус больше не скулил, и по Игл-стрит в этот час не проезжала ни одна машина. Стоило споткнуться, задеть что-нибудь – и Блейн тут же заподозрит неладное. Тед поднялся по лестнице, стараясь ставить ноги на ступени как можно ближе к стене. Доски не заскрипели – не выдали его. Самое трудное позади, подумал он, – весь второй этаж устлан коврами.

К спальне Блейна вел узкий коридор. Заглянув в дверь, Тед разглядел очертания тела под белой простыней. Тусклый свет из окна позволял пройти по комнате, не рискуя ни на что наткнуться. Он сжал нож в кулаке и замахнулся, как вдруг...

– Одно движение – и в твоей голове дыра, – послышалось из-за спины.

Ствол пистолета упирался Теду в затылок, яркая лампа слепила. По мере того как глаза привыкали к освещению, фигура Блейна на кровати постепенно превращалась в подушку.

Не упусти случай: обернись и метни в него нож. Если он прострелит тебе башку, то разве не к этому ты стремишься? Не все ли равно твоему мозгу, чья пуля его протаранит?

В кармане брюк лежала записка с письменного стола: **ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС.**

– Разожми кулак и выпусти нож, – сказал Блейн. – Молодец. Не поворачивайся и подними руки.

Похоже было, что без диалога в голливудском духе дело таки не обойдется.

Тед не волновался. Блейн не выстрелил сразу, это был верный знак, что он пребывает в сомнениях: должно быть, мысленно спрашивал сам себя: кто же это надумал меня убить? К тому же, ясное дело, меньше всего ему сейчас в доме был нужен труп, не говоря уже о том, что выстрел привлек бы внимание соседей. Тед удивился, насколько много всего он успел обдумать, будто в самой что ни на есть спокойной обстановке. Он чувствовал себя супергероем. И так хладнокровно рассуждая, он понял, что не хочет пасть от руки этого подонка. Было что-то непристойное в том, чтобы убийцей его оказался Блейн. Именно в этот момент, ощущая спиной дуло пистолета и чувствуя себя абсолютно беззащитным, он наконец отчетливо это понял. Одно дело принять предложение Линча и умереть от

рук незнакомца затем, чтобы по возможности облегчить страдания родных, но Блейн? А может, инстинкт самосохранения сработал. Кто его знает?

– Ты заметил меня, да? – спросил уверенным тоном Тед. – Когда ты вошел в комнату и говорил по телефону... тогда ты меня и заметил.

– Кто тебя подослал?

– Почему ты думаешь, что меня подослали?

– Если тебя никто не нанимал, скажи прямо, и твоя жизнь кончена. Если скажешь, кто тебя нанял, проживешь чуть дольше. Так или иначе, живым тебе отсюда не уйти.

– Нет, на такие условия я не согласен.

Тед начал очень-очень медленно оборачиваться.

– Я сказал, не вертись!

Тед замер.

– Извини, но мне важно, чтобы ты увидел мое лицо. Мы с тобой знакомы.

Блейн заколебался.

– По голосу я тебя не узнаю.

– Естественно. Как только помотришь мне в лицо, все поймешь.

Поверь.

Рыба клюнула. Осталось только подсечь и вытащить. Блейн был заинтригован, теперь он сосредоточится на лице Теда, будет занят решением неразрешимой задачи.

– Ладно, – сказал Блейн. – Оборачивайся. Медленно! И не опускай рук.

Тед начал медленно-медленно поворачиваться. Рассчитал точно тот момент, когда глаза Блейна и обе поднятых руки окажутся на одной линии. Элементарный трюк. Блейн не сводил глаз с головы Теда, которая отнюдь не случайно поворачивалась несколько медленнее, чем тело. В одно мгновение Тед обернулся и одновременно рукой, невидимой в это время Блейну, выхватил из кармана пиджака браунинг. Блейн угадал, в чем дело, когда Тед окончательно повернулся к нему и без колебаний выстрелил из браунинга, держа его на уровне груди. Стрелять, не прицелившись, согнутой рукой и снизу, было неудобно, тем не менее Тед умудрился всадить пулю Блейну точно посреди лба. Звук выстрела взорвал тишину. «А ведь эту пулю я готовил для себя», – подумал Тед, глядя на оседающее, как брошенная марионетка, тело Блейна.

Достав из кармана фотографию Аманды Эрдман, Тед положил ее на грудь Блейна и замер, не в силах отвести от него глаз. Блейн умер не сразу: он несколько раз дернулся и наконец застыл.

Шум в гостиной заставил Теда насторожиться. Хотя он и не был

уверен, что действительно что-то слышал, но на всякий случай спрятал браунинг и поднял с пола нож. Прошел по коридору до перил и осторожно наклонился, чтобы сверху осмотреть всю гостиную. То, что он увидел, показалось таким странным, что тут же пропало желание прятаться. В центре гостиной стоял худощавый чернокожий в серых брюках и белом халате. Он смотрел на Теда так, как будто заранее ждал его появления. И нагло улыбался.

– Салют, Тед, – пророкотал он басом и приветственно помахал розовой ладонью.

То, что незнакомец знал его имя, не особо удивило Теда. Похоже, это в последнее время стало обычным делом для незнакомцев.

Тед спустился по лестнице, не сводя взгляда с этого типа.

– Вы работаете на них? – спросил он, спустившись, и облокотился о перила, держа браунинг в кармане. Почему-то ему показалось, что этот человек не опасен.

Снаружи не слышно было никакого движения. Хотя полиция, конечно, еще не успела бы приехать. Магнус наконец почувял, что в доме чужие: он снова время от времени поскуливал. Понимал ли он, что его хозяин мертв? Мог ли учуять кровь на таком расстоянии? Вполне возможно. С явным усилием пес коротко загавкал.

– Кто вы, черт побери?

Незнакомец улыбнулся:

– Я Роджер, Тед.

– Какой еще Роджер? Просто Роджер? Другой хоть по фамилии назвался. – Тед потер лоб тыльной стороной свободной ладони. – Слушайте, не знаю, что вы здесь делаете, но полиция явится с минуты на минуту. Там наверху труп, а снаружи не вполне вменяемый ротвейлер. Лично я сматываюсь.

Улыбка Роджера стала чуть ли не отеческой.

– Вы что, не расслышали? – упорствовал Тед.

– Почему бы нам не побеседовать вон в той комнате?

Тед глянул на него растерянно. Что этот тип здесь делает? Для чего этот идиотский контроль?

– Вы с ума сошли? Или не слышали выстрела?

– Это был Блейн, не так ли? – проговорил тип, будто читая с экрана сообщение компьютерной программы.

– Да. Кто ж еще?

– Ты его застрелил?

Этот субъект должен был слышать выстрел. Тед не ответил.

– Повезло, что у тебя пистолет был с собой, – заключил Роджер.

– Стоит быть готовым... ко всяким неожиданностям.

Тед никак не мог понять, почему сразу не ушел. Было что-то в манере этого субъекта говорить... Что-то убаюкивающее.

– И перчатки надел, – произнес Роджер, указывая на руки Теда. – Нож и пистолет на всякий случай. А псу подсыпал снотворного?

Роджер кивал восхищенно и одобрительно.

– А что, по-вашему, я и его должен был убить? – возмутился Тед.

– И в этот раз ты оставил на трупе фотографию?

В этот раз?

– Да, – смиренно ответил Тед. Что толку гадать, следил ли за ним этот тип или у него был магический кристалл. – Если вы не против, мистер Роджер, я пойду. Не возражаете? Я бы на вашем месте последовал моему примеру.

Тед направился к двери. Но нечто необычное привлекло его внимание. Через маленькое окошко он заметил, как какой-то человек выбегает из сада и несется во всю прыть к машине. Тут он попал под свет фонаря, и стала отчетливо видна полосатая футболка. Это был Линч.

Машина тут же рванула с места.

К чему этот тщательный контроль?

Тед молча обернулся к Роджеру, всем своим видом требуя объяснений. Чернокожий пожал плечами.

Опоссуму вздумалось грызть ампутированную конечность не где-нибудь, а на садовом столике. Он так трясся от удовольствия, что лампочка над террасой среагировала на его движение. В конусе света отвратительная сцена была ясно видна из дома.

Тед стоял за стеклянной дверью. Он с изумлением наблюдал, как опоссум вонзает остроконечные зубы в мертвую плоть, равнодушно уставившись в пространство своими кукольными глазами. Как он рвет розовую кожу Холли. Тед абсолютно точно знал, что это нога его жены. Пальцы – распухшие кровавые вишни, неровная линия разреза ниже колена, растрепанный клубок сосудов и связок, обломок кости. Но он все равно знал. Ему не требовались для опознания ни родинка, ни особый шрам. Он столько раз ласкал, целовал эту ногу, столько раз обувал ее, что узнал бы где и когда угодно, даже во сне. Этот ублюдок опоссум жевал ногу Холли! Тед стукнул по стеклу ладонью. Опоссум на мгновение обернулся, глянул на фигуру за стеклом, но, похоже, не счел ее опасной. Лиловая полоса вокруг его пасти напоминала гротескный макияж. Удовлетворив любопытство, опоссум снова принялся за ногу. Тед опять ударил по стеклу, на этот раз зверь никак не прореагировал.

И тут послышался плеск волн. Атлантический океан был в нескольких километрах от дома, но это не имело значения. Тед протянул руку и щелкнул выключателем, зажигая фонари в глубине сада. Стало видно, что море и в самом деле подступило к самому дому. Поросший деревьями пологий склон, которым он любовался каждое утро, читая бизнес-раздел газеты, исчез, и на его месте редела и хохотала пенистая водяная масса. На поросшем геранью песчаном берегу неподвижно, будто восковая фигура, стояла Холли. Опоссум выгрыз ей довольно большой кусок икры, оставив на виду закругленный конец гладкой кости. На Холли было красное бикини, которое Тед любил больше всего, руки она раскинула в стороны и сама наклонилась немного влево. Волосы распластались горизонтально, словно их поддерживали невидимые руки. На лице было написано ликование, хотя на месте одной ноги маячило нечто призрачное.

Тед отворил стеклянную дверь. Опоссум отступил к дальнему краю стола. Теперь, похоже, присутствие Теда начало его беспокоить, однако не настолько, чтобы бросить пищу. Он присел и оскалил зубы, готовый в случае чего убежать. Тед сделал резкое движение – никакого толку. Тогда

он начал искать вокруг, чем можно запустить в зверя. Рядом с мангалом валялась деревянная коробка, которую он сразу же узнал, и, хотя с детства ее не видел, его совсем не удивило, что она оказалась здесь, в доме, где он поселился взрослым. Тед подошел и взял ее бережно, словно реликвию. В каком-то смысле она и была реликвией. Черные и белые квадраты были нарисованы на крышке и на дне коробки, так что, когда ее открывали, получалась нормальная шахматная доска. Внутри для каждой фигуры было особое углубление, оклеенное зеленым бархатом. Тед взял слона и с размаху швырнул его. Но промазал. Как он умудрился не попасть в вонючего зверька всего с двух метров? Тед взял другую фигуру и сделал вторую попытку. На этот раз бросок получился гораздо сильнее, чем нужно. И снова промах. Что-то было будто бы не так, странно как-то. Снаряды чертили в воздухе немислимые кривые, казалось, с единственной целью: обогнуть в полете опоссума за миг до столкновения. Но Тед не сдавался. Он все метал и метал фигуры одну за другой, как одержимый. Опоссум, должно быть, понял, что фундаментальные устои физики сдвинулись в его пользу: он тяжело переполз обратно на середину стола и продолжил трапезу. Толстый белый хвост змеей извивался позади пушистого тела. Тед сделал около сотни бросков – и все впустую, – когда наконец отчаялся и выпустил из рук коробку. Она упала у его ног, и он, опустив глаза, увидел, что все фигуры на месте.

Тед перевел взгляд на Холли. Хотелось сказать ей, что, мол, очень жаль, но он сделал все возможное, чтобы вернуть ей ногу. Однако что же он за муж, если не в состоянии удовлетворить нужды собственной семьи? От стыда и досады он чуть не плакал, но тут до него дошло, что есть еще один выход. И как же он раньше не додумался! Правая рука начала тяжелеть, и он почувствовал, что сжимает рукоятку браунинга. Поднес пистолет к глазам и зачарованно уставился на него. Медленным, поэтически размеренным жестом, держа пистолет в обеих руках, он прицелился в опоссума, упиваясь последними мгновениями перед выстрелом. Зверь поднял голову, будто чуя близкий конец. Пуля попала ему прямо в хребтину, и он взорвался, как воздушный шарик, начиненный кровью и потрохами. Тед отбросил пистолет и пошел к столу, не сводя глаз с ноги Холли. Взял ее двумя руками, как держал бы хирург предназначенный для трансплантации орган. Теперь, когда можно было рассмотреть ногу вблизи, Тед заметил, что из обрезанного конца ее, как он и предполагал, торчит болт с резьбой. Все будет хорошо, подумал он. Надо только подойти к Холли, привинтить ногу на место, и он снова хороший муж.

Тед сошел по двум ступенькам террасы и поднял глаза. Холли была все

там же, но теперь между ним и ею в воздухе витала огромная блестящая желтая рамка. Нижняя часть рамки была сантиметрах в пятидесяти над землей, и Тед понимал, что может легко перебраться через нее, но все же остановился на секунду, прежде чем это сделать. Море волновалось метрах в десяти, за спиной у Холли, обнять ее и вернуть ей ногу хотелось нестерпимо. Он поднял собственную ногу и перешагнул нижнюю перекладину рамки. На мгновение мелькнула нелепая мысль, что он не сможет этого сделать, но у него получилось. Он знал, что главное – не задеть ее, тогда все будет в порядке. Преодолев первую рамку, он увидел перед собой другую, на этот раз зеленую, и повторил операцию. Поднял глаза и опять увидел, что Холли в той же позе в десяти метрах ждет его, а между ними новая рамка, красная, и еще одна, фиолетовая. Тед перешагивал их уже не глядя, почти автоматически, не сводя глаз с Холли, еще одна, желтая, теперь голубая, «я иду, любимая», десять метров, черная как ночь рамка, «Холли»... Тед уже не шел, а бежал, скача через рамки, одна за другой возникавшие на его пути, как чемпион по бегу с препятствиями, не останавливаясь, Холли, не останавливаясь, Холли...

Последняя рамка проглотила его, и он с криком очнулся где-то совсем в другом месте.

На диване.

Тед вскочил. В испуге схватился за ногу. На месте. Неужели ему приснилось, что у него нет ноги? Сон постепенно выветривался. Он уставился в темноту, потом заметил на себе помятую майку и неудобные джинсы. Встал и, сам не зная зачем, подошел к застекленной двери, что выходила на боковую сторону дома. Там он стоял довольно долго, разглядывая холм, очертания которого таяли в ночи. Он прислонился к стеклу, снаружи сработали датчики движения, и над столом и стульями зажегся свет. Теду привиделась жуткая картина: отрезанная женская нога. Может, во сне у Холли не было ноги? Он улыбнулся и постарался запомнить это, чтобы обсудить с нею вечером. Спросил себя, который час. Наверняка еще нет семи, ведь не рассвело, подумал он. Машинально взглянул на запястье, но часов не было.

И тут память как стрела пронзила милосердную завесу забвения, которую пытался задернуть рассудок. Тед бросил быстрый взгляд на основание мангала. Коробки с шахматами там уже не было, но помнил он ее даже слишком отчетливо. Хотя только что ему привиделся кошмарный сон, в котором у Холли не было ноги, именно от мысли о коробке с шахматами в жилах застыла кровь.

Раз уход в мир иной откладывался, стоило продолжать жить, как ни в чем не бывало следовать повседневной рутине, которая включала и очередной визит к психотерапевту Лоре Хилл. И это в каком-то смысле даже радовало: с нею у него сложились прекрасные отношения. То, что поначалу казалось обязаловкой, предписанием лечащего врача, превратилось со временем чуть ли не в удовольствие. Сам он никогда не обратился бы к психотерапевту, если бы на этом не настоял Кармайкл, но врачу удалось уговорить его. «Когда узнаешь о себе такое, приходится учиться держать себя в руках», – вот его точные слова. Тед перевел их так: *Человек с неоперабельной опухолью рано или поздно задумается о том, чтобы вышибить себе мозги.* И в этом доктор Кармайкл не ошибался.

Строго говоря, опухоль не была неоперабельной, ее можно было удалить с такой же вероятностью, как попасть баскетбольным мячом в корзину с тридцати метров. Доктор Кармайкл не воспользовался этой метафорой: ему важно было, чтобы пациент не терял надежды, однако Тед, по натуре аналитик и прагматик, быстро расставил в уме все по полочкам. Решать, разумеется, предстояло ему, он мог рискнуть и согласиться на операцию, ожидая чуда, или оставить все как есть. Долго раздумывать не пришлось. Решение было из тех, что он принял заранее, задолго до того, как начались головные боли или стали известны результаты обследования, о которых Кармайкл сообщил ему особым тоном, тем, которым сообщают только самые обескураживающие новости. Возможно, решил все Тед еще несколько десятков лет назад, увидев, как в финале фильма «Пролетая над гнездом кукушки» Джек мотает головой, будто марионетка, оставшаяся без хозяина, а может, и в другой раз, какая разница когда. Последние месяцы он проживет достойно. И если и согласился на первый сеанс с доктором Хилл, то только для того, чтобы Кармайкл верил: все идет так, как задумано. Оно и шло как задумано, но не лечащим врачом, а Тедом, ибо Кармайкл был из тех медиков, что растягивают жизнь пациента до самого последнего мгновения. И не важно, с тридцати, или со ста, или с тысячи метров приходится кидать мяч в корзину.

На вид Лоре Хилл было чуть больше двадцати. Увидев ее впервые, Тед проникся жалостью к девчужке, скорее всего делающей первые шаги в профессии, в больших очках в прямоугольной оправе и с собранными на затылке волосами, сдержанной и обходительной. Как будто играет в

психотерапевта, подумал Тед, которому еще предстояло удивиться, что на самом деле ей перевалило за тридцать. Сколько ей точно лет, он не знал: она не признавалась.

В ту первую встречу ей удалось обезоружить его очарованием юности, невинным видом и искренностью. Теда соблазнила перспектива обходить ловушки, которые расставляла Лора на каждом сеансе, ведь с нею – как и с Кармайклом – он не собирался обсуждать планы самоубийства, занимавшие все его мысли.

– Здравствуй, Тед, – сказала Лора. – Выходит, морское путешествие с компаньоном так и не состоялось.

– Выходит так. Спасибо, что согласилась меня принять.

– Жаль, что рыбалка сорвалась. – Медные волосы Лоры были собраны в пучок. – Как ты себя чувствуешь?

Вчера я убил человека. Пришел к нему домой, дождался его, закрывшись в шкафу, а потом прикончил. И никто на свете о нем не пожалеет.

Он попробовал эти фразы на вкус. Представил, как изменилось бы лицо Лоры Хилл, если бы он сказал нечто подобное. По правде говоря, он сам не свикся еще с мыслью о том, что способен убить человека, да еще и не без удовольствия.

– Вчера мне опять приснился кошмар, – сказал Тед. О кошмарах он рассказывал часто, потому что не видел в них никакого смысла, к тому же эти рассказы помогали увести разговор в сторону от того, что могло бы его выдать. – На этот раз показывали что-то новенькое.

У единственного окна стоял письменный стол, за который во время сеансов Лора почти никогда не садилась. На этот раз она расположилась в кресле напротив Теда. Между ними стоял журнальный столик, совершенно пустой, если не считать пластикового стакана с водой. Тед никогда не пил из него.

– Расскажи мне сон.

– Я был у себя дома в гостиной, смотрел сквозь стекло на веранду. На столе сидел опоссум и жрал ногу Холли. Холли там не было, только нога, но я знал, что это нога Холли. Я тут же вышел и стал искать, чем бы запустить в опоссума, чем бы его спугнуть. И вот тогда увидел на полу коробку, которую тут же узнал. Это были мои шахматы.

Если бы психолог имела привычку делать во время сеанса пометки в блокноте, сейчас ее рука непременно потянулась бы к карандашу, настолько серьезным и значительным тоном произнес Тед эту фразу. Но Лора никогда не делала записей, у нее была феноменальная память.

– Я начал швырять фигуры в зверя, но так и не попал, – продолжил Тед, – он как-то непонятно от них уворачивался, а фигуры никак не кончались. Тогда я заметил Холли в саду, и, кажется, позади нее было море. Правда ведь забавно: чего только человек во сне не выдумает?

Тед не упомянул о том, как он разнес опоссума в клочья выстрелом из браунинга. Ведь точно так же, не вмешайся Линч, он чуть не распорядился собственным черепом. Подробности вроде этой лучше оставлять при себе.

– Ты не убил опоссума? – спросила Лора, в который раз демонстрируя фантастическую интуицию.

– Нет.

Она кивнула.

– Когда ты в последний раз видел во сне что-то связанное с шахматами?

– Никогда.

Она задумалась, подыскивая слова.

– Тед, нам надо поговорить о том, что случилось в те годы. Ты должен объяснить мне, почему мальчик с выдающимися способностями к шахматам вдруг резко их бросает. Ты так и не вернулся к игре?

– Нет, всерьез никогда. Я научил дочек и сыграл с ними несколько партий, но теперь они справляются без меня.

– Скажи, почему же ты бросил?

Лора поднимала эту тему не впервые. На прошлых сеансах в подобных случаях Тед оказывал слабое сопротивление, и она отступалась. Но в принципе его не так уж пугал разговор о тех временах. Он поудобнее устроился в кресле и начал рассказ:

– Играть меня научил отец. В семь лет я уже обыгрывал его запросто. Тогда он отвез меня в свой родной город Виндзор-Локс к одному старику, который в прошлом славился как отличный шахматист. – Тед помолчал. Воспоминание о наставнике, возможно единственном в жизни взрослом, которым он восхищался и которого уважал, отозвалось в нем грустью и болью. – Его фамилия была Миллер. По-моему, я о нем уже как-то упоминал. Когда я впервые увидел его, он показался мне древним стариком: волосы с проседью, длинные, ниже ушей, лицо все в морщинах. В тот раз мы мало говорили. Просто сели за шахматный столик, который стоял у него в гараже (он там давал уроки местным мальчишкам), и стали играть, а отец наблюдал за нами. Мы сделали не больше двадцати ходов, как вдруг Миллер встал, отвел моего отца в сторону, и они о чем-то заговорили. Я сидел и ждал. Думал, Миллер скажет, что я ни на что не гожусь, мы вернемся домой, и все на этом кончится. Однако следующие

восемь лет, до того, как мне исполнилось пятнадцать, я ездил к нему по два-три раза в неделю.

– Это с ним вы завели ритуал с подковой?

Тед не помнил, чтобы говорил хоть слово о подкове. Еще одно тревожное напоминание об архиве немислимых размеров, хранящемся в голове у психотерапевта.

– Да. Миллер стал моим тренером. Мы часами разбирали варианты на нескольких досках одновременно.

Лора сморщила губы.

– Боюсь, моих познаний в шахматах явно недостаточно.

– Есть множество дебютов (это первые 10–15 ходов каждой партии), некоторые из них названы именами шахматистов, благодаря которым стали популярны. Есть также варианты, то есть различные продолжения этих дебютов. Скажем так: есть главная дорога и несколько ответвлений. Каждый дебют и вариант изучен и теперь используется для подготовки шахматистов. Шахматы – не только логическая игра. В них огромную роль играет память. С Миллером мы воссоздавали известные партии, разбирая каждый ход. Не забывай, что я был ребенком, и, хотя обожал шахматы, на месте мне не сиделось. Миллеру приходилось выдумывать, чем меня увлечь. Он рассказывал о шахматистах, о знаменитых партиях. Так я узнал от него о третьем матче на звание чемпиона мира, который прошел в Буэнос-Айресе в 1927 году. Кубинец Рауль Капабланка играл с русским Александром Алехиным. Миллер был буквально очарован этими партиями и заразил своим восторгом меня. Капабланка, чемпион, считался непобедимым, он был гением, совершившим революцию в шахматах. Алехин, претендент, скрупулезный, вдумчивый, по мнению многих едва ли мог рассчитывать на победу. Я не слишком размазываю?

– Нисколько. Мне нравится наблюдать, как тот юношеский энтузиазм вдохновляет тебя сегодня. Продолжай. Я хочу узнать, чем кончился поединок гения с методичным профессионалом. Признаться, в первый раз об этом слышу. Выходит, я полная невежда?

Тед засмеялся:

– Ну что ты! Мы ведь говорим о шахматах, к тому же дело было аж в 1927 году. Тогда, кстати, еще не существовало четких правил борьбы за мировое первенство. Соперники договорились, что первый, кто выиграет шесть партий, станет чемпионом. Но в шахматах часто случается ничья, так что до шести побед им предстояло сыграть очень много партий. В результате их оказалось тридцать четыре. Они играли три дня подряд!

– И кто же победил?

– Ко всеобщему удивлению, Алехин, претендент. Отношения между двумя шахматистами всегда были натянутыми, а тут и вовсе испортились. Алехин никогда больше не соглашался играть с Капабланкой за звание чемпиона и через десять лет умер. Результат матча удивил всех, и вот тут-то на сцене появляется знаменитая подкова. Говорят, едва приехав в Буэнос-Айрес, Алехин нашел на улице подкову. Он был очень суеверен и знал, что подкова – к удаче. Так он сказал жене, которая приехала на чемпионат с ним вместе, и решил сохранить находку как амулет на счастье. Купил газету и аккуратно завернул подкову. Жене сказал: «Она тут меня дожидалась».

Глаза Теда затуманились. Он невольно увлекся собственным рассказом. Историю эту он слышал от Миллера тысячу раз. Наставник добавлял все новые подробности. У него был даже альбом с вырезками из аргентинских газет того времени, каждую из которых он снабдил переводом, записав его своим мелким каллиграфическим почерком.

– У Миллера на стене в гараже висела подкова, – проговорил Тед, устремив взгляд в пространство, как будто в самом деле видел ее в этот миг. – Он говорил, что подкова – та самая, которую Алехин нашел в Буэнос-Айресе, и что он приобрел ее на каком-то аукционе. Когда я начал ездить на крупные соревнования, мы каждый раз снимали подкову со стены, заворачивали в газету и брали с собой. Отвозил нас на турниры отец на своей машине, но даже он не знал, что мы везем подкову. Это был наш с Миллером секрет, только наш и больше ничей. На соревнованиях я выступал довольно удачно. Возвратившись, мы вешали подкову на место, такой у нас был ритуал.

– Ты говоришь о Миллере с гордостью. Видимо, он был для тебя очень важным человеком.

– Еще бы. Все те годы отец возил меня к нему домой на машине, а это примерно час езды. Я проводил с Миллером три часа, и они пролетали, как одно мгновение. Отец мой был коммивояжером, так что он в это время чем-то торговал в окрестностях. Дома не все было благополучно: психическое расстройство матери обострялось, они с отцом постоянно ссорились, и это становилось невыносимым. Виндзор-Локс оказался для меня во всех смыслах отдушиной.

– И что же случилось в конце концов с Миллером?

– Когда мы познакомились, ему было лет семьдесят или около того. То есть через восемь лет дело шло уже к восьмидесяти. Мне было пятнадцать, и шахматы оказались единственным средством, способным усмирить мой буйный нрав. За воротами гаража Миллера я был импульсивным и дерзким

подростком. Не знаю, как долго это могло продолжаться, ведь, по сути, во мне невероятным образом уживались два разных человека. Я был юным бунтарем, ненавидевшим родителей (я тогда практически не разговаривал с отцом, плохо учился в школе, всем дерзил и перечил), но в то же время оставался тем самым мальчиком, которому так нравилось проводить вечера с Миллером, слушать его истории, разбирать шахматные партии.

Тед замолчал. Даже с Холли он столько не разговаривал о Миллере и тем более не раскрывал того, о чем сейчас собирался рассказать. Он непроизвольно сглотнул.

– В день смерти Миллера я был у него. Раз или два в месяц мы играли друг с другом, это постепенно стало у нас традицией. Была как раз его очередь ходить. Обдумывая ход, он всегда сидел в одной и той же позе: опираясь локтями о стол и подпирая ладонями подбородок. А я держал обычно руки под столом и немного наклонялся вперед. Так мы и сидели, как вдруг Миллер рухнул прямо на доску. Руки его подломились, и голова упала, как стальной шар. Фигуры разлетелись во все стороны. Меня охватил ужас. Жена Миллера давно умерла, сын время от времени навещал его, но в тот день мы были в доме одни. Я настолько перепугался, что мне даже не пришло в голову подойти к нему, потрясти, попытаться привести в чувство, разобраться, что с ним. Знаю, что это ничего бы не изменило: Миллер умер мгновенно от внезапного приступа. Меня будто парализовало, я долго стоял у стола, тяжело дыша... В конце концов я выскочил из гаража, чтобы позвать на помощь. Я мог бы побежать в любой соседний дом, но непонятно, с какой стати решил, что должен найти отца. На шоссе его «мустанга» не было, так что я помчался куда глаза глядят. На перекрестке свернул куда попало, но совершенно случайно оказалось, что его машина припаркована метрах в двухстах у какого-то дома. Должно быть, отец продавал хозяевам свои энциклопедии, или записывал их на заочные курсы, или что он там еще делал... Ты уже догадалась, что было дальше, Лора?

– Думаю, да.

– Войдя в дом, я понял, что отец возил меня все эти годы к Миллеру не для того, чтобы я совершенствовался в шахматной игре, и даже не для того, чтобы сбежать от матери. Или по крайней мере не только для этого. Хозяйка дома была его первой любовью. Отец позднее пытался мне это объяснить.

– Что ты там увидел, Тед?

– Они были в спальне. Я их не видел. Но слышал. Я молча сидел в гостиной напротив выключенного телевизора. Слышал, как они смеются.

Думал о Миллере, о том, как он валяется у себя в гараже, и мне пришла в голову ужасная мысль. Отчетливо помню ее до сих пор. Я пожелал, чтобы он действительно умер. Потому что, даже если он оказался бы жив, я все равно не смог бы никогда вернуться в этот городок. И виноват был мой отец. В этот миг я хотел только одного: ненавидеть его.

Тед и Лора одновременно вздрогнули от телефонного звонка. Ни разу до этого сеанс Лоры никто не прерывал.

– Извини, Тед, на этот звонок я должна ответить.

Она встала и подошла к письменному столу.

Тед кивнул.

Лора подняла трубку. На мгновение Теду показалось, что лицо ее напряглось, но сразу же расслабилось, и она улыбнулась.

– Да, конечно. Конечно, можешь. Разрешаю.

Она повесила трубку.

– Мой сын – бойскаут, – объяснила она Теду. – Забыл взять у меня письменное разрешение на поход, спасибо хоть догадался позвонить.

Лора снова села в кресло.

– Прости, что пришлось прерваться, Тед, – снова извинилась она.

– Ничего страшного. Ведь больше и сказать почти что нечего. Я с тех пор никогда не говорил об этом случае с отцом. Он по-прежнему удирал из дому так часто, как мог, а я оставался, ненавидел его и нянчился с матерью. Они развелись, а я навсегда бросил шахматы.

Тед опустился на колени за кустами. Только что ему пришлось пройти километр с лишним по лесу, полному комаров. Он тряхнул головой и попытался сосредоточиться на том, что происходило по ту сторону кустарника.

Там кто-то мелодично насвистывал, соревнуясь с пением птиц. Тед увидел озеро, а в нем лодку, в которой Уэнделл хладнокровно дожидался желанной участи. В руках у него была удочка, на лице – покой.

Тед прихлопнул комара и отвернулся от озера, чтобы изучить окрестность. И вдруг – яркий блеск в солнечном луче, пробившем хвою сосен: подкова. Она лежала всего в паре метров, и Тед даже не стал подниматься на ноги, чтобы взять ее: просто подполз и схватил обеими руками, пораженный ее несомненным сходством с той, что висела на стене у Миллера (в глубине души он был уверен, что это именно подкова Миллера и есть).

Откуда она здесь взялась? Он долго ее рассматривал, потом засунул в карман брюк.

Тропинка за кустарником вела к даче Уэнделла, современному сооружению из бетонных блоков с огромными окнами. Сбоку была пристроена деревянная эспланада, которая тянулась к озеру и оканчивалась небольшой пристанью. Тед взвесил варианты. Закончив рыбалку, Уэнделл, наверное, причалит здесь и пройдет по эспланаде к дому. Разумнее всего было ждать его внутри. По крайней мере, там комары не заедят. Он сделал молниеносное движение рукой и с довольным видом уставился на свой сжатый кулак. Разжав его, однако, ничего не обнаружил.

По дороге к дому Уэнделла никто не остановил Теда и не предупредил, что он находится в частных владениях. Чем ближе Тед подходил к сооружению из бетона, тем как будто массивнее оно становилось. Машина, припаркованная перед домом, оказалась двухместным «ламборгини» со съемным верхом. Тед не мог удержаться, чтобы не подойти и не рассмотреть ее как следует. О такой машине он всегда мечтал; Уэнделл нравился ему все больше. Когда Тед наклонился, чтобы заглянуть внутрь, пиджак распахнулся под тяжестью браунинга и напомнил о том серьезном деле, которое вот-вот предстояло совершить. Он запахнул пиджак, не застегивая его – жара стояла невыносимая, но с оружием под рукой было спокойнее, – и выпрямился как раз в тот момент,

когда в окошке машины мелькнул какой-то блик. Сначала Тед подумал, что зажегся огонек на приборной доске автомобиля, но, слегка изменив позу, понял, что свет падает на стекло снаружи. Обернувшись, он заметил частично скрытый за деревьями фонарный столб. На самой его верхушке была закреплена видеокамера, направленная точно на то место, на котором сейчас стоял Тед. Красная лампочка то загоралась, то гасла. У Теда мороз пробежал по коже. В папке Линча с описанием дома не было ни слова об охранной системе, да и сам Линч о ней ничего не говорил. Вряд ли такая деталь могла ускользнуть от их внимания.

Глядя на мигающий красный огонек, Тед гадал, сидит ли кто-нибудь на том конце провода или это замкнутая система, то есть изображение автоматически записывается где-то внутри дома. Если так, то понятно, почему Линч не считал необходимым это комментировать. Они с коллегами, конечно же, позаботятся о том, чтобы запись была стерта. С некоторым облегчением он отвернулся от камеры и подошел к двери, которая, разумеется, была открыта. Квадратный ковер, скорее всего привезенный из Индии, манил сделать первые несколько шагов. Внутри все было так, как он и представлял: простор, террасы и перепады уровня, везде преобладает белый цвет, металлические перила, стекло, будто это вестибюль здания крупной корпорации, а не дача, где проводят выходные. Было несколько лестниц с гладкими деревянными ступенями, будто парящими в воздухе, и несколько тонких круглых колонн. Тед медленно зашагал направо к большому столу из темного стекла, за которым, казалось, никто никогда не сидел. Он сразу сообразил, что ждать Уэнделла лучше всего около арки, которая, скорее всего, вела на кухню.

Туда он и направился, как вдруг его пронзило ощущение, которое не спутаешь ни с чем: чувство, что за ним наблюдают. Он остановился и оглянулся по сторонам. В доме камер не было видно, но они наверняка где-то прятались. В другом конце помещения на стене висел огромный телевизор и рядом стояло два кожаных кресла. Там же был камин, а на нем несколько фотографий. Тед продолжал недоверчиво разглядывать обстановку. Когда ощущение слежки ослабло, он снова направился к арке, но полностью избавиться от неприятного чувства не удалось. Что-то было не так. Но что?

Вынося за скобки тот факт, что он вот-вот убьет человека.

Да.

Он помотал головой.

Еще одного человека.

Войдя на кухню, он тут же достал браунинг из кармана пиджака и,

почувствовав его тяжесть, немного успокоился. Тут было огромное окно с видом на озеро, так что можно было заметить заранее, что Уэнделл возвращается. Тед подошел к окну и стал смотреть на воду подальше от пристани. Казалось, он смотрит на то же самое место, где недавно видел лодку, но сейчас и следа ее не было. Он забеспокоился, попытался разглядеть ее за шеренгой деревьев, но и там ничего не увидел. Зато услышал жужжание мотора. Уэнделл возвращался.

Тед заходил туда-сюда, постукивая рукояткой браунинга себе по лбу. Сколько у него времени? Наверняка мало. Хотя чем быстрее отделаешься, тем, казалось бы, лучше, приближение рокового мига вызвало ощущения, которые не удавалось игнорировать. Он уже не чувствовал прежней уверенности. А если Уэнделл его не ждет? А если и тут, как и с камерами наблюдения, все окажется не так, как говорил Линч? Он остановился и быстро прицелился в календарь, висящий на стене, прямо в фотографию аквалангиста, исследующего коралловый риф. Потом – в цифру пятнадцать в самом центре. *Ну, смелее.* Дуло ходило ходуном, даже когда он придержал левой рукой правую.

– *Давай,* – пробормотал он.

Рокот мотора становился все громче. Уэнделл вот-вот причалит и пойдет по эспланаде к дому, а значит, сможет увидеть его через окно кухни. Но Тед решил успокоиться и не двигаться с места, пока полностью не придет в себя. Пот, который было высох под кондиционерами, когда Тед вошел в дом, снова увлажнил лоб и ладони. Он пошевелил пальцами, примериваясь, чтобы удобнее было стрелять, как он каждый раз делал в тире. Закрыв глаза.

Уэнделлу эта пуля нужна так же, как и тебе.

Тед открыл глаза и отошел от окна. Он шел к арке, слыша, как, одышливо потрескивая, стихает мотор. У Уэнделла две минуты, чтобы дойти до входной двери. Тед убедился, что пистолет снят с предохранителя. Как только Уэнделл закроет за собой дверь, Тед выйдет из кухни, сделает два-три шага вперед, чтобы вернее попасть, и выстрелит. Если Уэнделл закричит, что, мол, не надо, Тед стрелять не станет.

– Ну же, Уэнделл, открывай дверь, – прошептал Тед.

Прошло не меньше минуты, и только тогда Тед услышал шаги по деревянному настилу.

Ну же, Уэнделл...

Дверь захлопнулась.

Три, два, один.

Тед выскочил из-под арки, обогнул стол и поднял оружие.

Уэнделл, стоя спиной, вешал что-то на вешалку. Услышав шаги, он обернулся. Выражение его лица изменилось, возможно от удивления, но он не сказал ни слова. Идеальный кружок появился у него на лбу, и он рухнул.

Тед так привык стрелять в наушниках, что громкий звук выстрела заставил его с силой сжать зубы. Он медленно подошел к телу. Уэнделл лежал на ковре, раскинув руки с застывшим на лице удивлением. И при этом вид у него был такой, будто он повалился в траву отдохнуть. Однако Тед знал, что выстрел был идеальный, и пуля разворотила Уэнделлу мозги так, что он почти не почувствовал боли.

Тед уже было собрался уходить, когда в кармане Уэнделла запищал телефон. У Теда на его собственном мобильнике была установлена та же мерзкая мелодия, так что ему стало немного не по себе. Он наклонился и достал айфон из нагрудного кармана. На экране засветилось имя: Лолли, и Тед чуть не вскрикнул от ужаса. Этим прозвищем он называл Холли в начале их романа. Слишком значительное совпадение, но не это было главным. Главным было то, что, по словам Линча, у Уэнделла не имелось ни жены, ни подружки... Линч уверял, что у этого субъекта нет никого!

Мобильник замолчал.

Кто такая эта Лолли? Почему Линч ни слова о ней не сказал?

Ответ пришел, как по заказу. Тед почувствовал, как телефон в руке завибрировал. Это была эсэмэска от Лолли:

Мы уже подъезжаем. Завязывай на сегодня с рыбалкой ☺

Мы?

Тед выронил мобильник, как будто его ударило током. Телефон упал на грудь Уэнделла.

– Кто такая Лолли? Думай. Думай. Думай.

И тут он понял, или ему показалось, что понял. Уф, какое облегчение.

Уэнделл собирался устроить интимную вечеринку, и *гости* должны были явиться с минуты на минуту. Недолго думая, Тед поднял телефон и ответил на сообщение:

Визит отменяется. Я занят. Извини.

Пришла новая эсэмэска:

Шутник. Ты знаешь, как я не люблю чатиться за рулем. Через две минуты будем, зайчик.

Зайчик...

Выходит, у Уэнделла таки была подружка. Вряд ли эту деталь Линч мог посчитать не стоящей упоминания.

Кровавое пятно на ковре расплылось красным нимбом вокруг головы Уэнделла.

– Черт!

Лолли написала, что будет через две минуты.

Лолли Холли

Тед сунул мобильник Уэнделла к себе в карман и браунинг туда же. Как ни крути, надо поторопиться. Спрятать тело, чтобы выиграть время до того, как женщина сообщит в полицию, и сматываться чем скорее, тем лучше. Если это удастся, для него лично мало что изменится. Но злило то, что ему не сообщили заранее о подружке, хотя, возможно, именно по этой причине Линч о ней и умолчал. Надо было прежде всего иметь в виду, что это сам Уэнделл хотел умереть, как и Тед. Однако Уэнделл без сомнения подумал о потрясении, которое ждет его близких, как и Тед взвесил то, как его исчезновение отразится на...

Лолли Холли

Хватит! Надо сосредоточиться на том, как избавиться от тела. В доме его прятать или снаружи? Трудная задача, если учесть, что он не знал, сколько у него времени. Он оглянулся, будто ища ответа в воздухе. И вдруг замер, как будто спиной почувствовал дуло пистолета, хотя, разумеется, в доме, кроме него, никого не было.

Он наконец понял, что было не так. Он упустил деталь, которая противоречила информации, полученной им о человеке, который сейчас валялся мертвый у его ног. На камине в другом конце огромного зала стояли фотографии. Он со всех ног бросился туда, огибая стулья и прыгая по ступеням всяких помостов, которых тут было полно. Не добежав метра четыре, он остановился. Видеть все подробности ему не хотелось. Уэнделл с женщиной сидят обнявшись в лодке, Уэнделл верхом на лошади (Тед ощупал подкову в кармане). На других... две девочки, примерно ровесницы его собственным дочерям. Теду стало дурно, он ухватился за ближайшую колонну. Все вокруг стремительно завертелось.

Мы подъезжаем.

У Уэнделла были дочери? Линч – обманщик!

Тут послышался шум машины. Секунд десять Тед переводил взгляд с фотографий на тело Уэнделла, потом на входную дверь и снова на фотографии. Все еще не в силах двинуться и осознать, что с ним происходит. Потом вернулся к двери и, чуть приоткрыв ее, в щелочку

глянул наружу. Семейный пикап медленно полз по грунтовой дорожке, ведущей к дому, пока не остановился позади «ламборгини». Все происходило слишком быстро. Ну, шевелись же! Но Тед не двинулся с места. Три дверцы пикапа раскрылись одновременно. Лолли появилась со стороны водителя. Из задних дверей вышли две малышки, одетые в платья в цветочек с розовыми рюкзаками за спиной. Они бежали к двери со всех ног. *Папа! Мы приехали!*

Тед протер глаза. Его рассудок, похоже, сыграл с ним злую шутку.

Когда Тед задумал лишить себя жизни – план, надо сказать, сложился в его уме с пугающей быстротой, – он понял, что надо найти кого-нибудь, кому более или менее доверяешь, чтобы с его помощью привести дела в порядок. Кого-нибудь, кто не принадлежал бы к кругу близких. Имя Артура Робишо почти сразу всплыло в памяти. Они не виделись целую вечность, и, хотя три года проучились в старших классах одной и той же школы, практически совсем не общались. Как раз то, что нужно. К тому же Тед знал, что адвокатская контора Робишо – одна из лучших в городе. Зайдя к нему, Тед понял, что их объединяло нечто более существенное, чем договор о конфиденциальности между адвокатом и клиентом. Возможно, речь шла о чем-то въевшемся в подсознание таких, как Робишо, ничем в школе не отличившихся, игнорируемых популярными одноклассниками, получавших, как милостыню, место в крошечных группках из двух-трех человек, а то и прозябавших в одиночестве и убедивших себя, что так и придется влачить жалкое существование, терпеливо снося насмешки и отчуждение. И не важно, что со временем все переменялось, что удалось сделать карьеру и ценой упорных усилий в тренажерном зале хоть отчасти согнать жирок... Ничто не могло отменить наиважнейшего факта: неудачники типа Робишо, словно подчиняясь невидимому механизму, склоняли голову перед Тедами Маккеями этого мира. И механизм этот, заключавшийся в жажде того, чтобы с тобой считались, в желании *быть одним из*, дремал до поры, как затаившийся вирус, чтобы проснуться и заставить пресмыкаться, как когда-то в школьном дворе, ради секунды внимания.

Тед снова отправился к Робишо после инцидента в доме Уэнделла.

В дверях его встретил сам хозяин в стильном поло и с бокалом мартини в руке.

– Тед, так ты пришел!

За спиной адвоката в глубине гостиной несколько человек обернулись, чтобы взглянуть на вновь прибывшего. Кто-то из гостей стоял у барной стойки, другие сидели в креслах. В основном – семейные пары. У Теда напрочь вылетело из головы, что у Робишо день рождения, а ведь в последние недели тот не раз об этом напоминал. Но стоило ли думать о мероприятии, которое состоится после твоей смерти?

– Мне надо поговорить с тобой, Артур. Наедине. Это важно.

Объяснять, что он здесь не ради праздника, не пришлось. Лицо его было более чем красноречиво.

– Ну конечно, проходи.

Тед на секунду замешкался. Гости уже поняли, что причина его появления иная, чем у них, и теперь молча ждали хоть намека на то, что его привело в дом адвоката. Богато одетые, каждый с бокалом вина в руке, они, казалось, сошли с плаката, рекламирующего алкогольные напитки, и аж исходили снобизмом. Теду стало мерзко. Присмотревшись повнимательнее, он с удивлением обнаружил множество одноклассников из той самой старшей школы. Боже мой, прямо тебе встреча выпускников.

Он вошел, натянуто улыбаясь. Робишо следовал за ним, не в силах скрыть распиравшей его гордости. В этот день ему стукнуло тридцать восемь, он был ровесником Теда, но голова его уже несколько лет как рассталась с остатками волос. Он был весьма упитан, слишком маленький подбородок маскировал бородкой, объединенной с усами, напоминающей по форме амбарный замок, а по фактуре – кучу ржавых железных опилок. На носу его уже не было тех очков, со стеклами, будто сделанными из доньшек бутылок, как в школьные годы, но и без них казалось, что он опять превратился в подростка, взирающего на Теда с прежним обожанием и восхищением: сам Тед Маккей снизошел до него в день рождения!

После нескольких общих приветствий Тед вместе с Робишо прошел в кабинет в другом конце дома. По дороге Робишо представил ему супругу, которая, судя по тому, как она при этом разволновалась, без сомнения была наслышана о Теде. Тед рассеянно пожал ей руку, тут же забыв, как ее зовут.

– Что случилось, Тед? Я вижу, ты не в своей тарелке, – сказал адвокат.

Они уселись в кожаные кресла рядом со стеллажами, полными ценных книг. Кабинет был невелик, но обставлен довольно роскошно. Тед не отводил глаз от окна за спиной бывшего одноклассника. Оно выходило в сад, там носились туда-сюда какие-то дети. Ближе к дому на дереве болталась автомобильная покрывка, приспособленная под качели. *Какой диссонанс с общим дизайном, Артур.*

– Тед, ты здоров?

Он никак не мог отвести взгляд от покрывки. Неужели всего лишь потому, что она была здесь так некстати?

– Да. Но мне нужна твоя помощь.

Адвокат поудобнее устроился в кресле. На миг на его лице появилось то прежнее благодарное выражение.

– Всегда рад тебе помочь, Тед.

– Твои услуги нужны мне снова, но на этот раз речь не идет о

завещании. Тут все сложнее. С этой минуты ты мой адвокат, и все, что будет сказано, подпадает под действие договора о конфиденциальности.

Робишо не встревожился, и это радовало. Приятнее иметь дело со взрослым адвокатом, чем с пугливым подростком.

– Слушаю тебя.

– Я только что убил человека.

Несколько секунд не было слышно ни звука, кроме гомона гостей, приглушенного дверью кабинета. Робишо непроизвольно поднес указательный палец к переносице. Но очков, которые срочно надо поправить, на ней не обнаружилось.

– Несчастный случай?

– Не совсем. Знаешь, Артур, я пока не готов излагать все подробности. Скажу только, что через двое суток все разъяснится.

Робишо нахмурился.

Тед явно терял адвоката: тот смотрел на него как на сумасшедшего. Тед наклонился вперед, и положил ладонь на колено собеседника. Робишо проследил за его жестом тем же ошарашенным взглядом.

– Артур, – сказал Тед, – я понимаю, что это звучит дико. Но прошу тебя мне поверить.

– Тед, я не смогу тебе ничем помочь, если ты не расскажешь, в чем дело.

Тед встряхнул головой. Шел он сюда, надеясь раскрыть как можно меньше, но теперь понял, что не сможет рассчитывать на помощь Робишо, если не выложит конкретных фактов. Насколько можно доверять ему? Оценивать риск не было времени. Ни на что, честно говоря, не было времени. С того момента, как он в панике бежал из дома Уэнделла, в мыслях его царил хаос. Он не мог не думать о дочерях того человека, о том, как они радостно топали к дверям, такие белобрысенькие, с розовыми рюкзачками за спиной. Хотя Тед выскочил через боковую дверь и не мог видеть того момента, когда они обнаружили бездыханное тело отца на ковре в прихожей, он прокручивал эту воображаемую сцену в голове снова и снова, как бесконечную киноленту. Позднее, мчась через лес так, будто его преследовала свора разъяренных псов, он увидел ту же сцену в слегка измененном виде. Теперь не дочери Уэнделла обнаруживали труп с идеальным отверстием меж бровей, а Синди и Надин, его собственные дочери. И лицо у трупа было не Уэнделла, а его собственное. Неужто он заставит девочек пережить подобный ужас? Надо было застрелить человека, чтобы понять, какой удар он им нанесет?

– Тед, ты здоров?

Робишо успел задать этот вопрос дважды, хотя не прошло и минуты.

Тед сидел, обхватив голову руками и уставившись в пол. Он сам не помнил, сколько времени провел в такой позе. Робишо наблюдал за ним с явным беспокойством.

– Я здоров, Артур. У меня к тебе просьба.

– Какая?

– Мне надо встретиться с одним человеком. Его зовут Джастин Линч. Ему чуть больше двадцати, возможно, он адвокат или что-то в этом роде.

– Он как-то связан с инцидентом или...

– Связан, но не могу сказать как.

– Ты искал в интернете? Довольно тупой вопрос, но там гораздо больше информации, чем может показаться.

– Там я ничего не нашел, – солгал Тед, – посмотрим, вдруг тебе повезет больше. Ты наверняка можешь воспользоваться помощью детективов, которые с тобой сотрудничают.

– Разумеется. Завтра же с утра подниму по тревоге всю свою команду.

Тед помолчал секунду.

– Мне надо, чтобы ты начал прямо сейчас, Артур.

Он сказал это твердо, причем намеренно: именно так можно было запустить те глубинные механизмы, которые заставят Артура стараться во что бы то ни стало угодить ему. Адвокат оказал слабое сопротивление, сославшись на очевидное: сегодня его день рождения, в гостиной ждут гости, собравшиеся, чтобы провести вечер с ним. Но Теду даже не пришлось настаивать. Артур сам заявил, что несколько звонков сможет сделать сразу: кое-кто ему чем-то обязан, можно через этих людей навести справки об этом Линче. Если он начинающий адвокат или детектив, то сразу же выяснится, где он.

– Ты не представляешь, как я тебе благодарен, – сказал Тед и снова положил ладонь на колено одноклассника.

– Не за что.

Дверь кабинета открылась.

– Ты еще долго? – спросила госпожа Робишо, бросив на Теда испепеляющий взгляд.

– Нет, дорогая, всего несколько минут.

Исчезая за дверью, лицо дамы до последней секунды выражало горький упрек.

– Норма очень хорошая жена, – сказал Робишо, будто извиняясь.

Тед сделал успокаивающий жест.

– Мы вот как поступим, – сказал Робишо. – Прямо сейчас я сделаю

несколько звонков. Если твой Джастин Линч – адвокат, связанный с местной системой юстиции, мы тут же об этом узнаем. Еще я проконсультируюсь с несколькими частными детективами и с моими собственными сотрудниками. Некоторые из них там, в гостиной. Ты уверен, что имя настоящее?

– Не уверен.

– Это осложняет дело, Тед.

– Знаю.

Робишо почесал в затылке.

– Завтра тебе придется немного прояснить для меня картину. Это была самозащита? Хотя бы на этот вопрос ты мне можешь ответить?

– Извини. Обещаю завтра тебе все объяснить.

Робишо кивнул.

– Иди выпей там с остальными. Я пока займусь звонками... и Нормой, которая скоро вернется и начнет читать мне мораль, – и тут же добавил: – Но ты не беспокойся, я с ней управлюсь.

Выходить из кабинета Теду совсем не хотелось. Ему было не до общения, к тому же он предпочел бы, чтобы Артур разговаривал по телефону при нем, но у адвоката, понятно, могли быть свои секреты, и Тед не стал на него давить.

Тед надеялся забиться в самый дальний угол гостиной Робишо и сделать вид, будто что-то внимательно разглядывает в окно. Однако, выйдя из кабинета Артура, он понял, что план его провалился. К нему тут же подошла Норма, с несколько вымученной любезностью предложила стакан пива и подвела его к столику, у которого вели оживленную беседу две семейные пары, к счастью показавшиеся ему незнакомыми. В голове смутно забрезжил вопрос: и с чего это жена адвоката решила, что эти люди для него самая подходящая компания?

Говорили в основном женщины, причем разговор выглядел очень личным: при появлении незнакомца они вдруг ненадолго замолчали. Мужчины, чье участие в беседе ограничивалось кивками, подняли глаза и опять же кивнули, приветствуя Теда, который стоял, не пытаясь занять ни один из свободных стульев. Именно в этот момент за густой бородой Тед, похоже, разглядел в одном из мужчин очередного однокашника. Его голубые глаза подтвердили догадку окончательно, и не только потому, что Тед их смутно помнил, но в первую очередь по мимолетной искре подобострастия, похожей на ту, что он заметил совсем недавно в глазах Робишо. Боже, да был ли хоть один в этой гостиной, кто не учился бы с Тедом в одной школе! Он ощутил укол зависти к этой компании ущербных, до сих пор проводивших вечера вместе, тогда как он сам с друзьями не встречался уже много лет.

– Он вышел сухим из воды, потому что пол был теплый, – сказала одна из женщин. Это была супруга бородача с голубыми глазами. Фраза мгновенно привлекла внимание Теда, он глотнул пива и сделал шаг вперед, чтобы оказаться поближе к говорящим.

– При чем тут пол? – удивилась вторая.

– Объясни ей, Бобби.

Бобби Пендергаст! Воспоминание прилетело внезапно, словно стрела, пущенная из прошлого. Тед узнал бородача. Этот парень был чем-то вроде вундеркинда, у него на все находился ответ. В пятом классе, помнится, его перевели в специальную школу для одаренных.

– Ты Пендергаст, – сказал Тед, больше из гордости, что вспомнил фамилию, чем по другим причинам.

Все четверо обернулись к нему в испуге. Бобби молча кивнул. *Когда это ты стал таким безответным, а, Бобби?* Тед решил занять

единственный свободный стул у столика. Гул голосов остальных гостей смягчал неловкость молчания.

– Тед Маккей, – представился он, протягивая руку.

Бобби принялся знакомить его со всеми по очереди.

– Это Ланселот Файерстар.

Тед был уверен, что слышит это имя впервые: такое и с одного раза не забудешь. Он пожал веснушчатую руку тощего рыжего Ланселота. Потом пожал руки и дамам.

– Это Тереза и Трейси.

Рука Трейси была мягкая, как губка, и по какой-то причине – по какой, можно было догадаться и без Бобби Пендергаста – мысли Теда мгновенно перенеслись к бездыханному телу Уэнделла. Убрали его уже из гостиной, или оно так и лежит на ковре?

– Мы с Тедом вместе учились в школе, – сказал Бобби.

Тед не хотел, чтобы разговор уходил в сторону.

– Вы только что... говорили о том полицейском расследовании... Не подумайте, что я специально подслушивал, но...

Трейси наморщила лоб, но через секунду вспомнила:

– Ах да! Парня оправдали, и теперь родственники жертвы выдвигают гипотезу о том, как это могло случиться. Хотя для апелляции уже поздно. Не могу поверить, что ты, Тереза, об этом ничего не слышала.

– Я не смотрю телевизор.

– Ты вообще никогда ничего не знаешь. В общем, он как-то выкрутился. *Латин* вроде бы.

Слово «латин» женщина произнесла с презрением. Вспомнив, что рядом за столом сидит человек, с которым она едва знакома, смутилась, но не слишком. Теду важно было услышать продолжение, так что он, состроив подходящую случаю гримасу, одобрительно кивнул, как будто он сам и все присутствующие не были потомками кучки иммигрантов – охотников за удачей.

– Как же ему удалось их обмануть? – спросила Тереза.

У Теда засосало под ложечкой. Линч говорил ему, что дополнительные обстоятельства выяснились благодаря расследованию, проведенному организацией, на которую он работал. Если тут он солгал, то и все остальное могло оказаться ложью. Тед боялся услышать ответ.

– Я же тебе сказала: дело в температуре пола, – сказала Трейси, будто открывая страшную тайну. – Этажом ниже – прачечная.

У Теда сердце упало.

– Ничего не понимаю, – сказала Тереза.

Ее муж покачал головой и поднял глаза к небу так, будто тот факт, что его жена ничего не понимает, его нимало не удивил.

– Нечего гримасничать, – бросила Тереза, даже не взглянув на него. Ланселот поднял руки: мол, сдаюсь.

– Ориентировочное время смерти определили по температуре тела, – авторитетным тоном вставил Бобби.

– У парня оказалось идеальное алиби, – перебила Трейси. – В тот час, когда, как сказали эксперты, бедняжку убили, он сидел в каком-то баре, и куча свидетелей готова была это подтвердить. Вот его и выпустили.

Тед следил за разговором будто из параллельной вселенной. Худшие его опасения только что подтвердились. Сколько еще лжи нагородил Линч? Тед все мучился этим вопросом, пока Бобби Пендергаст излагал оставшуюся часть истории.

– По мнению родственников девушки, которые наняли эксперта, чтобы пролить свет на произошедшее, пол в квартире сильно нагревался, так как под ним проходила вентиляционная труба из прачечной. И это привело к тому, что температура тела понижалась медленнее, чем бывает обычно, что вызвало ошибку судебных медиков при определении ВНС.

– Бобби, опять умные слова.

– Извини, дорогая, при определении времени наступления смерти.

– Кто-нибудь из вас помнит, как его зовут? – спросил Тед.

Пендергасты переглянулись.

– Рамирес, – без колебаний ответила Трейси.

– Нет, не Рамирес, – возразил Боб. – И никакой он не латиноамериканец. Ты путаешь с другой заметкой, дорогая. Его зовут Блейн. Эдвард Блейн.

– Ты ошибаешься.

– Не думаю.

– Он Рамирес, Бобби, я тебе докажу, когда вернемся домой. Зачем спорить, когда я права!

Бобби опустил глаза и молча кивнул.

Эдвард Блейн.

Чего ради Линч приписал себе расследование, о котором можно было прочесть в газетах? Или он и его сотрудники как раз и поставили в известность семью? Ерунда какая-то. Тед был сыт по горло неуклюжими объяснениями, которые сам приводил в оправдание того, что случилось за последние сутки. Истина была куда проще: Линч обманул его.

И кого же тогда ты прикончил?

Тед откинулся на спинку стула и поглядел в окно, которое было от него

в нескольких метрах. Что ж Артур-то все не идет?

Происходившее снаружи было гораздо интереснее беседы между Пендергастами и Файерстарами, плавно перетекавшей в грязные сплетни о каких-то новых соседях. Тед решил, что с его стороны было бы неучтиво просто встать и отойти к окну, однако повернулся к нему и стал наблюдать. В большом ухоженном саду Артура стояло несколько турников и бревен для равновесия, пара досок-качелей и карусель с рулем, которая как раз оказалась в центре внимания. За рулем сидел мальчик, имеющий явное сходство с Нормой. Он крутил карусель с бешеной скоростью. Две девочки, вцепившись в свои металлические сиденья, то смеясь, то вопя, умоляли его остановиться. Их голоса, приглушенные оконным стеклом и расстоянием, доносились до Теда будто сквозь туман. Остальные ребяташки, помоложе, обступив со всех сторон карусель, ждали своей очереди, подпрыгивая и вознося хвалу могучему и мудрому рулевому, одним мановением руки разгоняющему аппарат до скорости света. Одна из девочек, находившихся на борту, кричала: «Тимоти, ну останови, ну пожалуйста!» – но судя по тому, как она при этом хохотала, было абсолютно ясно, что именно этого ей хочется меньше всего. Тимоти явно ожидала иная судьба, чем отца, который в его годы был застенчивым трусишкой, боявшимся всех и каждого.

Сеанс катания закончился. Девочки сошли на землю, покачиваясь, к вящему удовольствию Тимоти, который остался сидеть, скрывая, что его самого укачало, и ожидая очередных жертв своих не по летам сильных рук и центробежного ускорения. Роль Хозяина карусели подходила ему как нельзя лучше. Девочка и мальчик, чуть помоложе прежних пассажиров, заняли места справа и слева от рулевого, который, похоже, приступил к инструктажу, хотя на таком расстоянии слов разобрать было почти невозможно. Дети, слушая наставления и предостережения, постепенно перестали улыбаться. Вид у них сделался такой, будто они вот-вот помчатся по рельсам безумных американских горок.

Со своего места Тед видел и дерево, на котором висела крышка, бросившаяся ему в глаза еще в кабинете. Увидев сад целиком, он подумал, что этот кусок старой резины тут еще менее к месту, чем казалось вначале. Тед не мог похвастать близким знакомством с хозяйкой дома, но, судя по тому немногому, что удалось заметить, скажем, по тому, как она старалась угодить гостям, в том числе ему, это была дама безусловно зависимая от

мнения окружающих. И покрывка, которую было прекрасно видно из любого окна гостиной, казалась самой неподходящей визитной карточкой для дома, претендовавшего на безупречность. Теперь она слегка покачивалась. В нескольких метрах от дерева на скамейке сидели две женщины. Возможно, они должны были присматривать за играющими детьми, но, похоже, разговор увлекал их куда больше. Тед видел их обеих в профиль: они развернулись друг к другу на скамейке, чтобы удобнее было болтать. Недалеко от них ковыляла по траве девочка, которой на вид было не больше годика, она то падала, то снова поднималась.

Тед переводил взгляд с болтающейся покрывки на девочку и обратно. На малышке было белое платье в красный горошек, ходила она еще очень неуклюже, то и дело хватаясь за лавку или пытаясь уцепиться за воздух, после чего, естественно, плюхалась на попу. Она смеялась, разговаривала с матерью, хотя та ее не слушала. Покрывка, похоже, раскачивалась все сильнее. Отчего бы? Никто к ней не прикасался. Девочка заинтересовалась крохотным цветком, долго рассматривала его, опустившись рядом на колени и шевеля губами, может быть, просила разрешения сорвать и в конце концов осторожно взяла его за стебелек и понесла матери. Та едва ли уделила ей больше секунды внимания, беря цветок. Принеси ей девочка заряд динамита, она с такой же улыбкой приняла бы и его. *Спасибо!* Девочка не расстроилась, она казалась довольной, одернула платьице и отправилась в очередную экспедицию. Покрывка определенно раскачивалась намного сильнее, чем раньше. Только резкий порыв ветра мог бы так ее раскачать, но даже из гостиной было видно, что никакого ветра нет. Он присмотрелся к покрывке. Что-то с нее свисало, что-то, чего раньше не было. Сначала он подумал о змее, но тут мордочка опоссума показалась над верхней частью покрывки. Хвост свисал с другой стороны. Глаза смотрели прямо на Теда, и он невольно вздрогнул. Трейси Пендергаст взглянула на него весьма неприветливо. Тед сделал вид, что это телефон завибрировал в кармане, вынул его, посмотрел, сунул обратно. И опять сосредоточился на покрывке. Глаза его встретились с глазами вонючего зверька.

Обрывки недавнего сна завертелись в голове при виде опоссума, острейшими зубами покусывавшего покрывку, не сводя глаз с окна. Не сводя глаз с него, с Теда.

Малышка подходила все ближе к опасному зверю, выставив руки вперед, готовая вот-вот упасть. Что и случилось. Тед вскочил как ошпаренный и в два прыжка оказался у окна. Остановился, чувствуя, что разговоры за его спиной стихают и все оборачиваются к нему. Опоссум

приподнялся над крышкой, опираясь на передние чудовищно когтистые лапы, теперь половина его туловища была на виду. На мгновение показалось, что девочка заметила его, остановилась – она была метрах в двух – и нерешительно затопталась на месте... Ну, ну... *возвращайся к маме.* Эти зверьки очень опасны: они переносят заразу и бывают агрессивными; девочка могла принять его за кошку или другое безобидное животное и подойти, чтобы погладить. В конце концов преодолев сомнения, малышка собралась с силами и двинулась вперед, к крышке. *Боже мой!*

Тед изо всех сил ударил ладонью по стеклу.

– Берегись! – крикнул он.

Гостиная отозвалась эхом. Гости разом онемели. Самые шустрые бросились к окнам, кто-то остановился за спиной Теда. Некоторые остались сидеть на местах, беспомощно озираясь, не понимая, в чем дело. Норма стремглав примчалась с кухни, на ходу спрашивая, что случилось. Но в саду ни две женщины на скамейке, ни дети у карусели не услышали предостережения. Ни тем более малышка, преодолевавшая нетвердым шагом последний метр, отделявший ее от опасного зверя. Тед боролся с оконной рамой: там помимо ручки посередине были еще две задвижки на одной из створок.

– Что происходит? – спросил какой-то мужчина у соседнего окна.

– Ребенок! – ответил Тед. – Там на крышке – огромный опоссум.

Паника охватила всех. До сих пор сидевшие в оцепенении на своих местах женщины внезапно вновь обрели способность двигаться, вскочили и забегали. Некоторые кричали. Какой ужас! Не может быть!

– Я его не вижу! – орала одна из женщин.

Там в саду не так уж много крышек, мадам.

Все дружно начали колотить в стекла, и удары наконец привлекли внимание двух матерей-болтушек, которые одновременно обернулись к дому. Зрелище, представшее перед их глазами, должно быть, выглядело достаточно тревожно: десятки людей за окнами отчаянно старались привлечь их внимание. Может, в доме что-то случилось? Похоже, ни одна, ни вторая не понимали, в чем дело. К счастью, и девочка, привлеченная шумом и криками, остановилась. Ее протянутая рука замерла в сорока – пятидесяти сантиметрах от крышки.

Теду удалось открыть окно.

– Ребенок! – крикнул он. – На крышке сидит опоссум!

Материнский инстинкт сработал мгновенно: одна из женщин вскочила со скамейки и бросилась к девочке.

– Роуз!

Группа мужчин, только что стоявших у окна, уже мчалась к месту событий. У бежавшего впереди в руках был веник. Мать подхватила Роуз поперек туловища, подняла и со всех ног бросилась прочь от крыши, как будто та вот-вот взорвется.

Теперь все три окна были открыты, и гости молча наблюдали за происходящим. Опоссум спрятался внутри крыши, но спастись ему было некуда, разве что бежать куда глаза глядят. Тед спрашивал себя, остановит ли зверька веник.

– Эй, вы! – скомандовал один из охотников-добровольцев детям, толпившимся у карусели. – Залезайте все на карусель!

Их было восемь, а мест на карусели всего четыре. Но они ухитрились забраться на нее все. Мудрая предосторожность. Затравленный опоссум, спасаясь бегством, мог тяпнуть кого-нибудь за щиколотку. Две женщины тоже это поняли и взобрались вместе с Роуз на скамейку с ногами. Теперь по газону шагали только четверо мужчин, построившихся ромбом и вооруженных веником.

– Эй, Стив... – сказал тот, что с веником, – пойдди поищи чего-нибудь посущественнее. Лопату, что ли.

Замыкающий сошел со сцены. Но боевой трезубец не остановился. Дети на карусели, женщины с ребенком на скамейке, наблюдатели в окнах – все следили за развитием событий затаив дыхание. Тот, что с веником, остановился метрах в трех от цели, слегка присел и, повернув веник черенком от себя, сделал выпад вперед как можно дальше.

– Подожди, пока Стив вернется! – крикнула женщина из окна.

Мужчина отрицательно замотал головой. Крыша уже не качалась.

Черенок веника ткнулся кончиком в крышу, она заплясала, описывая круги. Тут подоспел Стив. Лопаты он не нашел, зато принес бейсбольную биту. Новое оружие получило всеобщее одобрение. Тот, что с веником, велел Стиву подойти с противоположной стороны, а сам сказал, что будет тыкать черенком веника внутрь крыши, чтобы выгнать оттуда зверя.

Так и сделали. Они бродили вокруг крыши, тыча в разные ее места веником. Опоссум, возможно, передвигался в выемке, а значит, его невозможно было оттуда выгнать. Охотники подходили все ближе и ближе, пока не разглядели крышу изнутри.

Там не было никакого опоссума.

Тот, что с веником, поднял крышу обеими руками и продемонстрировал ее зрителям в окнах, как фокусник, показывающий, что

цилиндр, в котором секунду назад сидел голубь, пуст. Взгляды с покрышки переместились на Теда. Все одновременно. Дети, все еще теснившиеся на платформе карусели, недоверчиво разглядывали чужого дядю, который, похоже, затеял весь этот переполох. Взрослые – тоже. Те, что стояли к нему ближе всех, отступили, как будто боясь, что галлюцинации заражны.

Тед едва ли осознавал, как на него реагируют. Он единственный не отрывал взгляд от качелей. Оппосум был там, и он не мог сбежать незамеченным. Тед отвел взгляд всего однажды, когда боролся с задвижкой на раме, но в это время все остальные смотрели в окна. Он повернулся спиной к окну. В гостиной царило молчание. Все уставились на него, вероятно, в ожидании объяснений. Ланселот и Тереза смотрели с укором, Бобби Пендергаст – с некоторым презрением. Норма прожигала его взглядом насквозь. Артур Робишо, который вышел из кабинета, возможно встревоженный недавней суматохой, первым подошел к Теду и положил ему руку на плечо. Тед не шевельнулся.

– Нам повезло с Линчем, – сказал Артур. Тед не сразу понял, о чем речь. – Он – частный адвокат.

Робишо протянул Теду исписанную от руки карточку.

– Мне дали адрес и телефон его конторы. Надеюсь, это то, что тебе нужно. Звони, держи меня в курсе. А пока тебе лучше уйти.

Тед был того же мнения.

Дом, где располагалась контора Линча, стоял на окраине города, это была ветхая кирпичная громада, окруженная с двух сторон пустырями, с третьей – автостоянкой, а с четвертой – подходившими к ней глухими переулками, единственным украшением которых служили полуразвинченные остовы машин и переполненные мусорные баки. Было всего семь вечера, но улицы уже опустели. Светилось только одно окно, на седьмом этаже, а контора Линча была на пятом. Тед набрал на мобильнике телефон с карточки и во второй раз услышал усталый голос пожилой женщины, объявлявший, что прием посетителей ведется с семи утра до четырех часов дня и что он, если желает, может оставить сообщение после сигнала. Тед не стал этого делать. Он еще по дороге сюда подумал, что едва ли застанет Линча в этот час, но все же решил попытаться: а вдруг он из тех, кто любит работать сверхурочно.

Пока последние розовые царапины раздирали горизонт к западу от этого образца архитектурного варварства, Тед обдумывал план, осуществление которого пришлось отложить на следующий день. По дороге домой он умудрился ни о чем не думать, однако, подъехав к дому, почувствовал что-то неладное и мгновенно насторожился. Входная дверь была приоткрыта. Войдя, он обнаружил, что все вверх дном. В хаосе разбросанных книг, выпотрошенных подушек и опрокинутых ящиков он ощутил намеренное желание поиздеваться, и это взбесило его. Взломщики не ограничились поиском какой-то определенной вещи, но еще и постарались оставить на своем пути как можно больше разрушений. Разбитые вазы и статуэтки, разбегающиеся трещины на экране телевизора, пятна от еды на стенах... Тед массировал себе голову, никак не решаясь вступить на это минное поле, усыпанное обломками его повседневной жизни. Наконец на автопилоте он двинулся в кабинет. Тут обыск велся особенно дотошно и агрессивно: ни одной книги не осталось на полках, компьютер превратился в груды обломков межпланетного корабля, выдвижные ящики стола валялись тут и там. Картина Моне, как ни странно, висела на своем месте. Тед подошел и привычным движением снял ее. Глядя на дверцу сейфа, он подумал, что такой примитивный тайник мог бы сбить с толку того, кто торопится, но не тех, кто так долго и со вкусом здесь бесчинствовал. В диске виднелось аккуратное отверстие диаметром полсантиметра, которое только подкрепило подозрения Теда. Он

потянул за ручку, и сейф открылся. Небольшая записка, которую Тед хранил на случай непредвиденных обстоятельств, исчезла, но папки Линча лежали там, где Тед их оставил, сложенные с вызывающей аккуратностью. Когда он открыл папку Уэнделла, то убедился, что грабители оставили там всего пару листков. Остальное исчезло.

Ложная информация.

Кого же ты убил?

– Вы кое-что забыли, – сказал Тед вслух. Он был почти уверен, что микрофоны нигде не спрятаны, но подсознательно все же надеялся, что его слышат.

Завтра разберусь с Линчем.

Но если Линч был нанят ими как актер на роль второго плана, а Тед догадывался, что, скорее всего, так и есть, трудно было понять, почему красавчик-адвокат назвался своим настоящим именем. Мог бы придумать какую-нибудь легенду. Теду приходило в голову только самое простое объяснение: организация предполагала, что он попытается получить хоть какие-то сведения о человеке, постучавшемся в его дверь с подобным предложением. А самое надежное – это *реальный* след. Если бы Тед взял на себя труд выяснить что-то о Линче прежде, через Робишо или как-то иначе, то сравнительно легко нашел бы его, что придавало бы достоверности и всему остальному.

Проходя по коридору обратно в гостиную, он на секунду остановился у лестницы на второй этаж и с отвращением взглянул на площадку. Видеть свою спальню и комнаты девочек было бы слишком тяжело, но следовало подняться туда, чтобы оценить масштаб разрушений. Ладно, потом. Он подошел к дивану, стряхнул все, что на нем валялось: коробку от пиццы, декоративные фигурки, лампу и две подушки, – и рухнул без сил, мысленно перебирая список запланированных дел, к которым теперь прибавилось еще одно: навести чистоту и порядок в доме. Жене его смерти будет более чем достаточно; так что надо сделать хотя бы малость: позаботиться о том, чтобы умереть в приличной обстановке. Тед улыбнулся, осознав, до чего смешно это звучит. Он достал из кармана мобильник, провел пальцем по экрану, чтобы тот засветился. В последний раз они с Холли разговаривали во вторник утром, он едва сдерживал слезы и с трудом держался обычного тона. Сказал, что воспользуется оставшимися до ее приезда днями, чтобы порыбачить с Трэвисом. Холли это не понравилось, ведь он отказался от поездки в Дисней Уорлд под предлогом неотложных (но выдуманных, конечно) встреч по работе. Он объяснил, что одного обеда с клиентом хватило, чтобы заключить договор, хотя клиент поначалу казался

непробиваемым. Холли огорчилась, но сказала, что утешится в оставшиеся дни со своим поклонником во Флориде. Синди, должно быть, слышала разговор, потому что тут же заорала, что у мамы нет никакого поклонника во Флориде, и потребовала, чтобы ей дали поговорить с папой. Тед поговорил с ней, а потом и с Надин, которая, пожаловавшись, как обычно, на сестру: та, мол, совсем не помогает маме, представила ему детальный отчет обо всем, что они делали в этот день, и Тед его с удовольствием выслушал.

Вот и теперь Холли была от него на расстоянии пальца. Он прокрутил список контактов до ее имени и остановился. Экран начал тускнеть и почти погас, чего не скажешь о его желании поговорить с женой. Он приподнял большой палец и легко ударил им два раза.

Голос Холли был как глоток свежего воздуха при удушье.

– А как же рыбалка на катере?

– Да вот девки нас отфутболили в последний момент...

Холли засмеялась:

– Если они видели ваши фотографии, их нетрудно понять.

Оба замолчали. Тед не включил люстру, и слабый свет со двора смешался с сумраком гостиной. Хаос в полумраке идеально контрастировал с голосом Холли.

Боже, как я *соскучился*.

– Здравствуй, дорогая, – сказал Тед.

– Здравствуй, Тед. Сегодня было пекло. Девочки тебе не скажут, но я вижу, что они уже начали уставать от этой адской жары.

Он услышал, как Синди кричит издали:

– Неправда!

– Они наверняка соскучились по папе, – сказал Тед и через секунду пожалел об этом.

– Не думаю. Они почти не говорят о тебе.

– Неправда, папа! – послышалось издали.

– Мы с Трэвисом сегодня после обеда решили, что пора домой, – сказал Тед, возвращаясь к теме рыбалки. – Я не представлял, как выдержу еще ночь его храп в каюте два на два метра.

– Мы собираемся ужинать. Девочки не захотели выходить из гостиницы и попросили меня заказать еду в номер, как в кино. На самом деле им просто хочется быть поближе к кондиционеру.

– Мама!

Это была Надин.

– Что?

Мама с дочками о чем-то поговорили, потом Холли вернулась к телефону.

– Тед, ужин принесли. Давай поговорим позже, ладно?

– Наслаждайтесь своими гамбургерами. – Теду и спрашивать не пришлось. Он *знал*, что его дочери заказали гамбургеры.

– Пока, Тед. Девочки, скажите что-нибудь папе.

– Счастливо, папа!

Тед тоже сказал «пока», но никто его уже не слушал. Он уронил на диван руку, в которой держал телефон. Опять не удалось по-настоящему проститься с Холли, сказать, как он ее любит, хотя бы для того, чтобы она могла об этом вспоминать, когда найдет в кабинете его труп с пулей в виске. Он спросил себя: не знак ли это судьбы.

В комнате было темно.

Чуть подремать, то и дело просыпаясь от кошмаров, – вот все, что ему удалось этой ночью. Сполоснувшись в душе на нижнем этаже, он влез во вчерашнюю одежду и в пять утра уже искал на кухне, чем бы позавтракать. Обычно фоном к утреннему ритуалу служил голос Джека Уилсона, но на этот раз казалось, что компания ведущего новостей на четвертом канале едва ли окажется приятной. Тед предполагал, что убийство Уэнделла станет главной новостью дня, и боялся, что как раз в утренних новостях больше всего будут освещать реакцию близких. Он со вздохом нажал кнопку на пульте. Когда экран засветился, Тед вспомнил, что он разбит. Серое пятно размером с футбольный мяч заслоняло лицо ведущей (судя по декольте, это был явно не Джек Уилсон). В нижней части экрана, не закрытой пятном, была надпись, сообщавшая, что голос, который в эту секунду слышали телезрители, принадлежит полицейскому, первым прибывшему в дом у озера.

– ...патрулировал поблизости, когда поступил сигнал с центрального пульта. Я тут прожил всю жизнь, так что с детства хорошо знаю дорогу к озеру, что позволило прибыть на место в течение десяти минут...

Тед отвлекся. В гостиной что-то зашевелилось. Краем глаза он поймал темный силуэт, мгновенно скрывшийся за опрокинутым комодом.

– Сержант, а правда ли, что изображение убийцы можно будет найти в записях камер наблюдения?

С грохотом рухнул торшер. Тед присел от неожиданности.

Проклятый зверь!

– Ну, расследование идет... Скажу только, что камеры наблюдения на участке имеются, но ничего утверждать не могу.

Надпись сменилась на новую: «Убийца попал под камеры наблюдения».

Тед, сам того не замечая, подходил все ближе к телевизору, отчасти захваченный новостью, отчасти прислушиваясь к тому, что происходило в гостиной, по которой шастал невидимый, но вполне различимый на слух опоссум.

В этот момент говорила ведущая:

– ...эксклюзивное интервью сержанта Гарретта, которое мы только что услышали, дает нам представление о том, как жена и дочери Уэнделла обнаружили его тело. Их самих спасло только то, что они находились в

принадлежащем семье бронированном автомобиле. Причины варварского преступления до сих пор неясны...

Тед замер в ожидании наихудшего.

– ...семья раздавлена горем: жена убитого, Холли, его дочери, Надин и Синди, пронесут эту скорбную печать до конца своих дней. Дополнительную информацию об этом чудовищном преступлении мы сообщим через несколько минут, после международных новостей. – Пауза. – Теперь о других темах: сегодня ожидается сильная жара, метеослужба сообщает, что...

Холли, Надин, Синди.

Этим утром Нина опаздывала на работу минут на пятнадцать. У нее с собой была коробка пончиков, и она надеялась, что Линча больше заинтересуют они, чем пунктуальность собственной секретарши. Хотя она работала здесь уже полгода, предсказать реакцию шефа ей все еще не удавалось. Линч оставался для нее загадкой. Подруги говорили, что рано или поздно он начнет к ней приставать, но до сих пор никаких поползновений с его стороны не было, и это вовсе не радовало. Чего она только не перепробовала: и глубокие декольте, и соблазнительные позы, и тонкие намеки... никакого толку. Линч был на пятнадцать лет старше, но весьма привлекателен, а Нина ни в чем сейчас так не нуждалась, как в поддержке практичного и рассудительного человека.

Она поставила коробку на пол, открыла ключом дверь кабинета и наклонилась за пончиками, а когда выпрямилась, уловила краем глаза, как темнота справа от нее шевельнулась, сгустилась и вдруг обрела очертания человека. Не прошло и секунды, как он уже нависал над ней, угрожая пистолетом, который ей показался огромным.

– Входи, – приказал Тед. – Коробку и сумку клади на стол. Вот так, хорошо. Пока не оборачивайся. Делай, что я скажу, и с тобой все будет в порядке.

Нине никогда до сих пор не бывало так страшно. Ее особенно напугало, что мужчина не прятал лица. Она знала, что это значит.

– Не убивайте меня! – взмолилась она.

– Где Линч?

– Не... не знаю.

– Можешь повернуться ко мне лицом.

– Нет, я лучше так.

Теду ситуация совсем не нравилась. Он ждал Линча, а вместо него явилась эта девица, видимо его секретарь, и пришлось действовать по обстоятельствам. Что же он творит? Пугает пистолетом беззащитных секретарш? Девчонка умирала со страху и была совершенно ни при чем.

– Я спрячу пистолет, – сказал он уже немного спокойнее. – Не кричи, и я обещаю, что не причиню тебе вреда. Мне нужно поговорить с твоим шефом. Это вопрос жизни и смерти.

Похоже, слова возымели действие. Девушка, правда, все еще стояла с поднятыми руками и шмыгала носом.

– Как тебя зовут?

– Нина.

– Я прошу у тебя прощения, Нина. Теперь можешь обернуться. Поверь мне. Не важно, что ты увидишь мое лицо: мы с твоим шефом знакомы.

Нина медленно обернулась. Сейчас она не плакала, но секунду назад готова была разрыдаться. Окинув Теда изучающим взглядом, она убедилась, что пистолета уже не видно.

– Извини, я очень неловко представился. Я невежа.

Она, все еще испуганно, кивнула.

– Успокойся. Это твой кабинет?

– Да.

– Садись на свое место. А я – на этот стул. И мы вместе подождем Линча. Ты согласна?

Нина очень медленно обошла стол. Села.

– Положи руки на стол, пожалуйста.

Она послушалась.

– Давно ты работаешь с Линчем?

– Нет. Всего несколько месяцев.

Тед кивнул.

– Понятно. В соседних офисах кто-нибудь бывает?

Нина колебалась.

– Скажи правду, Нина.

– Остальные два на этаже свободны.

– Тем лучше.

– Вы мне дали слово...

– Я тебя не трону. Мне надо было представиться тебе по-другому, теперь я это понимаю. Не ожидал тебя встретить. Не знаю почему, но я не представлял себе, что у Линча может быть секретарь. Глупо с моей стороны.

Нина промолчала.

– Вон пончики, угощайтесь, – она указала на коробку подбородком.

Тед не мог не улыбнуться.

– Нет, спасибо. Так Линч обычно приходит в девять?

Нина не помнила, чтобы говорила такое, но, возможно, и говорила. Минуты, прошедшие с ее прихода, сплелись в ее голове в запутанный клубок событий и эмоций.

– Да, – ответила она на всякий случай.

Тед откинулся на спинку стула и засунул руки в карманы спортивной куртки, которую надел, потому что под ней пистолет был не так заметен.

Он нащупал рукоятку, на секунду закрыл глаза и снова задал себе тот же вопрос, что и минутами раньше: *Что я творю?*

На столе у Нины Линч увидел коробку глазированных пончиков, подошел, подцепил крышку пальцем, приоткрыл, с недовольной гримасой осмотрел содержимое. Девушка, подумал он, наверное, вышла в уборную, но тут в его собственном кабинете послышался какой-то шум. Неужели она готовит ему там какой-нибудь сюрпризец? Предпочел бы ошибиться, иначе придется провести с ней неприятную беседу о необходимости уважения личных границ. Он открыл дверь и обнаружил, что секретарша сидит за его столом, будто аршин проглотила, да еще и с вытаращенными глазами. Она не обнажила свои прелести, не приняла провокационную позу, судя по тому, как побледнело ее лицо, это явно была не игра. Линч проследил за взглядом Нины и увидел человека, стоящего в углу.

– Что здесь происходит? – спросил Линч.

Тед смотрел на него, не в силах скрыть изумления.

Это несомненно был Линч, но он казался значительно старше того юноши, с которым Тед беседовал у себя дома. На лбу у него проступили тонкие морщины, в волосах появилась седина. При этом он не потерял обаяния: зрелость обошлась с ним милосердно. Но блеск юности угас. Тед коснулся рукой головы и на мгновение прикрыл глаза. Когда он открыл их, ничего не изменилось.

– У него пистолет, – сказала Нина.

– Но я не намерен доставать его, если мы сможем договориться по-хорошему.

– Он тебя не обидел? – спросил Линч секретаршу.

– Нет.

– Сядь, – приказал Тед.

Линч обошел стол и тяжело опустился на стул рядом с тем, на котором сидела Нина.

– Как тебе сегодняшние утренние новости? – спросил Тед, подходя к двери и запирая ее. При этом он нарочно повернулся спиной к обоим своим заложникам.

– Ты это мне или ей? – попытался пошутить Линч.

– С этого момента все вопросы я задаю тебе. Девушка – это так, сопутствующий ущерб.

– Так отпустил бы ее, а мы тут с тобой разобрались бы сами.

– Подумаю.

Тед принял прежнюю позу, на этот раз опираясь спиной о дверь кабинета.

– Я новости не смотрел, – сказал Линч.

– Уэнделл мертв. – Тед изучил лицо адвоката, но не прочел на нем ни следа удивления. – Убит.

– Почему бы нам не обсудить это, как подобает цивилизованным людям? – сказал Линч, покосившись на Нину.

– И не думай.

– Она никому ничего не скажет, – заверил Линч. – Правда, Нина?

Девушка пропустила мимо ушей большую часть диалога, но тут энергично закивала.

– Никому ничего.

– Теперь, когда ты убедилась, что мы с Тедом знакомы, – продолжал Линч, – тебе уже не надо бежать в полицию. Ну а мы тем временем с Тедом разберемся с нашими проблемами.

Тед на секунду задумался. Понятно, что он не мог свободно обсуждать гибель Уэнделла при девушке. Не признаваться же при незнакомом человеке в убийстве.

– Иди домой, – сказал он ей наконец.

Нина вскочила, как подброшенная пружиной, обежала вокруг стола и остановилась перед Тедом, изо всех сил сжимая сумочку и глядя умоляюще ему в глаза. Но Тед все не отходил от двери и буравил глазами Линча, пока тот не понял, что от него требуется.

– Нина, – сказал он, – об этом никому ни слова. Нам с Тедом действительно надо кое-что обсудить.

Тед отошел в сторону. Нина выскочила пулей, не подумав закрыть за собой дверь. Тед сделал это за нее.

– Теперь выкладывай всю правду, Линч. Рассказывай, как меня подставил, ублюдох.

– Признаю, что утаил часть информации, но поверь, так было надо.

Тед одним прыжком оказался у стола, уперся ладонями в столешницу и наклонился к самому лицу Линча.

– Так было надо, говоришь? Ты скрыл, что Уэнделл женат и у него две дочери. С тех пор как я узнал об этом, мне все мерещатся на их месте мои близкие.

– Если бы я сказал тебе про жену и детей, ты бы никогда не сделал того, что сделал, – холодно бросил Линч.

Тед достал из кармана браунинг.

– А у тебя, Линч, есть жена и дети? Признавайся, а то ведь я могу сию

секунду и тебе разнести башку вдребезги.

– Тед, будь добр, опусти пистолет, я тебе все объясню.

– Я уже однажды слушал твои объяснения, ублюдок. – Тед тряхнул головой. – Все так запутано...

– Ты о чем?

Тед опустил оружие. Снова спрятал его в карман. Придвинул стул, стоявший рядом с картотечными шкафами, и тяжело на него опустился.

– Выкладывай все начистоту, Линч. Брось свои игры.

Адвокат кивнул.

– Я назвал тебе свое настоящее имя, Тед. Мне было ясно, что рано или поздно ты явишься сюда. Пришло время рассказать тебе всю правду. – Линч шевельнулся на стуле и выдал сокрушительную фразу: – Уэнделл не собирался кончать с собой.

Стоило Линчу произнести это, как в картотечном шкафу, точнее в нижнем его ящике, что-то гроыхнуло. Тед инстинктивно повернул голову на звук. Он не повторился. Судя по лицу Линча, тот ничего не слышал.

– Мы познакомились с Уэнделлом в университете, – продолжал Линч, – подружились. В те годы как раз возникла организация, Уэнделл в нее вступил и очень скоро стал одним из ее столпов. Но он не был заинтересован в восстановлении справедливости, Тед. Уэнделл – отъявленный убийца. Он убивал и убивал многие годы.

Тед нахмурился. Линч продолжал рассказ.

– Я недавно почти случайно узнал о параллельной деятельности Уэнделла. Думаю, я подозревал его всегда, но не хотел себе в этом признаваться.

– Почему ты не заявил на него?

– Ты видел, как он живет? Он влиятелен, у него много связей, ему помогают. У него в прошлом были проблемы, но он легко выкрутился. Не говоря уже о том, что я ничего не мог доказать.

– Жена и дети – не единственное, что ты скрыл от меня, – заметил Тед. – Про камеры наблюдения ты тоже забыл сказать.

– Мне очень жаль.

– Жаль ему... – повторил Тед обреченно. – Ты хоть осознаешь, что перед тобой человек, которому нечего терять?

– Ты все поймешь, вот увидишь.

– А Блейн? Вся твоя информация о нем – полное дерьмо. Каждая собака и так знала, что он виновен. Если ты хотел расправиться с Уэнделлом, зачем послал меня убивать Блейна?

В шкафу снова гроыхнуло. Громче, чем в первый раз. Как будто

кулаком стукнули в стенку ящика изнутри. Тед вскочил.

– Что это было?

– Ты о чем?

Сердце Теда билось как сумасшедшее.

– Давай я тебе кое-что покажу, – сказал Линч. – У меня этот материал как раз в ящике стола.

Тед снова навел пистолет на Линча.

– Открывай медленно.

– Само собой.

Линч выдвинул второй ящик.

– Вот эта папка.

– Доставай ее.

Тед снова сел на стул. Папка выглядела точно так же, как те, которые Линч передал Теду у него дома. Тед собрался открыть ее, но адвокат его остановил.

– погоди, сначала я хочу тебе кое-что объяснить. Как я уже сказал, недавно мне стало известно о делах Уэнделла, об убийствах. Он когда-то был моим другом, но зло, которое он творил, перевесит любую дружбу. – Он помолчал. – Открывай папку.

Тед спрятал браунинг.

– Скажи, что в ней.

Он не решался притронуться к папке.

– Холли изменяла тебе, – выложил Линч без обиняков. – В этой папке неоспоримые доказательства. Фотографии, записи телефонных разговоров, счета из гостиниц.

Тед скорчил презрительную гримасу. Это уж точно неправда. Он протянул руку, чтобы открыть папку, но в последнюю минуту передумал. Что-то в лице его переменялось.

– Холли подала на развод, – продолжал Линч. – Вы давно уже не ладили.

– Это полная чушь.

– Подумай минутку...

Тед снова прокрутил в голове кадры с Холли в доме Уэнделла, опять увидел девочек, со всех ног бегущих к дому, улыбающихся, с розовыми рюкзачками. Куча эпизодов, пережитых им с Холли в последние месяцы, всплыла у него в памяти. Действительно, это он в последнее время вел себя отчужденно, холодно, оправдываясь работой и черт знает чем еще. Открывать папку не хотелось.

– Я следил за Уэнделлом, – сказал Линч, – и случайно узнал об измене

Холли. Это довольно длинная история.

В шкафу опять застучало.

– Хватит! – крикнул Тед железному ящику.

Линч с ужасом глядел, как Тед вскочил, в два прыжка очутился у шкафа и изо всех сил пнул его ногой.

– Заткнись!

Он вернулся к столу и в порыве внезапной ярости хлопнул ладонью по папке. Она отлетела к шкафу, несколько листов с напечатанным текстом и одна из фотографий наполовину вывалились из нее. Тед вскрикнул, упал на колени рядом с фотографией и стал в ужасе ее рассматривать. Снимок был сделан с улицы через окно ресторана. Холли сидела в профиль, слегка наклонившись над столом. Она улыбалась, и рот ее был приоткрыт. Она готова была попробовать что-то, что ей протягивал некто, сидящий напротив. Видна была только часть руки мужчины. Тед поднялся на ноги. Он отступал, не сводя глаз с фотографии, и внезапно наткнулся на металлический шкаф. Изнутри в ответ посыпался целый град ударов.

Тед наклонился, выдвинул нижний ящик и едва сдержал крик, зажав рот руками.

– Что там? – спросил Линч.

Опоссум высунул морду из ящика, принюхался, как накануне, сидя на крышке в саду Робишо, вскарабкался на бортик, его передние лапы повисли в воздухе, и он, перевалившись через край, шлепнулся на пол.

Тед, спотыкаясь, выбежал из кабинета, не вспомнив о пистолете, который так и болтался у него в руке, будто продолжение кисти. Он бежал по коридору, ломился в каждую дверь, но только ударялся о них и отступал: они все были заперты. Где же лифт, будь он проклят! Тед схватился руками за голову и так добежал до конца коридора, где чуть ли не спикировал по какой-то грязной тесной лестнице, ступени которой становились все уже. Раза два он едва не упал. Нижний этаж был гораздо темнее верхнего: ни одна лампа не горела, под некоторыми дверями валялись кучи нераспечатанных затоптанных писем. Он толкнул первую попавшуюся дверь и оказался в пустом кабинете, пропахшем затхлостью и пустотой. Старый массивный каталожный шкаф, который его хозяева не удосужились вынести, глядел на него с удивлением, будто разинув пасть в том месте, где не хватало одного ящика. Тед обнял его и медленно сполз по металлической стенке на пол. Он не сводил глаз с открытой двери, откуда вот-вот должен был появиться опоссум.

Часть вторая

В тот самый миг, когда Тед Маккей был готов разнести себе пулей мозги, во входную дверь настойчиво зазвонили.

Он открыл глаза. Дневной свет, бивший в окно кабинета, ослепил его. Удары в дверь не заставили себя ждать. А с ними и голос того, кто по идее должен был оказаться незнакомцем.

Тед встал и тут же обнаружил в кармане брюк какой-то тяжелый предмет. Левой рукой он нащупал знакомые закругленные очертания подковы. Тед удивленно осмотрелся. В кабинете, который, как он помнил, был перевернут вверх дном, царил обычный порядок: на столе все на своих местах, книги – на полках, компьютер – на столике сбоку. Пока Линч орал, чтобы ему открыли дверь (Тед знал, что это Линч), он только и смог, что дотянуться до кнопки компьютера, как будто включить компьютер означало окончательно убедиться, что все происходит на самом деле. Аппарат, просыпаясь, как всегда, замигал лампочками и зажужжал. Тед со смесью ужаса и раздражения тут же выключил его, нажав и подержав нажатой ту же кнопку. Мысленно он услышал, как ему выговаривает Надин: *Ты неправильно выключаешь, папа. Надо щелкнуть «Пуск», потом «Завершение работы».* Так меня мама учила. Тед вздрогнул. На столе лежало письмо для Холли.

– Откройте, прошу вас!

Тед искал ключи в баночке, а за дверью все продолжали кричать, и в конце концов он дождался знакомой фразы:

– Откройте же, наконец, Тед!

Почему меня не удивляет, что ты знаешь мое имя, Линч?

Он отпер дверь кабинета. Прочитал записку для Холли: «Дорогая, я оставил дубликат ключа на холодильнике. Не входи с девочками. Люблю тебя». Казалось, что это писал другой человек. Тед не мог выкинуть из головы фотографию Холли в ресторане, где она склонялась над столом, чтобы попробовать кусочек, который протягивал ей любовник. Но можно ли помнить то, чего еще не случилось?

– Иду! – крикнул Тед.

Выйдя в гостиную, он увидел знакомый силуэт за окошком рядом с дверью. На этот раз Тед опять разглядывал все с острым интересом, но не потому, что уже простился со всеми этими вещами, не надеясь их больше увидеть, а потому, что помнил их побитыми, разбросанными и

растерзанными.

Открыв дверь, он увидел Линча, юную версию Линча, с сияющей улыбкой, в разноцветной полосатой рубашке-поло и с таким неуместным потертым чемоданчиком.

– Что бы вы ни продавали, мне это не интересно, – слегка перефразировал Тед слова своего другого я.

– Ох, боюсь, продать мне вам нечего.

Диалог продолжался, и Тед заметил, что Линч не подает никаких признаков того, что беседует с ним не в первый раз. Его поведение было слишком естественным. Тед снова захлопнул дверь перед носом посетителя, но на этот раз не остался стоять перед ней, чтобы убедиться в осведомленности Линча о том, что он собирается делать с пистолетом, оставленным в кабинете на столе, а бегом бросился на кухню, к холодильнику. Пляжная фотография Холли оказалась на месте, Холли на ней все так же замерла на бегу в странной позе. На месте была и рамка из фольги, которую смастерили Надин и Синди. Тед постоял немного у холодильника, с облегчением водя пальцем по изображению жены, как будто ему нужно было это прикосновение к скользкой бумаге, чтобы убедиться, что фотография действительно тут.

Он сунул руку в карман. Подкова тоже была настоящей. Он сжал ее в кулаке, не вынимая из кармана, и в этот миг кончиками пальцев нащупал клочок бумаги. Не веря своим глазам, он достал истертую записку, написанную собственным почерком:

ОТКРОЙ ДВЕРЬ

ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Тед вернулся в гостиную, чтобы впустить настойчивого посетителя. Линч все так же стоял, улыбаясь, под жарким полуденным солнцем.

Тед сидел на корточках, обхватив голову руками, покачиваясь туда-сюда, и не сводил глаз с фотографии Холли на пляже, которую он положил на пол у своих ног. Надо было разобраться.

Это опухоль...

Доктор Кармайл предупредал, что головные боли могут возобновиться, могут появиться головокружения и даже галлюцинации. Ведь предупредал же?

Да, доктор Кармайл говорил о галлюцинациях. Но одно дело, когда по саду у тебя бегает домовой, из унитаза встает радуга или творится еще какое-нибудь психоделическое дерьмо в этом роде, и совсем другое – то, что происходит с ним.

Он заставил себя встать, и тут тяжесть подковы напомнила ему, что хоть что-то на этот раз отличается. Он вынул ее из кармана и долго разглядывал. Воспоминание о том, как он подобрал ее на дорожке во владениях Уэнделла, было очень ярким. Так же отчетливо он видел внутренним взором каждую деталь дома у озера. Записка тоже была здесь, и по тому, насколько она была измята, ясно было, что в кармане она провела много времени.

Тед наклонился и положил подкову рядом с фотографией. Он потом решит, оставить ли ее здесь или забрать с собой. Сейчас в первую очередь надо было поговорить с Холли. Они с ней условились не разговаривать до пятницы, то есть до тех пор, пока она не придет подписывать документы о разводе. Как же он умудрился забыть такую важную деталь? Он еще сказал ей, что адвокатам потребуется несколько дней, чтобы все правильно оформить, а она, как Тед и предполагал, решила съездить на это время с девочками к своим родителям. Напоследок они вполне по-дружески поговорили в гостиной и мирно простились, как будто на какой-то неуловимый миг прежние Тед и Холли восстали из пепла. Но это была иллюзия, которой хватило лишь на то, чтобы небрежно обняться и тепло улыбнуться друг другу на прощание. События последних месяцев не оставили от их союза камня на камне, восстанавливать было нечего. Тед признавал, что отчасти виноват и он... да только он на самом деле и виноват. Его целиком поглотила работа, как признался он позднее Лоре Хилл, и он сам не заметил, как стал отдаляться от семьи и становиться тем, прежним Тедом, строптивым подростком, которого никто не понимает, а

ведь казалось, что ему удалось побороть в себе это благодаря чувствам, которые он питал к родным. Начались головные боли, он вечно был не в духе; даже девочки стали поглядывать на него с опаской. «Со страхом, Лора, а ведь нет ничего ужаснее, чем понять, что тебя боится твой собственный ребенок. Как будто кто-то посторонний взял над тобой власть». Именно тогда он пошел к Кармайклу, потому что головные боли мучали его уже не раз в день, а три-четыре раза, причем становились все сильнее. Тед опасался худшего: злокачественной опухоли. С другой стороны, возможность приписать свое гнусное поведение кучке мертвых клеток сильно облегчает жизнь.

Новость не столько его расстроила, сколько позволила ясно увидеть перспективу. Лора, надо признать, очень помогла ему. Помогла распрощаться с некоторыми иллюзиями, к которым он слишком долго был привязан. Отношения с девочками стали налаживаться, да и с Холли тоже. И вот тогда она попросила его о разводе. «Я давно хотела серьезно с тобой поговорить». Беседа прошла весьма цивилизованно. Она сказала, что лучше так, чем если бы он узнал все от ее адвоката, ведь они заслужили того, чтобы все кончилось так же хорошо, как и начиналось. Тед разделял ее мнение.

Теперь он гораздо лучше понимал ее мотивы.

– Здравствуй, Тед, – отозвался голос Холли с того конца провода.

– Здравствуй...

Дорогая.

Он ощутил укол в груди. У его ног лежала фотография улыбающейся Холли в красном купальнике. Любимая его фотография.

– Ты как там?

– Нормально. Извини, что звоню тебе на мобильный.

– Ничего страшного. Что-то не так с документами?

– Нет, бумаги почти готовы.

Молчание.

– Холли, ты у родителей?

Или у любовника?

– С какой стати я должна давать тебе отчет?

– С тобой мои дочери, так что думаю, должна.

Стоило этой фразе сорваться с языка, как он тут же о ней пожалел.

– Прости.

– Ты по какому делу звонишь, Тед? Я занята.

Тед совершенно растерялся. Да, Холли определенно его обманывала, но тогда она действительно в опасности. Кто знает, чего можно ожидать от

Уэнделла.

Ты ведь не знакома с Уэнделлом.

– Береги себя, Холли.

– Я и так себя берегу. В чем дело? Произошло что-то, о чем я должна знать?

Тед понял, что надо срочно придумывать отмазку. – Были странные звонки, звонили нам домой, я беспокоюсь.

– Странные звонки? Что за звонки? Ты в полицию сообщил?

– Не думаю, что стоит это делать. Упоминали тебя, поэтому я и забеспокоился.

– Меня? – теперь, похоже, Холли по-настоящему встревожилась.

– Я не хотел тебя волновать, но ведь надо было предупредить, правда?

– Да, да, понимаю.

– Ты только береги себя.

– Постараюсь. Спасибо.

Тед не мог не улыбнуться, услышав эти почти дежурные слова благодарности.

– Пока, Холли.

– До пятницы, Тед.

– Сегодня я чуть не покончил с собой, – произнес Тед будничным голосом.

Он сидел в кабинете Лоры Хилл в обычном своем кресле и смотрел на стоявший посреди журнального столика стаканчик с водой. Потом поднял глаза.

– Тебя это, кажется, не особенно трогает, – проговорил он с бледной улыбкой.

– Но ведь ты здесь, – ответила она, улыбнувшись в ответ.

– Утро было безумное. Даже не знаю, с чего начать.

– Времени у нас довольно.

Тед сидел у Лоры уже несколько минут, но так нервничал, что только сейчас обратил внимание на то, как она выглядит.

– А ты сегодня с распущенными волосами, – заметил он.

Лора вспыхнула, тряхнула головой, так что волосы веером прошлись по ее лицу. Они стали явно светлее, чем обычно.

– Вчера была в парикмахерской. Решила сменить имидж.

В галлюцинации последних дней Лора не ходила в парикмахерскую. Опухолям явно не было дела до таких подробностей.

Это была не галлюцинация! Линч приходил к тебе сегодня утром.

Улыбка сползла с лица Теда. Если требовалось еще одно доказательство реальности последних событий, то оно лежало у него в кармане брюк. Он нашел подкову у дома Уэнделла и прекрасно запомнил это место, хотя получается, что на самом деле никогда там не бывал.

– Так что же случилось сегодня утром, Тед?

– Я сидел дома в кабинете, приставив к голове браунинг, как вдруг кто-то как бешеный начал колотить в дверь. Похоже, что я только в этот момент осознал, где я и что собираюсь сделать.

По лицу Лоры невозможно было прочесть ничего.

– Ты не помнишь, как взял в руки оружие?

– Мало этого. Я не помнил и до сих пор не помню почти ничего из того, что со мной в последние дни происходило. Только смутные обрывки воспоминаний. И отчасти потому, что у меня есть... есть другие воспоминания. Как будто опухоль все перемешала.

– Продолжим про сегодняшнее утро. Вот ты в кабинете. Слышишь стук в дверь. И что дальше?

– На столе лежит письмо для Холли, написанное мною собственноручно. Еще я повесил снаружи на двери кабинета предупреждение, чтобы она не входила с девочками. Явно все было основательно продумано. Похоже, пока я обнаруживаю деталь за деталью, прошлое понемногу проясняется у меня в голове.

– Ты действительно веришь, что мог бы нажать на спусковой крючок?

Тед склонил голову и потер висок. Лора протянула руку и слегка сжала его плечо.

– Тед, оставайся со мной, смотри на меня. Вот так... Кто же стучался к тебе в дверь?

– Некто Линч, – сказал Тед. – Я подумал, что он коммивояжер, и попытался отделаться от него, но оказалось, он знал, что я собирался делать в кабинете: сказал что-то про оружие, не помню точно что, но это было довольно верно. Но главный абсурд заключался в том, что мне казалось, будто я уже раньше побывал в этой ситуации и знал, о чем Линч будет говорить и что предложит. Как будто смотришь фильм, который помнишь наизусть.

– Думаешь, с тобой это действительно раньше было?

– Нет, – сказал Тед. – Это опухоль, Лора. Доктор Кармайкл говорил, что такие опухоли могут вызывать галлюцинации, что она могла давить на определенные участки мозга, и отсюда...

– Погоди, Тед. С доктором Кармайклом, если понадобится, мы поговорим. Я пока хочу узнать, возможно ли, что ты когда-то был знаком с Линчем, может быть, в прошлом, когда был моложе.

– Удивительно, что ты об этом спрашиваешь.

– Почему?

– Потому что в этой фантазии, о которой я рассказываю, мы снова встретились с Линчем спустя несколько дней, и казалось, что он стал старше лет на десять-пятнадцать. Так вдруг раз и состарился. – Тед щелкнул пальцами. – Как во сне, когда люди меняются в мгновение ока.

Тед что-то вспомнил, тряхнул головой и засмеялся.

– Что такое? – спросила Лора.

– Вспомнил, что как будто был здесь у тебя, – сказал Тед, оглядывая стены. – Волосы у тебя были, как раньше, ведь я не мог знать, что ты их теперь носишь по-другому. Но, боже... я вспоминаю мелкие детали. Ты веришь, что это возможно? Можешь такое себе представить?

– О чем мы говорили? На сеансе, я имею в виду.

Тед сунул руку в карман, нащупал полукруг подковы.

– О том, почему я бросил шахматы.

Лора, казалось, была удивлена.

– Что у тебя в кармане?

Тед достал подкову, схватил ее обеими руками и долго смотрел на нее с таким выражением, будто пытался решить сложную задачу. Лора заговорила очень тихо:

– Миллер подарил тебе ее перед тем, как ты бросил шахматы, ведь так?

Тед резко вскинул голову и уставился на Лору широко раскрытыми глазами. Она сочувственно улыбнулась.

– У меня хорошая память – что поделаешь? – сказала Лора. – Когда ты рассказывал мне про Миллера и про подкову, я поняла, что это важно для тебя. Но не думала, что ты ее сохранил.

– Нет, это не та подкова, не Миллера. Но очень похожа. Я нашел ее... точно не знаю где. Не помню, – солгал Тед.

У озера в поместье Уэнделла!

– Ты мне говорил, что этот Линч сделал тебе какое-то предложение. Какое?

– Боже, все это полный бред... Он сказал, что принадлежит к секретной организации, подбирающей людей вроде меня, чтобы поручить им восстановление справедливости. Требовалось покарать тех преступников, которые остались на свободе из-за сбоя в системе правосудия, что-то в этом роде. В благодарность они позволяли мне войти в клуб самоубийц, хотя Линч его так не назвал.

– И таким образом твоя семья и семьи других участников не так пострадали бы от последствий самоубийства, – заключила Лора, явно восхищаясь глубиной замысла.

– Вот именно.

– Остроумно, надо признать. Хотя мороз по коже. Ты о таком впервые слышал?

– Уверен, что впервые.

– Кого же ты должен был убить? Ради восстановления справедливости, я имею в виду.

– Типа по имени Эдвард Блейн. Он прикончил свою подружку, но остался на свободе.

– А, да, об этом говорили по телевизору. Сестра жертвы требует, чтобы его судили во второй раз, потому что следователи допустили ошибку.

Тед вспомнил, как Трейси Пендергаст рассказывала про этот случай в гостиной Артура Робишо.

– Кажется, под квартирой располагалась прачечная и проходила

горячая труба, отчего тело не остывало.

– Что же ты сделал в своей *фантазии*, Тед?

– Фантазия... Смешно звучит.

– Я знаю.

– Думаешь, эти воспоминания – действительно часть моего прошлого?

– Возможно, какие-то элементы и реальны. Но давай сосредоточимся на том, что ты помнишь. Какие чувства ты испытывал к Блейну?

– Считал, что должен его убить. Хотя сейчас я считаю, что нелепее ничего нельзя придумать, но в той другой реальности убить Блейна было делом вполне разумным. Это было столь же разумно, как мне покончить с собой. Так что я забрался к нему в дом. Помню интерьер во всех подробностях, хотя и уверен, что никогда там не был. Я спрятался в шкафу и дождался, когда он заснет. И тогда вошел к нему в спальню и убил его.

– Взял и хладнокровно застрелил?

– Нет. Блейн догадался, что я в доме, и несколько осложнил мне задачу. Но я его все же убил.

– А что было потом?

– С этого момента история начинает все больше смахивать на сон. Я отправился к другому субъекту, которого должен был убить. Его звали Уэнделл, и предполагалось, что он ждет меня. То есть предполагалось, что он входит в клуб самоубийц. Он жил в огромном доме среди леса, рядом с озером, принадлежавшим ему же. Я дождался в доме и, как только он вошел, застрелил его. Предполагалось, что Уэнделл не женат и детей у него нет, по крайней мере, так мне сказал Линч. Тем не менее через несколько минут явилась женщина с двумя маленькими дочками.

– Но ты же говорил, что у Уэнделла не было детей.

– Я так думал. Линч опустил эту информацию, потому что понимал: знай я о детях, никогда бы не согласился.

– А об этом откуда тебе известно?

– Позднее Линч мне сам признался.

– Значит, ты с ним встречался еще раз.

– Конечно. Заподозрив, что меня обманули, я отправился к Артуру Робишо, моему однокашнику. Он адвокат, и мы с ним давным-давно не виделись. В школе он был робким тихоней и почти ни с кем не дружил, мы с товарищами над ним издевались и жестоко подкалывали. Думаю, подобные воспоминания не отпускают всю жизнь. Так вот, я пошел к нему домой, а у него как раз день рождения. Были гости, другие однокашники, все лузеры, как сам Артур, многих я не узнал.

– Погоди-ка, – перебила Лора. – У тебя на фирме наверняка работают

адвокаты. Почему ты не обратился к ним?

– Артур до этого помог мне составить завещание, – сказал Тед. Произнося эту фразу, он вдруг осознал, что у него нет подтверждения этим словам. В фантазии это было как бы делом известным, да и сам Робишо вел себя так, как будто они после длительной разлуки виделись уже не в первый раз, однако...

– Робишо помог тебе найти Линча?

– Что стоит за всем этим, Лора? – Тед снова вцепился в подкову. – Я как будто видел сон наяву. Теперь я припоминаю, что на этом дне рождения в доме Робишо... был один зверь, опоссум, который то и дело появлялся.

Лора насторожилась и даже слегка привстала.

– Опоссум?

– Да. Я видел его несколько раз. В первый раз на столе на террасе собственного дома, но тот раз я едва помню. Во второй раз – у Артура. Он там прятался в старой крышке. А потом я увидел его в конторе у Линча, когда наконец к нему пришел.

– В кабинете?

– Он вылез из каталожного шкафа. – Тед помотал головой и усмехнулся. – До чего ж по-идиотски звучит. Хорошо бы поверить, что это сон!

– Будем надеяться, Тед, что мы к тому и идем. Скажи, что произошло, когда ты пришел в контору Линча.

– Линчу за это время стало намного больше лет. Он превратился в моего ровесника или даже старше. Пришлось пригрозить ему, и он сознался, что у Уэнделла действительно была жена и дочери. И даже хуже того.

– То есть?

– Уэнделл в действительности не был самоубийцей, а состоял в их тайной организации, – произнес Тед, не сводя глаз со стакана, – но... сбился с пути.

– Начал убивать, кого самому заблагорассудится?

Тед удивился. Предположение Лоры казалось диким, тем не менее она угадала.

– Да. Надо было его остановить.

– Но почему тебе?

Пришло время перейти к самой сути. Тед боялся, что, если бред и в самом деле имел точки соприкосновения с реальностью, речь шла именно об измене Холли. Остальное могло оказаться всего лишь зловещей упаковкой, которой его сознание пыталось замаскировать сокрушительную

правду.

– Линч следил за Уэнделлом и обнаружил, что у того есть любовница...

Тед не закончил фразу. Он сжимал подкову обеими руками и почти бессознательно тянул ее в разные стороны, словно пытаюсь разогнуть.

– И это была Холли, да?

Тед молча кивнул.

– Хочешь воды, Тед?

– Нет, спасибо.

– Ты сегодня звонил Холли?

– Да. Вполне мирно поговорили. Я ей ничего не сказал.

– Думаю, на сегодня мы на этом и остановимся.

Тед, казалось, не слышал последней фразы.

– Что все это значит, Лора? Мог я ничего не заметить? Я про Холли. Теперь, когда думаю об этом, мне кажется, что какие-то признаки были, может быть...

– Хватит. Оставь это на сегодня.

– Ну ладно.

– Нам надо встречаться ежедневно, Тед.

– Хорошо.

– Постарайся отдохнуть.

Тед встал. Лора тоже.

– Тед?

Он посмотрел на нее.

– Никуда не выходи, понял?

– Понял, – ответил Тед. И тут же вспомнил еще одну деталь той нелепой параллельной реальности. – Твой сын ведь бойскаут?

– Да.

– В фантазии у него была какая-то проблема с разрешением на поход. Кто-то позвонил тебе и сказал об этом прямо во время сеанса.

Лора с улыбкой указала на телефон, который, конечно, ни разу не звонил с тех пор, как Тед переступил порог кабинета.

– К счастью, сегодня ничего такого не было, – сказала Лора.

Тед направился к двери, все еще сжимая в руках подкову.

– Кармайкл был прав: психотерапия мне на пользу, – сказал он больше самому себе, чем терапевту.

Это было то самое место, где Тед нашел подкову. Тропинка, ведущая к дому Уэнделла. Дом уже показался вдали, был виден сквозь листву, и Тед поднял глаза, чтобы изучить его как следует. Он был уверен, что раньше бывал здесь. Понятно, что, если бы он подошел поближе, вошел в дом и обошел все его комнаты, прежние воспоминания перемешались бы со свежими впечатлениями, и невозможно было бы отделить одни от других.

Тед обещал Лоре никуда не выходить, но ему не терпелось во всем разобраться. Он закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, вызывая в памяти каждую знакомую деталь: частную пристань, огромную гостиную с панорамным окном, выходящим на озеро, площадку для игр позади дома. И тем не менее, если верить логике, никогда раньше нога его здесь не ступала.

Ну конечно, ты здесь побывал! Ты ведь застрелил Уэнделла. Узнав, что он любовник Холли, ты съехал с катушек и пристрелил его. Просто взял и уколошил. А уже после этого записался в клуб малахольных, чтобы не смотреть правде в глаза.

Если так и было, то прямо сейчас он сможет в этом убедиться. До дома Уэнделла оставалось около полутора сотен метров. Тед нарочно не стал брать с собой браунинг: в правой руке он сжимал подкову, которая вполне годилась для самозащиты, но пока только помогала собраться с духом.

«Ламборгини» стоял на своем месте, и это наводило на мысль, что Уэнделл сейчас мирно рыбачит посреди озера. Но нет. Сколько Тед ни осматривал участок от берега до причала, сколько ни всматривался в широкую водную гладь, нигде не было ни следа знакомого оранжевого спасжилета. Ни следа Уэнделла. Может, уплыл аж к тому берегу озера, подумал Тед. Подняв голову, он заметил одну из многочисленных камер видеонаблюдения и подмигнул ей.

Входная дверь была заперта. Вот и еще что-то не так, как в прошлый раз. Тед подошел к окну. Стекло было тонированное, так что пришлось сложить ладони биноклем, чтобы разглядеть хоть что-нибудь. Не важно, что Уэнделл мог его заметить: именно этого Теду и хотелось. На ковер в прихожей Тед смотрел, словно в транс: именно сюда упал сраженный пулей Уэнделл, но, разумеется, сейчас никто бы и не подумал, что на этом ковре человек истек кровью. Подобные вещи и приводили в совершенное отчаяние. Еще можно было смириться с тем, что раньше он бывал в доме

на озере, но забыл все напрочь, однако откуда он в таких подробностях помнит, как умирал на ковре Уэнделл?

Тед обошел дом в поисках другого входа. Можно было позвонить или постучать, но Тед предпочел перед встречей с Уэнделлом разведать обстановку. Если верить Линчу, этот тип – опасный злодей, и нетрудно было догадаться, как он прореагирует на появление мужа своей любовницы. На мгновение Теда охватила тоска по браунингу, однако решение не брать его с собой было разумным. Не убийца же он, в конце концов.

Уэнделл не рыбачил у противоположного берега озера: его лодка была привязана у причала. Тед зашел за дом и подергал дверь огромного гаража, рассчитанного на несколько машин. Она тоже не поддавалась. Тед подумал, что можно было бы разбить подковой стекло, но тут заметил игровую площадку на пологом склоне позади дома. Там стоял розовый замок, такой, из крашеной фанеры, они еще стоят кучу денег. Дорожка, посыпанная белым гравием и окаймленная валунами, вела к воротам. Тед поднялся по склону и остановился, разглядывая замок. Он был высотой метра два, с четырьмя башнями по углам и с нарисованными на стенах принцессами из диснеевских мультфильмов: Белль, Тиана, Ариэль... Тед знал их всех. Он не устоял от соблазна подойти поближе и заглянуть в окошко. Внутри стоял пластмассовый столик с двумя стульчиками.

– Ты кто? – прозвучало за спиной.

Тед все еще стоял, просунув голову в окошко замка, когда услышал вопрос. Это был Уэнделл. Тед ни разу в жизни не слышал его голоса, но было в нем что-то на удивление знакомое, говорившее больше, чем внешность. Тед поднял руки вверх в знак отсутствия агрессивных намерений и медленно вытащил голову наружу.

– Я Тед, – произнес он, оборачиваясь. Пояснений не требовалось, Уэнделл должен был узнать его, едва увидев, если еще не узнал и не решил поиграть в кошки-мышки.

Но Уэнделл удивленно поднял брови. Он стоял у калитки, ведущей в лес, и был одет так, как Тед его запомнил: джинсы, рубашка в синюю клетку и оранжевый спасжилет. Зачем ему в лесу понадобился спасательный жилет?

– Что ты делаешь на моем участке? Ты один пришел? – Растерянность, похоже, была вполне натуральная. Что-то такое слышалось в его голосе.

Почему он мне так знаком?

– Да, один.

Снова та же растерянность на лице Уэнделла. И быстрые взгляды по

сторонам.

– Тебя Линч прислал?

Тед усмехнулся. Похоже, взаимопонимание налаживалось.

– Слушай, Тед, – продолжал Уэнделл, – не знаю, что ты за гусь, но, если Линч прислал тебя, чтобы меня убить, он кретин. Ты и мухи не обидишь.

Непонятно, как в его правой руке возник пистолет. Тед все смотрел Уэнделлу в лицо, но стоило опустить глаза, пистолет тут как тут.

– Холли – моя жена, – сказал Тед, будто оправдываясь. Это было первое, что пришло ему в голову.

Лицо Уэнделла мгновенно изменилось. Он помял свободной рукой подбородок.

– Интересное кино... Ну заходи.

Тед указал на замок.

– Сюда?

– Именно. Не в дом же тебя впускать. А это так, для страховки, – сказал он, имея в виду пистолет. – Если мы договоримся, уйдешь отсюда на своих двоих. Мне совсем не улыбается рушить замок собственных дочерей.

В двустворчатые ворота замка маленькая девочка могла войти, не нагибаясь, Теду же пришлось чуть не на коленях вползать. Пол в замке был резиновый. Внутри, кроме пластмассового стола и двух стульчиков, висела полка, а на ней стоял чайный сервиз. Уэнделл вошел следом, и оба взгромоздились на стулья, будто великаны-захватчики. В замке температура была на несколько градусов выше, чем снаружи, при этом – ни сквознячка. Уэнделл положил оружие на стол.

– Смешно, – сказал Тед.

– Выходит, Холли – твоя жена, – произнес Уэнделл с тем же недоумением, что и раньше. – И Линч отправил тебя убивать меня. Дай-ка я угадаю. Он сказал, что мы с твоей супругой – любовники. Так?

– Он мне еще кое-что сказал.

– Оно и видно.

Уэнделл на несколько секунд задумался.

– Выкладывай все, что Линч тебе наговорил обо мне.

– Не дожدهшься.

– Забавно, – сказал Уэнделл. – На секунду мне показалось, что это не у меня пистолет.

Тед вздохнул. В голове стучало. Он пришел к дому Уэнделла, чтобы убедиться, что тот жив, а теперь, когда Уэнделл собственной персоной сидел напротив, не знал, что делать. Единственное, в чем он не сомневался,

так это в том, что, если этот тип опасен, стоит в этом убедиться ради Холли.

– Линч рассказывал мне об организации, призванной исправлять ошибки судебных органов и вершить правосудие. Он мне говорил, что ты сбился с пути, что начал действовать на свой страх и риск, не придерживаясь протокола. И попросил меня устранить тебя.

Уэнделл замотал головой. Черты его исказились от гнева.

– Сукин сын! – пробормотал он себе под нос.

– А что не так?

– Нет никакой организации, Тед, – прорычал Уэнделл в ярости. – Я знаю Линча со студенческих лет, и он тогда еще носился с этой дурацкой идеей. В то время мы дружили. Лет двадцать назад. С тех пор мы еще виделись от случая к случаю, хотя дружба шла на убыль. И вдруг несколько месяцев назад он вздумал шантажировать меня одной историей из прошлого, не важно какой. Большая глупость с его стороны, ведь ничего не стоило и на него накопать что-нибудь. Он не дурак, но тут не сообразил прикрыть свою задницу. Ты понял?

– Нет.

– Это не я, а Линч крутит шашни с твоей женой.

– Что?

– Я нанял двух типов, чтобы они на него что-нибудь нарыли, – объяснил Уэнделл. – Они обнаружили, что он встречается с замужней дамой, и нащелкали кучу фотографий. Я послал их ему и написал, что, если ему еще когда-нибудь вздумается шантажировать меня, я этим не ограничусь. С тех пор он не кажет носа.

– Опиши мне эти фотографии.

– Зачем?

– Прошу тебя.

– Да я их особо не рассматривал.

– Была там сцена в ресторане?

– Да. Была целая серия фотографий, сделанных снаружи через стекло. Они сидели за столом друг напротив друга, и он ее чем-то угощал.

Тед помнил фотографию, но видел он ее не целиком. Если Уэнделл говорил правду, то мужчина, сидевший за столом с Холли, – сам Линч.

– Не улавливаешь? – спросил Уэнделл. – Линч отправился к тебе, навешал на уши лапши про организацию, чтобы достичь сразу двух целей.

Смысл в этом был, но все же Тед не готов был слепо верить. Он уже поверил Линчу, и ничего хорошего из этого не вышло.

– Зачем ему нужна была твоя смерть? – спросил Тед, пытаясь удобнее

устроиться на детском неудобном стуле.

– Какой бы он еще отхватил бонус, кроме того, что не надо было бы больше скрывать шашни с Холли? Объясняю. Джастин Линч только и знал, что завидовал мне с тех самых пор, как мы познакомились. Завидовал все более страстно и явно. Его обида подтачивала нашу дружбу, пока совсем ее не съела. Посмотри на дом, в котором я живу, на машину, которую вожу, на мою семью. Оборот моей фирмы – сотни миллионов долларов в год, а где он работает, ты, наверное, видел: грязный офис, где он занимается делами обиженных жен и прочей ерундой. И разве я ему не помогал поначалу? Но после каждого правильного решения, которое принимал я, он принимал неправильное. Как по-твоему, у него достаточно оснований, чтобы убить меня? Но этот трус даже не решился сделать это сам. Он обратился к тебе и набрехал про какую-то организацию.

Тед задумался. Оставалось еще несколько непроясненных вопросов. Как Линч узнал о задуманном самоубийстве? Было маловероятно, что он сочинил всю эту брехню про организацию на ходу. Он должен был знать про самоубийство заранее. Вопрос, откуда. И если он знал, что Тед планирует самоубийство, то почему бы не дать ему совершить его, чтобы освободить себе дорогу к Холли?

Ты не хотел убивать себя.

– О чем ты думаешь? – спросил Уэнделл.

– Все слишком запутанно.

– Да нет, все просто, поверь мне. Джастин никогда бы не решился встать передо мной и нажать на спусковой крючок, у него кишка тонка. Ему нужен был кто-то, а ты оказался под рукой. Странно, что он решил, будто ты справишься. Еще и выбирать не умеет.

Теду даже как-то обидно стало. В своей фантазии он застрелил Блейна и самого Уэнделла, как настоящий профессионал. Даже подсыпать снотворного собаке догадался!

К сожалению, наяву ни в кого Тед не стрелял, если не считать черных силуэтов на стрельбище. Уэнделл был прав: он не способен застрелить человека.

Только одно не сходилось в теории Уэнделла: если они действительно не были раньше знакомы, то почему Тед помнил, будто раньше бывал в этом доме?

Не видел ты этого дома. Ты здесь сегодня впервые.

Опять эта приводящая в отчаяние мысль. Он хотел уцепиться за те ощущения, которые испытал, когда пришел сюда пешком по тропинке, что вела к дому, и смог вспомнить дом во всех деталях, еще не подойдя к нему.

Так и было на самом деле. За это и надо было держаться. Вдруг он вспомнил о подкове. Ему показалось, что если сжать ее покрепче, все сомнения рассеются. Он сунул руку в карман.

Уэнделл насторожился. Рука его, как молния, метнулась к оружию.

Но Тед почти сразу понял, что дело не в том, что он потянулся за подковой. Целясь в Теда, Уэнделл смотрел в одно из окошек замка.

– А я, дурак, поверил, что ты один пришел! – с упреком произнес Уэнделл, не отводя взгляда от окна.

– Я и пришел один.

– Значит кто-то шел за тобой.

Со своего места Тед не мог видеть, о ком говорит Уэнделл. Он чуть наклонился и посмотрел... И его как громом поразило. Чернокожий в белом халате шел вдоль стены дома. Это был Роджер, странный тип, которого он встретил в доме Блейна, в гостиной, когда собирался уходить.

– Знаешь его? – Уэнделл все еще держал Теда на мушке. – Что этот тип делает у меня дома?

– Не уверен, что мы с ним знакомы.

– Не уверен?

Роджер беспечно шагал, засунув руки в карманы. Дойдя до угла, он свернул к озеру, удаляясь от Теда и Уэнделла.

– Похоже, он уходит.

– Куда? Тут за три километра ничего нет. Что этот тип делает у меня на участке?!

Роджер, расхаживающий по участку Уэнделла, оказался вторым связующим звеном между *фантазией* (Теду это название не ложилось на душу, да какая разница) и явью. Первым была подкова и записка, найденная на письменном столе.

Уэнделл буквально вытолкнул его из замка.

– Так ты знаком с этим парнем или нет?

– Да, думаю, я его откуда-то знаю.

Уэнделл вздохнул, подняв глаза к небу, будто искал там объяснений поведению Теда, а потом встряхнул его за шиворот.

– Сосредоточься! – Уэнделл приблизил свое лицо к лицу Теда и заглянул ему в глаза. – Ты думаешь, этот тип следил за тобой или просто ищет тебя наугад?

– Думаю, второе.

Уэнделл выпустил его воротник. Помял себе подбородок, бросил взгляд на боковую стену замка и погрузился в размышления, созерцая белый гравий игровой площадки.

– Иди за мной.

Они вошли в лес.

– Куда мы идем?

– У меня в машине есть одна вещь. Хочу ее тебе показать. Но лучше, чтобы этот тип нас не видел.

Они скрылись за деревьями и обошли дом, оказавшись наконец на тропинке, ведущей к нему. В это время Роджер, должно быть, находился за домом и не мог их видеть. Они подошли к машине сзади. Багажник открылся автоматически еще до того, как они приблизились.

Внутри аккуратно рядами стояли коробки. Уэнделл выбрал одну, поднял крышку, вынул папку и протянул ее Теду.

– Что это?

– Бери, – велел Уэнделл. – У меня вокруг дома бродит посторонний, времени нет рассусоливать.

Тед взял папку. Она была точно такая же, как та, что показывал ему Линч. Открыв ее, он тут же увидел фотографию со сценой в ресторане. Уэнделл не солгал. На фотографии явно было видно, что спутник Холли – Линч, и именно он протягивает ей что-то в ложке, предлагая попробовать. Не было сомнений, что фотография сделана недавно: короткая стрижка и

более светлый тон волос Холли служили тому доказательством. Тед стал рассматривать другую фотографию. Холли и Линч шли среди прохожих по тротуару... взявшись за руки! На третьей...

Уэнделл вырвал папку из рук Теда:

– Хватит с тебя.

Тед так и замер с протянутыми руками, будто держащими невидимую папку.

– Ну, убедился? Нет никакой организации, все гораздо проще. Линч обманул тебя, он хотел убрать тебя с дороги, обвинив в том, что ты убил МЕНЯ. Мы еще займемся Линчем. Но не сейчас.

Тед молчал. Уэнделл опять встряхнул его, чтобы вернуть к жизни.

– Послушай. Иди вон в ту сторону. Пройдешь через лес и выйдешь на шоссе. Эта дорога чуть длиннее, но я не хочу, чтобы тот тип тебя заметил. Знаешь, как его зовут?

– Роджер, – пробормотал Тед. – Кажется, Роджер.

– Отлично. Я займусь нашим общим другом Роджером. – Уэнделл достал пистолет.

Тед вытаращил глаза.

– Ты что собрался с ним делать?

– Он нарушил границы моих частных владений. – Уэнделл усмехнулся. – Не волнуйся, шугану как следует, да и все. Я тебе потом позвоню.

Тед двинулся в сторону леса. И всего раз оглянулся через плечо на удаляющегося Уэнделла. Вспомнил, что Уэнделл обещал позвонить, а он не давал ему номера своего телефона. Подумав, от души рассмеялся. Что-то подсказывало, что позвонить это не помешает.

В гостиной на месте большой застекленной двери оказалась деревянная стена с маленьким окошком. И хотя Тед не мог этого видеть, он знал, что снаружи эта стена розовая и на ней нарисованы диснеевские принцессы.

Идти приходилось почти на ощупь. Было темно, и только квадратик света служил ему ориентиром. Не было слышно ни звука, кроме гипнотизирующего почмокивания волн в саду. Как и во владениях Уэнделла, пришлось нагнуться, чтобы выглянуть в окошко.

Океан облизывал склон пенными языками. Белые барашки, сверкая, пробегали по поверхности воды под синеватой вуалью лунного света. Тед высунул наружу руку и тряс ею до тех пор, пока не сработал датчик движения и фонарь не осветил террасу. Не было ни опоссума, ни Холли. Однако рядом с мангалом все так же валялись шахматы в деревянной коробке.

Тед вытянул руку как можно дальше, пальцы коснулись крышки, но, когда он попытался нажать на нее, чтобы подтащить поближе, вышло наоборот: она оказалась на несколько сантиметров дальше. Он стоял на коленях. Пришлось сменить позу, чтобы просунуть в окошко плечо, правда, края оконного проема впились в шею и в ребра. Он попытался подтащить шахматы к себе снова, на этот раз вслепую, ведь голова оставалась внутри, и он, кроме темноты, ничего не видел. Пальцы дотянулись до уголка коробки, поцарапали крышку и подтащили шахматы чуть ближе. Он не дал себе передышки и не задумался, зачем ему, собственно, эта коробка с шахматами. Ясно было одно: открыть ее абсолютно необходимо. Коробка как будто была уже ближе, однако, когда он пытался ухватить ее кончиками пальцев, она оказывалась все на том же месте. Ему пришла нелепая фантазия, будто коробка удаляется, будто она плавает в необъятном море, подступившем к самому дому. И каждый раз, когда он касался коробки, собственная рука представлялась ему эластичной, способной неимоверно вытягиваться в длину от окна замка до отплывшей коробки. И сколько бы он ни прилагал усилий, как бы ни вытягивал руку, коробка каждый раз удалялась ровно на такое расстояние, что он едва мог ее коснуться.

Тед отчаянно загребал рукой, словно сумасшедший пловец, пытаясь поймать коробку, кисть его превратилась в когтистую лапу, и каждый раз когти впивались в угол крышки, но не могли удержать ее. Он ощущал свое

бессилие, рама окна все так же давила на его истерзанное тело, щека начинала неметь.

В изнеможении он уронил руку, и она тут же сократилась до нормальных размеров. Еще некоторое время он висел на окне: рука снаружи, а тело внутри, давая себе время отдышаться. Потом выглянул и увидел, что коробка с шахматами все так же лежит у мангала, и на крышке ни одной царапины.

Шум заставил его поднять глаза. В море выростал темный протуберанец, истекающий водой панцирь чудовища, оказавшийся крышей автомобиля. Тед узнал его сразу: это был красный «мустанг», который водил отец, когда Тед был еще маленьким. Задняя часть машины постепенно показывалась из воды, это был ржавый остов, покрытый водорослями, но все еще узнаваемый. Машина перестала всплывать, хотя была еще наполовину в воде. Багажник вдруг открылся сам собой, и Тед ощутил животный ужас. Он не хотел видеть, что там внутри.

Из-за угла дома вышел Роджер, подойдя к багажнику «мустанга», он протянул руку, будто приглашая кого-то на танец. Навстречу потянулась другая рука, ладонь легла в руку Роджера. Не без труда из багажника выкарабкалась Холли. Еще бы! У нее ведь не хватало одной ноги. На ней было то самое любимое Тедом бикини, что на фотографии с холодильника, только немного выцветшее. Кожа у Холли была белая и скользкая, лицо осунулось, она практически потеряла человеческий облик. Казалось, даже будь ее нога на месте, она все равно ковыляла бы еле-еле. Роджер вел ее за руку. Они подошли к террасе и с трудом взобрались на две ступеньки. Именно в этот момент Холли вроде бы заметила, что перед ней розовая стена. Рассматривая и узнавая одну за другой диснеевских принцесс, она слабо заулыбалась. Но радость ее угасла при виде окна и Теда в окне. Под ее обвиняющим, полным упрека взглядом ему захотелось сжаться, укрыться в темноте, но не в его власти было решать, что делать. Холли приговорила его к пытке долгим взглядом, а потом заковыляла к мангалу, опираясь на Роджера, который, казалось, не проявлял к Теду никакого интереса и был занят исключительно исполнением обязанностей поводыря.

Холли указала Роджеру на коробку с шахматами, он наклонился и осторожно поднял ее обеими руками, а потом торжественно вручил Холли, которая приняла ее на руки, как новорожденного. Она обняла коробку жадно и ревниво и бросила на Теда взгляд, который явно говорил: *коробка – моя!* А потом повернулась и медленно побрела под участливым взглядом Роджера. Теда пронзила боль при виде этого костлявого и жалкого остова, не имеющего ничего общего с роскошным упругим телом, которое

помнил он.

Холли и Роджер вернулись в океан, и она снова полезла в багажник «мустанга», который все это время на прежнем месте ждал, разинув пасть, будто жестяное чудовище. Прежде чем багажник захлопнулся, Холли обернулась и бросила на Теда еще один безжалостный взгляд.

Теду ничего не оставалось, как спрятаться. И проснуться.

– В детском игрушечном замке? – потрясенно переспросила Лора.

– Да, – подтвердил Тед, удивляясь, что именно эта подробность привлекла внимание психотерапевта. – Я подошел, сам не знаю зачем, видимо, замок бросился мне в глаза и я подумал, как бы мои дочери были рады иметь такой же. Тут появился Уэнделл и предложил войти. Почему это тебя так заинтересовало?

Лора улыбнулась:

– Не знаю. Думаю, в том, что он не пригласил тебя в дом, есть свой резон: он ведь не знал, зачем ты явился.

– Конечно.

– Ты можешь описать мне замок?

Тед наморщил лоб.

– А надо?

– Хочу понять, почему ты в первую очередь подошел к замку. По твоим словам, он стоит не так близко к дому.

– Да, метрах в пятидесяти, наверное. Там игровая площадка у самого леса. Замок бросается в глаза: он розовый, а на стенах нарисованы диснеевские принцессы, как будто они водят вдоль стен хоровод. По углам четыре остроконечные башни, над окнами козырьки и много мелких интересных деталей.

– Ты только что сказал, что твои дочери рады были бы иметь такой же и что ты, подходя, думал об этом. Как ты считаешь, почему у них такого замка не было?

– У моих дочек много чего было. Дела мои шли неплохо.

– Но такого замка не было. Почему?

Раньше во время сеансов беседа обычно не принимала подобного оборота. Тед растерялся.

– Давай я сформулирую по-другому, – сказала Лора. – Ты человек обеспеченный, и я уверена, что ты покупал Синди и Надин много всяких игрушек. Тем не менее когда ты увидел замок, то сразу подумал о том, что у них такого не было.

– Не понимаю, почему это так важно. Я просто увидел замок и вспомнил о них... Я соскучился, так что, думаю, подошел для того, чтобы почувствовать себя к ним ближе, вообразить, что бы они сказали, если бы увидели его. По-моему, вполне логично.

Лора промолчала.

– В общем, не знаю, Лора. Я думал, мы поговорим о другом, о Линче, о Холли. – Тед помотал головой. – Надеюсь, что ты сможешь мне разобраться.

– Да, ты прав. Поговорим об этом. – Лора улыбнулась своей фирменной безжалостной улыбкой. – Так, значит, Уэнделл тебе сказал, что вся эта история с организацией – просто одна из дурацких идей, которые они с Линчем вынашивали в студенческие годы, и что отношения между ними со временем становились все более натянутыми.

– Да. Похоже, что Линч пытался его чем-то шантажировать, не знаю точно, чем именно, поэтому Уэнделл устроил за ним слежку и выяснил насчет Холли.

– И ты ему поверил? Судя по твоему описанию, Уэнделлу едва ли стоит доверять.

– Мне не пришлось принимать это на веру. Когда мы вышли из замка, он повел меня смотреть фотографии. Они не оставляют сомнений.

– Так он впустил тебя в дом?

– Нет, они у него были в машине.

Лора помолчала. Потом спросила:

– И что ты по этому поводу чувствуешь, Тед?

– Гнева не испытываю, если ты это имеешь в виду. Я сам виноват, что наш брак рухнул к чертям. Вчера она мне опять снилась.

И Тед рассказал сон о террасе за домом. Когда речь зашла о розовом замке, Лора заинтересовалась. В глазах ее вспыхнул блеск, без сомнения означавший: вот видишь, я оказалась права, замок важен. Тед пропустил только одну деталь из сна: он не рассказал о мужчине, который сопровождал Холли, когда она вышла из моря. О Роджере он не готов был говорить. Пока не готов.

– Интересно появление коробки с шахматами, – сказала Лора. – Это предмет, тесно связанный с твоим прошлым. Ты говоришь, что Холли взяла коробку и посмотрела на тебя с опаской, будто хотела ее от тебя защитить.

– Да. И ощущение было ужасное.

– Что именно ты почувствовал?

– Как будто коробка с шахматами – ее, и она меня застучала, когда я пытался ее присвоить. Холли ни разу в жизни ее не видела. Я сам ее много лет не видел. Но ты права: мне тоже кажется, что она тут – представитель моего прошлого, того меня, каким я был в определенный момент, и Холли беспокоится о чем-то, что меня символизирует, о том, что очень важно для меня. Но это во сне. Боюсь, наяву сейчас все совсем иначе.

Он был так увлечен беседой, что только в этот миг окинул взглядом кабинет. День был ясный, и утреннее солнце нагло ломилось в окна. Большой квадрат света занимал половину комнаты. Лора на этот раз не задернула занавески. Тед задержал взгляд на окне, и отблески на стекле ослепили его. Посмотрев на Лору, он увидел на ее лице медленно тающий черный квадрат.

– Так что? Ты собирался рассказать мне о коробке с шахматами.

Тед кивнул.

– Шахматы принадлежали моему деду Элуолду. Прямоугольный футляр вот такого размера, – Тед показал размер руками, как будто действительно держал коробку на коленях. – Он был из очень тонкой древесины, темной и гладкой, и на каждой стороне изображалась половина шахматной доски. Футляр раскрывался, как книжка, и тогда из двух половин составлялась целая шахматная доска.

Тед вспоминал каждую мелочь, блаженно грезя наяву.

– Фигуры лежали внутри, каждая в своей бархатной выемке, точно подогнанной так, что фигура плотно входила в нее, если чуть нажать. Помню, что одна из выемок почему-то стала шире. Туда вставлялась белая пешка. Я знал, что надо открывать коробку так, чтобы сторона, где лежат белые фигуры, оказывалась внизу. Эту пешку я вынимал первой. Она была второй в правом ряду.

– У тебя лицо светлеет, когда ты говоришь о шахматах.

– Да. Думаю, это потому, что они у меня ассоциируются с ранним детством, когда я был счастлив. После смерти Миллера я бросил играть совсем, а дома был ад. Мать все больше погружалась в болезнь, а отец обращался с ней все хуже. Он ушел жить к любовнице, а я остался с матерью именно тогда, когда болезнь особенно обострилась. Я остался один в самом трудном возрасте. Перемена была очень резкой.

– Отец перестал тобою заниматься?

– Практически перестал. Сначала он стремился видеться со мной, но я отказывался. Я был строптивым подростком, злым на весь свет. Хуже всего, что матери моей было глубоко начхать на то, злой я или добрый. Она жила в своем мире. Видно, тоже когда-то взбунтовалась, как я, но по другим причинам. Мне всегда казалось, что измена отца заставила ее сдаться, уступить болезни и потерять контроль над своей жизнью. Это были ужасные годы. Позднее пришлось ее отправить в больницу.

Тед помолчал. Потом загадочно улыбнулся.

– Ты отличный профессионал, Лора, – похвалил он ее по-братски. – Знаешь, на какие рычаги нажать, чтобы язык развязался.

Она тоже улыбнулась:

– А куда за эти годы подевались шахматы?

– Помню, что сначала они хранились где-то в доме. Но однажды, возвращаясь из школы, я обнаружил на улице кучу выброшенного барахла, и коробка с шахматами была там же. Многие из вещей еще пригодились бы в хозяйстве, но матери приспичило от них избавиться. Она часто такое устраивала, говорила, что в барахле заводятся насекомые и тому подобное. Я забрал шахматы и спрятал их где-то у себя в комнате, чтобы она не нашла. Наверное, она их позже все-таки обнаружила, потому что с тех пор я их не видел.

– Ты сказал, что мать госпитализировали.

– Да. Чуть раньше, чем мне исполнилось восемнадцать, в жизни наступило некоторое равновесие. Я бросил играть роль малолетнего хулигана и хронического нонконформиста, поступил в университет. Вдали от дома мне удалось преодолеть заразу тех злосчастных лет, взяться всерьез за учебу и даже помириться с матерью. Когда я приходил к ней в больницу, все было по-другому: там за ней следили и заставляли принимать лекарства.

– Не помнишь, снилась ли тебе раньше эта коробка с шахматами?

– Нет, раньше точно не снилась. А теперь не в первый раз снится одно и то же или почти одно и то же. Думаю, у меня на террасе что-то случилось... что-то такое, чего я не помню.

Тед невольно понизил голос. Дело явно было не только в сегодняшнем сне, за ним скрывался более глубокий смысл.

– Почему ты так решил?

– У меня провал в памяти, Лора. И рассудок как будто заполняет его повторяющимися воспоминаниями, обрывками реальности, чем попало. – Тед схватился руками за голову и застонал от бессилия. – Что-то случилось на веранде моего дома, и думаю, это связано с Уэнделлом. Я бывал раньше в его доме, уверен. Мне надо...

– Успокойся, Тед. Я помогу тебе расставить по порядку эти воспоминания.

Тед похолодел. Поднял глаза и взглянул на Лору, как громом пораженный.

– Что я сказала?

– Расставить по порядку, – повторил за ней Тед. – Именно в этом дело, я чувствую. Ты думаешь, опухоль?..

Лора взглянула на часы.

– Я думаю, что на сегодня достаточно.

Тед ждал Уэнделла на огромной парковке. Еще лет сорок назад на этом месте была знаменитая фабрика по производству пишущих машинок, от которой осталось теперь одно заброшенное здание.

– Ты что здесь делаешь? – Уэнделл остановился при виде Теда как вкопанный.

Тед пожал плечами:

– Мне надо было с тобой поговорить.

– Как ты меня нашел?

– Ты ведь хозяин этого участка, да?

Уэнделл действительно приобрел фабрику через подставное лицо. Он построил вокруг двухметровый забор с колючей проволокой, повесил на ворота огромные замки, здание фабрики стояло в самой середине участка и хорошо просматривалось, но все равно на парковке валялись битые бутылки, а стены были изрисованы.

– Что ты здесь делаешь, Тед? – спросил Уэнделл, видимо смирившись с неизбежным. Он стоял у двери своей машины.

– Я же сказал: мне надо с тобой поговорить.

Уэнделл как-то ухитрился посмотреть одновременно во все стороны.

– Ты явился с тем типом в халате?

– Я один.

Уэнделл кивнул и двинулся к одному из углов здания.

– Иди за мной.

Поколебавшись, Тед подчинился. Свернув за угол, он увидел, что Уэнделл стоит перед металлической дверью, чуть согнувшись и перебирая связку примерно из двадцати ключей. Когда очередной ключ не подошел и дверь не открылась, Уэнделл несильно пнул ее ногой и тихо выругался. Это напомнило Теду отца: тот делал точно так же в годы раннего детства Теда, когда ключ не подходил к двери сарая. Наконец Уэнделл нашел нужный ключ и вошел, оставив дверь открытой. Теду снаружи был виден лишь темный прямоугольник, черты лица Уэнделла едва угадывались. Когда глаза немного привыкли к темноте, обнаружилось, что это инструментальная кладовка размером чуть больше ванной комнаты. В ней был верстак, заваленный бог знает чем, и полки по периметру, на которых стояли какие-то бутылки, банки с краской и прочие вещи, покрытые слоем пыли. Еще не успев войти, Тед почуял запах плесени и растворителя и

невольно сморщил нос. Уэнделл зажег единственную лампочку и приказал:

– Входи.

Что творится с этим типом? Что за мания разговаривать в самых нелепых и неудобных местах? В этой конуре мы едва уместимся стоя.

– Ты и дверь закроешь?

Вместо ответа Уэнделл протянул руку и взялся за щеколду. Прямоугольник солнечного света сузился и исчез. Почерневшей от копоти лампочке потребовалось некоторое время, чтобы восстановить смутный набросок интерьера.

К едкому запаху растворителя в качестве дополнительного неудобства добавилась жара. На Уэнделле была кожаная куртка, так что он, наверное, варился заживо.

– О чем ты хочешь узнать, Тед? – Он двигал одними губами, лицо оставалось каменным.

Они стояли в полуметре друг от друга. Тед облокотился о полку, боясь грохнуть в обморок.

– Давай сразу к делу. Я знаю, что ты мне солгал, и хочу выяснить почему. Вчера у себя дома ты притворился, что не знаешь меня. Но мы с тобой виделись раньше.

– Да? И где же?

– Тебе прекрасно известно, что ответа у меня нет. Ты потому и притворился, что мы не знакомы. Думал, этот номер прокатит.

– Жаль тебя разочаровывать, но ты ошибаешься.

– Нет, не ошибаюсь, – твердо ответил Тед. На самом деле ему нечего было возразить по существу, не было ничего конкретного, но, если уж устраивать Уэнделлу проверку, придется переть напропалую. Иногда в шахматах бросаешься в атаку, не зная точно, обеспечит ли она преимущество или приведет к провалу, но главное, что и твой соперник этого не знает. – Я начинаю что-то припоминать.

Уэнделл изменился в лице. И тем выдал себя.

– Ну говори...

Уэнделл отступил на шаг и задел не слишком устойчивый стеллаж. Все на нем заходило ходуном, но чудом не рухнуло.

– Я знаю, что раньше бывал в твоём доме, – закинул наживку Тед.

По лицу Уэнделла было видно, что он ждет продолжения.

– И еще что-то произошло на террасе моего дома, – добавил Тед.

На этот раз реакция Уэнделла была очевидна: недовольная гримаса, поджатые губы, раздутые ноздри. И через секунду – взрыв: верстак чуть не хрустнул от удара кулаком.

– Тед, твою мать! Какого хрена ты создаешь проблемы!

– Ладно, Уэнделл, шутки в сторону. Я откровенно признаюсь тебе: у меня в памяти провал, как будто какие-то вещи встали *не по порядку*.

Уэнделл замотал головой:

– Кто это тебе сказал? Твоя докторша Хилл?

Теперь пришла очередь Теда удивиться:

– Ты ее знаешь?

– Тед, будь другом, давай оставим все как есть! Лучшее, что ты можешь сделать, – это открыть дверь и уйти. Поверь, это для тебя же лучше. Все это время я только и делал, что защищал тебя.

Они обменялись долгим взглядом.

– Хочешь, скажу тебе, что я думаю? – спросил Тед дрогнувшим голосом.

Уэнделл развел руками и поднял взгляд к потолку, показывая своим видом, что возражать бесполезно.

– Я думаю, что организация действительно существует, – продолжил Тед, – и что я был ее членом. Думаю, что Линч завербовал меня давно, когда был моложе...

– Хватит об этой дурацкой организации! – Вопль Уэнделла эхом отозвался в маленькой каморке. – Я уже сказал: ее выдумал Линч в студенческие годы и описал в идиотском рассказе, который сдал как домашнее задание преподавателю по писательскому мастерству. Мы к этому не имеем никакого отношения.

Тед рассматривал стену, где на щите были закреплены инструменты. Любым из них он мог бы выбить из Уэнделла всю подноготную.

– Ты что, собрался вогнать мне в шею отвертку?

Тед фыркнул:

– Выкладывай, что тебе известно, Уэнделл. Брось юлить. Скажи, от чего ты пытаешься защищать меня.

Уэнделл покачал головой.

– Вижу, что ты не сдашься. Иначе ты бы здесь не стоял. – Уэнделл помолчал секунду. – Ты помнишь того типа, который вчера появился у моего дома?

– Роджера?

– За тобой шпионят, Тед, он и доктор Лора Хилл, и ты, как последний идиот, перед ней распинался, выкладывал все, что знаешь. Но я тебя не виню, они тебе запудрили мозги.

– погоди. Я ничего не понимаю. Кто такие *они*? И откуда ты знаешь Лору?

– Лора Хилл и Кармайкл – видимая часть айсберга.

– Кармайкл?

– Именно. Послушай, Тед, твоя амнезия или что там у тебя – это благословение. Ты прав, мы с тобой были знакомы, ты тысячу раз у меня бывал. И Линч тоже. Все шло неплохо, пока Линч не завел шашни с Холли. Тут и начались неприятности.

Уэнделл указал большим пальцем себе за спину. Тед был настолько погружен в то, что услышал, что не обратил на этот важный жест должного внимания.

– Чем мы занимались вместе с Линчем?

– Во всяком случае, не этой дурацкой организацией. Брось вообще думать о ней. Линч вечно носился с идиотскими идеями, бедняга... идея связаться с твоей женой – не единственная из них.

– Ты сказал *носился*.

– Линч для меня умер.

Тед кивнул.

– Пойми, Тед, у тебя вот тут, в голове компромат, – Уэнделл подался вперед и ткнул указательным пальцем Теда в лоб, – на тебя. Не стану скрывать, и на меня тоже. Ты был надежно защищен, беспокоиться было не о чем, но тут Холли изменила тебе с Линчем, ты узнал об этом... и из-за этого... ну, у тебя случился заскок.

Тед решил подыграть ему:

– Был момент, когда я, кажется, хотел застрелиться. Но не из-за романа Холли. У меня опухоль мозга, Уэнделл. Этот заскок, о котором ты говоришь, – это чертова опухоль.

Если Уэнделл удивился, узнав про опухоль, то ему отлично удалось это скрыть.

– Лора Хилл ищет в твоей голове компромат, – произнес Уэнделл вполголоса. – Именно этим она занимается на каждом сеансе. Они боятся, что ты сам его обнаружишь, потому и следят за тобой.

– Так почему ты мне всего не расскажешь?! Если эта истина могла бы защитить меня от них, было бы логично открыть мне ее, нет?

– Я же не говорил, что ее знаю.

Несколько секунд они молча сверлили друг друга взглядом. Наконец Уэнделл проговорил:

– Лучше оставить все как есть, Тед. И мой тебе совет: брось общаться с Лорой Хилл, не доверяй ей ни секунды. Знаешь, что она сделает, как только почует, что ты ее подозреваешь? Упрячет тебя в «Лавендер Мемориэл» к законченным психам. У нее на это полномочий хватит, уж ты

поверь. Сюда ко мне приходиться было рискованно. Возможно, они уже слишком далеко зашли.

– Откуда ты столько знаешь про нее?

– Потому что секрет, запертый у тебя в черепной коробке, может уничтожить и нас с Линчем. Мы делали все, чтобы до этого не дошло. Но вот не удалось.

Тед коснулся рукой лба. Ну уж головные-то боли не померещились, подумал он и только собрался что-то сказать, как характерный звук тормозящего автомобиля отвлек его. Тед и Уэнделл обменялись растерянными взглядами, и тут же стало ясно, что ни один из них не ожидал визита. Уэнделл приоткрыл дверь на несколько сантиметров, и в кладовку хлынул поток света. Они вышли, прикрывая глаза согнутыми в локте руками, но Уэнделл не пошел к стоянке, где одновременно хлопнули по меньшей мере три автомобильные дверцы. В нескольких метрах был люк, прикрывающий наружный вход в подвал. Уэнделл начал искать в своей огромной связке нужный ключ. Если неизвестные решили не входить в дом, а обойти вокруг, они могли застукать Уэнделла с Тедом у люка, но так не случилось, и меньше чем через минуту оба спускались по шаткой лестнице, вновь погружаясь в царство теней.

Подвал представлял собой кладбище пишущих машинок, некоторые из них стояли на столах или на полках, целые и невредимые, но грязные и в паутине, другие валялись слегка или сильно поломанные. Еще тут имелись тиски, балансиры и другой допотопный инструментарий. Вытянутые окна под самым потолком были такие грязные, что практически не пропускали свет.

Они пробирались почти на ощупь по этому лабиринту, то и дело обо что-то спотыкаясь, разрывая паутину и чихая от пыли. Не слушая возражений Уэнделла, Тед взобрался на стол у стены, чтобы дотянуться до окна. Рукавом он, как мог, протер стекло. Оно стало ненамного прозрачнее, но все же снаружи обозначились две человеческие фигуры, движущиеся вдоль здания. На них были белые халаты, и, по крайней мере, тот, что шел впереди, был чернокожим.

– Это Роджер, – прошептал Тед.

– А я что говорю! – Уэнделл дернул его за рукав. – Спускайся и больше не высывайся.

После нескончаемого похода по душному футуристическому городу с мрачными пейзажами и экстравагантной архитектурой они подошли к деревянной лестнице.

Уэнделл поднялся первым, в рекордные сроки отыскал нужный ключ и открыл дверь, но прежде, чем переступить порог, обернулся и вытянутой рукой остановил Теда:

– Ты лучше останься здесь. Я сейчас решу один вопрос в заднем помещении, а потом разберусь с твоими друзьями.

Тед вспомнил жест Уэнделла в кладовке для инструментов, когда, говоря о Линче, тот указал в сторону внутренних помещений фабрики.

– Не выглядывай в окна, – напомнил Уэнделл, прежде чем скрыться за дверью.

Было слышно, как он изнутри задвинул засов. Тед не стал ни пробовать дверь на прочность, ни звать во весь голос Уэнделла, требуя, чтобы тот его впустил. Он просто повернулся и медленно пошел вниз по лестнице, держась за перила. Что-то привлекло его внимание, и он на полпути остановился.

В углу вдруг рухнула гора металлолома, и какие-то болванки оглушительно загрохотали по цементному полу. Тед не ошибся:

в полумраке что-то шевелилось.

Он сошел по оставшимся ступеням, не сводя глаз с того угла, где случился обвал, и сделал несколько шагов в сторону от лестницы, в страхе от того, что, как он знал, должно было вот-вот произойти. Он подошел к тому, что, видимо, в прошлом было токарным станком, но не рискнул заглянуть за него. Просто ждал, перепуганный и сломленный, пока не случилось неизбежное... Опоссум высунул из-за станка остроносую мордочку, понюхал воздух, зевнул и пошел, волоча свое круглое пузо, навстречу Теду.

Зверек шарил повсюду глазами, хвост его извивался.

Тед отшатнулся и налетел на стол, на который раньше вставал, чтобы выглянуть наружу. Взобрался на него снова. Опоссум смотрел на него снизу взглядом, полным безграничного терпения.

Что?

Тед обернулся. Через стекло он увидел Роджера и второго типа, но не там, где раньше, а гораздо ближе. Они разговаривали между собой и, казалось, чего-то ждали. Тут к ним присоединился третий силуэт, в котором нельзя было не узнать Уэнделла. Они пожали друг другу руки и коротко о чем-то переговорили. Уэнделл указал на здание и сделал какой-то жест рукой.

Роджер и его спутник кивнули.

Ноги у Теда подкосились. Опустившись на корточки на столе, он обхватил голову руками и заорал во все горло. Опоссум устроился поудобнее, чтобы внимательно наблюдать за Тедом, и это уже было выше сил. Тед зажмурился.

Он увидел свой кабинет. Почувствовал тяжесть браунинга в руке. В дверь застучали.

Тед открыл глаза.

Опять полутемный подвал. Опоссум.

Он сунул руку в карман брюк. Достал подкову и стал смотреть на нее, сжимая ее изо всех сил обеими руками.

Дверь открылась. Вошел Роджер со вторым санитаром. В руке – шприц. Опоссум чуть подался в сторону, чтобы пропустить их.

Часть третья

В психиатрической больнице «Лавендер Мемориэл» города Бостона содержались сорок опасных пациентов. Им выделили корпус С, недавно выстроенный современный флигель. Туда и привезли Теда Маккея в кресле-коляске. Он сидел, свесив голову, из угла рта вытекала тонкая струйка слюны. Старший медбрат Роджер Коннорс толкал кресло, а впереди шагал один из его доверенных сотрудников, тощий парень с суровым взглядом по имени Алекс Макманус. Палаты располагались в восточном крыле, и, чтобы туда попасть, надо было пройти через контрольнопропускной пункт. Когда охранник, отвечающий за безопасность в этом секторе, увидел всю компанию, он удивленно вскинул бровь и жестом остановил их.

– Это еще кто?

– Теодор Маккей, – ответил Роджер.

Охранник положил на стол газету, которую как раз читал, бросил взгляд на мониторы камер наблюдения, как ему и полагалось делать, перед тем как он покинет помещение, вышел из будки и через решетку стал рассматривать пришедших.

– У меня нет никакого распоряжения о госпитализации, Роджер, – проговорил он, чувствуя себя слегка не в своей тарелке. В больнице он работал меньше года, и за это время протокол ни разу не нарушался.

– Доктор Хилл как раз сейчас договаривается с Маркусом.

Маркус Грант заведовал отделением С.

Охранник не находил слов. С тех пор как он начал дежурить в дневную смену, было очень немного госпитализаций, причем обо всех сообщали заранее, за несколько дней.

– Без распоряжения пропустить не могу. Извини.

– Мы подождем здесь.

Охранник недовольно кивнул и чуть внимательнее присмотрелся к Теду, который сидел все так же, чуть наклонив голову, полуопустив веки, с ниточкой слюны, свисавшей с подбородка уже сантиметров на пять. Он был в серой больничной пижаме и с цепями на руках и на ногах. На мгновение показалось, что его зрачки сфокусировались на охраннике, но транквилизатор, который ему ввели, явно должен был продержать его в трансе еще несколько часов.

– А что с ним? – спросил охранник.

Некоторые пациенты этого отделения были убийцами, насильниками или теми и другими сразу. Случалось, что пресса поднимала по их поводу шум. Охраннику имя Теодора Маккея ничего не говорило.

– Можем мы его хотя бы в палату завезти? – спросил Макманус, явно раздраженный. Он только сейчас впервые открыл рот. Роджер, все еще держась за ручки кресла-коляски, обернулся и бросил на помощника неодобрительный взгляд.

– Он пациент доктора Хилл, – весьма лаконично объяснил Роджер охраннику.

– Вот это придется оставить снаружи, – сказал охранник, показывая на подкову, которую Тед сжимал в руках.

– Там видно будет.

Пятидесятилетний Маркус Грант заведовал отделением С и имел все шансы со временем встать во главе больницы, ради чего упорно трудился изо дня в день. Он был холост, бездетен, и все указывало на то, что детей у него так и не будет, поэтому пост генерального директора «Лавендер Мемориэл», к несчастью, стал для него единственной реальной целью. Нет, он не окончательно распрощался с надеждой встретить когда-нибудь достойную женщину и создать семью, но – стоит ли обманывать себя – эта перспектива становилась все более туманной. Временами он готов был сдаться, сосредоточиться на повседневных заботах... но порой его охватывало чувство невыносимой пустоты. Семейная жизнь у него не сложилась. То ли он сам был в этом виноват, то ли просто ему не повезло, а может, сыграло роль и первое, и второе. У него случались длительные романы, которые впоследствии он признавал ошибкой, но порвать с женщиной, даже если он понимал, что рано или поздно это придется сделать, ему всегда было нелегко. Взять хотя бы его нынешнюю подругу Кармен. На год моложе его, разведенная. Двое детей – обоим по двадцать с небольшим, оба учатся в другом городе. У Кармен был веселый нрав и горячий темперамент. Зрелая женщина, не отягощенная особыми заботами: ипотека за дом давно выплачена, работа в парикмахерской не отнимает много сил... Казалось бы, кому, как не ей, брать от жизни все, наслаждаться каждым мигмом, *экспериментировать*? Но Маркус не чувствовал к ней настоящего интереса. Их объединял только секс и редкие совместные развлечения. Кармен обо всем судила поверхностно, была начисто лишена честолюбия и, что хуже всего, не понимала, какое место в жизни Маркуса занимает работа. *«Ты слишком много работаешь, дорогой! Тебе надо брать пример с меня. Я вот все успеваю, еще и свободное время остается»*. Связь без будущего. Сколько их уже было в жизни Маркуса. И вот опять. Просто наступает момент, когда тебе становится ясно: ничего не выйдет. И это в полной мере относилось к Кармен.

– Можно к тебе? – спросила, заглядывая в дверь, Лора Хилл.

Грант отвлекся от грустных мыслей; лицо его просветлело.

– Какой приятный сюрприз! Заходи.

Он поднялся из-за стола, собираясь чмокнуть Лору в щеку, но она встала так, что ему не удалось к ней подобраться, и пришлось лишь отодвинуть для нее стул. Маркус всегда вел себя с дамами учтиво, но Лора

явно подавала ему определенный знак.

– Ты уже обедал? – поинтересовалась она. Маркус, еще не успевший вернуться к себе за стол, замер в надежде:

– Нет еще. Сходим куда-нибудь?

– Нет. Я обедать не иду. У меня к тебе срочное дело. Маркус разочарованно кивнул. С Лорой всегда так.

Поманит издали морковкой и тут же ее спрячет. Она проделывала этот трюк сотню раз, и Маркус неизменно попадался на ее уловку. Впрочем, не исключено, что морковки ему мерещились.

В последнее время в их отношениях появилась некоторая напряженность. Маркусу нравилась Лора, хотя открыто он никогда не признавался ей в своих чувствах, которых она, судя по всему, не разделяла. Роман с Кармен зашел в тупик, и Маркус начал потихоньку подкатываться к доктору Хилл; жаловался, как ему не повезло с нынешней подругой, делал другие намеки. И Лора вроде бы к нему переменялась: то улыбнется, то невзначай коснется локтем, то похлопает его по плечу и не торопится убирать руку... Раза два-три он пытался продвинуться чуть дальше, приглашал ее поужинать или куда-нибудь сходить вместе, но она, не отказывая ему напрямик, всегда находила предлог отклонить предложение. Маркус решил, что ее заигрывания объясняются желанием поскорее забыть о бывшем муже. Клин клином. Роль утешительного приза его не устраивала, но он убедил себя, что она не просто кокетничает с ним, а дает ему понять, чтобы он ждал.

Что еще это могло означать?

На самом деле было кое-что, чего Маркус Грант предпочитал не замечать. Лора использовала их хорошие отношения для продвижения по карьерной лестнице. Маркус действительно постоянно хвалил ее перед главврачом доктором Сарой Макмиллз.

Лора пристально смотрела на него:

– Ты можешь сделать мне колоссальное одолжение, Маркус.

Он вздрогнул. Она и раньше просила его об одолжениях, но никогда не использовала эпитета «колоссальный».

– Если это в моих силах...

– Мне надо положить в отделение С одного пациента, – без предисловий выдала она.

Маркус облегченно вздохнул:

– Это не проблема. У нас пять свободных палат. Отправлю Саре документы, и...

– Мне надо положить его прямо сейчас.

Лора сверлила его взглядом, ни дать ни взять Медуза Горгона.

– Что значит «прямо сейчас»?

Процесс оформления нового пациента обычно занимал несколько дней. Маркус мог подготовить документы в рекордно короткий срок, но даже при этом условии...

– Старший медбрат уже в отделении, с пациентом. Надо, чтобы ты распорядился о госпитализации.

Не оплошай, Маркус. Не ошибись с ответом. Иначе обратишься в камень...

– Лора, ты с ума сошла? Как это, уже в отделении?

– В вестибюле. Твой охранник их не впустил, хотя они и сослались на меня.

– Разумеется, их не впустят! – Маркус встал из-за стола. – Я ушам своим не верю. Одно их присутствие уже ставит меня под удар. Прошу, сейчас же убери их из отделения.

Маркус подошел к единственному окну кабинета и с высоты второго этажа осмотрел двор главного здания, пустой в этот час, если не считать санитара, подметавшего сухую листву. Маркус потер лоб. Он не хотел оборачиваться, потому что знал: если обернется, уступит. То, о чем она просила, звучало как полный бред и сулило ему серьезные неприятности. Он услышал, как Лора встает со стула, и ждал, что сейчас хлопнет дверь, но вместо этого ощутил легкий аромат ее духов.

– Посмотри на меня, Маркус, – шепнула она ему на ухо. – Пожалуйста... Я тебе все объясню.

Он обернулся.

Вот оно, опять: долгий взгляд, мягкое касание пальцами – еще не ласка, но обещание ласки...

– Я понимаю, что прошу о невозможном, – промурлыкала Лора. – Я бы ни за что не осмелилась, если б не знала, что ты – моя единственная надежда.

О чем это она?

Маркус отстранился. Его мозг отказывался связно мыслить, когда его пьянила близость Лоры, ее духи, ее чарующий взгляд...

– Лора, не надо, – сказал он, отступая в другой конец кабинета, под защиту письменного стола. Она проследила за ним взглядом, продолжая с потеряннным видом стоять у окна, будто напрашиваясь на утешение. Хватило доли секунды, чтобы кокетка превратилась в беззащитную страдальицу.

– Как обидно, что ты мне не доверяешь.

– Я тебе доверяю! Скажи хотя бы, кто этот пациент. Почему тебе так срочно нужно положить его ко мне?

– Это особый пациент.

– Не понимаю. Какой-нибудь твой знакомый?

– Нет. – Лора снова села на стул. – Я не могу рассказать тебе о нем. Это заняло бы слишком много времени, а Роджер и так давно ждет, чтобы их пропустили. Но для успеха лечения мне необходимо положить его к вам прямо сейчас. Иначе я не ручаюсь за последствия.

– Боже, Лора. – Маркус тоже опустился в кресло, поставил на стол локти, обхватил голову руками и замотал ею.

Когда он поднял глаза, то заметил на лице Лоры улыбку, которую она тут же стерла.

– Что тут смешного, Лора?

– У тебя сейчас такой вид... Не важно, это личное.

– Твой пациент ведет себя так же.

– Точно.

Маркус почувствовал себя увереннее. Не следовало поддаваться на манипуляции Лоры. Если она смеет просить его о таких вещах, то потому, что в прошлом он слишком много ей позволял. Что же будет дальше?

– Если твоего пациента нельзя положить в обычное отделение, что, скорее всего, соответствует действительности, – ведь у меня нет оснований сомневаться в твоём профессионализме, – то Сара непременно пойдет тебе навстречу. Давай прямо сейчас поговорим с ней. Обещаю тебе всяческую поддержку, но о большем не проси.

Лора молчала, взвешивая его слова.

– Сара никогда не разрешит поместить больного в отделение С без заключения медицинской комиссии. И тебе это отлично известно.

– Но что я могу? У меня связаны руки.

Лора встала, обошла стол и приблизилась к Маркусу. Теперь она могла смотреть и в окно, и на него.

– Вот как мы поступим, – сказала она серьезно. – Дай мне чистый бланк. Я сама его заполню и отнесу в отделение. Если кто-нибудь что-нибудь пронюхает, скажу, что я украла бланк из твоего кабинета.

Маркус остолбенел:

– Зачем ты это делаешь?

– Ты знаешь, как я отношусь к работе, Маркус. Меня не волнуют ни бюрократические закорючки, ни карьера в этой хреновой больнице. Для меня важнее всего пациенты. А этот – особенно. Если я сейчас же не положу его в отделение С, все, чего мне удалось с ним добиться, пойдет

прахом. А этого я допустить не могу.

– Если он будет лежать в моем отделении, тебе придется все мне о нем рассказать.

– Обязательно. Дай мне пару часов, и я расскажу тебе все, что захочешь.

– Когда ты сходишь к Саре?

– Как только смогу. Где бланки?

Они вместе вышли из кабинета. Секретарша Маркуса отлучилась на обед, так что Лоре повезло.

– Вот, – сказал Грант, вынимая из папки лист бумаги. – Поняла, где они у нас хранятся?

Она кивнула и положила бумагу на стол.

– Мне надо, чтобы ты его подписал, Маркус.

– Что?! Ты только что сказала, что подделаешь подпись.

– Нет, я скажу, что подделала ее, если придется давать объяснения. Но сейчас мне надо, чтобы охранник внизу ничего не заподозрил. Я не сумею изобразить твою подпись. Подпиши, чтобы было более или менее похоже. Этого будет достаточно.

Маркус почувствовал, что его затягивает в западню.

– Но эксперт...

– Маркус, я же тебе уже сказала! Я признаюсь, что подделала подпись! Зачем ты все усложняешь? Я прошу тебя об одолжении, я рискую своей задницей, а не твоей. Подробности изложу позже. А ты так трясешься за свою карьеру, что превратился в бюрократа.

Ох.

– Я подпишу.

Маркус схватил со стола секретарши ручку.

Теперь на документе стояла его подпись.

– Я знала, что могу на тебя рассчитывать, – сказала Лора, улыбаясь. Она стояла так близко, что их лица оказались сантиметрах в двадцати. Неужели она его поцелует? Ее зрачки заматались, изучая лицо Маркуса.

Не поцеловала.

Лора Хилл на ходу сунула заполненный документ охраннику. Тот заикнулся было, что его сначала надо отнести в администрацию, но не успел он договорить, как она его перебила, сказав, что сделает это позднее, а сейчас необходимо срочно доставить больного в палату. Охранник больше не возражал.

Лора, Роджер и санитар Макманус направились в то крыло, где располагались палаты. По пути пришлось миновать еще два контрольно-пропускных пункта и общий зал; собравшиеся в нем пациенты проводили их заинтересованными взглядами. Старший медбрат отделения С Роберт Скотт, старый приятель Роджера, поприветствовал их и объявил, что палата готова. Роберт был в курсе происходящего и не задавал вопросов. Если доктор Хилл и доктор Грант договорились обойти некие правила, то это исключительно их дело, не относящееся к его компетенции.

Палаты были оборудованы по самым современным стандартам. Одна стена была полностью стеклянной. Дверь могла открываться и дистанционно, и введением специального кода. Скотт вставил в щель удостоверение, набрал несколько цифр, и дверь, тихонько чмокнув, отворилась. Лора втокнула кресло-каталку внутрь, Роджер и Макманус подхватили Теда под мышки и усадили на кровать. Подкова свалилась у него с колен и загремела по плиткам пола. Лора нагнулась, подняла ее, на секунду задумалась, но все же вернула Теду. Действие транквилизатора уже начало проходить, так что Тед сумел согнуть пальцы и ухватить подкову за конец.

– Оставьте меня с ним на минутку.

Мужчины тревожно переглянулись и нехотя согласились. Руки и ноги Теда были скованы наручниками, и он едва мог шевелить пальцами.

Роджер и Макманус вышли в коридор и присоединились к Скотту. Тот внимательно наблюдал за происходящим в палате. Если с доктором Хилл что-то случится, то отвечать ему, а он, по правде говоря, ничего не знал об этом типе. Тот вполне мог прикинуться сонным, а потом наброситься на женщину и задушить ее. В отделении были пациенты, способные и не на такое, дай им только волю.

Сквозь стекло было видно, как Лора подошла к Теду.

– Завтра поговорим, – сказала она ему. – Постарайся отдохнуть. Тебе будет здесь хорошо.

Тед сидел с полужакрытыми глазами, глядя в пустоту. Когда Лора повернулась, чтобы уйти, он слегка двинул зрачками, провожая ее взглядом.

Макманус вскоре вернулся с еще одним санитаром, и они переодели Теда в новую серую робу. Тед кулем завалился на бок. Кровать была довольно удобная.

Ночью он несколько раз просыпался и не мог понять, где он. С кровати был виден полутемный коридор и палата напротив, откуда мужчина лет пятидесяти смотрел на него полным ненависти взглядом.

– Эй! Черт, да подойдет ко мне кто-нибудь, наконец, или нет?

Тед снова застучал ладонями по стеклу. Вспомнился Линч, который так же отчаянно колотил в его дверь.

Тед обернулся. На кровати лежала подкова: он спал, вцепившись в нее, как ребенок в любимую игрушку. Ясно, что разбить ею стекло не удастся, оно наверняка бронированное, но шуму от нее будет больше, чем от ударов ладонями и криков. Он сходил за подковой и только размахнулся для первого удара, как вдруг обитатель палаты напротив, который все это время сидел на кровати, уткнувшись в книгу, так что лица не было видно, приподнял голову и заговорил.

– Не самая лучшая идея, – произнес он спокойно. Голос его звучал приглушенно, пробиваясь через две стеклянных стены.

– Ну вот, хоть кто-то отозвался, – сказал Тед. Он уже пытался привлечь внимание соседа напротив, но тот предпочитал его не замечать.

– Они придут через пятнадцать минут, – все так же спокойно и неторопливо проговорил сосед.

Видение вчерашней ночи – человек за стеклом с гримасой лютой ненависти на лице – обрушилось на Теда словно напоминание о дурном сне. Какой поразительный контраст с нынешней невозмутимостью! Приятный загорелый мужчина с короткими, чуть седеющими волосами и такой же аккуратной бородкой выглядел самым безобидным человеком на свете, заслуживающим безусловного доверия.

– Через пятнадцать минут? А ты откуда знаешь?

Мужчина переложил книгу в одну руку, а другую вытянул вперед. Рукав серой робы слегка задрался.

– На то есть часы, – сказал он.

– Очень остроумно.

– В семь нам положено оправляться. Я хотел до их прихода дочитать главу, но не смог предвидеть вспышки твоего утреннего энтузиазма. – Он отложил книгу в сторону. – Меня зовут Майк Доусон.

– Оправляться в семь? Но я срать хочу! В палате нет даже завалящей параша.

Майк засмеялся.

– Чего смешного?

– Ты называешь это палатой, как они. Настоящие палаты по другую

сторону зала. А сюда нас сажают, когда мы плохо себя ведем.

Наступила тишина. Из одной из стеклянных камер на Теда робко поглядывал маленький плешивый старикашка. Как только он почувствовал, что его заметили, отступил вглубь.

– Я Тед.

– Добро пожаловать в «Лавендер», Тед. И не волнуйся: я не сделал ничего плохого, просто у меня бывают беспокойные ночи.

– Так тебя здесь не было, когда меня привезли?

– Нет, когда я пришел, ты уже лег спать.

– Ты знаешь доктора Хилл?

Доусон помолчал, обдумывая ответ.

– Да, но она не так часто сюда приходит. Больше бывает в главном здании.

– Сегодня должна прийти.

– Ну, если ты так говоришь...

Тед посмотрел на подкову и, поколебавшись, бросил ее обратно на кровать.

– Что это?

– Ничего. Так, памятная вещица.

– Они здесь бывают очень полезны. Но дам тебе совет: не особо выставляй ее напоказ. Стоит народу с той стороны понять, что она тебе дорога, как они ею заинтересуются. Так здесь все устроено. Потеряешь ее – больше не найдешь, поверь мне. Если они в чем и преуспели, так это в том, чтобы открывать чужие тайники. – Майк Доусон приставил палец к виску и покрутил им.

– Учту. Хотя это не важно: вряд ли мне придется познакомиться с народом с той стороны. Я сегодня же выйду отсюда.

Майк встал. Потянулся, стоя рядом с кроватью, расставил руки и ноги, прогнулся назад, зевнул и подошел к стеклу. Лампочка ярче осветила его лицо, и теперь он и вправду стал похож на того, кого Тед видел ночью сквозь дремоту.

– Никто не решает сам, когда выйти отсюда, Тед, – сказал он серьезно.

Ровно в семь пришли двое санитаров. Двери открылись, и под ошарашенным взглядом Теда группа пациентов в молчании направилась куда-то по коридору. Тед колотил в стекло и требовал объяснений, которых так и не получил. Соседи по отделению разглядывали его с интересом, в том числе лысый старичок, который единственный из всех шел скованный по рукам и ногам цепями. Доусон едва заметно кивнул Теду на прощание.

Тед остался один. Возможно, им только и надо, чтобы он колотил в стекло и орал как одержимый. Он сел на кровать и нашарил среди сбитых простыней подкову. Ожидание с переполненным мочевым пузырем казалось вечным, но он сдержался и кричать больше не стал.

К тому времени, когда наконец явился санитар, Тед потерял терпение и снова завалился на кровать.

– Доброе утро.

Тед привстал.

– Ты кто такой?

– Меня зовут Алекс Макманус. Я за тебя отвечаю, пока ты в отделении С. Мне надо задать тебе один вопрос, Тед: нам вот это понадобится?

Санитар поднял и показал Теду кандалы с цепями.

– Где доктор Хилл?

– Просила передать, что придет поговорить с тобой позднее.

– Позднее – это когда?

– Не знаю.

Тед подошел к самому стеклу и зашептал:

– Творится что-то неладное, Алекс. Тебя ведь Алекс зовут, ты сказал? Не пойму, что происходит. За мной пришли и притащили сюда без моего согласия. Жена с дочерьми сегодня возвращаются из поездки. Мне надо выйти отсюда.

Макманус наклонился и положил цепи на пол. Он набрал на панели рядом с дверью какие-то цифры, а потом воспользовался ключом, висевшим у него на поясе. В конце коридора послышался голос, и санитар мотнул в ту сторону головой. Дверь открылась.

– Доктор Хилл поговорит с тобой сегодня, скорее всего, после обеда.

– Надо раньше... – начал было Тед.

– погоди, – перебил его Макманус. – Не препирайся, когда тебе что-то говорят. Это без толку. Будет только хуже. Сейчас пойдем приводить тебя в

порядок, а потом отправишься к остальным. Через несколько часов доктор Хилл придет к тебе, и ты сможешь спросить ее обо всем, о чем пожелаешь. Не трать время на споры со мной.

Тед кивнул.

Они вместе проследовали до конца коридора и оказались перед закрытой дверью, которую Макманус отпер ключом, повернувшись к Теду спиной. Вошли в общий зал. Из мебели здесь имелось: выключенный телевизор, несколько столов и стеллажи, заставленные книгами и надписанными коробками. Из четырех окон в помещение лился дневной свет. Стоящие на подоконниках комнатные растения придавали ему уют.

– А где все?

Макманус глянул на Теда с любопытством.

– Завтракают.

Тед пристально смотрел на одну из книжных полок.

– Я кое-что забыл в палате, – сказал он вдруг с явным беспокойством.

– Не волнуйся, до твоего прихода оно никуда не денется.

Тед вспомнил слова Майка Доусона о том, как легко пропадают в «Лавендере» вещи.

Тед и Макманус зашли в душ. Их встретил санитар в зеленой форменной робе, выдавший Теду полотенце и смену белья. Макманус сел на деревянную лавку, с которой мог видеть Теда поверх перегородок.

– Тебе обязательно следовать за мной по пятам?

Макманус пожал плечами.

Тед не торопясь разделся, аккуратно сложил одежду, оставил ее на деревянной скамье рядом с чистой, вошел в душевую кабину и открыл кран. Температура была в самый раз.

– Роджер работает с тобой? – спросил Тед, подставляя под горячую струю лицо.

– Да, думаю, он придет позже.

– Он несколько дней шпионил за мной.

Макманус промолчал. Тед намыливал себе грудь и говорил, не глядя на санитаря:

– Ты ведь не знал об этом?

– О чем конкретно?

– О том, что он ходил за мной. Я его дважды засек. Думаю, он и дома у меня побывал.

Ответа опять не последовало.

– Просто это повод для иска, – продолжал Тед. – Мои адвокаты будут в восторге. Я свои права знаю, и мне известно, что притащить меня сюда,

накачав наркотиками, против моей воли – серьезное нарушение закона. Если я согласился дожидаться доктора Хилл, то только затем, чтобы она прямо сказала мне, по какой причине она сделала то, что сделала. Ты мне ничего не скажешь?

– Да что же я тебе скажу? Мне просто велели, чтобы я присмотрел за тобой в первые часы. Ничего личного. Мы со всеми пациентами так делаем.

– Я не пациент.

– Ну хорошо. Мы так делаем со всеми, кто поступает в отделение. Некоторым нелегко адаптироваться. Новые лица, непривычная обстановка... Они как будто в незнакомую вселенную попадают. Сейчас пойдем завтракать, и ты сможешь познакомиться со своими товарищами.

На стене было любопытное устройство для подачи шампуня. Полусфера, утопленная в стену, которую так просто не раскурочишь и не повредишь. Тед нажал на нее, и снизу потекла струйка розового шампуня.

– Я уже имел удовольствие познакомиться с соседом напротив, – сказал Тед, массируя намыленную голову.

– С которым?

– С Доусоном.

– Ага. Он здесь десять с лишним лет. Если ты поладил с Доусоном, с остальными проблем не будет.

– Ты так говоришь, будто я здесь останусь.

Тед закрыл кран, побежал к скамье и завернулся в полотенце.

– Ты уверен, что меня здесь запрут надолго, верно?

– Я же сказал: ничего о тебе не знаю.

– Ну ладно.

Тед молча оделся и сел на скамью. Макманус сидел метрах в шести от него на другой скамье у самой стены.

– Ты готов? – спросил он наконец.

– А с этим что делать? – Тед показал на грязное белье.

Макманус ткнул пальцем в пустую корзину.

Когда они вышли, Тед попросил Макмануса зайти в палату за подковой.

При появлении Теда в общем зале все разговоры мгновенно стихли; на него обратились взгляды, исполненные любопытства и подозрительности. Лишь на телеэкране ведущий развлекательного шоу продолжал хохмить как ни в чем не бывало.

Роберт Скотт, старший медбрат отделения С, представил Теда остальным пациентам, предупредил, что не хочет никаких проблем, и ушел. Из соседней комнаты, через окошко, забранное густой сеткой, за обстановкой в общем зале наблюдал Макманус. Рядом с ним дежурил еще один санитар.

Пациенты в зале делились на три группы: самая многочисленная собралась у телевизора, остальные сидели за двумя столами: за первым играли в шахматы, за вторым – в карты. Только Майк Доусон в одиночестве сидел на широком подоконнике и читал книгу. Увидев Теда, он помахал ему рукой, но тут же отвернулся. Тед прошел в центр зала. Его тянуло к столу, за которым играли в шахматы, но он сомневался, имеет ли право приблизиться.

Постепенно на него перестали обращать внимание. Снова зазвучали голоса. Картежники болтали непрерывно, телезрители – с передышками: то затевали спор, то снова умолкали. Тед подошел к книжным полкам и стал разглядывать книги, одновременно косясь на шахматистов и обступивших их болельщиков. С расстояния метра в три, отделявшего его от играющих, ему хорошо была видна доска. Партия только началась, но позиция не соответствовала ни одному из известных ему дебютов, что ничуть его не удивило. Притворяясь, что читает названия романов, он сыграл эту партию в голове. Выиграли черные. Один из картежников, тощий и долговязый, заметил, что Тед буквально прилип к книжным полкам, и указал на него дрожащим пальцем. Его приятели отпустили пару шуток, посмеялись и вернулись к игре.

Минут через двадцать из сада вместе еще с одним пациентом пришел лысый коротышка по имени Лестер, которого Тед видел утром из своей палаты. Оковы с Лестера уже сняли. Обнаружив в зале Теда, он пришел в бешеное возбуждение.

– Этот тип украл у меня прибор! – во весь голос заорал он.

Тед обернулся на крик. Лестер на полном ходу неся к нему через зал. Майк Доусон спрыгнул с подоконника и бросился ему наперерез. Санитары

в соседней комнате всполошились. Кое-кто из пациентов смешками подзуживал Лестера в надежде на зрелище. Лестер замер, дергаясь, как заевшая заводная игрушка, еще раз выкрикнул свое обвинение, но с места не сдвинулся. Майк преградил ему дорогу, и этого оказалось достаточно.

– Ничего у тебя не крали, Лестер, – спокойно произнес Майк. – Иди отсюда.

– Я убью его! У него мое оборудование!

Голый череп Лестера побагровел, вены на шее вздулись, он размахивал руками и подпрыгивал, как боксер.

Санитар, сидевший рядом с Макманусом, поднялся и усталой походкой направился в зал. Войдя, он поднял руку, и гвалт смолк. Это был мужчина громадного роста, вылитый викинг; такому ничего не стоило одной левой угомонить Лестера, как бы тот ни кипятился. Но Доусон, судя по всему, справлялся и сам.

– Успокойся, – приказал он старику.

– Этот тип явился вчера ночью, – орал Лестер, дергаясь всем телом. – Я сам видел. Он украл у меня прибор, и теперь я не могу выйти на связь.

Тед по-прежнему стоял возле книжного стеллажа, ловя на себе взгляды присутствующих. Упоминание о краже заставило его непроизвольно потянуться к карману и пощупать подкову. Лестер заметил этот жест и взорвался:

– Он у него в кармане! Общайте его!

Санитар отрицательно покачал головой. Доусон сделал шаг навстречу Лестеру и ткнул ему пальцем в грудь.

– Ни у кого твоего прибора нет. А теперь дай мне спокойно почитать, если не желаешь неприятностей.

Угроза возымела действие. Лестер продолжал совершать судорожные движения, но в его голосе зазвучали просительные нотки:

– Майк, без оборудования я не смогу передавать информацию. Им нужен мой отчет, ты же знаешь.

– Мне плевать. Пусть прилетают на «Тысячелетнем соколе» за твоим отчетом, раз он им так нужен. А ты катись в сад. И чтобы я тебя здесь больше не видел. Ясно?

Лестер кивнул. От его бешеной ярости не осталось и следа. Понурился, он поплелся прочь.

Майк махнул рукой санитару и улыбнулся. *Не стоит благодарности...* Потом подмигнул Теду и, вернувшись на подоконник, снова взялся за книгу.

Тед подошел к столу, за которым продолжалась шахматная партия. Она

существенно продвинулась вперед и стала гораздо менее интересной. Человек, игравший белыми, явно уступал и смотрел на свои фигуры так, будто пытался переместить их усилием мысли. Второй дожидался своей очереди, расслабившись и поглядывая то на доску, то на болельщиков. Присутствие Теда, казалось, слегка смутило его, но он ничего не сказал.

– Давай, Скетч, а то ты меня тут целый день промурыжишь! Скажу Скотту, пусть добудет нам двойные шахматные часы. Тогда я буду разделяться с вами побыстрее.

Скетч, целиком погруженный в игру, не реагировал. По мнению Теда, шансов против опытного игрока у него не было, хотя можно было попытаться улучшить положение ходом коня с f5 на h6.

Тут вмешался один из троих зрителей.

– Ты его сделал, Лоло? – Он стукнул сжатым кулаком себя по ладони. – Пришлепнули тебя, Скетч... как муху.

– Заткнись, – отозвался другой зритель. – Ты даже не знаешь, как какая фигура ходит. Это же шахматы, малыш.

Все засмеялись, кроме «малыша» и Скетча, который, все так же сосредоточенно смотря на доску, уже нерешительно вытаскивал руку из-под стола, чтобы сделать наконец ход. Его пальцы зависли над конем на f5. У него было две возможности: передвинуть фигуру на h6, что давало слабую надежду, или пойти на h4, что вело его к окончательному разгрому.

Он выбрал h4.

– Ты мне не соперник! – заявил Лоло, продвигая вперед пешку, готовую вот-вот превратиться в ферзя. – Посмотрим, как ты выкрутишься теперь.

Скетч снова погрузился в размышления.

Тед решил уйти. Часы до встречи с Лорой тянулись бесконечно.

Он направлялся к двери, когда заметил, что Доусон прервал чтение и не сводит с него глаз. Не зная, правильно ли поступает, он подошел, полагая, что должен поблагодарить Майка за заступничество перед Лестером.

– Ты ведь сразу понял, да? – ошарашил его Доусон вопросом. – Насчет коня на h4?

Тед не сразу сообразил, о чем речь.

– Я немного играл в шахматы, когда был моложе. – Он пожал плечами.

– Я тоже, по-любительски, – признался Доусон. – Может, сразимся как-нибудь.

Это был пробный камень.

– Конечно.

Тед опять шагнул к двери.

– Погоди.

Доусон окинул его изучающим взглядом:

– Я тебя провожу. Лестер все еще там.

В этот момент Тед осознал, что в зале опять тишина. Все, кроме телеведущего, следили за их беседой. Тед вспомнил, что Макманус говорил ему утром в душе. *«Если поладил с Доусоном, с остальными проблем не будет».*

Сад был огромен. По дорожкам между ухоженными клумбами и пышными деревьями бродили немногочисленные одинокие пациенты. В углу баскетбольной площадки толпилась небольшая группа с Лестером во главе. Некоторые сидели на скамьях, другие стояли. Все сразу обратили внимание на Доусона и Теда.

– Так ты не знаешь, почему ты здесь? – спросил Майк.

Тед не верил собственным глазам. При солнечном свете этот человек производил впечатление абсолютно нормального и здравомыслящего. Если бы не воспоминание о вчерашней ночи, когда он смотрел на Теда с жуткой гримасой на лице, понять, что он делает в «Лавендере», было бы невозможно.

Как и ты. А между тем ты тут.

Они направились к скамейке в самом дальнем углу, под гигантской сосной.

– Так что же? – вновь спросил Майк, когда они сели.

– Не то чтобы не знаю, – ответил Тед, уступая настойчивости собеседника. – В последние недели я ходил на сеансы к доктору Хилл. У меня опухоль... неоперабельная, и мой врач решил, что психотерапия поможет мне справиться со стрессом. Надо признать, что он оказался прав. Я думал, что беседы с доктором Хилл будут бесполезной тратой времени... Но я ошибся. В некоторой степени. Правда, теперь доктор Хилл зашла в своем рвении слишком далеко.

Лестер с компанией на площадке начали игру. Мяч со стуком ударялся о цементное покрытие.

– Доктор Хилл уложила тебя в больницу насильно?

– Да.

Майк сунул руку в карман и достал пачку сигарет. Предложил Теду, но тот отказался.

– Я тоже не курил, – сказал Майк, прикуривая от позолоченной зажигалки и глубоко затягиваясь. Потом, разглядывая сигарету, угрюмо пробормотал: – Иногда мне кажется, что я курю, только чтобы отличаться

от того, кем был там, на воле.

Тед не сводил глаз с зажигалки. Майк заметил это и объяснил:

– Чем больше доверия ты у них вызываешь, тем больше тебе позволено. Могу сказать, что днем мне здесь живется спокойно. Вот по ночам бывает тяжело.

– А почему ты здесь?

– Тебе не сказали?

Тед отрицательно покачал головой.

– Я прикончил семью своего лучшего друга.

Мяч вдалеке все так же гулко ударялся о цемент.

– Я был очень болен, – продолжал Майк. Теперь он сидел сгорбившись, как будто стал меньше ростом, уронив руки на колени и уставившись в землю. – Случись тут массовый побег или реши вдруг медицина, что меня можно выпустить... Я бы отказался. Дочери моего друга удалось выжить, – с горечью добавил он. – Я хотел повеситься здесь, на сосне, но это было бы несправедливо по отношению к ней. Я не должен так легко отделаться.

Тед промолчал.

– Знаешь? Даже если ты сумасшедший, это мало что меняет, – продолжил Майк. – Я в том смысле, что не освобождает от ответственности. Вместо того чтобы сесть в тюрьму, ты оказываешься в заведении вроде этого. Но все равно какая-то часть тебя виновна. Виновна в том, что не остановила другую твою часть. Ведь часть тебя все равно *знает*. Знает все.

Теду вспомнился разговор с Уэнделлом в кладовке на заброшенной фабрике.

У тебя вот тут, в голове, компромат.

Майк задумался, глядя в небо. Возможно, ему пришли на память эпизоды из прошлого, не оставлявшие его в покое. Он дотронулся пальцем до виска и посмотрел на Теда страшными округлившимися глазами.

– Разум – это заколдованный сундук. Он хранит массу тайн. И всегда исхитрится предупредить тебя. Укажет путь к отступлению. Дверь...

Открой дверь. Это твой последний шанс.

Тед представил себе, как на ветке сосны, под которой они сидели, болтается труп Майка Доусона, покачиваясь под слабым ветерком.

– Думаю, ты прав.

Майк улыбнулся. Как раньше, приветливо и понимающе.

– Возможно, все обернется по-твоему и завтра тебя здесь уже не будет. А может, и наоборот. И тогда мы снова сядем на эту скамейку. Всем надо

рано или поздно открыть ту самую дверь.

Майк Доусон встал, раскинул руки и выгнул спину так, что раздался хруст.

Лора ждала его в кабинете психотерапии. Тед с руками в наручниках дожидался у порога, пока Макманус найдет нужный ключ.

– Открыто, – донесся голос из-за двери. Тед сразу его узнал.

Лора Хилл чуть заметно улыбалась. Роджер, сидевший рядом с ней, напротив, являл собой образец серьезности. Его большие, как две луны, глаза смотрели холодно.

– Доктор Хилл! Наконец-то, – приветствовал Лору Тед.

– Ты можешь продолжать называть меня просто Лорой.

– Лора – ну конечно. Спасибо, Лора, за незабываемую ночь в отеле «Хилтон», очень любезно с твоей стороны.

Санитар подвел его к столу, за которым сидела доктор, но, прежде чем усесться напротив нее, Тед поднял руки и продемонстрировал цепь, которой были скованы его запястья.

– Сядь, пожалуйста, Тед, – предложила Лора. Про наручники она не сказала ни слова.

Он окинул взглядом кабинет, в котором, честно говоря, и смотреть было не на что: унылая зеленоватая плитка на стенах, стол из ДСП, шесть ламп дневного света, уничтожающих всякий намек на тени, и окно с черным стеклом, за которым, судя по всему, была спрятана видеокамера. Именно в этом стекле, как в зеркале, Тед увидел, как Макманус, кивнув головой, удалился.

– Как ты себя чувствуешь, Тед?

– Слушай, только не надо вот всяких «как ты себя чувствуешь, Тед». Хреново я себя чувствую. Мне хочется знать, что я вообще здесь делаю. И узнать это я хочу прямо сейчас.

Лора опустила глаза, поправила закрытую папку, лежащую перед ней на столе, и откашлялась. От улыбки не осталось и следа, ей явно было не по себе. Волосы она, как обычно, собрала на затылке. Она была в белом халате, на носу – очки в прямоугольной оправе.

– Я тебе через секунду все объясню, но прежде мне очень важно кое-что узнать. Мы с Роджером хотим помочь тебе и...

– Ладно, кончай вольнку. О чем именно ты хотела меня спросить?

Лора набрала в грудь воздуха:

– Вчера ты сказал Роджеру, что мы собираемся запереть тебя в «Лавендер Мемориэл» потому, что ты все знаешь. Что ты имел в виду?

– Да тут нечего объяснять. Вот что я имел в виду. – Тед опять продемонстрировал свои наручники.

– Кто тебе об этом сказал?

– Какая разница, кто мне об этом сказал? Главное, что так оно и вышло.

– Это был Уэнделл?

Молчание.

Тед вспомнил о разговоре с Уэнделлом в кладовке для инструментов на заброшенной фабрике.

«Она упрячет тебя в “Лавендер Мемориэл” к законченным психам. У нее на это полномочий хватит, ты уж поверь».

– Стоп, Лора. Теперь твоя очередь отвечать.

Лора с Роджером обменялись взглядом, смысл которого от Теда ускользнул. Доктор кивнула, раскрыла папку и перевернула ее, чтобы Теду было удобней смотреть; точно так же, как делал Линч у него в гостиной. Только на этот раз в папке не оказалось материалов уголовного дела. В ней лежала магнитно-резонансная томограмма его собственного мозга. Тед тут же узнал снимки, которые показывал ему Кармайкл у себя в кабинете. На каждом уголке стояло «Т. Маккей».

– Узнаешь?

– Конечно. Вот опухоль.

Тед указал на зону, чуть более темную, чем все остальное.

– У тебя нет опухоли, Тед.

Почему это совсем его не удивляет?

Доктор обернулась к темному стеклу и махнула рукой. Через мгновение дверь в кабинет открылась.

– Здравствуй, Тед.

Вошел Кармайкл: руки в карманах, на лице скорбь, как у вестника, вынужденного сообщить неприятную новость.

Кармайкл тут тоже замешан.

– Боюсь, все, что сказала тебе доктор Хилл, правда, – произнес он прямо с порога, затем обошел стол и сел напротив Теда. Теперь собеседников у него стало трое.

– Я попросила Кармайкла приехать в «Лавендер», чтобы подтвердить тебе это лично, – пояснила Лора.

Доктор кивнул.

– Никакого затемнения обнаружено не было, – сказал он спокойно. – Когда пришли первые результаты, я сказал тебе, что твой мозг в полной исправности, а причина головных болей, скорее всего, в другом, и мы

будем искать ее вместе, как делаем всегда. Ты пришел в ярость и, только когда я сказал, что для надежности мы повторим исследование, стал успокаиваться. Я надеялся выиграть время, потому что в мозгу у тебя нет ни следа опухоли, и я знал, что результат будет тот же.

Тед никак не прореагировал.

– Ты ничего этого не помнишь? – спросила Лора.

– Вы подменили результаты. Кто мне докажет, что это снимки моей головы?

– Извини, – сказал Кармайкл.

– А тогда откуда головные боли, спутанность сознания? – Только тут Тед выдал свое отчаяние. – Опухоль может быть маленькой или оказаться там, где МРТ не в состоянии ее обнаружить. Я читал об этом. Не пытайтесь меня обманывать.

– Мы будем продолжать лечение, чтобы помочь тебе в...

– Помочь! Ты ничего не понимаешь, Лора. Я вообще чудом оказался на твоих последних сеансах. Если бы все шло по плану, я бы сейчас валялся в собственном кабинете с пулей в башке. – Тед усмехнулся. – Смешно. Но если бы не чертов Линч, так бы и было.

Он приставил указательный палец к виску и изобразил звук выстрела.

Доктора переглянулись.

– В чем дело? – встрепнулся Тед. – Хватит обращаться со мной, как с психом!

Он вскочил как подброшенный пружиной, стул отлетел назад. Ни один из его собеседников не проявил ни малейшей тревоги. Они спокойно наблюдали за тем, как он ходит кругами.

– Поверить не могу, – сам себе твердил Тед. Он шагал, держа руки у живота, уставившись на линолеум под ногами.

– Подкова с тобой? – спросила Лора.

Тед внезапно остановился и судорожно вцепился в карман, ощутив под пальцами твердую надежность металла. Достав подкову из кармана, он уставился на нее как на могущественный талисман.

– Ты ведь помнишь, как рассказывал мне о ней? – продолжила Лора. – О ней, о твоём шахматном тренере Миллере, о матче между Капабланкой и Алехиным в Буэнос-Айресе...

К Теду подошел Роджер и повел его обратно за стол. Тед, казалось, был все еще не в себе. Он не сводил взгляд с подковы.

– Я нашел ее возле дома Уэнделла, – произнес он потрясенно, словно загипнотизированный изогнутым куском железа.

– Тед, посмотри на меня.

Он поднял голову.

– Тут строгие правила. Металлический предмет, которым можно нанести удар, наподобие этой подковы, безусловно запрещен. Но я позволю тебе оставить ее при себе. Когда почувствуешь, что запутался, сосредоточься на ней, подумай о Миллере, о шахматных партиях. Хорошо?

– О старых добрых временах, – пробормотал он.

– Вот именно, – подтвердила Лора удовлетворенно. – О старых добрых временах.

Приступ гнева прошел без следа. Тед снова опустил глаза. Он уже не смотрел на подкову, но все еще держал ее на коленях, ощущая приятную тяжесть.

– Это я из-за Холли? У нее... был роман с Линчем. Не с Уэнделлом, а с Линчем. Я видел фотографии. Она была с ним в ресторане.

– Не думай сейчас об этом, Тед. Я не знаю, по какой причине ты решил свести счеты с жизнью. Но мы это выясним.

Тед сидел с видом наказанного ребенка. Но тут выражение его лица изменилось, как будто он что-то вспомнил. Он взглянул на Лору, и в глазах его отразился ужас.

– С Холли и девочками все в порядке?

– Да. Они у ее родителей во Флориде.

– В пятницу они должны были вернуться. Сегодня какой день?

Лора не ответила. Она закрыла папку, которая так и лежала на столе. Доктор Кармайкл извинился, сославшись на срочные дела, кивнул Теду на прощание, пообещал, что еще навестит его, велел держаться и сказал, что оставляет его в надежных руках.

Ужас так и застыл в глазах Теда.

– Откуда все эти воспоминания, Лора?

– Мы этим еще займемся. Хотя, боюсь, у меня не на все есть ответ. Пока я не хочу торопить тебя. Надо, чтобы ты переварил то, что я сегодня сказала. Мы встретимся послезавтра и продолжим разговор. Наедине, как в старые добрые времена.

Лора ласково улыбнулась.

– Это Холли заперла меня здесь? Я не дурак и понимаю, что необходимо было ее согласие. Она знает? Знает, что я собирался сделать в кабинете?

– Нет, не знает.

– Вот и хорошо.

– Но ты понимаешь, что придется остаться тут на несколько дней?

– Думаю, да.

Нет, не думаешь, но ты включился в игру. Все происходит так, как предсказал Уэнделл. Он один был с тобой откровенен... Он один предъявил доказательства.

– Эту ночь ты проведешь в палате со строгим режимом наблюдения, но завтра я попрошу перевести тебя в обычную палату, где тебе будет намного удобнее. Макманус сказал, что ты нашел общий язык с Доусоном, и это большая удача. Он не всякого признает.

– Не знаю, можно ли сказать, что мы нашли «общий язык». Просто утром поговорили в саду. Он рассказал мне, как сюда попал, и больше ничего.

– Другие за всю жизнь слышали от него меньше, чем ты за одно утро.

Тед пожал плечами. Велика ли заслуга найти общий язык с душевнобольным убийцей?

Было поздно. Разговоры между обитателями палат со строгим режимом давно стихли. Тед валялся на койке, заложив руки за голову и глядя в потолок. Он уже не так жаждал вырваться из «Лавендера». Трудно было понять, откровенна ли с ним до конца Лора – возможно, и нет, – но во многом следовало разобраться. Неужели он и правда выдумал, что у него в мозгу опухоль? Фрагменты двух несовместимых реальностей сосуществовали у него в голове. В одной из них он убил Уэнделла, а в другой не только не убил, но и разговаривал с ним... в розовом замке! У него и в самом деле были проблемы, тут не поспоришь.

И еще Блейн. Ты подждал его, спрятавшись у него дома. Он обнаружил тебя, но ты оказался проворнее и сумел разделаться с ним.

Надо было выспаться, потом все спокойно осмыслить. На грудь успокаивающе давила подкова. Он закрыл глаза, погружаясь в сон, но вдруг снова открыл их и резко сел в кровати. Подкова полетела на цементный пол, и по всему отделению разнесся звон, будто забили в колокола. Кто-то в конце коридора потребовал тишины. Тед подошел к стеклу. Лестер наблюдал за ним из палаты, примыкавшей к палате Доусона.

– Ты что, вообще не ложишься, Лестер? Марш в постель! – скомандовал Тед удивленному лысому старикашке. – Майк, ты не спишь?

Из конца коридора опять потребовали заткнуться.

– Сам заткнись, дебил! – крикнул он в ответ.

В палате Майка рядом с кроватью загорелся огонек. Доусон встал. Не похоже было, что его разбудили.

– Ты бы убавил громкость, – посоветовал он Теду.

Тед кивнул.

– Ты спал?

Сосед покачал головой:

– У меня бессонница, так что ответ отрицательный. Что случилось?

– Надо задать тебе один вопрос.

– Давай.

– Эти шахматы в общем зале... Они, похоже, совсем новые, особенно доска, которая сворачивается в рулон.

– Их принесли примерно полгода назад, – сказал Майк. – Года два назад были другие, но не знаю, куда они подевались.

Полгода!

Еще до его визита к Кармайклу.

Тед был убежден, что эти шахматы появились здесь из-за него. Что, кроме шахмат, заставило бы его почувствовать себя как дома? Он бросил взгляд на подкову, все еще лежавшую на полу.

– Их принесла доктор Хилл?

– Представления не имею. Ты это хотел знать? Надеюсь, информация и в самом деле так важна, что ты не мог подождать до утра.

Майк снова лег и погасил свет.

Тед вскоре сделал то же самое. Теперь у него не осталось сомнений: шахматы появились здесь ради него. *Полгода назад.*

Утром Макманус отвел его в новую палату на втором этаже корпуса С. Чтобы попасть в нее, они прошли по устланному коврами коридору, совсем не похожему на холодный стеклянный туннель зоны строгого наблюдения. Тед был одет в серую больничную пижаму, но цепей на нем не было: лишнее доказательство, что дела его пошли на поправку. Через приоткрытую дверь одной из палат на Теда с загадочным выражением лица смотрел Скетч, один из виденных накануне шахматистов.

– Позволь дать тебе совет, – сказал Макманус, пока они не дошли до конца коридора. – Бери что дают и не делай глупостей. Ты, похоже, человек разумный.

Совет казался искренним. Тед торжественно склонил голову в знак согласия. Когда они вошли в палату, Теду стало понятнее, что имел в виду санитар. По сравнению со скромной кельей, в которой он провел две последних ночи, это и впрямь был номер отеля «Хилтон». Он вспомнил собственный саркастический комментарий при встрече с Лорой и усмехнулся.

Комната была просторная, с огромным окном, сквозь которое нагло шпарило солнце. Тут стояли две кровати, рядом с каждой – письменный стол и небольшой книжный стеллаж. Все располагалось симметрично, кроме внутренней двери, ведущей в санузел. Половина Майка Доусона, его нового соседа, была забита книгами, на стенах висели вырезки из газет и журналов, фотографии, – в общем, имелось все, что способно придать жилью минимальный уют. Макманус рассказал Теду, что Майк давно не делил палату ни с кем.

На второй кровати на голом матрасе стоял картонный ящик, на котором черным фломастером было написано имя Теда.

– Отлично! Уже и вещи твои привезли.

Мои вещи?

Макманус простился, и Тед остался один. Он прошел к окну по воображаемой линии, отделявшей мир Доусона, разноцветный и обжитой, от его мира, голого, пустынного, с лежащей на кровати коробкой с неизвестным содержимым. Две столь несхожие вселенные скрепляло только прямоугольное пятно света. Тед прищурился, чтобы свет не так бил в глаза, и постепенно за окном начали прорисовываться баскетбольная площадка и пересекавшие сад тропинки. Тед довольно долго наблюдал за

лениво прогуливающимися пациентами.

Он отвернулся от окна и стал рассматривать имущество своего нового товарища. Внимание его привлекли вырезки из газет, прикрепленные к панели над письменным столом. Он сделал к ним шаг, но остановился и пошел к двери уборной.

– Майк?

– Чего тебе? – отозвался голос с той стороны.

– Это я, Тед. Мне нужна ручка или что-нибудь в этом роде, разрезать скотч на коробке, который мне тут оставили. Можно взять у тебя со стола?

Молчание.

– Майк!

– Да бери ты эту чертову ручку! Дай мне посрать и почитать спокойно.

– Извини!

Ответа не последовало.

Может, Доусон был не так грозен, как о нем говорили. Тед приблизился к столу и, не удержавшись, бросил взгляд на одну из вырезок. Заголовок статьи гласил:

АНДРЕА ГРИН СТАЛА ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЕЙ ПОЧЕТНОГО ДИПЛОМА ВЕНЕЦИАНСКОЙ БИЕННАЛЕ

Он отвернулся. Если бы Майк в этот момент вышел из уборной, их отношения, так хорошо начавшиеся, непоправимо испортились бы. Тед подошел к ящику, разорвал ручкой скотч и отогнул клапаны. Внутри обнаружилась аккуратно сложенная стопка белья, книги, несколько запечатанных пластиковых пакетов, знакомая настольная лампа и... розовое щупальце, которое, бешено извиваясь, почти сразу скрылось из глаз.

Тед вздрогнул, выпустил ящик, который держал за клапаны, и, спотыкаясь, попятился назад, пока не наткнулся на кровать Майка и не упал на нее. Он не мог отвести глаз от коробки. Внутри что-то шевелилось, и он не только ощущал это движение, но и слышал, как стучаются друг о друга предметы: этот звук ни с чем не спутаешь. Источник шума был понятен: его издавало не щупальце, а голый розовый хвост опоссума.

Тед едва дышал. Этого быть не могло. Встречам с опоссумом полагалось происходить только в кошмарных снах.

Точно? А в саду у Артура Робишо?

Тут вышел из уборной Майк. Он тут же понял, что что-то не так.

– Что в коробке? – спросил он, подбегая к ней, протянул руку, и тут же

отдернул. – Крыса?

– Нет, – сказал Тед.

Коробка перестала шевелиться.

Майк быстро отогнул клапан и отскочил. Потом медленно-медленно подошел ближе, сунул в коробку руку и достал лампу, пакет, еще один пакет...

– Здесь никого нет, – произнес он, недоуменно озираясь.

– Я видел хвост. Коробка шевелилась.

Майк смотрел на него, подняв бровь.

Тед встал и тряхнул головой.

– Уверяю тебя...

Майк движением руки заставил его замолчать.

– Что ты видел?

– Ничего.

– Что ты видел?

Тед задумался.

– Мне показалось, что я видел опоссума, хотя, возможно, мне показалось.

– Ты видел его в первый раз?

Вопрос застал Теда врасплох.

– Что ты имеешь в виду?

– Это простой вопрос.

– Да, – в конце концов ответил Тед.

Майк потер рукой подбородок.

– Опоссум... – пробормотал он тихо.

– А в чем дело? Ты тоже его видел? Я имею в виду раньше.

– Нет, но после обеда ты подробно расскажешь мне про этого опоссума.

Озадаченное выражение исчезло с его лица. Он взял книгу, которую бросил на кровать, лег и углубился в чтение, не сказав больше ни слова.

Тед взял поднос с обедом (рыба с горошком) и выбрал себе место в самом углу. Столовая корпуса С была не слишком просторной, так что желаемого уединения добиться не удалось. Четверо больных за соседним столиком, увидев его, попытались завязать вполне дружескую беседу, но он отмахнулся – ему было не до разговоров, – и они отстали. Теду и правда многое надо было обдумать. Он сознавал, что сравнительно легко смирился с пребыванием в «Лавендере», и это его смущало: значит, он признает, что действительно нуждается в изоляции. А на самом деле? Собственный рассудок представлялся ему хаотичной мозаикой. Он едва не покончил с собой из-за несуществующей опухоли, возможно, совершил два убийства! Не по этой ли причине его поместили в отделение С? Он убийца, как Доусон? Слишком много вопросов. Как тут не согласиться с тем, что его правильно заперли в психушке? У него даже не было сил требовать встречи с Холли или с девочками. Он скучал по ним, особенно по Синди и Надин, мысль о них причиняла невыносимую боль, но... что бы он им сказал? Как объяснился бы с Холли? Если дело не в опухоли, почему он так себя вел?

Погруженный в размышления, Тед ел молча, невидящим взглядом уставившись в окно. Кто-то обратился к нему из-за соседнего столика, но он не ответил. Происшествие в палате привело его в смятение. Когда же это кончится? Он видел в коробке опоссума. Он не сводил с нее глаз, пока не подошел Майк, но к тому времени зверя в коробке уже не было. Точно то же самое случилось у Робишо – тогда зверь спрятался внутри крышки. Каждый раз, видя эту отвратительную тварь, он верил, что она реальна, но потом был вынужден признать, что все это ему почудилось. Что из этого следовало? Тед сфокусировал взгляд. А сейчас – это явь или сон? Он сосредоточился на пластиковом ноже, которым резал рыбу, и пристально, отстраненным взглядом ученого, рассмотрел его: закругленная ручка, зазубренное лезвие... Ткнул кончиком в поднос и нажал. Нож согнулся и в конце концов с сухим щелчком переломился пополам. За соседним столом кто-то хихикнул. Тед подвигал пальцем половинки сломанного ножа... На самом ли деле он прикасается к этим кускам пластмассы?

С тяжелым вздохом Тед перевел взгляд с остатков рыбы на сломанный нож и уже собрался уходить, когда к нему за стол неожиданно подсел Лестер. Он выглядел более уравновешенным, чем обычно.

– Я знаю, что ты не трогал мою аппаратуру, – примирительно произнес

он. – Она нашлась.

– Да и хрен бы с ней.

Глаза у Лестера были большие и хитрые, как у Горлума; чем дольше Тед в них смотрел, тем больше они казались. А что, если воткнуть в один из них обломок ножа?

– Я слышал, ночью ты разговаривал с Доусоном, – продолжал Лестер. – Расспрашивал его о шахматах.

Тед, уже привставший было, снова сел и кивнул.

– Мне из моей палаты все слышно, – сообщил коротышка. – Ты спрашивал, когда сюда принесли эти шахматы. И он ответил, что полгода назад.

Действительно, Майк так и сказал. Неужели соврал?

– Это правда?

Лестер помял подбородок, считая в уме.

– Да, правда. Но я знаю, кто их принес.

– Кто?

– Ну, вообще-то говоря...

– Кто?!

Тед схватил Лестера за лацканы пиджака и притянул к себе. Больные начали на них оборачиваться. Роберт Скотт, старший медбрат, поднял голову от еды на Теда, но тот махнул ему рукой, показывая, что они просто дружески беседуют.

– Кто, Лестер? – повторил Тед.

Видимо, в его глазах что-то мелькнуло, потому что от вчерашнего апломба коротышки не осталось и следа.

– Доктор Хилл. Она приходила с черным санитаром и передала их Скотту. Я сам видел.

Тед уставился на него тяжелым взглядом.

– Я тебе не верю. Где ты был?

– В коридоре. Там они и передали шахматы. У всех на виду. Нет, не у всех: я один там был. Но они не обратили на меня внимания. Доктор Хилл редко заходит в наш корпус, и всегда с этим чернокожим санитаром. Кажется, его зовут Роджер. Она отдала коробку с шахматами Скотту. Только я тогда не знал, что это шахматы. Я пошел за ним в зал, и он поставил их на полку рядом с другими играми.

– Это было полгода назад.

Лестер закивал головой и добавил:

– Я тоже это заподозрил.

– Что заподозрил?

– Я слышал, что ты вчера говорил Доусону. Ты спрашивал, как они полгода назад могли знать, что тебя сюда поместят.

– Это не твое дело.

– Как не мое? Они много чего знают. У них везде микрофоны и камеры.

Тед помотал головой. Не было смысла продолжать разговор с этим ненормальным. Он опять привстал, но Лестер удержал его за рукав. Тед хотел сбросить его клешню, но, заметив в глазах коротышки отчаяние, не стал этого делать.

– Думаешь, они в каждой фигуре спрятали по микрофону?

– Нет, Лестер. В этих шахматах нет никаких микрофонов.

Лицо Лестера исказила гримаса тоскливого ужаса.

– Откуда тебе знать?

Продолжать разговор не имело смысла.

Майк ждал его на скамейке под сосной. Он не курил и не читал, а не спускал с Теда глаз, пока тот не подошел и не сел рядом.

– Опять проблемы с Лестером? Если будет тебя доставать...

– Я сам могу за себя постоять, – перебил Тед. – У меня есть козыри в рукаве.

– Да, мне говорили.

На баскетбольной площадке было пусто. Остатки синей краски на бетонном полу отсвечивали на солнце, как лужи. Майк указал на один из столбов, к которому крепился щит с корзиной. Вокруг столба крутился, вцепившись в него, какой-то толстяк.

– Это Подкидыш. Он тоже их видел.

Тед не сразу понял, кого имеет в виду сосед по палате, и заозирался по сторонам.

– Кого их?

– Животных, – торжественно произнес Майк, не отводя взгляда от Подкидыша, который все быстрее кружился, держась за столб. Выражением лица он ничем не отличался от Тимоти Робишо, раскручивавшего свою сверхзвуковую карусель. – Какое животное ты видел? – спросил Майк.

– Я же говорил, опоссума. Но он наверняка мне приснился. Я лег, на минутку прикрыл глаза и...

– Мы оба с тобой знаем, Тед, что ничего тебе не приснилось. Ты уверен, что это был именно опоссум?

– Или кто-то очень на него похожий. Ты тоже его видел?

– Его – нет. Я видел крысу и саранчу. Наш друг Подкидыш, который крутится там как заводной, видел экземпляры покрупнее: гиену и рысь. Пара типов, которые лежали тут раньше, видели еще кого-то, но опоссума не видел никто.

Майк уперся взглядом в баскетбольную площадку, будто размышляя над задачей, не имеющей решения.

– Майк, но ты ведь понимаешь, что этих животных не существует?

– Не смотри на меня так. Я знаю, что животные – вот здесь, – он указал на голову. – Но это не значит, что их не существует.

Тед поднялся уйти, но Майк положил руку ему на колени:

– Погоди.

– Я, честно говоря, хочу забыть об этом чертовом опоссуме, Майк. Мне надо привести мысли в порядок. Вчера я говорил с доктором Хилл и еще больше запутался. С меня хватит!

– Понимаю. Но дай мне сказать тебе кое-что еще. Главный врач этой больницы – доктор Сара Макмиллз. Она вела меня с самого начала. Через несколько лет после того, как меня сюда привезли, я рассказал ей про животных. Она рассмеялась. С тех пор мы иногда говорим о них, не вдаваясь в подробности. Она потрясающая женщина. Через ее руки прошла масса больных еще до того, как она стала главным врачом. Я уверен в одном: она знает, что эти животные существуют на самом деле. Хотя я не вижу их последние года два или три.

– Когда именно ты начал их видеть? После того, как...

– После того, как я совершил убийство? Да.

А кого убил ты, Тед? Уэнделла? Блейна? Обоих?

– Саранчу я под конец видел почти постоянно, – сказал Майк. – Она была намного крупнее нормальной саранчи. И вела себя гораздо наглее. Перла на меня так, будто вот-вот прыгнет мне в рот. Это было страшно и противно. Постепенно я стал замечать, что саранча появлялась всякий раз, стоило мне *сбиться с пути*. Она была вроде... надзирателя. Как и крыса, только крыса была еще страшнее.

У Теда мороз побежал по коже. Он тоже боялся опоссума.

– Посмотри на баскетбольную площадку, – продолжал Майк. – Центральная линия делит ее на две половины. То же происходит с реальным миром и миром безумия, Тед. Ты или нормальный, или сумасшедший, середины нет. Ты играешь или за одну команду, или за другую. Если тебя заперли здесь, врачи поставили верный диагноз и назначили правильное лечение, а таблетки действуют, возможно, тебе повезет и ты перейдешь из одной команды в другую, хотя бы на какой-то срок. Но играть сразу за обе команды ты не можешь. Понятно?

– Я не верю, что это безумие.

– Поверь. Ведь это так и есть. Можешь считать, что ты попал в другое измерение, если тебе так больше нравится. В другой мир со своими законами. Как во сне. Тебе же снятся сны?

– Значит, ты считаешь, что животные – это часть другого мира?

– Не совсем. Видишь центральный круг на баскетбольной площадке? Это промежуточная зона, потому мне и нравится это сравнение. Я не сию минуту его придумал. Я часто сижу здесь и подолгу размышляю. Этот круг – дверь, объединяющая оба мира. Тебе там быть не положено, потому что, как я уже сказал, нельзя играть за обе команды одновременно. Тем не

менее некоторые люди, вроде тебя, меня или Подкидыша, остаются там дольше, чем дозволено. Топчутся в дверях. И в этом нет ничего хорошего.

Майк помолчал и добавил сурово:

– Этот круг опасен, потому что в нем соприкасаются оба мира.

Подкидыш уже довертелся до головокружения и теперь ходил туда-сюда, наслаждаясь эффектом. Он широко раскинул руки, а лицо обратил к небесам, став похожим на планирующий тяжелый самолет.

– Животные призваны отгонять нас от круга, Тед, – сказал Майк. Он опять казался самым нормальным человеком на свете.

– Но почему не все их видят?

– Не знаю.

– Майк, не обижайся, но вот ты говоришь, что этот чертов круг опасен. Предположим, так и есть. Но что может быть хуже, чем сойти с ума окончательно?

– Можно задать тебе вопрос, Тед? Когда ты видел своего опоссума?

– Ну, я видел его несколько раз.

– Расскажи о любом.

– Это было во сне. Мне снилось, что я сижу у себя в гостиной. Вдруг из сада послышался какой-то шум. Было темно. Я посмотрел в окно и увидел жену. Она стояла в купальнике, и у нее не хватало одной ноги. Опоссум сидел на столе (у нас на террасе стол) и грыз оторванную ногу моей жены.

От воспоминания Теда передернуло.

– Довольно странный сон, – признал Майк. – Ты после этого виделся с женой?

– Почему ты спрашиваешь?

– Может, это и не лучший пример.

Тед в тревоге схватил Майка за руку.

– Почему ты спросил, виделся я с ней или нет? Тебе что-то известно?

Майк спокойно дождался, пока хватка Теда ослабеет, и тогда медленно заговорил:

– Слушай, я ни в коем случае не специалист по этой теме. Если мне что и известно, то только из собственного опыта и из того, до чего я смог докопаться здесь. До Подкидыша тут был другой тип, его звали Риччи. Пять лет как отбыл. – Майк головой сделал движение в сторону неба. – Он первым рассказал мне про животных и про круг, только другими словами. Я не поверил ни единому его слову, как ты сейчас, но потом вспомнил про саранчу, о которой почему-то почти напрочь забыл, и многое обрело смысл. Знаешь? Когда случилась та история... – Лицо Майка на секунду

потемнело. – Когда я... сделал с моим другом то, что сделал, у меня в голове была полная сумятица. Еще несколько месяцев после этого я не понимал, что произошло. Мне предъявляли доказательства, но я отказывался им верить. В частности, говорили, что я убил домработницу своего друга, замечательную женщину по имени Росалия, которую я давно знал и у которой был маленький ребенок. У меня при мысли о ней сердце разрывается. Полиция нашла ее труп в комнате для прислуги и решила, что ее тоже убил я. Я убедил себя, что это правда. Все сходилось. Но вдруг я кое-что вспомнил. Эти воспоминания прятались в моей памяти очень глубоко, но внезапно, без всякой видимой причины, всплыли на поверхность. Я сидел у себя на террасе и пил пиво, когда из воздуха возникла проклятая саранча и приземлилась мне на колено. Она напугала меня чуть ли не до смерти. Я смахнул насекомое, оно отлетело к двери, но потом как ни в чем не бывало влетело в дом, и я понял, что мне надо идти за ним. Представляешь? Я следом за саранчой захожу в собственный дом, уверенный, что она хочет мне что-то показать. – Майк засмеялся и тряхнул головой. – Мы остановились около какой-то заброшенной комнаты. Когда я вспоминал, как это было, тоже думал, как и ты, что это сон. Дверь в комнату была не совсем такая, как наяву, – в ней имелось окошечко, и я, конечно, в него заглянул. От того, что я увидел, волосы зашевелились у меня на голове: Росалию как бешеный кромсал ножом знакомый мне мальчишка. Я смотрел на этот ужас и не мог отвести глаз. Время, как это часто бывает во сне, как будто остановилось.

Майк замолчал. Он явно не играл и не притворялся.

– Ту женщину зарезали, – договорил за него Тед.

Майк кивнул.

– Я никогда не мог ясно припомнить события тех дней. Не спорю, возможно, ее убил я... Но что-то говорит мне, что я ее не убивал. Только не ее.

– Ты хочешь сказать, что этот случай с саранчой у тебя дома...

Тед не договорил. Он снова представил себе Холли в саду с отрезанной ногой.

– Ты тут спрашивал, что может быть хуже, чем сойти с ума, – сказал Майк. – Так вот тебе ответ. Если ты лишился рассудка, все происходит у тебя в голове... Но когда ты находишься в кругу, где оба мира сосуществуют...

Тед на секунду задумался.

– Ты имеешь в виду, что, если мне снится, будто у моей жены нет ноги, тогда у нее, как по волшебству...

– В таком виде это действительно глупо звучит. Но я тебе советую: встретишь опять своего опоссума, беги от него подальше. Я же говорю: эти животные ошиваются в кругу, на границе между двумя мирами.

Оба замолчали. Подкидыш успел уйти с площадки, и вместо него появились Лестер, Лоло, Скетч и еще несколько человек.

– Я с первого взгляда понял, что ты тоже их видишь, – сказал Майк больше самому себе, чем Теду. – Странно.

Лора ждала его в кабинете психотерапии. С собой у нее была какая-то книжка и ноутбук.

– А это необходимо? – спросил Тед, демонстрируя цепи. Он только что вошел.

– Боюсь, что да.

Тед тяжело опустился на стул. Макманус, который привел его из палаты, молча удалился.

– Ты обдумал то, о чем мы говорили, Тед? Убедился, что опухоли не было? Скажи откровенно.

– Об опухоли я особо не думал.

Лора сняла очки и помассировала переносицу, будто пытаюсь избавиться от неприятного ощущения.

– Макманус говорит, что ты неплохо ладишь с другими пациентами.

Тед промолчал.

– Хочешь мне что-нибудь сказать, Тед?

– Честно говоря, да... В общем зале есть шахматы. Это ты их принесла?

Губы Лоры дрогнули.

– Я подумала, что они помогут тебе освоиться здесь, – призналась она. – Ты мог бы сыграть с кем-нибудь из ребят.

Тед покачал головой и с минуту смотрел в потолок.

– Ты принесла их полгода назад, – сказал он спокойно.

Лора открыла рот.

– Не отрицай. Я точно знаю, что это так. А теперь хочу узнать, как полгода назад ты могла догадаться, что я окажусь здесь?

– Успокойся, Тед.

– Я абсолютно спокоен. Скажи мне только, почему ты принесла сюда шахматы еще до того, как мы с тобой познакомились. Это Кармайкл? Он тебя надоумил? Это что, часть его плана? Скажи, черт побери, правду...

Лора наклонилась над столом и заглянула Теду в глаза... От ее взгляда Теда охватил ужас.

– Мы с тобой знакомы семь месяцев, – мягко проговорила Лора. – И все это время ты находишься здесь, в «Лавендере».

Тед внимательно смотрел на нее, выискивая фальшь, но тщетно. Он встал и сделал несколько широких, насколько позволяла цепь, шагов назад.

– Понимаю, такое осмыслить не просто, но именно об этом я сегодня хотела с тобой поговорить.

– Меня привезли сюда три дня назад, – сказал Тед.

– Подойди. Сядь. Я тебе кое-что покажу. Для этого и принесла компьютер.

Лора открыла крышку ноутбука, дождалась, когда он выйдет из спячки, снова надела очки и нашла на рабочем столе нужную папку. Тед сидел перед ней и ждал. Единственное, чем ему удавалось себя успокоить, была подкова. Он вынул ее из кармана и сжал в руках.

– Сегодня четверг, двадцать восьмое апреля 2013 года, – сказала Лора, глядя на экран, которого Тед пока еще не видел. – Ты поступил сюда двадцатого сентября прошлого года. Не в это отделение, конечно, а в корпус В. Я там главврач. И я сама вела тебя с самого начала.

Она повернула компьютер так, чтобы оба могли видеть экран, и включила видео, записанное камерой наблюдения, висящей в углу палаты, очень похожей на ту, в которой Тед недавно провел две ночи. Только в той палате не было стеклянной стены. На койке сидел Тед, скованный по рукам и ногам, ритмично раскачиваясь вперед-назад, жестикулируя и время от времени кивая. На нем была синяя рубаша и синие брюки. В прямоугольнике в углу экрана стояла дата. Она, конечно, могла быть и не настоящей, но почему Тед ничего не помнил?

– Вот в таком состоянии ты у нас появился, Тед. Боюсь, в первое время особых улучшений не наблюдалось.

Тед не мог отвести взгляда от экрана.

– С кем я разговариваю? – пробормотал он, имея в виду своего двойника с видеозаписи.

– Кто же знает? Может, с Линчем?

Тед отвел глаза от экрана и умоляюще взглянул на доктора.

– Я ничего этого не помню.

– Знаю. Давай я тебе еще кое-что покажу. Ты сейчас поймешь, что именно.

Лора закрыла файл. В окне показался длинный список видеофрагментов. Она выбрала один, и изображение развернулось на весь экран. На этот раз Тед вспомнил место. Это был кабинет в частной психологической консультации Лоры. Тут стоял ее письменный стол, стеллаж с книгами, журнальный столик со стаканом воды, к которому он никогда не притрагивался. Тед сидел там в синей больничной робе и в цепях. Внезапно он услышал собственный голос и от неожиданности вздрогнул. Эта видеозапись сопровождалась звуком.

– Спасибо, что согласилась меня принять, Лора, – сказал Тед с экрана. – Мы с компаньоном отменили поход на катере.

– Жаль, что рыбалка сорвалась, – отвечала доктор Хилл. – Но я рада тебя видеть.

– Вчера мне приснился кошмарный сон.

Через несколько реплик Лора попросила рассказать, что за сон.

– Я сидел у себя в гостиной и через застекленную дверь смотрел на террасу. На столе сидел опоссум и жрал ногу Холли. Холли там не было, только нога, но я знал, что это ее нога...

Судя по дате, запись была сделана в сентябре прошлого года. Лора нажала клавишу пробела, и изображение застыло. Она свернула его и выбрала другой файл из той же папки. Единственное, что изменилось по сравнению с предыдущим видео, – это то, что на Лоре был красный свитер, который Тед смутно припоминал.

– Спасибо, что согласилась меня принять, Лора, – проговорил экраный Тед. – Мы с компаньоном отменили поход на катере.

У Теда-зрителя глаза чуть не вылезли из орбит. Он в отчаянии перевел взгляд на угол экрана и убедился в том, о чем и так догадывался: судя по дате, это был январь 2013 года, то есть с предыдущей записи прошло три с лишним месяца.

– Вчера мне приснился кошмарный сон, – говорил Тед с экрана и переходил к описанию все тех же деталей.

– Хватит, – прошептал Тед из плоти и крови.

Лора остановила видео.

– Это мой кабинет в отделении В. Последние семь месяцев мы проводили с тобой сеансы через день. В первые три месяца беседы крутились вокруг того, что я назвала первым циклом. У тебя в мозгу сформировался некий комплекс бредовых идей, к которым все и сводилось: встреча с Линчем, его предложение вступить во что-то вроде клуба самоубийц, убить Блейна и стать звеном цепочки, условием участия в которой было убийство Уэнделла.

Тед не помнил, чтобы раскрывал Лоре столько подробностей, но, очевидно, так оно и было. Он уже не вертел в руках подкову. Почти забытая, она лежала у него на коленях.

– Ты себя нормально чувствуешь, Тед?

Он кивнул.

– Так вот, в первом цикле ты убивал Блейна, потом отправлялся к Уэнделлу в его дом на озере, убивал его там, а затем узнавал, что Линч тебя обманул, не рассказав о семье жертвы. Тогда ты принимал решение найти

его, для чего прибежал к помощи Робишо, своего старого школьного товарища. Ты помнишь это, Тед?

– Да.

– Линч не был известным адвокатом, но ты нашел его и явился к нему в контору. Он сказал тебе, что на самом деле Уэнделл входит в организацию, но стал опасным, и потому ему следует умереть. Так ты узнал, что Линч тебя использовал...

– Лора, это безумие... Не уверен, что хочу услышать от тебя, что я сочинил такую историю, сидя в той пятиметровой собачьей будке. Скажи, я убил кого-нибудь из них по-настоящему? За что я здесь?

– Можно я продолжу, Тед?..

– Нет! Ответь мне. Я кого-нибудь убил?

– Нет, – твердо проговорила Лора.

Тед кивнул.

– Значит, ничего из этого на самом деле не было? – спросил он с надеждой.

– Боюсь, все немного сложнее.

Куда уж сложнее, подумал Тед.

– В первые три месяца, – продолжала Лора, – невозможно было вывести тебя за пределы первого цикла. Он длился неделю, иногда два дня, потом ты как бы перезагружался и возвращался к началу, к тому моменту, когда сидел у себя в кабинете, собираясь застрелиться. Когда это случилось впервые, я не знала, как реагировать, и боюсь, повела себя не совсем правильно. Но с каждым повтором я набиралась опыта, задавала все более точные вопросы и выяснила все подробности. Первый цикл повторился раз пятнадцать. Иногда ты был более расположен к беседе, иногда менее. И однажды произошло вот что...

Лора нашла еще одну видеозапись, от девятнадцатого декабря, но показала ее не с самого начала, пропустив первые несколько минут.

Тед с экрана говорил:

– Этот тип появился на пороге моего дома. Я его в жизни не видел, но почему-то знал, что его фамилия Линч. Мало того, мне казалось, что я раньше когда-то переживал точно такую же ситуацию, и знал, что он мне в следующую секунду скажет...

Лора остановила видео.

– Ты вышел из цикла, – сказала она, – и поверь, я не сразу поняла, по какой причине, и не была уверена, что это окончательно. Тут я оказалась права: когда ты в очередной раз перезагрузился, все началось с начала, с первого эпизода.

– Боже мой, Лора, что же со мной творилось?

Лора чуть заметно улыбнулась:

– С тобой случилось что-то серьезное, и Кармайкл направил тебя ко мне. Возможно, ты действительно решил покончить с собой, но по причинам, не имеющим ничего общего с опухолью. Откровенно говоря, эти причины для меня загадка. Ты заблокировал одни воспоминания и заменил их на другие, снова и снова переживая одну и ту же историю.

– Мне надо восстановить старые воспоминания.

– Я думаю, мы существенно продвинулись в этом направлении. В течение второго цикла ты помнил о первом, так что все изменилось. Зная об обмане, ты отправился к Уэнделлу и, вместо того чтобы застрелить его в упор, стал с ним разговаривать. Помнишь где?

– Конечно. В розовом замке его дочек.

Лора задумчиво кивнула.

– Эта деталь всегда привлекала мое внимание. Уэнделл рассказал тебе, что они с Линчем знакомы с университетских времен и что пресловутой организации не существует, ее выдумал Линч, чтобы избавиться от него, Уэнделла.

– Уэнделл показал мне фотографии, – сказал Тед, который помнил этот эпизод во всех подробностях. – Холли с Линчем сидели вдвоем в ресторане. Это, должно быть, настоящее воспоминание.

Лора кивнула:

– Возможно. Каждый из циклов представляет собой искаженное отражение реальности. Попытку представить ее в таком виде, чтобы она...

– Причиняла меньше боли, – закончил за нее Тед.

– Боюсь, ты прав.

Тед тряхнул головой.

– Я вот чего не понимаю. Если бы Холли изменяла мне с этим типом, я бы не считал ее виноватой. Мы с ней в последнее время совсем не ладили. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что напридумывал всякого вовсе не поэтому...

Тед внезапно осекся.

– В чем дело?

– Ты говорила с ней, Лора? Ты ведь должна была поговорить с ней. За эти... семь месяцев. Она подтвердила? Ту любовную историю, я имею в виду?

– Думаю, лучше нам обсудить это позже. Ты пойми: хотя я почти уверена, что циклы больше не будут повторяться и что ты окончательно от них освободился, рисковать нельзя. Мы должны продвигаться к истине

маленькими шажками, нащупывая твердую почву. Вот поэтому так важны эти первые дни, и я не хочу обрушивать на тебя разом всю информацию. Важно, чтобы ты успеваешь обдумать все, о чем мы здесь говорим. Во время следующих сеансов мы займемся и этим периодом.

– А можно мне девочек увидеть? – спросил Тед. – Я по ним скучаю.

– Могу себе представить, Тед. Я ведь сама мать и понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

– Ведь если прошло столько времени...

– Тебе не о чем беспокоиться, уверяю.

Тед кивнул. В этот момент еще один элемент пазла занял свое место. Он в первый раз подумал о Роджере.

– Роджер, санитар, я видел его несколько раз. В доме у Блейна. И на участке Уэнделла.

– Ты мне об этом рассказывал. Вначале я беспокоилась: не могла понять, хорошо это или плохо. В твой бред не вплеталось ничего из твоей повседневной жизни в корпусе В, кроме Роджера. Видимо, из-за того, что он был очень тесно с тобой связан. Он исполнял там ту же роль, какую здесь исполняет Макманус. Я на несколько дней приставила к тебе другого медбрата, но никаких изменений не заметила и предположила, что Роджер тоже послужил тебе строительным материалом для создания ложных воспоминаний.

– Они такие живые, эти воспоминания, – сказал Тед чуть ли не с недоверием. – Как все это сложно.

– В большинстве этих воспоминаний есть реальная составляющая, Тед. Ты просто перемешал их, расставив по-своему.

– Когда я во второй раз встретился с Уэнделлом, он сказал мне, что вы собираетесь запереть меня здесь.

– И тут мы, считай, вытянули счастливый билет.

– Не понимаю.

– Сейчас объясню. – Лора закрыла крышку компьютера и отодвинула его в сторону. – Мы всего несколько раз выходили с тобой на второй цикл. Чаще ты оставался в первом и начинал все сначала. Было очень тяжело. Я никак не могла понять, что именно выводит тебя во второй цикл. Но однажды догадалась. Ключ в твоём прошлом, Тед. Я заметила, что выходы во второй цикл совпадали с теми сеансами, во время которых мы говорили о твоём прошлом, о детстве, особенно о занятиях шахматами с Миллером. Как будто что-то в этом прошлом подталкивало тебя вперед, заставляло вынырнуть из заколдованного круга убийств и погрузиться во второй круг, в котором ты не превращался в убийцу. Твой брак не был счастливым, но

ты относился к этому с пониманием.

Тед подумал о Миллере. Конечно же, он рад был вспомнить своего шахматного наставника.

– Ты буквально оживал, когда говорил о Миллере, – продолжала Лора, – и однажды рассказал о подкове, которая висела у него в гараже, где ты тренировался. Подкова служила вам амулетом во время турниров. Ты рассказал мне о соревновании за мировое первенство между Алехиным и Капабланкой в Буэнос-Айресе. Ты говорил с такой страстью... И тогда я подумала, что, если удастся добиться, чтобы ты ухватился за прошлое, может быть, мы вырвем тебя из этих циклов раз и навсегда.

Тед положил подкову на стол так, чтобы и Лора могла ее видеть.

– Значение шахмат было очевидно с самого начала, – объяснила Лора, – но я не сразу это поняла. В снах, которые ты мне рассказывал, постоянно возникала тема шахмат.

– Я нашел подкову у дома Уэнделла.

– Нет. Тебе дал ее Роджер. И ты включил ее в свои фантазии, потому что она была слишком важна для тебя, ты не мог ею пренебречь. И это подействовало. Оставалось только понять, что за этим последует, каким образом ты выйдешь из второго цикла. И вот однажды, когда Роджер пришел за тобой, чтобы отвести тебя на ужин, ты сказал, что тебе все известно: мы хотим тебя обмануть и намерены запереть в «Лавендер Мемориэл».

Тед невольно улыбнулся.

– Это даже забавно, – признал он.

Лора тоже улыбнулась:

– Роджер немедленно сообщил мне об этом, и мы решили, что есть возможность соединить фантазию с реальностью. Пришлось использовать кое-какие связи. Главврач этого отделения – мой друг, и я смогла обойти обычную бюрократическую процедуру, не тратя время на подробные объяснения. Мы привезли тебя сюда, и два мира объединились.

Два мира.

Слишком уж похоже на бредовые рассуждения Майка Доусона.

– Подкова сыграла очень важную роль, Тед, и я прошу тебя постоянно носить ее с собой.

– А что будет теперь?

– Ты вырвался из порочного круга, но впереди долгий путь. Мы должны восстановить события последних дней перед больницей, понять, о каких вещах ты предпочел забыть.

Тед помолчал немного, потом сказал:

– Мне бы хотелось видеть то место, где я провел все это время. И твой кабинет.

Доктор Хилл удивилась:

– На видео?

– Нет, вживую.

– Не уверена, что это хорошая идея.

– Мне надо все увидеть собственными глазами.

Маркус порвал с Кармен. Наконец-то! Ему стыдно было самому себе признаваться в этом, но на решительный шаг его толкнули слова Лоры о том, что ее отношения с бывшим окончены раз и навсегда. Кармен не подходила Маркусу: никакой секс не мог компенсировать ее раздражающую глупость, ее обиженное молчание, ее упреки. Маркусу становилось все труднее скрывать от Кармен, что она его больше не интересует, но ее, похоже, это не задевало, отчего становилось только хуже. Он объявил ей о разрыве по телефону, и она ответила, что все понимает, просила его не переживать, заверила, что, если он захочет, может позвонить, и они встретятся, чтобы просто приятно провести время; она добавила, что не сердится на него; в конце концов, надо жить и наслаждаться жизнью. Словом, ей было плевать. Прощай, Кармен. То, что Маркусу стукнуло пятьдесят и он не выносил одиночества, еще не означало, что он готов потратить остаток жизни на всяких там Кармен. В шестьдесят – еще куда ни шло.

Первым делом он решил вернуться к забытому было ритуалу воскресного кинопросмотра. У него в гостевой комнате давно был устроен домашний кинотеатр, но Кармен согласилась разделить его увлечение всего один раз. Она уверяла, что в закрытом помещении ей становится нехорошо, и он не стал настаивать. Очередной пункт в списке несовместимых привычек.

Маркус заранее записал две серии своей любимой криминальной драмы «Во все тяжкие», приготовил в микроволновке попкорн, достал из холодильника бутылку пива и с улыбкой до ушей направился в гостевую комнату. В комнате стояло два ряда кресел, по три в каждом. Он сел в середине второго ряда и вытянул ноги. Попкорн и пиво поставил на соседнее кресло, взял с полки позади себя несколько пультов. Один позволял уменьшить освещение, второй – развернуть экран, третий – запустить проектор. Маркус притушил свет до минимума и включил механизм экрана. Белый прямоугольник с успокаивающим жужжанием поехал вниз, но тут у Маркуса зазвонил мобильник.

Его досада улетучилась, когда на определителе он увидел имя Лоры.

– Вот так сюрприз!

– Привет, Маркус.

Она чуть помолчала.

– В «Лавендере» проблемы? – встревоженно спросил Маркус.

– Нет. Я хотела... Ты сейчас сильно занят?

– Я абсолютно свободен.

– Не хочешь со мной пообедать?

Маркусу пришлось взять паузу, чтобы не выдать охватившего его восторга.

– С удовольствием.

– Я хотела обсудить с тобой некоторые аспекты истории болезни пациента Теда Маккея. И пригласить тебя в одну небольшую экспедицию.

– Всегда готов. И уже заинтригован.

– Вот и хорошо. Значит, не обманешь, и наше свидание состоится.

Свидание.

– Так я заеду за тобой через часок?

– Отлично.

Она положила трубку. Маркус еще минут десять сидел, уставившись в пустой экран.

Маркус вел машину, и в его голове теснилось множество мыслей. Может, он неправильно истолковал Лорин звонок? Не хотелось бы в очередной раз ошибиться. Лора, разумеется, знала о его чувствах, но не отвечала ему взаимностью – точнее говоря, до сих пор не отвечала взаимностью. Но в последние дни все изменилось. Теперь они оба были свободны.

Она пригласила тебя на обед! Произнесла слово «свидание».

– Она употребила его в ироническом смысле, – осадил он себя, поймав свой взгляд в зеркале заднего вида. – Ты, надеюсь, это понимаешь?

Нет, ты ей нравишься. Если она позвонила, то потому, что заметила: ты проявляешь к ней интерес. И потом, ведь она сама говорила, что ее брак рухнул окончательно и бесповоротно.

Точно. Так и есть.

Он подъехал к ее дому еще до полудня. В комнаты Лора его не пустила, сославшись на спешку: им надо быть на месте в два, а пообедать останутся по дороге. Она чмокнула Маркуса в щеку и пошла к машине, оставив его в дверях. Хорошо еще, что он не явился с букетом и не совершил еще какой-нибудь глупости в том же духе. Но даже его наряд – брюки из белого кашемира, голубая льняная рубашка и вечно модный котелок – выглядел слишком официально на фоне ее потертых джинсов и клетчатой рубашки. Волосы Лора собрала в пучок, макияжа на лице было даже меньше, чем обычно.

Ты ждал знака? Вот, получай. Ни грамма романтики, приятель. Ей просто надо, чтобы ты выслушал ее рассказ о Маккее и проводил ее туда, не знаю куда.

Обедали они у Романелли, в ресторанчике с террасой, выходящей на реку Чарльз, по дороге в Ньютонвилл. Лора пока не объяснила, зачем они едут в Ньютонвилл, а он не стал спрашивать. Заказали салат с тунцом. На самом деле первой заказ сделала Лора, а Маркус к ней присоединился, тоскуя по оставшемуся в кинозале попкорну и в то же время напоминая себе, что ему не мешает сбросить с десятков килограммов, набранных за последние два года.

Ага, стоит тебе похудеть на десять кило, и она падет к твоим ногам. Жди!

Иногда ему казалось, что рассчитывать на успех у Лоры – с его

стороны верх идиотизма. И дело было не в десяти килограммах лишнего веса и не в двенадцати годах разницы в возрасте. От Лоры исходило особое сияние, ее присутствие никого не оставляло равнодушным, чему Маркус был свидетелем каждый день. Кто только не вздыхал в больнице по доктору Хилл! С какой стати она вдруг выберет его?

– Так ты наблюдаешь у Маккея положительную динамику? – спросил Маркус. По дороге к Романелли он пытался заговорить с ней то о том, то о другом, но Лора упорно, как одержимая, возвращалась к этому пациенту.

– Да! Мне столько всего надо тебе рассказать. Я почти уверена, что циклы остались позади. Он начнет вспоминать, дай только время, точно тебе говорю.

– Ты показала ему запись из конторы этого, как его?..

– Линча? Нет еще. Пока рано. Я показала ему записи из его палаты в «Лавендере» и некоторых наших сеансов. Это уже оказалось сильным ударом. Я даже испугалась, что мы снова вернемся к отправной точке. Но нет, он довольно неплохо все перенес.

– Это радует. Ешь, Лора, а то ты даже не притронулась к салату.

Она посмотрела на тарелку с недоумением. Подцепила кусочек тунца и медленно поднесла ко рту.

– Не сердись, Лора, но, по-моему, ты слишком волечена в историю этого пациента.

Она засмеялась и пожала плечами.

– Так и знала, что ты это скажешь, – беспечно заметила она. – Думаю, я могла бы написать об этом целую книгу.

Маркус недоверчиво хмыкнул:

– В самом деле?

Лицо Лоры вдруг сделалось серьезным. Она оглянулась по сторонам и слегка наклонилась вперед.

– Хочешь, признаюсь?

Маркус напрягся.

Вот оно.

– Я не впустила тебя к себе не потому, что слишком торопилась. То есть я, конечно, торопилась, но не настолько же! После того как я тебе позвонила, я стала уговаривать себя привести в порядок гостиную, потому что у меня там повсюду разбросаны выписки из истории болезни Теда, фотографии, документы, вырезки из газет. – Лора расхохоталась, как озорная девчонка. – А ну приберись! – приказывала я себе то и дело, но так ничего и не убрала. А тут и ты позвонил в дверь. Я даже переодеться не успела.

– Но все же ты могла меня впустить.

– Конечно. Мы же свои люди. Но там действительно был жуткий бардак. Уолтер сегодня весь день с отцом, а я, похоже, слишком увлеклась. Сам понимаешь: одна дома, такая радость.

– Так ты объяснишь мне, что затеяла?

– Конечно! Иначе зачем мы здесь сидим.

Лора съела еще немного салата и запила его парой глотков кока-колы. Казалось, ей не терпится начать рассказ.

– Тед был шахматным вундеркиндом. Подростком он бросил шахматы, но некоторые особенности мышления шахматиста сохраняются у человека навсегда. – Лора помолчала. Казалось, собственное объяснение не вполне ее удовлетворило. – За эти месяцы я просмотрела массу материалов, прочитала несколько биографий. Вчера, например, перечитывала биографию Бобби Фишера. Помнишь, кто это?

– Конечно. Ты была еще ребенком, а я застал ажиотаж семьдесят второго года, когда он соревновался за звание чемпиона мира с тем русским...

– Со Спасским.

– Точно. Не мог вспомнить фамилию. Это было настоящим событием. В разгар холодной войны, схватка СССР – США. Самих партий я не видел, но в прессе только о них и писали. Фишер стал чуть ли не национальным героем. А что с ним стало потом?

– Ты не знаешь?

– Нет. Честно говоря, никогда особо не интересовался новостями из мира шахмат.

– Это невероятная история. Если в двух словах, еще в семьдесят втором, когда Фишер участвовал в чемпионате мира, у него появились признаки паранойи. Ему было двадцать девять лет. Он и без того считался большим оригиналом – все же гений! – но постепенно становилось все более очевидным, что это не просто чудачества, а настоящая патология. Он выдвигал все более жесткие условия для своего участия в матчах, пропустил несколько игр, предъявлял организаторам совершенно дикие претензии. Например, утверждал, что телевизионные камеры испускают вредные для него лучи, и требовал, чтобы их убрали; утверждал, что русские используют специальные технологии, мешающие ему сосредоточиться. Матчи длились неделями, Фишер сыграл много партий, конечно, победил и стал чемпионом мира. А потом... испарился.

– Испарился?

– Не играл целых двадцать лет! Как сквозь землю провалился! Сидел

взаперти, ни разу не появился на публике, ходили даже слухи, что умер. Учти, что он находился на пике формы и на вершине славы. Здесь его считали, как ты и сказал, национальным героем. В шахматах состояла вся его жизнь, он был одержим ими, практически ничем другим не занимался. Но стоило ему добиться чемпионского титула, как он все бросил.

– Я этого не знал. Но ты говоришь, что через двадцать лет он вернулся.

– Совершенно верно. Но только потому, что один миллионер спонсировал матч-реванш со Спасским. Они сыграли его в Югославии в девяносто втором году. Фишер снова выиграл. А в семидесятые он не озаботился даже тем, чтобы защитить свой чемпионский титул. И утратил его только потому, что не явился на матч. К тому времени он стал антисемитом и периодически выступал по радио с чудовищными нападениями на евреев и на Соединенные Штаты. Когда было объявлено, что матч-реванш состоится в Югославии, наше правительство направило Фишеру письмо с запретом играть в этой стране под угрозой тюремного заключения. Но ему было плевать. На пресс-конференции он заявил, что все равно будет играть, и харкнул на официальный документ. Патология явно прогрессировала. Евреи и американцы стали излюбленной мишенью его критических выступлений.

– Грустно. Так он кончил тюрьмой?

– Соединенные Штаты аннулировали его паспорт. Он тогда находился в Японии. Ехать ему было некуда, и он отправился в Исландию, где играл первый турнир со Спасским. Власти Исландии сжалились над ним и предоставили ему убежище. Его фотографии тех лет производят гнетущее впечатление. Там же он и умер в две тысячи восьмом году.

– Его никогда не лечили? Судя по тому, что ты рассказываешь, у него был острый психоз.

– Не знаю. Интересно, что он не единственный шахматист с острой паранойей. Их было несколько. Разумеется, причина не в шахматах, это понятно, но, судя по всему, структура мышления шахматиста плохо приспособлена к преодолению подобных проблем. Шахматы сами по себе довольно-таки параноидальная игра. – Лора нервно усмехнулась. – Ты только и знаешь, что просчитываешь возможные угрозы, большинство из которых, скорее всего, не реализуется, однако теоретически вариантов атаки на тебя – бесконечное множество. Ум шахматиста анализирует варианты развития игры, в которых также имеются бесчисленные ответвления. Если ту же тактику применить вне игры, результат может оказаться катастрофическим.

– Не уверен, что я до конца понимаю. Думаешь, что-то подобное

происходит с Маккеем?

– Как правило, игроки, подобные Фишеру, бросают шахматы внезапно. Другие, прервав профессиональную карьеру, продолжают играть в качестве любителей, дают мастер-классы и так далее. Но те, у кого проявляется патология шизофренического или параноидального типа, просто прекращают играть. Я подозреваю, что в этих случаях происходит нечто вроде переноса. Разум по-прежнему стремится просчитывать варианты, как делал это всю жизнь; он не в состоянии остановиться! Эти вундеркинды играют с раннего детства, и, если лишить их игры, они... вываливаются за пределы поля. Любопытно, что Тед бросил шахматы подростком. И потом двадцать лет жил нормальной жизнью, как вдруг стремительно развился патологический процесс.

– Возможно, он пребывал в латентном состоянии? Когда действительность позволила применить шахматную логику, эти структуры его сознания активизировались. То есть толчок процессу дала какая-то травма, которая, как ты говоришь, имела место.

– Очень может быть. Тед прожил последние несколько месяцев в двух разных циклах, причем один цикл включал в себя другой. И каждый повторялся по нескольку раз. Возможно, *циклы* – неточное слово. Возможно, лучше назвать их *вариантами*.

– Тебе удалось найти хоть один документированный случай?

– Одни теории без достаточного научного обоснования. – Лора посмотрела на свой недоеденный салат. Она говорила с таким увлечением, что совсем о нем забыла.

– Ты считаешь, что подкова помогла ему выйти за пределы циклов? Послужила своего рода якорем, который удерживает его в реальности?

– Совершенно верно. Когда он вышел из первого цикла, тут же создал второй, то есть новый вариант, на этот раз более близкий к действительности, и тем не менее ирреальный. В первом цикле, к примеру, Тед не знал о неверности своей жены. Во втором он признавал, что отношения между ними не сложились.

Лора посмотрела на часы.

– Нам пора? – спросил Маркус.

– Нас ждут на месте через полчаса, но здесь недалеко.

– Кто нас ждет?

– Дело вот в чем. До сих пор я всегда намного опережала Теда в понимании ситуации. Мне и сейчас известны некоторые вещи, о которых он не догадывается. Но многие детали требуют прояснения. В том числе роль, которую во всей этой истории играет Эдвард Блейн.

– Ты не думаешь, что Тед просто воспользовался информацией из теленовостей? Ведь об этом случае много говорили. Разум Теда мог ухватиться за него, чтобы создать образ человека, которого он должен убить?

Лора кивнула:

– Да, именно так я и думала. Однако сегодня просматривала записи наших сеансов, и кое-что меня зацепило... Надеюсь, это поможет нам многое понять. Или ты прав, или здесь более сложная связь.

– Да? Мне не терпится узнать какая.

Лора встала из-за стола:

– Идем. По дороге все объясню.

Логично было предположить, что Тед, как и все прочие, узнал подробности дела Блейна из газет и теленовостей. Убийство Аманды Эрдман местные СМИ освещали несколько дней. Сестра убитой, весьма артистичная дама по имени Мелисса Хенгеллер, добилась, чтобы журналист из «Бостон стар» опубликовал эту историю, и она тут же приобрела широкую известность. Тут было все, что может привлечь читателя: зверское убийство – вначале говорили, что жертву забили насмерть молотком, – а вдобавок еще и неожиданный поворот, когда Блейна признали невиновным. Хенгеллер наняла эксперта, чтобы он изучил дело об убийстве ее сестры, собрал новую информацию и пересмотрел старую... То, что он обнаружил, привело всех в состояние шока. Никто точно не знал, могла ли та труба, ведущая из прачечной и проходящая как раз под квартирой Аманды, ускорить процесс разложения трупа, спровоцировав тем самым ошибку в установлении времени смерти, но надо признать, что результаты экспертизы придавали истории удивительный оборот. Нанятый Хенгеллер эксперт, адвокаты подозреваемого и прокуратура вступили между собой в бурную полемику. Общественное мнение разделилось, хотя большинство склонялось к версии, выдвинутой сестрой убитой.

Дом Блейна был теперь выставлен на продажу, и Лора договорилась о встрече с агентом по недвижимости, чтобы осмотреть его. Она позвонила агенту утром, чуть ли не по наитию, и он сказал, что ей неслыханно повезло: он как раз случайно сегодня в этом районе, так что готов показать ей дом в тот же день в обеденное время. Лора согласилась, ни на секунду не поверив в сказки о «случайном совпадении». Правда состояла в том, что на этот дом не так-то просто найти покупателя.

– Меня зовут Джонатан Ховард, – представился риелтор, сияя улыбкой с рекламного плаката.

Лора пожала ему руку.

– Лора Хилл. А это Маркус, мой муж. – Она обернулась и подмигнула Маркусу.

– Отлично! – воскликнул Ховард, ведя их от калитки к крыльцу. – Это просто потрясающий дом, вы убедитесь в этом сами. У вас дети есть?

– Сын, – ответила Лора.

– Гениально! Вы из здешних мест?

– Нет, – сказал Маркус, принимая на себя роль злого полицейского, –

но история дома нам известна.

Лицо Ховарда лишь на мгновение омрачилось, но тут же снова засияло улыбкой.

– А, вы об этом. Тому типу пришлось съехать, но он вообще мало здесь прожил, и дом не его. К счастью, люди это понимают: у нас уже есть несколько потенциальных покупателей... В конце концов, убийство произошло не здесь, так ведь?

Лора решила разрядить ситуацию:

– Конечно. Именно это я ему и говорю.

Ховард был прав в одном: дом действительно был прекрасный. Даже без вещей, необжитой, он казался уютным, и трудно было представить себе, что тут жил негодяй вроде Блейна. Лора попыталась мысленно обставить его собственной мебелью. Они прошлись по комнатам и убедились, что на первом этаже действительно есть комната для гостей. Означало ли это, что Тед здесь бывал? Возможно.

Они вошли в самую большую комнату, на втором этаже, и там Лора стала с особым вниманием наблюдать за продавцом. А он вел их к огромной гардеробной, видимо, полагая, что она – главный козырь в игре с Лорой. Широкими жестами он указывал в сторону полок, предлагая вообразить себе стоящие на них туфли, открывая дверцы, просил представить, как будут выглядеть платья на вешалке, призывал подумать о драгоценностях, которым самое место на столике под зеркалом. Лора слушала его объяснения все внимательнее, но по причинам далеким от тех, на которые рассчитывал он. На одном из сеансов Тед сказал Лоре, что решил спрятаться в комнате для гостей на первом этаже, потому что в большой комнате прятаться было негде, однако этот гигантский гардероб представлял собою идеальное укрытие, в котором можно было дожидаться Блейна. Значит, ее подозрения верны: Тед никогда не бывал в этой комнате.

– А можно сфотографировать? – спросила она, вынимая из сумки фотоаппарат. – Представляю, какое лицо будет у моей сестры, когда она это увидит.

– Конечно, снимайте, – разрешил Ховард.

Маркус был явно заинтригован.

Они спустились на первый этаж, и Лора потащила Маркуса в комнату для гостей.

– Можно нам с мужем поговорить наедине?

– Ну разумеется!

Ховард удалился.

Маркус не скрывал удивления:

– Зачем тебе фотографии, Лора? И о чем ты хотела со мной говорить?

Она подошла к шкафу и присела на корточки, стараясь разглядеть нижнюю сторону полки. И чуть не задохнулась.

– Что там? – Маркус подошел и опустился рядом с ней на колени.

На полке красовалась наклейка с изображением звездного рейнджера Базза Лайтера из «Истории игрушек», которую Тед описывал во время сеансов. Она должна была светиться в темноте.

– Закрой дверцу, – попросила Лора.

Они стояли на коленях в шкафу, лицом к задней стенке, словно дети, играющие в прятки. Маркус едва успел мысленно спросить себя, что подумает риелтор, если откроет дверь и обнаружит, что они закрылись в шкафу.

Когда стало совсем темно, очертания Базза слегка засветились. Лора открыла дверцу шкафа.

– Не понимаю, – вздохнула она, вылезая наружу.

Маркус тоже поднялся на ноги.

– Чего ты не понимаешь?

– Про наклейку. Тед подробно ее описал, – растерянно произнесла Лора. – До сих пор я считала, что эпизод с Блейном – часть его бреда и что он никогда не бывал в этом доме. Некоторые детали комнаты наверху не совпадают с его рассказом, но эта наклейка... Она доказывает, что он все-таки был в этом доме и сидел, закрывшись в шкафу.

– Ты мне говорила, что он рассказывал о том, как убил Блейна, но ведь этого не было.

Лора ходила из угла в угол по пустой комнате.

– В первом цикле он убивал Блейна, во втором – нет.

– Может, он собирался его убить, – предположил Маркус.

Лора смотрела на него со смесью недоверия и ужаса. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал еле слышно.

– В этом нет никакого смысла. То, что Тед бывал здесь, – ни в какие ворота не лезет...

От стука в дверь оба вздрогнули.

– Мистер и миссис Хилл! У вас там все в порядке? Я уверен, что хозяева сделают серьезную скидку, если дом вас заинтересовал. Я поговорю с...

Лора открыла дверь. Бросила взгляд на риелтора, изображая крайнее смущение.

– Мужа не удалось уговорить, – печально произнесла она, – а его голос в данной ситуации решающий.

Обойдя остоленевшего риелтора, она направилась к входной двери.

Маркус остался в коридоре один на один с расстроенным Ховардом. Риелтора было жаль: в конце концов, Лора просто использовала его, чтобы проникнуть в дом, который она вовсе не собиралась покупать. На мгновение Маркусу показалось, что они с риелтором – братья по несчастью.

– Сожалею, – сказал он, и это была чистая правда.

– Если что-то вас не устраивает, мы можем сделать перепланировку... Хозяева не станут возражать, я уверен.

Маркус положил руку ему на плечо.

– Мне действительно очень жаль, что вы напрасно потеряли с нами время. Честное слово.

Это была первая ночь в палате с Доусоном, правда, Доусона не было: он ночевал в зоне повышенной безопасности корпуса С. Тед радовался одиночеству. Растянувшись на кровати, он всматривался в темнеющие в полумраке сгустки тени – мебель незнакомых очертаний, к которой он еще не успел привыкнуть. Справа и слева от единственного окна стояли два письменных стола. На свой он поставил фотографию Холли и девочек, сделанную на позапрошлом Рождестве, когда его брак еще казался прочным. В лунном свете Тед различал только рамку, но он помнил этот снимок во всех подробностях, мало того, он мог восстановить в памяти тот момент, когда щелкнул затвор фотоаппарата. Все улыбались, кроме Надин, которая в испуге показывала пальцем куда-то в сторону. Тед настроил автоматический спуск затвора и подбежал к жене и дочкам, торопясь занять свое место, и в этот миг Надин увидела соседского кота: он частенько навевался к ним за подачками, а теперь удирал с куском рыбы, приготовленной Холли для рождественского ужина. Кроме Надин, его не заметил никто, и для истории сохранилось ее изумление при виде Ананда, улепетывающего с добычей в зубах. С тех пор Тед держал эту фотографию в кабинете.

– А теперь ты перебралась сюда, – сказал он фотографии.

Тед оглядывал все с недоумением, не в силах поверить, что он здесь. Но в отличие от предыдущих дней, когда он чувствовал себя повсюду чужим, не в своей тарелке, на этот раз ему казалось, что он в правильном месте. Видеозаписи, которые показала ему Лора в кабинете, надо признать, произвели на него глубокое впечатление. Он попал в ловушку собственного рассудка, винить себя ему не в чем. Но теперь он идет на поправку, ведь так? Потому Лора и показала ему записи...

Может, она уже раз тридцать тебе их показывала.

– Нет, – снова обратился он к фотографии. – Она показала мне их в первый раз.

За что-то надо было уцепиться.

Осознание того, что он находится в нужном месте, – важный шаг вперед. Теперь оно к нему пришло. Он чувствовал, что «Лавендер» необходим ему, чтобы излечиться, а для этого следовало понять, зачем его разум порождает эти альтернативные миры.

Циклы.

Что за ними скрывается?

Трудно было привыкнуть к мысли, что дочери не видели его уже много месяцев. Как ему могло прийти в голову лишиться себя жизни? *Оставить их...* Уму непостижимо.

– Что бы ни случилось с папой, – сказал он, наклоняясь к фотографии, – он все переборет и вернется домой.

Тед улыбнулся.

Но через мгновение улыбка исчезла с его лица. Он в ужасе вскочил с кровати. В сознании открылся клапан... Тед бросился в коридор. Свет в нем не горел, и стояла полная тишина. Теду нестерпимо хотелось заорать во все горло, позвать на помощь Макмануса, но он вспомнил, что этой ночью Макманус не дежурит. Он дошел до конца коридора. Дежурный санитар сидел перед включенным телевизором. Раньше Тед его не видел, а если видел, то не запомнил. Тот при виде Теда, похоже, здорово перепугался, схватил со стола рацию и уже нажал на кнопку.

– Нет-нет, – успокоил его Тед, показав раскрытые ладони, – все в порядке. Мне просто надо позвонить доктору Хилл. Это очень важно.

Санитар положил рацию, все еще недоверчиво глядя на Теда.

– Завтра поговоришь, – сказал он. – А сейчас иди спать.

– Это срочно. Она сама мне велела. Сказала, если понадобится, чтобы звонил ей в любое время дня и ночи. Честное слово.

Он смотрел на санитаря с мольбой и ужасом. За все годы, что тот проработал в «Лавендер Мемориэл», он еще ни разу не видел в глазах пациента такого страха.

Лора не обманула: в гостиной у нее и вправду царил хаос. Маркус ошарашенно переводил взгляд с разбросанных по ковру бумаг на стоявшую тут же недопитую чашку кофе. Его изумление ее позабавило.

– Я же тебе говорила... Уолтер сегодня с отцом. А когда Уолтера забирает отец... – Она обвела рукой гостиную.

– Но почему на полу?

Она рассмеялась:

– Детская привычка. У нас с сестрой была одна комната на двоих и общий письменный стол. Сестра его полностью оккупировала, и мне приходилось делать уроки на полу. Но мне это даже нравилось. В университете – то же самое.

Лора собрала бумаги в стопку и переложила их на стол.

– Этот случай тебя не отпускает.

– Хочешь кофе?

– Хочу.

Через несколько минут они пили кофе за столом в гостиной. Лора о чем-то задумалась.

– Лора, объясни мне, как пациент сконструировал у себя в голове убийство Блейна. Для меня это самый непонятный момент во всей истории.

– До того как я увидела в доме Блейна ту наклейку, я была уверена, что за рассказом об этом убийстве нет никаких реальных оснований, – начала Лора. Она раскрыла одну из папок, лежащих на столе. – Смотри, это вырезки из газет с публикациями об этом деле. Все статьи были напечатаны незадолго до госпитализации Теда. Логично предположить, что его психика откликнулась на столь громкое дело.

– Но как он включил его в свой бред?

– Он думал, что состоит в организации самоубийц, озабоченных тем, чтобы смягчить близким боль утраты, заменив самоубийство на убийство. Каждый из членов организации убивал следующего в цепочке... Чтобы тебя в нее включили, ты должен был совершить еще одно убийство – ликвидировать оставшегося безнаказанным преступника. Свершить, так сказать, справедливую месть.

Маркус сморщился.

– Сложно. Но завораживает.

– Безусловно. Первый цикл связывают с реальностью три характерных

элемента. Во-первых, самоубийство. Я уверена, что Тед задумывался о самоубийстве, возможно, даже предпринимал попытки. Во-вторых, тревога и боль за семью. Он делал на этом такой упор, что у меня нет никаких сомнений: ему была непереносима мысль о том, что его самоубийство ударит по родным. И в-третьих, самое загадочное – посещение дома Блейна. Оно не укладывается в общую картину.

– Вот и я так думаю. Если бы тот человек из организации... как его?..

– Линч.

– Если бы Линч предложил ему только замаскировать самоубийство, в этом был бы смысл. Но зачем он требовал убивать кого-то еще?

– Непонятно. Теперь, когда мы знаем, что Тед действительно побывал в доме Блейна, причем, возможно, прятался там, о чем вспоминал во время первого цикла... не знаю, что и думать. Зачем-то ему понадобилось там побывать.

– Ты считаешь, что эти циклы – деформация реальных событий, произошедших перед госпитализацией?

– Вот именно. Каждое из событий цикла имеет реальную основу. Теперь мы знаем, что и посещение дома Блейна тоже ее имеет.

– А если Тед и в самом деле собирался убить Блейна в отместку за его преступление? Если он и правда ждал его, но убить не смог?

Лора задумалась, допивая последний глоток кофе.

– Не вижу смысла. Это обстоятельство все переворачивает с ног на голову. – Лора потеряла переносицу. – До сих пор история казалась мне более или менее понятной.

– Может, мы преувеличиваем значение наклейки? Тед когда-то видел такую же, возможно, очень давно, и она отпечаталась у него в мозгу. Что нам известно о прежних владельцах дома?

– Ну вот почему я не спросила о них риелтора, – посетовала Лора. – Или позвонить, да и спросить сейчас? Хотя сомневаюсь, что он вообще захочет с нами разговаривать. Но несмотря ни на что, у меня такое ощущение, что ответ у нас буквально перед носом.

Маркус замолчал. Лора смотрела на потолок, будто надеялась найти на нем подсказку.

– Я включила в свой отчет все подробности, о которых сообщил мне Тед во время сеансов. Вопросы я старалась задавать каждый раз по-разному, так что это настоящая головоломка. Первый цикл уже описан. Хочешь прочесть?

– Конечно. Возможно, как раз свежий взгляд тебе и нужен.

В глазах Лоры появился особый блеск.

– Что такое? – спросил он.

Лора продолжала смотреть на него все так же загадочно.

– Что? – повторил он. – У меня крошки от булочки на губах?

Он провел пальцами по губам.

– Да нет, глупыш. – Лора мягко отвела его руку. – Мне просто очень помогает, когда я говорю с тобой, вот и все.

– Я рад.

Он чуть наклонился к ней. Сейчас это не казалось ему неудобным.

– Отложим все до завтра, – понизив голос, сказал он. – Утро вечера мудренее. Может, все окажется гораздо проще. Тед узнал, что у жены роман с этим типом, и потерял контроль над собой. Как тот, кстати?

– Линч? Все еще в коме. И прогноз не слишком обнадеживающий.

– Тед знает?

– Нет. Он все еще думает, что это сделал Уэнделл.

– Уэнделл... – Маркус улыбнулся. – Это даже забавно.

– Не смейся, – оборвала его Лора. – Меня тревожит, как онотреагирует, когда узнает. Это последняя дверь, которую осталось открыть. И самая опасная.

– Думаешь опять перевести его в свое отделение?

– Нет. Пока есть улучшение, не хочу возвращаться назад. К тому же, кажется, он подружился с некоторыми больными, например с Доусоном.

Маркус вздохнул и скривился:

– Ничего себе приятель.

– Маркус.

– Да?

– Я рада, что ты пришел, честное слово.

Ладонь Лоры легла на его руку. Маркус смотрел на нее, не зная, как поступить.

Если в какой-то миг можно было придвинуться к ней еще ближе и поцеловать, то миг этот умчался безвозвратно: задребезжал телефон. Лора пошла в прихожую и вернулась расстроенная. Разговоры с бывшим мужем всегда приводили ее в дурное настроение, Маркус это знал. Не стоило даже объяснять, что она говорила именно с ним.

– Уолтера сейчас привезут... – с досадой выдавила она, тряхнув головой.

Маркус встал. Он понял, что ему пора уходить. Лора говорила больше с собой, чем с ним:

– Отец называется! Не может один несчастный день побыть с сыном. Сегодня собирался отвести его на игру, а потом до вечера гулять в парке с

двоюродными братьями. А сейчас звонит и заявляет, что у него что-то срочное по работе. В воскресенье!

– Успокойся, Лора.

– Но я не понимаю. Я действительно не понимаю. Всего один день. Что может быть важнее, чем общение с собственным ребенком?

Маркус готов был остаться и предложить план вечерних развлечений для маленького Уолтера, но решил, что не стоит форсировать события. Он попытался отвлечь Лору какими-то банальностями, снова заговорил о Теде, но она его не слышала.

– Иногда мне кажется, что он нарочно. Знает, что, демонстрируя равнодушие к Уолтеру, выводит меня из себя. Очень хорошо знает. Похоже, даже испытывает наслаждение... Сукин сын.

Уолтер был умный и чуткий мальчик, немного замкнутый. По выходным Лора готовила ему ванну с пышной пеной, приносила какую-нибудь из его любимых игрушек и садилась рядом поговорить. Пластмассовые уточки уже довольно давно сменились боевыми морскими и космическими кораблями, трансформерами, а пару месяцев назад Уолтер серьезно заявил, что будет принимать при ней ванну в плавках. Лора не возражала.

Пока она намыливала сыну голову шампунем, стараясь, чтобы пена не попала в глаза, Уолтер с восторгом рассказывал о том, чем занимался сегодня с папой. В его глазах все поступки Скотта представлялись деяниями всемогущего божества. Жалко, говорил мальчик, что у папы неожиданно возникают срочные дела и ему приходится идти работать. Лора сжала губы. Восхищение, с которым Уолтер говорил об отце, и трогало ее, и огорчало. Для ребенка не имело значения, сколько раз он его подводил, забыв прийти на школьный праздник, сколько нарушил обещаний. Уолтер все ему прощал. Лора часто ругалась из-за этого со Скоттом, но тот в ответ неизменно козырял снисходительностью сына: «Слушай, я поговорил с Уолтом, и он все прекрасно понял». Если девятилетний мальчик боготворит отца и принимает все его дурацкие отговорки, настаивала Лора, это еще не значит, что можно позволять себе подобную безответственность. Скотт разводил руками и бормотал: «Отстань от меня со своей чертовой психологией... Парень умный, он не обижается». Лора после таких разговоров каждый раз вздыхала про себя:

«Так тебе, дуре, и надо. Нечего было выходить за него замуж... В следующий раз держись подальше от байкеров-бунтарей.

Впрочем, следующего раза не будет».

– Мам, вода уже остыла.

– Значит, пора вылезать.

Уолтер вынул из ванны пробку, и они вдвоем стали наблюдать, как оседает пена. Лора включила душ, чтобы мальчик мог ополоснуться, вытерла ему голову и замотала его в полотенце.

– Я тобой горжусь, – сказала она.

– А что я такого сделал?

Не жалуешься на своего никчемного отца.

– Вообще горжусь.

Час спустя Уолтер спал. Лора решила последовать совету Маркуса и выбросить из головы Теда. Ее так и тянуло пересмотреть видео, на котором пациент рассказывал, как ночью залез в дом Блейна, но она приказала себе притормозить. Налила бокал вина и взяла с небольшой полки, где у нее умещалась вся художественная литература, роман Робина Кука. Кто-то подарил ей эту книгу на день рождения. Открыв первую страницу, она узнала аккуратный почерк Маркуса: «*Главная героиня этой книги очень напоминает тебя. Сама убедишься!*» Она долго смотрела на надпись. Раньше ей точно не приходилось ее читать. Лора представила себе, как Маркус вручает ей книгу, как потом ждет, чтобы она хоть что-нибудь сказала по поводу этой несчастной героини и их предполагаемого сходства. Со дня рождения прошло уже семь месяцев. Она встряхнула головой. Ясно, что с Маркусом она ведет себя как какая-то... Ладно, обойдемся без уточнений.

Она начала читать, но после первого абзаца остановилась.

Как последняя динамистка.

– Я не динамистка, – сказала она бокалу с вином.

Есть немножко.

– Нет.

Ей удалось увлечься чтением, но тут зазвонил мобильник. Лора машинально посмотрела на часы, хотя и так знала, что уже одиннадцатый час. Она бросилась на кухню и схватила со стола телефон. Звонили из больницы. Дежурный санитар из блока С усталым голосом доложил, что с ней хочет поговорить один из ее пациентов, а в его карточке указано, что...

– Да, да, передайте ему трубку.

– Лора, – пробормотал Тед, – их ведь нет в живых, да? Холли, Синди, Надин... Их больше нет?

– Тед, что с тобой?

– Я понял. Я лежал у себя в палате, и вдруг меня как током ударило. Я вдруг понял. Они... Они все умерли.

– Твоя жена и дочери живы, – заверила Лора. – Ты слышишь, Тед? Разве я обманывала тебя в таких вещах?

– Не знаю.

– В таких вещах я тебя никогда не обманывала.

– Но тогда...

– С ними все в порядке.

Молчание.

– Тед?

– Мне надо их увидеть.

– Давай поговорим об этом завтра, хорошо?

– Мне надо их увидеть.

– Тед, я обещаю тебе: завтра с утра я поговорю с Холли. Скажу ей, что тебе лучше и что ты хочешь с ними увидеться. Посмотрим, что она скажет.

Опять молчание.

– Почему она не захочет меня видеть?

Лора жалела, что выпила вина. Когда тебя и без того клонит в сон, алкоголь – не лучший помощник в принятии важных решений.

– Она хочет, чтобы к тому времени, когда ты увидишься с девочками, ты был в нормальном состоянии, – сказала Лора. – Помнишь записи, которые я тебе показала?

– Да.

– Тебе уже лучше. Ты должен взять себя в руки. Если я расскажу Холли, что тебе лучше, посмотрим, что она скажет. Я попытаюсь убедить ее, что встреча с дочерьми пойдет тебе на пользу. Уверена, что и они об этом мечтают. Но ты должен понять: надо, чтобы они увидели тебя в хорошей форме.

Не дождавшись ответа, Лора повторила:

– Ты ведь это понимаешь, Тед?

– Извини, что позвонил тебе домой. Но я был уверен, что...

– Даже не думай об этом. И ни о чем не беспокойся. Завтра я поговорю с Холли, и мы посмотрим, что она скажет. Хорошо?

– Спасибо, Лора.

Они попрощались. Лора стояла на кухне, погруженная в размышления. Она знала, что рано или поздно этот момент наступит.

Большая застекленная дверь была на своем месте – никакой стены розового замка. Если бы не бесконечная гладь воды, к которой Тед, надо сказать, почти привык, все выглядело как в реальности. Даже коробки с шахматами рядом с мангалом не было. Тед вспомнил последний сон, в котором Холли вместе с Роджером появилась из воды, взяла коробку с шахматами и с обидой посмотрела на него, прежде чем вновь исчезнуть в морской пучине. Он, как и в прошлых снах, остановился у стеклянной двери и протянул к ней руку. Он делал это без особой надежды на успех, подозревая, что по капризной логике сна ему не удастся пересечь эту нелепую границу собственной гостиной. Однако раздвижная дверь легко отъехала в сторону. Датчик движения сработал, и террасу залил свет. Тед остановился на пороге. Море было спокойно, ни волн, ни соленого ветра, зато отчетливо пахло лесной сыростью.

– Ты все еще не понял?

От неожиданности он вздрогнул и обернулся на голос. Терраса сильно вытянулась вправо. В складном пляжном шезлонге сидел Роджер в белом халате и широко улыбался.

– Чего не понял?

Медбрат отвернулся к морю, чья бескрайняя гладь сливалась с ночным небом.

– Чего я не понял? – повторил Тед.

Вместо ответа Роджер медленно ткнул пальцем в сторону моря.

Ты все еще не понял?

Свет на террасе внезапно погас. Тед хотел помахать руками, чтобы он снова зажегся, но тут его внимание привлекло размытое серое пятно в море. Сначала он решил, что это огромный корабль, но, когда глаза привыкли к темноте, понял, что это не корабль и вообще никакой не плавучий предмет. Это был *другой берег*.

Ты все еще не понял?

Вот почему на этот раз не было ни волн, ни морского бриза. Море превратилось в озеро. Осознав это, он заметил, что и терраса – вовсе не терраса, а пристань. Пристань, которая, вне всякого сомнения, была ему знакома. Он видел эту пристань возле дома Уэнделла. Тед подошел к краю, посмотрел вниз и увидел лодку, на которой в первый раз приплыл Уэнделл.

Раньше на этом месте плескались волны, разбиваясь о травяной газон.

– Раньше я... – начал он, оборачиваясь к Роджеру.

Но Рождера не было, осталось только пустое кресло. Тед медленно подошел к нему, обернувшись наконец к сверхсовременному дому Уэнделла и посмотрел на раздвижную стеклянную дверь, через которую непостижимым образом попал из своей гостиной на участок, принадлежащий малознакомому человеку. В шезлонге что-то лежало. Сначала он подумал, что это медицинский халат, что Роджер, телепортируясь в другое место, сбросил его, как змея сбрасывает кожу. Но это был не халат, а красное бикини Холли. Тед присел, взял его в руки и понял, что оно еще влажное, как будто бывшая жена только что его сняла.

Бывшая жена.

Сердце его больно застучало. Он начал обшаривать озеро взглядом – может, она купается нагишом?

Но Холли не было. Только бикини. Тед рухнул в шезлонг и, сжав мокрую ткань в комок, поднес его к лицу, пытаясь учуять единственный на свете запах своей жены.

Бывшей жены.

Ты все еще не понял?

Он сидел довольно долго, слушая шелест ветра в кронах деревьев и пение сверчков. Лес казался знакомым, от него веяло покоем. Тед встал, направился в сторону деревянного настила, по пологому склону спустился к воде и обошел участок. Перед домом стоял черный «ламборгини», похожий на гигантское спящее насекомое.

Ему почудилось, что в одном окне кто-то двигается. Краем глаза он уловил смутный силуэт. Может, это Роджер?

Тед приблизился к главному входу, не вполне уверенный, что жаждет встречи с медбратом, однако потянул за ручку, и дверь подалась.

Он увидел себя самого. Тед, который ждал его в доме, стоял посреди индийского ковра, направив ему в голову браунинг. На мгновение их взгляды встретились. Тед удивленно вздохнул, когда пуля вонзилась ему в лоб, и он рухнул на ковер. Как ни странно, он не почувствовал ничего, кроме легкого укола. Ему захотелось потрогать голову, но его руки превратились в два щупальца, безвольно раскинутых пообочь тела. Кровь залила ему правый глаз, но он видел, как другой Тед ходит по гостиной из угла в угол.

В груди его что-то задрезало. Другой Тед это заметил, наклонился над ним и стал шарить во внутреннем кармане куртки, пока не нашел телефон. Пока он его доставал, экран на секунду попал в поле зрения лежащего Теда, и он увидел лицо Холли.

Другой Тед вдруг посмотрел на него:

– Кто такая Холли? Она создаст мне проблемы, Уэнделл?

Тед чувствовал, что все еще держит в руке мокрый купальник Холли. Он попытался сжать его сильнее, словно это помогло бы ему уцепиться за реальность, за собственные воспоминания. Но пальцы его не слушались. Они могли только осязать...

Другой Тед задержался, явно обеспокоенный. Он читал сообщения, приходящие на телефон, и менялся в лице.

Мы уже подъезжаем. Завязывай на сегодня с рыбалкой ☺

Знакомый шум мотора дал знать, что пикап совсем близко. Другой Тед подошел к окну и увидел его.

– Черт!

Еще мгновение, и машина остановилась. Тед, лежащий на ковре, изо всех сил напряг зрение, но с его места дверь была ему не видна. Зато он заметил, что другой Тед выбежал под арку на кухню, чтобы удрать через боковой выход. За дверью раздались родные голоса. Синди и Надин. Тед не хотел, чтобы они входили. Нельзя, чтобы они увидели его с дыркой в голове...

– Что это за бумажка на двери? – спросила Синди.

– Это записка, – ответила ей сестра. – Тут мамино имя.

Тед отчетливо слышал разговор, валяясь на полу с пулей в голове.

– Что там написано, мама? Мы тоже хотим знать.

Пауза.

– Почему ты плачешь, мама?

Тед сидел все на той же скамейке. Он слишком быстро покончил с завтраком и оказался в саду в одиночестве. Доусон вышел из столовой одним из первых и присоединился к нему. Майк явно был в приподнятом настроении.

– Похоже, теперь у нас одно любимое место на двоих.

С собой у него, как всегда, была книга.

Тед не ответил. Он сидел, уставившись невидящим взглядом на баскетбольную площадку.

– Ты сейчас скажешь, что жизнь, мол, не сахар? – сказал Майк, садясь на скамью рядом с Тедом. – И вообще тебе не до разговоров?

Он раскрыл книгу и погрузился в чтение. Но вскоре Тед легонько похлопал его по колену. Майк поднял голову. Тед взглядом указывал ему на заднюю дверь корпуса, возле которой стоял Роджер, делая им какие-то знаки.

– Что такое? – Майк не понял, с чего его товарищ так разволновался.

– Ты его видишь? – прошептал Тед.

– Кого? Там никого нет... – пошутил было Майк, но осекся: потемневшее лицо Теда сказало ему, что он выбрал не лучшее время для розыгрыша. – Конечно, вижу! Это санитар из отделения В, который всегда ходит с твоей докторшей. Роджер, как его...

Тед перевел дух.

– Приятель, ты как вообще себя чувствуешь?

– Все в порядке. Да-да. – Тед встал. – Увидимся позже.

Он пошел навстречу Роджеру. В голове крутились обрывки вчерашнего сна.

Ты все еще не понял?

В кабинете их ждала Лора. Тед вошел, опустив голову и чуть ли не волоча ноги. Человек, которому не терпится увидеться с семьей, должен выглядеть иначе.

Роджер обратился к Лоре:

– Вы уверены, что не хотите?.. – Он показал наручники.

Лора отрицательно покачала головой. Она решила, что пора обходиться без оков.

– Мне остаться? – спросил Роджер.

– Нет необходимости.

Медбрат удалился, всем своим видом выражая сомнение. Тед сел на свое обычное место.

– Тед, посмотри на меня... Может, нам перенести встречу?

– Нет-нет. Мне именно сегодня надо с тобой поговорить. Я пытаюсь привести мысли в порядок.

– Ты сегодня принимал лекарства?

– Конечно. Вряд ли твои друзья оставили бы мне выбор, – пошутил он.

Лора улыбнулась:

– Я подумала, может, тебе дали успокоительное... Но в карточке ничего не отмечено.

– Успокоительных не давали.

– Ты так хотел поговорить с Холли, что я подумала...

При звуке этого имени глаза Теда засветились надеждой, и он невольно улыбнулся. Ничего не мог с собой поделаться.

– Тебе удалось поговорить с ней?

– Да. Холли просила передать тебе, что не будет препятствовать встречам дочерей с отцом. Она знает, как ты их любишь, и они любят тебя не меньше. Синди и Надин скучают по тебе, но знают, что ты сейчас в больнице.

– Возможно, вчера ты была права... Возможно, надо еще немного подождать. Я только хотел убедиться, что с ними все в порядке.

– Да, я тоже считаю, что лучше подождать еще несколько дней. Ты быстро восстанавливаешься. А что заставило тебя изменить мнение, Тед?

– Вчера мне снился обычный сон про террасу позади дома. Но на этот раз было кое-что новое. Я сумел выйти и спуститься с террасы, даже подойти к морю, которое оказалось не морем, а озером.

Лора нащупала в сумке портативный диктофон. Никогда раньше Тед во сне не удалялся от дома. Это могло означать, что...

Волнение, охватившее ее, все нарастало. Положив диктофон на стол, она попросила Теда рассказать сон во всех подробностях. Тед заговорил. При пробуждении не забылась ни одна деталь. Он помнил сон так явственно, словно это был фильм.

Он не упомянул только о мокром купальнике Холли, найденном в шезлонге, решив, что это несущественно. К тому же говорить об этом было слишком больно.

Когда Тед закончил рассказ, Лора убрала диктофон в сумку и достала блокнот для заметок.

– Ты за это время пообщалась с Холли, с доктором Кармайклом, и, наверное, с другими персонажами моей истории. Тебе удалось найти

Уэнделла?

Лора поперхнулась. Вопрос застал ее врасплох.

– Тед, твой сегодняшний сон поможет тебе узнать правду.

– О чем ты?

– Это не так просто объяснить... Но ты и есть Уэнделл.

Лора с самого начала знала, что Уэнделла не существует, что это проекция личности самого Теда. Холли подтвердила, что дом у озера принадлежал им и раньше; они ездили туда чуть ли не каждые выходные, хотя в последнее время – с тех пор, как их брак дал трещину, – Тед предпочитал навещать туда один. Он увлекался рыбалкой, у него был черный «ламборгини», о котором он заботился, как о своем третьем ребенке; замок с диснеевскими принцессами, который он столько раз описывал Лоре во время сеансов, он построил своими руками.

Тед знал Линча по учебе в университете. В студенческие годы и на протяжении нескольких лет после выпуска они были неразлучны, потом стали видаться реже, хотя продолжали поддерживать связь. Холли уверяла Лору, что к тому времени, когда она начала встречаться с Линчем, от ее брака с Тедом остались одни обломки. Они уже приняли решение расстаться и если все еще тянули с его осуществлением, то только потому, что не знали, как сообщить девочкам о разводе.

Холли и Линч тщательно скрывали свои отношения. Они допустили всего один промах – встретились за ужином в ресторане, где их и подкараулил фотограф. Им хотелось провести вечер, ни от кого не прячась. Они договорились, что приедут в Беверли по отдельности, каждый на своей машине, и так и поступили. Зачем только они выбрали столик у окна! Но желание почувствовать себя на свободе оказалось сильнее осторожности. Они даже шутили, когда кто-то проходил мимо и смотрел на них, каялась Холли перед Лорой. Ни она, ни Линч не подозревали, что частный детектив следил за ними от самого Бостона.

Холли утверждала, что Тед разлюбил ее гораздо раньше, чем она его. Тед всегда был скрытным и замкнутым; если перед кем он и раскрывался, то только перед Холли. Однако в последнее время он и от нее начал отгораживаться; муж еще пытался делать вид, что все по-прежнему, но то, как он себя вел, не могло ее обмануть. Они все реже занимались сексом, пока всякая близость между ними не прекратилась. Поначалу Холли сама проявляла инициативу, надеясь, что желание вспыхнет в нем снова, как затухающий костер, в который в последний момент чудом подбросили дров. Ей было обидно, что приходится выклянчивать хотя бы эти несколько минут механического остервенения. Холли старалась верить в отговорки, которые каждую ночь выдумывал Тед: то у него проблемы на работе, то

девочки еще не уснули... Но потом настал день, когда она все поняла. *Почувствовала*. Он ее больше не хочет. У нее словно пелена упала с глаз. Ведь отчего-то раз или два в месяц Тед выезжал за пределы штата для встречи с важными клиентами, настолько важными, что президент компании был готов *лично* их посещать. Тед называл этих клиентов «семизначными» и утверждал, что от них слишком много зависит, чтобы он мог препоручить кому-то еще отчитываться перед ними за то, как управляет их вкладами. Тед обычно отсутствовал не меньше трех дней, иногда – целую неделю, и домой возвращался будто помолодевшим, привозил дочкам подарки, был с ними ласков... Случалось, в одну из первых ночей по приезде его даже удостаивала визитом редкая гостья – миссис Эрекция.

Но длилось это недолго. Тед снова становился мрачен и мечтал об одном: как бы уехать на озеро на рыбалку. Холли не была уверена, что у него есть другая (или другие), но понимала: муж счастлив только вдали от нее.

Холли не то чтобы чувствовала себя оскорбленной, но все же решила проверить, действительно ли муж уезжает по работе. Она позвонила на фирму, поговорила с секретаршей Теда и с его компаньоном. Все сходилась. Либо Тед ловко обводил всех вокруг пальца, либо говорил правду. Да, но зачем ради одной деловой встречи уезжать на целую неделю? Он говорил, что пользуется случаем, чтобы заодно порыбачить и посетить в Денвере клуб рыболовов-любителей. Как бы то ни было, даже если Тед ее обманывал, то вел себя гораздо осторожнее, чем она. Это же надо было так подставиться! Усесться с любовником в ресторане за столик у окна, у всех на виду!

Холли сдалась не сразу. И дело было не в измене Теда – реальной или мнимой. Просто ее любовь к нему почти незаметно для нее самой стала угасать. Через какое-то время равнодушие мужа уже представлялось ей удобством – оно ее устраивало. Ей даже хотелось, чтобы у него появилась другая женщина – это бы все упростило.

Однажды к ним зашел Джастин Линч. Теда и девочек не было дома. Холли всегда относилась к Линчу с симпатией. Вот и в тот раз она пригласила его выпить по бокалу вина. Они просидели два часа, и Холли выложила ему все. Буквально все. До того Линч и не подозревал, что у друга в семье такие проблемы. Он заверил Холли, что ему ничего не известно ни о какой любовнице. Тед никогда ни о чем таком с ним не говорил. Правда, зная его скрытный характер... Линча и Холли явно тянуло друг к другу. С того вечера Холли стала доверять Джастину все свои

секреты, делиться с ним самым сокровенным.

Холли решила поговорить с Тедом начистоту: им лучше развестись. Он согласился. У него все чаще случались приступы головной боли. Холли и Джастин продолжали встречаться просто как друзья, но взаимная тяга росла, противиться ей стало невозможно. Чем лучше они узнавали друг друга, тем больше друг другу нравились. Тед не возражал против развода, к тому же Холли подозревала его в измене, поэтому, когда они с Джастином поняли, что любят друг друга, совесть ее не мучила.

Холли не знала, что как раз тогда Тед обратился к доктору Кармайклу, заподозрив у себя злокачественную опухоль мозга. И уж конечно она не догадывалась, что сознанием Теда неуклонно овладевает идея лишить себя жизни.

Лишь много позже она узнала, что он нанял частного детектива, который и сфотографировал ее с Линчем в ресторане. Тед не рассказал о фотографиях ни ей, ни Линчу; он убрал их в конверт и спрятал в сейф, продолжая жить, как прежде. Он ждал удобного момента, чтобы сообщить о разводе дочерям и ближайшим родственникам. Как ни странно, именно в эти дни отношения между супругами отчасти наладились.

Позже Холли призналась Лоре, что долго искала эти фотографии. У нее не было ключа от сейфа, и его пришлось взломать. Но это было месяц спустя! Целый месяц Тед не говорил ей ни слова, как будто не придавал ее измене никакого значения.

Зачем Тед ждал целый месяц? Потом он заявился в офис к Линчу, когда в здании почти никого не было, и до полусмерти избил его бронзовой лампой. Люди, находившиеся этажом ниже, услышали шум борьбы и громкие вопли и вызвали полицию. Теда нашли в вестибюле. Он стоял на коленях, весь в крови. На вопрос полицейского, как его имя, Тед сначала ответил, что не знает, а позже назвал себя Уэнделлом. Его задержали и выяснили, что на самом деле он Теодор Маккей.

Линча увезли в больницу в коматозном состоянии и срочно прооперировали. В первые дни врачи давали оптимистические прогнозы. Если удастся остановить воспалительный процесс в мозгу, говорили они, больной придет в сознание. Но он по-прежнему был в коме.

Холли каждую неделю навещала Линча. У Джастина не было ни братьев, ни сестер, ни других близких родственников. Он лежал в отдельной палате, совсем один, и Холли ждала чуда, которого могло и не произойти. Она не думала, что любит Линча, но полагала, что могла бы его полюбить. Кроме того, ее терзало чувство вины. Если бы она вела себя осторожнее, ничего подобного не случилось бы. Лора посоветовала ей

обратиться к психотерапевту. Это был мудрый совет. Кто бы мог подумать, что Тед, человек мирный и абсолютно вменяемый, будет целый месяц скрывать, что уличил жену в измене, а потом устроит катастрофу, подобную извержению Везувия.

Тед в состоянии кататонии поместили в «Лавендер Мемориэл». Его лечащим врачом назначили доктора Лору Хилл. Она первым делом связалась с доктором Кармайклом, у которого он наблюдался до этого.

Тед слушал Лору, не перебивая. Когда она рассказала об избиении Линча, он удивился, но не слишком.

– Он все еще в коме?

– Боюсь, что так.

– И его точно избил я и никто другой?

Лора кивнула.

– Должно быть какое-то объяснение. – Тед тряхнул головой. – Не мог я до полусмерти избить друга. Пусть даже у него была связь с моей женой, разве это может служить мотивом? Я не отрицаю, что был на него зол, но не до такой же степени! Точно было что-то еще.

– Ответ у тебя в голове и в голове у самого Линча, но он пока не в состоянии ничего сказать.

– Боже.

– Не терзай себя, Тед. Ты явно был не в себе, когда это произошло. Как и накануне. Холли говорит, ты целый месяц скрывал, что у тебя есть те фотографии из ресторана, а это совсем на тебя не похоже. Она уверена: ты наверняка сказал бы ей о них сразу.

Он кивнул.

Точно было что-то еще. Но как понять, что именно, если Тед не помнит даже, что они с Линчем дружили. Или он узнал о нем что-то такое, что воспринял как угрозу для Холли?..

– О чем ты думаешь? – спросила Лора, почуяв его тревогу.

– Холли рассказывала что-нибудь о Линче? Что-нибудь подозрительное? Если она продолжала с ним встречаться, значит, считала его хорошим человеком, но ты ведь знаешь, мы часто ошибаемся в людях.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. Буду с тобой откровенна. Холли говорила, что Линч человек уравновешенный, добрый и чуткий. Кстати, это он отказывался от дальнейших шагов, пока вы с Холли не договоритесь о разводе. Джастин собирался сам тебе все объяснить. Из чего вовсе не следует, что не было чего-то еще. Это всего лишь мнение о нем Холли.

– У Холли прекрасная интуиция. Если она так говорит, скорее всего, так оно и есть.

– Тем не менее мне кажется, ты прав, – сказала Лора, перебирая папки с бумагами. – Что-то заставило тебя напасть на Линча. Возможно, что-то выяснилось во время слежки. Я не разговаривала с тем частным

детективом, но Холли с ним встречалась. Он сказал, что занимался только слежкой, а фотографии отдал тебе.

– Детектива зовут Питтерстоун?

– Ты это помнишь?

– Уэнделл называл его имя... Боже, все это время я разговаривал с несуществующим человеком. Как это объяснить?

– Твоя дружба с Линчем, его связь с Холли, дом на озере – все это Уэнделл. Твой мозг изолировал эту информацию в отдельном отсеке, и теперь она принадлежит Уэнделлу. В каком-то смысле у тебя нет к ней доступа. Как будто у тебя в голове появилась запертая на замок комната.

Открой дверь.

Лора говорила медленно, словно должна была убедиться, что Тед понимает каждое ее слово.

– Что там у тебя? – спросил Тед.

Лора достала из папки маленький старый снимок и протянула его Теду.

На фото были молодые Тед и Линч на вечеринке в университетском общежитии. Они стояли под афишей «Криминального чтива» с портретом Умы Турман и улыбались. Тед моментально вспомнил эту афишу. Она висела в коридоре около его комнаты. Ума в черном парике нагло дымила сигаретой. Тед легко узнал себя на фотографии, хотя он был тогда стройнее и носил волосы до плеч, повязанные банданой а-ля Эксл Роуз. В руке он держал пластиковый стаканчик. Линч выглядел таким же жизнерадостным, как в бредовом видении Теда, вообразившего, что тот стучится к нему в дверь... Неотразимый красавчик.

– Афишу я помню. А Линча – нет. Похоже, мы были близкими друзьями.

Лора кивнула и убрала фотографию в папку.

– В моем сне о доме у озера появилось кое-что новое, – сказал Тед. – Место казалось мне знакомым. Но когда я сегодня проснулся, то понял, что не могу вспомнить облик Уэнделла. Какого цвета у него глаза? Какие черты лица? Худой он или толстый? Носит очки или нет? Не помню.

– Кстати об Уэнделле. У меня к тебе вопрос... Эта фамилия тебе что-нибудь говорит?

Тед задумался.

– Если ты хочешь знать, был ли у меня в прошлом знакомый с такой фамилией, то нет. По крайней мере, насколько я помню. Хотя в нынешних обстоятельствах это мало что значит.

Лора кивнула.

– Мне не верится, что я изувечил человека. Чуть не убил...

Тед обхватил руками голову и принялся раскачиваться, будто повторяя про себя: «Нет, нет, нет».

– Не думай об этом, Тед. Я убеждена, что психоз у тебя начал развиваться еще до инцидента с Линчем. Намного раньше. Я сомневалась, стоит ли говорить тебе, что Уэнделла не существует. Что на самом деле под его личиной скрывается часть тебя...

– Ты боишься, что мы опять вернемся к тем циклам?

– Вряд ли. Мы слишком далеко продвинулись.

– Слишком далеко?

– Вот именно. Вспомни первый цикл. В нем ты хотел покончить с собой из-за опухоли мозга. При этом ты должен был убить Уэнделла, то есть ту часть себя, которая знала о неверности Холли и несла ответственность за избиение Линча. В каком-то смысле это идеальный цикл. Предполагаю, что ты хотел свести счеты с жизнью после встречи с Линчем, но твой разум затуманился, и ты этого не сделал. В результате твое сознание создало и стало раз за разом воспроизводить цикл, в котором ты убиваешь Уэнделла и уничтожаешь все, что он олицетворяет.

– Понимаю, к чему ты ведешь... – проговорил Тед. – В том цикле у меня не было проблем с Холли.

– Идеальное самоубийство.

– А Блейн? Какое отношение он имеет ко всему этому?

Это был единственный вопрос, которого боялась Лора. После того как она нашла наклейку с Баззом Лайтером, прежний ответ на него перестал ее удовлетворять. Но она пока не хотела затрагивать эту тему и повторила свою старую версию:

– Чтобы оправдать убийство Уэнделла, твой мозг разработал хитроумный план, согласно которому самоубийцы убивают друг друга. Представь себе, что ты должен остановить человека, решившего лишиться себя жизни. Что ты ему скажешь? Что его поступок причинит огромное горе его близким! Я уверена, что именно так ты рассуждал, взвешивая все за и против. Теперь понимаешь, почему я называю первый цикл идеальным самоубийством? Ты придумал даже, как облегчить горе жене и дочкам. Все должно было сработать как часы. Что касается Блейна... Его дело шумно обсуждала пресса как раз перед тем, как ты попал в «Лавендер». Я собрала целую коллекцию вырезок из газет. Не исключено, что ты использовал эту историю в качестве материала для построения своего первого цикла. Обрати внимание на еще один важный элемент: Линч оставался для тебя незнакомцем. Знал его только Уэнделл.

– Почему наши сеансы стали частью цикла? Почему я не забыл о них,

как забыл обо всем, что было со мной в «Лавендере»?

– Вначале ты и о них не помнил. Только когда мы начали анализировать твое прошлое, сеансы стали прорываться в циклы, разрушая их. Подкова у тебя с собой?

Тед кивнул. Он чувствовал тяжесть подковы в кармане брюк.

– Тогда в первом цикле и возникли первые сбои. Например, воспоминание о твоих дочках, бегущих к дверям дома у озера. Так твое подсознание пыталось разрушить идеальный финал и заставить тебя вспомнить, кто такой Уэнделл.

Тед кивнул, потрясенный. Он понимал, о чем речь.

– Вот почему во втором цикле я его не убивал, – сказал он.

– Верно. Во втором цикле ты знал, что Уэнделл и Линч знакомы, что они вместе учились в университете. Ведь это была твоя история, Тед! Ты всего лишь начинал понимать, что сам связан с Линчем. Но Уэнделл не хотел, чтобы его разоблачили, ведь это значило бы, что ты проникнешь в скрытую часть своего сознания. Вот почему он хотел столкнуть тебя с Линчем и ради этого показал фотографии, сделанные в ресторане. В втором цикле ты уже осознал, что у вас с Холли проблемы. С каждым новым циклом ты приближался к истине...

– Поэтому Уэнделл пытался настроить меня против тебя и Роджера... Боже мой, я все еще думаю об этом типе так, будто он существует.

«Пойми, Тед, у тебя вот тут, в голове есть компромат. – Уэнделл подался вперед и ткнул Теда указательным пальцем в лоб. – На тебя. Но, не стану скрывать, и на меня тоже».

– Теперь понятно, почему Холли не хочет видаться со мной, – заметил Тед.

– Нет-нет... Холли хочет тебя видеть.

– Правда?

– Она понимает, что в нормальном состоянии ты никогда не причинил бы вреда Линчу. Она верит, что лечение поможет тебе стать прежним.

– Тебе удалось поговорить с ней?

Лора кивнула.

– Сегодня с утра, как я тебе обещала. Теперь, когда мы настолько продвинулись вперед, я действительно считаю, что тебе стоит повидаться с девочками. Холли готова их привести, как только мы позовем.

Теда охватило счастье, смешанное с чувством горечи. Но память о счастливых мгновениях, проведенных с дочерьми, перевесила. Перед его внутренним взором возник огромный коллаж с изображениями Надин и Синди: объятия, поцелуи, пожелания спокойной ночи, сказки перед сном. К

глазам подступили слезы. Впервые после приезда в «Лавендер» он плакал. Впервые за семь месяцев.

Маркус как раз отдавал распоряжение секретарше никого не впускать: начальство ждало финансовый отчет, проверкой которого он собирался срочно заняться. Но в приемную вошла Лора, и приоритеты Маркуса мгновенно изменились.

– Какой приятный сюрприз! – воскликнул он. Секретарша, которая видела шефа насквозь, взглянула на него поверх своих круглых очков со смесью упрека и жалости.

– Ты занят? – спросила Лора, заходя вместе с ним в кабинет.

– Не более чем обычно. А у тебя счастливый вид. Что случилось?

– Неужели настолько заметно?

– Да нет, совсем чуть-чуть.

– Я довольна, – призналась она. – Поговорила с Тедом. О том, что он сделал с Линчем, об Уэнделле, обо всем. Вчера он видел сон-подсказку, так что сам почти разобрался. Я решила, что подходящий момент настал, и не ошиблась.

– Я очень за тебя рад.

Маркус сдвинул в сторону бумаги, разложенные по столу.

– Ты правда не занят?

– Конечно, – сказал он тихо. Клаудия была человеком деликатным, но ему не хотелось, чтобы она слышала из его уст столь явную ложь. Он сильно запаздывал с отчетом, на счету была каждая секунда, но Лоре нужна была его помощь. Лучше уж получить нагоняй от начальства, чем обидеть Лору невниманием.

– Я чувствую, что окончательная разгадка близка, Маркус.

– Очень, очень рад.

– Ты тоже участник процесса, так что не надейся от меня отделаться, – подмигнула она.

Маркус усмехнулся:

– Не знаю, хорошо ли это. Когда будешь писать книгу, пропусти, пожалуйста, эпизод с нашим сговором о незаконном переводе Маккея в мое отделение.

– Кстати, я ведь так тебя и не поблагодарила. Втягиваю в свои безумные затеи, а ты идешь мне навстречу. Спасибо.

Он молчал. Неужели она пришла за очередным одолжением? Ему стало не по себе. Или она хочет, чтобы он расслабился, пригласил ее на

ужин или в кино, а сама тут же даст ему от ворот поворот? В прошлом он постоянно ошибался, пытаясь расшифровать намеки, посылаемые женщинами, в том числе Лорой.

– Так я же рад стараться.

– Еще раз спасибо. Но я пришла не только за этим. И не затем, чтобы мешать тебе готовить финансовый отчет, – сказала Лора, указывая на стопку документов на краю стола.

Ну вот.

– Придешь ко мне на ужин?

Маркус ожидал чего угодно, только не этого приглашения. За долю секунды в его голове пронесся вихрь мыслей. Она зовет его к себе домой, значит, за столом с ними будет Уолтер. Это нисколько не смущало Маркуса, хоть и лишало встречу романтического ореола. С другой стороны, она как бы позволяла ему стать частью домашней обстановки, что, возможно, гораздо важнее. Так или иначе, он несказанно обрадовался.

– Ну конечно.

– Отлично. Тогда завтра в семь?

– Буду в семь как штык.

– Я попрошу сестру забрать Уолтера. Он обожает проводить время с ее дочками. Они старше и «портят» его.

Маркус пребывал в полнейшем замешательстве. Так это свидание? Лора встала.

– Тогда до завтра, – объявила она. – Не буду больше тебя отвлекать.

Закрывая дверь, она ему улыбнулась.

В приемной Лора подавила смехок. Она понимала, что внезапно пригласения огорошила его. Маркус ждал, что она опять станет что-то у него выпрашивать, а вместо этого его позвали на домашний ужин.

Клаудия уловила в глазах Лоры лукавый блеск и уставилась на нее взглядом сторожевого пса, способным кого угодно обратить в пепел. Доктор Хилл согнала с лица улыбку, кивнула секретарше и простилась.

Неплохо для заядлой динамистки, а?

Уолтер сидел на диване, рядом с рюкзаком и сумкой, набитой специально отобранными игрушками, и ждал. Тетя Дэдэ обещала заехать за ним в шесть, но он собрался заранее. *А вдруг тетя приедет раньше?* Вообще-то Уолтер не любил ночевать вне дома, в том числе у отца, потому что этот хмырь так и не потрудился обустроить для него удобную спальню. Исключение сын Лоры делал только для тети Дэдэ и своих кузин Грейс и Мишель. Вот где были приключения! Они не спали до поздней ночи, выбегали в сад, играли в путешественников или в сыщиков... Кузина Грейс, которой исполнилось четырнадцать, на правах старшей опекала их и читала им взрослые книжки. Со всякими ужасами.

Лора, спускаясь по лестнице, увидела сына: он сидел, вцепившись в свой рюкзак и в сумку с игрушками, готовый броситься к двери, едва раздастся звонок. Ее захлестнула нежность. На том же месте он всегда ждал отца, который имел привычку в последний момент отменять обещанную встречу, чем, несомненно, больно ранил самолюбие Уолтера. Вот еще одна причина, по которой она терпеть не может бывшего мужа, подумала Лора.

– Мам, а она точно приедет?

Она подошла, села рядом с Уолтером и погладила его по щеке.

– Конечно, приедет.

Мальчик кивнул, немного успокоившись, и только сейчас обратил внимание на то, что мама не только принарядилась, но еще и накрасилась. Он оглядел ее с ног до головы.

– Маркус твой парень?

Лора хотела отшутиться, но при виде серьезного личика Уолтера просто ласково улыбнулась.

– Маркус мой друг, мы вместе работаем, и у нас много общего.

Сын кивнул. Шум проезжающей мимо машины заставил его насторожиться, но, убедившись, что она не тормозит возле дома, он вернулся к разговору:

– Ты в платье.

– Тебе нравится?

– Да. – Уолтер на несколько секунд задумался. – У папы есть девушки, – сказал он. – Пусть Маркус будет твоим парнем. У Грейс тоже есть парень, но это секрет. Тетя Дэдэ про него не знает.

– У мамы пока нет парня. Если он появится, я сразу тебе скажу, договорились?

Уолтер опять кивнул.

Наконец подъехала Дэдэ. Уолтер вскочил с дивана и помчался к двери, не выпуская из рук рюкзак и сумку. Он распахнул дверь, когда тетушка еще только собиралась нажать кнопку звонка.

– Как тут мой любимый племянник?!

Дэдэ сжала Уолтера в объятиях.

– Я думал, ты уже не приедешь. А где кузины?

– Дома, ждут тебя. Мне надо было заглянуть кое-куда по делам, поэтому я опоздала.

Дэдэ, все еще обнимая Уолтера, посмотрела через его плечо на сестру и показала большой палец.

– Джессика Рэббит^[3] требует, чтобы ты вернула ей платье.

Лора скорчила гримасу.

– Кто такая Джессика Рэббит? – поинтересовался Уолтер.

– Никто, – ответила Лора. – Тетя у тебя чересчур смышленная.

– Это да, – подтвердил мальчик. Намеки, которыми обменивались сестры, остались для него загадкой.

– Ну что, Уолт, двинулись? Мишель с утра мне все уши о тебе прожужжала.

– Пока, мам. – Уолтер, широко улыбаясь, подошел к Лоре, и она наклонилась, чтобы его поцеловать.

– Передавай привет девочкам, – сказала Лора. – Повеселитесь там.

– И ты тоже, – ответила Дэдэ, переступая порог.

Лора вышла в сад, помахала им вслед и провожала взглядом машину, пока та не свернула с улицы Эмберс.

Вернувшись в дом, она отправилась на кухню проверить телячьи ребрышки, которые собиралась подать с редькой и свеклой. Готовить их было легко, но держать на огне приходилось часа три. К счастью, она успела.

Маркус явился точно в назначенное время, вручил ей бутылку вина, о которой заранее предупредил по телефону, и искренне похвалил ее платье. Он и сам выглядел очень элегантно в строгих брюках, трикотажном пиджаке и модной серой шляпе, которую Лора раньше никогда на нем не видела.

– Какой аромат!

– Кулинария – не самая сильная моя сторона, но кое-какие фирменные рецепты у меня имеются. Давай выпьем по бокалу вина, пока мясо доходит.

Стол был накрыт, но они сели на диван. Говорили об Уолтере, о больнице. Потом беседа плавно перетекла на кино – их вкусы во многом совпадали, – пока одна с виду невинная фраза Маркуса не заставила их коснуться болезненной для него темы его разрыва с Кармен. На прямой вопрос Лоры он ответил, что теперь, когда они с Кармен расстались, у него остается больше свободного времени, чтобы смотреть фильмы в любимом домашнем кинотеатре. Он понимал, что не вполне откровенен; в конце концов, они разошлись с Кармен не потому, что она не любила кино. Но копни он глубже, ему пришлось бы признать, что Кармен была далека от образа идеальной подруги – женщины, интересующейся не только развлечениями, способной мечтать и строить планы, разбирающейся в работе Маркуса и уважающей в нем профессионала... Как раз такая женщина и сидела сейчас рядом с ним на диване.

Маркус изящно уклонился от объяснения истинных причин разрыва с Кармен. Лора слишком умна, чтобы не замечать его интереса к себе. Если к тебе в комнату зашел слон, совсем не обязательно об этом кричать – он и так хорошо виден. Сейчас они в доме одни, пьют вино перед ужином. Это свидание. Маркус так давно ждал от Лоры сигнала, что, получив его, растерялся. Лора пригласила его к себе! Это не просто сигнал, это выстрел из стартового пистолета, побуждающий Маркуса к действию. Самое ужасное, что он не понимал, что ему делать. Взять и поцеловать ее? Признаться, что давно думает о ней? Сознание его двоилось: он словно сидел, оцепенев, в вагоне поезда, который на всех парах мчался вперед.

Ужинали они неторопливо. Мясо удалось, и Маркус позволил себе насладиться вкусной едой. Нет, он не станет говорить Лоре, что постоянно думает о ней.

– Я прочел черновик твоего отчета о первом цикле, – сказал он, прожевав ломтик свеклы.

Собираясь к Лоре, он не хотел признаваться, что прочитал отчет, полученный накануне вечером по электронной почте, но его подвел болтливый язык.

– Ну, и что скажешь? – живо спросила Лора.

– Проглотил не отрываясь, – сказал Маркус. Как только речь зашла о профессиональных вопросах, к нему как по волшебству вернулась уверенность в себе. – Очень интересно. Теперь я лучше понимаю твою...

– Одержимость.

Маркус засмеялся:

– Я хотел сказать «увлеченность и энтузиазм», но, пожалуй, соглашусь с термином «одержимость». Во-первых, мне нравится, что ты излагаешь

факты с точки зрения пациента. Это несомненно удачный ход. Для Теда каждый цикл был реальностью, вытеснившей ту, что в первые месяцы окружала его в больнице. Думаю, что именно твоя манера изложения заставила меня обратить внимание на одну интересную деталь.

Лора широко открыла глаза:

– Какую деталь? Погоди-погоди... Помоги мне сначала отнести это все на кухню, мы сварим кофе, и ты мне все расскажешь. А то я себя знаю: как заговорю, меня уже не остановишь.

Именно этого Маркус и боялся.

– Отлично.

Они молча совершили два рейса на кухню, вежливо пропуская друг друга вперед и всячески демонстрируя взаимное уважение. Маркус на минутку представил себе, что нечто подобное повторяется каждый день, и у него мороз пробежал по коже: таким кретином он себя почувствовал.

Когда кофе был готов, они вернулись в гостиную.

– Я, как и ты, считаю, что первый цикл идеален, – сказал Маркус. – Уэнделл олицетворяет все, что Тед ненавидит в себе; с его стороны вполне разумно постараться отделить эту часть от себя и уничтожить ее. Мы же в доме Блейна видели ту наклейку, значит, логично предположить, что все эпизоды этого цикла имеют под собой реальную основу.

– Так и есть, – согласилась Лора.

– С твоего позволения я их перечислю. Мы должны убедиться, что выделяем один и тот же момент, в который начинается расхождение эпизодов с реальностью. Тут возникает интересная проблема, которую стоит проанализировать.

Лора внимала ему, обхватив ладонями чашку кофе.

– Начнем с начала, с самоубийства, – сказал Маркус. – Его осуществление было прервано Линчем и его заманчивым предложением. Тут все просто: Тед по неизвестным нам причинам решил лишиться себя жизни и уже собрался перейти к делу, когда что-то – или кто-то – ему помешал. Возможно, это был именно Линч, но его мотивы не имели ничего общего с фантазиями Теда.

– Я не думаю, что это был Линч. Но согласна, что Тед действительно покушался на свою жизнь.

– Следующее событие – это убийство Блейна. Тед пробрался к нему в дом, спрятался в шкафу и увидел наклейку. Он явно не собирался убивать Блейна, но в доме у него побывал. Мы ведь видели наклейку собственными глазами. И эта деталь не укладывается в общую картину.

– Я долго над этим размышляла и поняла: гипотеза о том, что Тед мог

видеть эту наклейку давно, например при прежних владельцах дома, несостоятельна. Если бы дело обстояло так, откуда ему было знать, что позднее в доме поселится Блейн? Концы с концами не сходятся.

– Верно. В таком случае невозможно связать наклейку с газетными сообщениями о деле Блейна. Вывод: Тед был в доме и прятался в шкафу. Начиная с этого момента реальность расходится с фантазией, но мы не знаем, насколько и в каком направлении. Ты не допускаешь, что он действительно намеревался убить Блейна?

– Я допускаю что угодно. Хотя история с Линчем и лампой – совсем другая. Он точно не планировал избивать Линча.

– Ты права. Продолжим. Следующий эпизод – визит к адвокату Робишо, другу детства. Ты ведь с ним говорила?

– Да. Но узнала не намного больше того, что написано в отчете. Тед пришел к Робишо составить завещание. По его словам, он предпочел обратиться не к своему, а к постороннему адвокату, что в данной ситуации вполне объяснимо.

– Как бы то ни было, эта галерея персонажей из прошлого в доме у Робишо, эти однокашники, которых он не видел со школьных времен, – все это свидетельствует о том, что он стыдится того, как обходился с некоторыми из своих товарищей. Ты попала в точку, когда попыталась вернуть его к реальности с помощью шахмат.

– Спасибо. Шахматы присутствовали в каждом его сне. Я увидела в них кончик той самой ниточки, за которой можно было ухватиться. Жаль, что я раньше не обратила на них внимания.

– Не факт, что это что-нибудь изменило бы. Раньше могло и вовсе не сработать.

– Возможно.

– Далее в хронологическом порядке следует посещение конторы Линча, – сказал Маркус. – Самое важное – определить, в какой именно точке расходятся бред и реальность. Мы знаем, что Тед пришел в контору и встретился с секретаршей, Ниной. Однако она утверждает, что в тот день пришла на работу позже... Верно?

– Да, так и есть.

– А если она лжет? Если, как и в случае с остальными событиями этого цикла, первая часть эпизода – реальна?

Лора задумалась.

– В полиции проверяли показания секретарши? – спросил Маркус.

Лора отрицательно покачала головой.

Проводивший расследование детектив, молодой человек по имени

Карл Бротер, с которым Лора встречалась дважды, был озабочен одним: выяснить, кто совершил нападение. У него не возникло ни малейших сомнений, что Линча избил Тед – его застали на месте преступления с окровавленной лампой в руках, в конторе было полно его следов. От показаний секретарши он просто отмахнулся, сочтя их несущественными.

– Я вот что думаю, – продолжал Маркус. – Если каждое событие первого цикла имеет реальную основу – а найденная наклейка позволяет нам это предположить, – то не исключено, что Тед действительно видел в тот день Нину. Иначе зачем он включил ее в этот эпизод? В ее участии нет никакого смысла. Это совсем не то же самое, что друзья детства в доме Робишо.

Сосредоточившись на последующей встрече Теда с Линчем, Лора никогда особенно не задумывалась о разговоре своего пациента с Ниной, и теперь ей стало ясно, что зря. Маркус был совершенно прав. Зачем включать в эпизод Нину, если она в тот день пришла гораздо позже? С какой целью? Лора вспомнила, что обычно говорил ее отец, большой любитель детективных романов: если какая-то деталь кажется тебе лишней, обрати на нее особое внимание: скорее всего, она имеет ключевое значение. Похоже, присутствие Нины и было такой деталью.

– Тед рассказывает, – добавил Маркус, – что отпустил ее перед разговором с Линчем. И что Линч просил ее не обращаться в полицию. Почему бы не допустить, что именно с этого момента и начинается бред?

Лора почувствовала особое волнение, какое охватывает исследователя, перед которым забрезжила истина. В словах Маркуса определенно был смысл. Она вдруг вскочила как ошпаренная.

– Что с тобой?

– Подожди, я сейчас.

Через минуту Лора вернулась с желтой папкой.

– Это копия полицейского рапорта, – объявила она. – Я сказала Бротеру, что она нужна для лечения пациента, и он мне ее дал.

– Неосмотрительно с его стороны.

– Я умею убеждать, если это в интересах дела, – сказала она, потрянув головой, и раскрыла папку. – Здесь должен быть адрес Нины.

Пользуясь тем, что Лора погружена в чтение документа, Маркус откровенно любовался ею. Лора дошла до фотографий, сделанных в кабинете Линча: несколько общих видов, крупный план лежащего тела, крупный план бронзовой лампы, послужившей орудием преступления, рана на голове адвоката, кровоподтеки на лице... Это были ксерокопии, так что качество снимков оставляло желать лучшего. Один из них особенно

заинтересовал Лору. Маркус тоже склонился над ним, но не увидел ничего интересного. Это была приемная, где стоял письменный стол Нины.

– Вот, – Лора показала на угол стола.

На столе стояла коробка глазированных пончиков.

– Это пончики, которые Нина принесла в тот день на работу, – сказала Лора. – И даже угостила Теда.

– Точно! Эта деталь доказывает, что Нина виделась с Тедом! Наверное, когда пришел Линч, она все еще была в конторе.

Лора опять вскочила, еще более взволнованная.

– Не могу поверить! Почему она ничего не рассказала?

– Ну, если все было так, как мы предполагаем, то она ушла до того, как Тед набросился на Линча. Они просто обсуждали какие-то свои дела.

– Но у него же было оружие!

– Линч просил ее не обращаться в полицию, и она последовала его указаниям. А на следующий день, когда полиция сообщила ей, что ее шеф в больнице в тяжелом состоянии, а тип, который его избил, задержан, она, скорее всего, решила умолчать о том, что утром была в конторе. Что конкретно она рассказала?

– Что взяла выходной. А Бротер поверил ей на слово. – Лора листала страницы. – Вот. Она сказала, что была записана к окулисту. У меня есть ее телефон и адрес. Завтра с утра перед работой заеду к ней.

– Хочешь, съезжу с тобой?

– Да ну, не стоит. – Лора подвинулась к Маркусу ближе. – Ты представляешь, что это может означать? Если Нина слышала часть разговора – реального разговора! – то мы, возможно, пойдем, за что Тед избил Линча. Ты гений, Маркус!

Не в силах сдержать эмоций, Лора сжала ладонями щеки Маркуса. Ему показалось, что сейчас она его поцелует. Пусть не в порыве страсти, а от восторга перед только что совершенным открытием – не важно. Но, коротко глянув ему в глаза, она разжала руки и отодвинулась. Маркус понимал, что ее одолевают сомнения. Инициативу должен был проявить он.

Но не проявил.

Остаток вечера они провели в разговорах. Обсуждали случай Теда и завтрашнюю встречу Лоры с Ниной. Внутренний голос твердил Маркусу, что он упускает время, которого не воротишь, что чем дальше, тем ему труднее будет признаться в своих чувствах. Лора казалась расстроенной. Несколько раз, когда в разговоре повисала неловкая пауза, она исподтишка бросала на него недоуменный взгляд, но Маркусу так и не хватило смелости – он не решился ринуться в пропасть неизвестности. Самое

обидное, что он не вел себя так с ранней юности. Маркус имел подход к женщинам и не стеснялся им пользоваться. Как, например, было с Кармен: он увидел ее в кондитерской, она в одиночестве сидела за столиком, а ровно через минуту они с ней уже болтали, как старые знакомые. С Лорой так не получалось.

В конце концов она сказала, что уже поздно, а завтра ей вставать ни свет ни заря, чтобы застать Нину до работы. Маркус согласился. Он тоже немного устал. Он взял с нее обещание, что завтра после встречи с секретаршей Линча она ему позвонит. Лора молча проводила его до двери. Когда они поравнялись с зеркалом в прихожей, Маркус краем глаза поймал отражение двух красивых, нарядно одетых людей, и почувствовал себя идиотом. Этот вечер должен был стать незабываемым, но по его вине не стал. Он упустил свой счастливый случай. Маркус остановился у вешалки, снял с нее новую шляпу, которую купил, чтобы произвести впечатление на Лору, и медленно, будто одолеваемый глубокими размышлениями (что, впрочем, было правдой), надел ее. Это был последний шанс.

– Мне было очень приятно, – сказал он.

И не шевельнулся. Лора выждала сколько могла. Наконец шагнула к нему, коснулась рукой его плеча и чмокнула в щеку.

– Мне тоже. Завтра позвоню.

Маркус прошел через темный сад, дважды обернувшись, чтобы помахать хозяйке дома. Его терзали горькие сожаления. Он видел на пороге ее стройный силуэт, но не видел лица Лоры, на котором отчетливо проступила гримаса презрения.

Лора предполагала, что в субботу Нина не работает, но решила не рисковать и в половине восьмого уже звонила в дверь скромной квартирki на улице Мерримак. Ночью Лоре не спалось. Вечер с Маркусом не оправдал ее надежд, но главное, ее снедало нетерпение: она была уверена, что узнает от секретарши Линча много нового.

В окошке появилась и тут же исчезла опухшая физиономия. Через секунду растрепанная и мрачная Нина чуть приоткрыла дверь и рявкнула:

– Чего надо?

– Могу я видеть Нину Джонс?

– Зачем?

– Я доктор Лора Хилл. Тед Маккей – мой пациент.

Нина шире открыла сощуренные от солнечного света глаза.

– Не знаю никакого...

– Это человек, из-за которого твой бывший шеф сейчас в коме, – перебила ее Лора и показала папку, которую держала в левой руке. – Судя по твоим показаниям детективу Бротеру, вы видели Маккея. Он тоже это подтверждает. Можно войти?

Дверь открылась.

– Еще восьми нет, – вместо приветствия пробурчала Нина. На ней была свободная футболка и короткие брюки. Она пошла к столу, заставленному пустыми бутылками и одноразовыми тарелками и стаканчиками. Лора последовала за ней.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Лора.

Девушка кивнула.

– Не знаете, как там мистер Линч?

– Все еще в коме. Прогноз не слишком утешительный.

– Мне его жалко, правда жалко. – Нина села на стул и по-детски подтянула колени к подбородку. – Я у него мало проработала, только-только успела с ним познакомиться. Он хороший человек. Странный немного. Замкнутый, но хороший. А разве тип, который его избил, не в тюрьме?

– Тед Маккей помещен в клинику «Лавендер», в отделение с особым режимом наблюдения.

Нина кивнула. Казалось, она искренне удивлена.

– Я знаю, что в тот день ты была там, Нина. Ты не сказала об этом

детективу Бротеру, и я понимаю почему. Но мне ты должна все рассказать.

Нина стала отпираться, но не слишком уверенно. Готовясь к этой встрече, Лора настраивалась вести себя решительно: если понадобится, пригрозить Нине, что выдаст ее полиции. Но сейчас перед ней сидела беззащитная перепуганная девушка, явно мучившаяся угрызениями совести из-за того, что скрыла правду.

– На фотографиях с места преступления, – продолжила Лора, – видна коробка с глазированными пончиками, которые ты в то утро принесла на работу. Что касается Теда, то его состояние в последние дни заметно улучшилось, и он вспомнил, что тогда произошло: он подождал тебя у дверей конторы и заставил впустить. Вы вместе стали ждать Линча, и Тед угрожал тебе пистолетом.

Этого было достаточно. Нина уже почти сдалась.

– Не беспокойся. Я не из полиции, я врач, но то, что ты мне скажешь, может оказаться жизненно важным для лечения Теда Маккея. Помоги мне понять, почему он сделал то, что сделал. Они с Линчем дружили с университетских времен. Ты знала об этом?

– Нет.

– Нина, мне очень нужно, чтобы ты рассказала, что произошло в тот день.

– Вы сами уже почти все сказали.

– Я не знаю, что случилось, когда пришел Линч. Мне надо, чтобы ты вспомнила все подробности.

Нина вздохнула и закрыла лицо руками.

– Можно я кофе себе сварю? Ночка была та еще.

Лора кивнула.

– А вам?

– Хорошо бы. Я тоже не выспалась.

Пока грелась вода, Нина сходила в ванную, почистила зубы и причесалась. Вернувшись, она выглядела другим человеком. Разлила по чашкам кофе, поставила их на угол стола и быстро убрала бутылки и пластиковые стаканчики.

– Извините за беспорядок. У соседки по комнате был день рождения.

– Не волнуйся. Ты нашла новую работу?

– Да, секретарем. У другого адвоката.

– Хорошо. Нина, мне нужно, чтобы ты рассказала, что произошло в тот день, – повторила Лора.

– Прежде всего, я хочу, чтобы вы знали: я не рассказала в полиции, что была в то утро в конторе, только потому, что меня просил об этом Линч.

Детектив, который меня расспрашивал, сразу предупредил, что они уже задержали этого типа. Он, кстати, вообще меня не слушал.

– Понимаю.

– Как, вы сказали, зовут этого мужика?

– Тед Маккей. Ты никогда раньше не видела его в конторе?

– Нет, никогда. Он дожидался меня в углу, с пистолетом. Я сразу поняла, что у него не все дома. Испугалась ужасно. Он сказал, что ничего мне не сделает, спросил про другие офисы. Еще сказал, что дождетсЯ Линча, чтобы с ним поговорить. Не знаю, сколько мы ждали. Зато я заметила, что Маккей за это время изменился. Он уже жалел, что напугал меня, и постоянно повторял, что не сделает мне ничего плохого. А вначале я даже в лицо ему не хотела смотреть.

– В каком смысле он изменился?

– Вид у него стал какой-то потерянный, как будто он уже жалел, что так себя повел. Теперь, когда вы мне сказали, что он сумасшедший, все намного понятнее. Он даже предложил мне взять пончик.

– Тед не собирался причинить тебе вреда.

На лице у Нины отразилось сомнение.

– Ну, может быть. Хотя да, он и не причинил. Мы ждали Линча у него в кабинете. Когда он вошел, то увидел, что я сижу за его столом, и понял, что что-то не так. А потом заметил Маккея, тот стоял около шкафа, и прямо в лице изменился. Окаменел, как будто привидение увидел. Я к тому времени уже немного успокоилась, но тут опять испугалась, еще больше. Линч как уставился на Маккея, так уже глаз с него не сводил...

Нина отхлебнула кофе, поставила чашку на блюдце и продолжила:

– Вдруг Линч посмотрел на меня, как будто только что вспомнил, что я тоже здесь, и сказал, что они с Тедом друзья и чтобы я не волновалась. Я ему не поверила, подумала, что он просто так говорит, чтобы меня успокоить. Он попросил Маккея отпустить меня, но тот не согласился. Поэтому, вообще его не слушал. Линч пытался его урезонить, двинулся к нему, протянул руки, твердил, что все будет хорошо, что не стоит делать того, о чем потом пожалеешь, что он и какая-то Холли рано или поздно сами все ему рассказали бы, но пока случая не было.

Лора не смогла скрыть удивления.

– Да, – подтвердила Нина, – я тоже сразу все поняла. Линч закрутил роман с женой Маккея, а Маккей только что про это узнал. Не помню, что еще они там говорили, но в тот момент мне все стало ясно. Вы тоже об этом подумали, да?

Лора испытала разочарование. По правде говоря, она надеялась, что

причиной визита Маккея к Линчу была вовсе не его связь с Холли. Тед знал о ней уже несколько недель... Откуда вдруг такая бурная реакция?

– Но Маккей сказал Линчу, что пришел не за этим, – сказала Нина.

Вот оно!

Девушка одним глотком допила кофе.

– Линч очень нервничал. Я никогда его таким не видела. Попросил Маккея, чтобы тот меня отпустил, потому что я тут ни при чем. Маккей согласился. И сказал мне, что, если я сообщу в полицию, все будет только хуже. Я и не думала его слушаться, но к нему присоединился и Линч. Я поняла, что он говорит искренне, а не притворяется, чтобы обмануть Маккея. Может, они занимались какими-то темными делишками, не знаю, и если честно, и знать не хочу. Но Линч попросил меня не заявлять в полицию, вот я и не заявила. Я ведь не знала, что потом случится.

– Ты сделала так, как велел Линч. Если бы ты сообщила в полицию, Линча, скорее всего, не было бы в живых.

– Маккей так и сказал! Если, мол, приедет полиция, он сразу начнет стрелять.

– Нина, Тед точно сказал, что его визит не имеет никакого отношения к роману его жены?

– Точно. Я вышла из кабинета и остановилась, потому что мне надо было забрать со стола свою сумочку. В этот момент я услышала из-за двери голос Маккея. Он орал как бешеный.

– Что он кричал?

– «Ты следил за мной до самого дома Блейна. Я тебя видел». Имя мне хорошо запомнилось, потому что у моего бывшего парня была книга такого же автора. Я ее читала, и она мне понравилась.

В субботу Тед впервые играл в шахматы. Он, конечно же, не проиграл ни одной партии, хотя нарочно давал соперникам фору. Никто из них и понятия не имел о стратегии игры. Они знали только, как ходят фигуры, и усвоили несколько основных приемов, так что Теду ничего не стоило их обыграть. Начинал он с опаской, боясь, что его превосходство вызовет у них обиду, однако результат оказался прямо противоположным. Даже Скетч, непобедимый чемпион отделения С, не скрывал уважительного восторга. В перерывах между партиями Тед рассказывал о своем прошлом шахматного вундеркинда, о победах в соревнованиях и обещал, что научит играть всех желающих. Все обрадовались, даже Лестер, который, когда не бредил о пришельцах, рассуждал вполне здраво.

На следующий день в душевой Скетч сказал ему, что пациенты отделения В тоже играют в шахматы. Отделение С всего раз сразилось с ними и потерпело жестокое поражение. Смывая с себя мыло и улыбаясь во весь рот, этот здоровенный детина мечтал о новом матче: если за их команду будет играть Тед, они всех порвут. От возбуждения у него даже наступила эрекция.

Тед быстро обжился в «Лавендере». Он уже понял, что здесь сосуществуют три группы пациентов. Кроме Шахматистов, были Психи, измученные годами заточения и горами выпитых лекарств. Некоторые из них страдали очень серьезными нарушениями и большую часть времени проводили у телевизора или забивались в угол, глядя оттуда отсутствующим взором. К третьей группе относились Ходоки. Эти предпочитали свежий воздух; их можно было встретить либо на баскетбольной площадке, либо в огромном саду, где они прогуливались, обычно парами.

Майк не принадлежал ни к одной из этих групп, но, судя по всему, занимал в местной иерархии самое высокое положение. Тед задавался вопросом, почему Майк сблизился с ним. К примеру, раньше он всегда жил в палате один, но теперь...

Майк поздоровался. Он сидел на своем привычном месте, уткнувшись в потрепанную книжку, уже не ту, что читал сегодня утром.

– Ты просто машина для заглатывания книг.

Майк загнул верхний угол страницы и отложил книгу в сторону. Закладками он не пользовался.

– Видимо, это единственный способ почувствовать себя на воле, – предположил он.

Тед сел рядом с ним. Несколько пациентов прошли мимо, с любопытством приглядываясь к Теду и Майку, но ни один не посмел приблизиться.

– Что ж ты не играешь сегодня со своими друзьями шахматистами? – с серьезным видом произнес Майк. Тед начинал привыкать к его своеобразному юмору.

– Сегодня нельзя. Шахматы затягивают, поглощают все внимание, а мне надо подумать о другом.

– О своем приятеле?

Тед вынул из кармана фотографию, на которой они с Линчем стояли под афишей с изображением Умы Турман.

– Все помню: комнату, койку в общежитии, афишу эту чертову... А его не помню.

– Рано или поздно клапан откроется. Я через это прошел. Почти все здесь прошли через это. Твой мозг задраил этот люк, потому что боится не выдержать напряжения. Когда будешь здоров и в подходящем состоянии, он откроется. И произойдет это совсем скоро.

– Даже страшновато. Какое оправдание может быть у человека, избившего друга чуть ли не до смерти? – Тед помотал головой. – В старших классах школы я любил переть на рожон: думаю, тогда и сбился с пути. Потом образумился. Я человек мирный... Не понимаю, что на меня вдруг нашло...

– Может, жена что-нибудь объяснит? Свидание завтра?

– Да. Она придет с дочками. Глупо, но я волнуюсь. У тебя дети есть? Майк покачал головой, глядя в пространство.

– Был крестник.

Они помолчали.

– Ты ведь понимаешь, о чем я? – сказал Тед. – С чего бы мне нервничать перед встречей с собственной семьей? Ведь это мои дочери! И я хочу видеть их больше всего на свете.

– Не так просто решиться показать себя им тут, запертым в клетке.

– Точно. Ведь я должен быть с ними, заботиться о них, видеть, как они растут...

– Все будет хорошо, вот увидишь.

Черт возьми, подумал Тед, может, в жизни наступает момент, когда не стыдно показать свою слабость.

– Кстати, Майк, насчет опоссума...

Майк пристально посмотрел на него:

– Ты опять его видел?

– Нет.

– Слушай, Тед, я сказал тебе чистую правду: скоро в голове у тебя прояснится. Ты вспомнишь друга и причину, по которой его избил. Циклы, о которых ты мне говорил, – это попытка мозга создать иллюзию, которая защищала бы тебя от реальности, – что-то вроде картинки на театральном заднике. Но рано или поздно декорация исчезнет, и ты увидишь, что за ней. Опоссум может увести тебя за эту декорацию раньше времени, пока ты еще не готов. И это может оказаться опасным.

Прошлой ночью Маркус почти не спал, мучительно переживая каждую деталь свидания с Лорой и упрекая себя за упущенную возможность. Утром легче не стало. Он закрылся в кабинете и отказался отвечать на телефонные звонки, кроме самых срочных. В обед ему ничего не оставалось, как пойти в столовую, но он выбрал маленький столик на четверых, за который обычно никто не садился, потому что там пахло кухней. Чтобы его не беспокоили, он взял с собой толстый учебник патологии, который, разумеется, не собираясь читать, открыл и поставил за тарелкой салата, который принялся уничтожать со спринтерской скоростью.

В зал вошла Лора, редко обедавшая в одно время с остальными сотрудниками. Увидев Маркуса, она подняла в приветствии руку, быстро подошла и села, не ожидая приглашения.

– Мне надо с тобой поговорить.

По возбужденному блеску ее глаз Маркус понял, что речь пойдет не о личных делах.

Тем лучше.

– Хочешь, возьму тебе чего-нибудь?

– Нет, нет, не надо. У меня мало времени. Сегодня я была у Нины...

У Нины? Маркус на несколько секунд растерялся, пока не вспомнил, что Ниной зовут секретаршу Линча.

– Да? И тебе удалось ее разговорить?

– Да! – Лора не скрывала ликования. – Мне это ничего не стоило: я просто сказала, что на фото видна коробка с пончиками. Все было в точности так, как Тед рассказывал во время первого цикла. Она находилась в конторе, пока ее не отпустили. Но послушай, что произошло потом.

Лора наклонилась над столом, близко придвинувшись к Маркусу. Тот торопливо огляделся: кое-кто из коллег с любопытством наблюдал за ними.

– Так что же произошло?

– Прежде чем уйти, она услышала из-за двери, как Тед возмущенно говорил Линчу, что засек его, когда тот следил за ним до самого дома Блейна.

Маркус попытался осмыслить эту деталь, найти ей место в общей картине. Надо признать, что случай Маккея увлек и его. Простая фраза могла многое прояснить. Во-первых, выходило, что Линч тоже был знаком

с Блейном; во-вторых, судя по всему, причиной нападения Теда на Линча был именно его визит в дом Блейна.

– О чем ты думаешь? – спросила Лора.

– Теперь сомнений нет: Тед побывал в доме Блейна. И, если хочешь знать мое мнение, не с самыми мирными намерениями. Я не говорю, что он собирался убить Блейна, но по крайней мере намеревался устроить ему хорошую взбучку.

– По-моему, мы близки к разгадке, Маркус. Причина, по которой Тед пробрался в ту ночь в дом Блейна, – это ключ. Тед собирался покончить с собой, но сначала отправился сводить счеты с Блейном. Зачем? Линч следил за ним, видимо подозревая, что может произойти, и нарушил планы Теда. Убедительно?

– Вполне. Все сводится к тому, чтобы установить, что связывает Теда с Блейном.

– Я чувствую, что мы очень близки...

Хорошо бы.

– ...к разгадке.

– Когда у него свидание с семьей?

– Завтра. Я немного волнуюсь.

– Все будет хорошо.

Лора кивнула. Эмоциональная встряска могла принести большую пользу, но могла и сильно навредить Теду. Она встала.

– Что ты будешь со всем этим делать, Лора?

– Думаю, пришло время использовать новую информацию. На ближайшем сеансе я раскрою все карты.

Маркус кивнул.

– Лора...

– Да?

– Вчера у тебя мне было так хорошо... – сказал Маркус. Позволить себе яснее выразить раскаяние в собственной трусости он не мог.

Ответом ему была сострадательная улыбка, окончательно ввергшая Маркуса в бездну отчаяния.

Тед сидел один в уютной комнате отдыха. Лора в порядке исключения разрешила ему провести встречу здесь, а не в помещении для свиданий корпуса С – мрачном холодном зале, в представлении семилетних девочек именно таком, какой должна выглядеть тюрьма. Тед упросил Лору организовать встречу с дочками в любом другом месте, и она почти сразу согласилась, добавив лишь, что ей понадобится время, чтобы получить специальное разрешение, без которого Теда не выпустят из корпуса. Сторожить его будут трое охранников, один возле двери и двое под окном.

Приятно смотреть в окно, на котором нет решеток, думал Тед, волнуясь как никогда в жизни. На нем были синие трикотажные брюки и белая рубашка, свободная, как с чужого плеча: за последние месяцы он здорово похудел. Но не только худоба свидетельствовала о том, что он давно в клинике: обычная одежда казалась ему неудобной. Он сел на диван, переплетя пальцы, потом встал, начал ходить вокруг стола, сел снова, на этот раз на один из деревянных стульев. Опять встал. В углу стоял маленький холодильник, над ним висели полки с чашками. Он подошел и машинально повернул все ручки в одну сторону. Несколько минут назад Лора пошла за Холли и девочками.

Дверь открылась.

Лора вошла одна, держа руки за спиной, будто что-то прятала.

– Мне очень жаль, Тед, но твои дочери не придут. Ты верно догадался, что убил их, поэтому ты здесь. Но кое-кто все же пришел тебя проведать...

Она быстро выставила руки вперед. В одной не было ничего, со второй свисала мохнатая сумка, на которой быстро обозначилась мордочка и вырос хвост. Опоссум начал извиваться, пытаясь вырваться, но Лора крепко держала его в вытянутой руке. Опоссум пронзительно завизжал. Доктор Хилл задрожала и скукожилась, а на ее месте появилась другая доктор Хилл, сияющая и счастливая.

– Готов к приему гостей?

Детские голоса из коридора стали предвестием радостных воплей, водопадом обрушившихся на Теда. Он не удержался на ногах и упал на диван.

– Па-па-а-а-а-а-а-а! – кричали в унисон Синди и Надин, вцепившись в Теда изо всех сил. Он обхватил их руками. Теперь уж он их никогда не отпустит.

Первой из объятий высвободилась Надин, боясь, что помнется картинка, которую она принесла с собой. Надин была более замкнутой, более молчаливой и рассудительной. Папина дочка. Синди была вылитая Холли: раскованная и артистичная. Она почти всегда командовала.

– Моя картинка! – говорила Надин.

– И ничего это не твоя картинка. Папа, мы тебе картинку нарисовали...

А что ты плачешь?

У Теда действительно увлажнились глаза. Он вытер их рукой.

– Потому что я очень-очень соскучился.

Синди бросилась к нему:

– Мы тоже!

Надин не спешила присоединяться к объятиям, она стояла и смотрела на рисунок, который держала в руке. Тед улыбнулся ей поверх плеча Синди. Между ним и Надин существовала особая связь, они одним взглядом могли многое сказать друг другу.

– Мы нарисовали тебе картинку, – сказала Синди, отпуская отца. – Давай ее сюда, Надин... Смотри, это мы на пляже, вот мама, вот мы...

– Что ты объясняешь, и так все видно, – перебила ее Надин.

Тед смотрел на рисунок. Они вчетвером стояли на берегу моря. Тед сжимал в руках удочку, Холли была в красном бикини, а девочки держали по надувному дельфину. Самое интересное, что на самом деле дельфин был всего один, его купили прошлым летом, и сестры все время из-за него ссорились. Тед предложил купить второго, но Холли возразила: они должны научиться делиться друг с другом, и, конечно, была права.

– Мне очень нравится. Спасибо.

– Где ты ее повесишь?

– У меня тут есть очень красивая комната. Там и повешу, чтобы каждый день любоваться.

– Когда ты вернешься домой? – Синди терпеть не могла ходить вокруг да около. Это качество она тоже унаследовала от матери.

– Не знаю точно, но уверен, что скоро.

Синди не сдавалась:

– Мама сказала, это не такая больница, как дедушкина. Тут голову лечат?

Тед улыбнулся:

– Точно. У папы болела и кружилась голова, и здесь меня лечат. Я уже чувствую себя намного лучше.

Синди облегченно вздохнула:

– А то Надин говорила, что у тебя в голове трубки.

– Неправда!

Тед обнял Надин и прижал ее к себе. Он не хотел, чтобы она почувствовала себя обделенной.

– Это правильно, что вы задаете вопросы, – сказал Тед. – Когда болит голова, операция не поможет. Это не то, что было с дедушкой, когда ему оперировали бедро. Тут надо принимать лекарства... И много разговаривать.

– Разговаривать?

– Да. Это называется сеансы психотерапии.

– Как в мамином сериале!

– Конечно! Только здесь сеансы проводятся живым человеком, а не через интернет, как в мамином сериале.

– А если мы попросим доктора Хилл, чтобы она лечила тебя через интернет? Тогда ты сможешь вернуться домой?

Тед засмеялся:

– На самом деле все не так просто, как по телевизору. Но главное, что скоро я опять буду с вами...

Обе радостно закивали, и Тед постарался получше запомнить выражение их лиц. Им надо, чтобы папа был рядом. Неужели он собирался покончить с собой? О чем он думал? Он все хуже понимал того Теда, который избил друга, того самоубийцу, который решил бросить на произвол судьбы двух семилетних девочек и их мать.

Он уж не был *тем* Тедом, точно не был. Он выпишется из «Лавендера», снова займется бизнесом и наладит нормальную жизнь. И, если повезет и Линч выйдет из комы, он попросит у него прощения.

Они провели вместе уже больше получаса. Говорили о школе, о куклах Ариэль и Алексе, которые купила им мама, об их новой подруге – на два года старше их, с которой они познакомились у бабушки с дедушкой. Ее звали Хейли, у нее была сестра-старшеклассница, которая чего только не умела... Она научила их краситься! Но это секрет, маме про него рассказывать нельзя. Тед обещал, что не расскажет. Его поразило, что какие-то вещи в любых обстоятельствах остаются неизменными. Холли всегда выступала в роли злого полицейского.

Кстати, почему она не пришла вместе с девочками?

Лора увела девочек, пообещав, что перед уходом они еще попрощаются с папой. И только тогда вошла Холли. Она избегала встречаться с Тедом взглядом. Волосы она коротко подстригла, и они были темнее, чем обычно.

– Холли, Холли! – Тед все еще сидел на диване. Видя, что жена остановилась, он встал и подошел к столу.

– Здравствуй, Тед. Рада, что с тобой все хорошо. – Холли слабо улыбнулась и села на стул, осторожно положив на стол перед собой сумочку.

– Ты говорила с доктором Хилл? – Тед сел так, что между ними остался пустой стул.

– Да, несколько раз за эти месяцы. И сегодня тоже. Она сказала, что в последнее время тебе стало намного лучше.

– Это правда. Еще несколько недель назад... Я плохо помню те дни... Я был не в себе. Но с помощью доктора Хилл начинаю кое-что вспоминать.

Холли кивнула.

– Она надеется, если мы с тобой поговорим, возможно, это тебе поможет. – Холли потеряла лоб. – Не хочу выглядеть жертвой, но, честно говоря, мне пришлось нелегко. Девочки постоянно спрашивали о тебе, а я не знала, что им ответить.

– Могу себе представить. Я знаю, что виноват. Я в ответе за свои неправильные решения. Потому я и здесь. Но я выйду, Холли, и займу свое место в жизни девочек. У тебя были трудности с деньгами?

– Нет, нет. – Судя по выражению лица Холли, деньги казались ей сейчас самым несущественным предметом на свете. – Трэвис все уладил.

Холли посмотрела на Теда, ожидая его реакции.

– Да, Трэвиса я помню, – сказал он.

Холли кивнула.

Они помолчали. Кто-то должен был заговорить о главном, и Тед решил, что это надо сделать ему.

– Как там Линч?

– Невероятно, что ты не помнишь Джастина. Раньше ты никогда не называл его по фамилии.

Тед пожал плечами.

– Его состояние не меняется, – сказала она.

– Ты не представляешь, как мне жаль. Я... не знаю, что в тот день произошло. Все начисто стерлось из памяти.

– Да, доктор мне так и сказала.

– Хочу, чтобы ты знала. В том, что касается ваших отношений...

– Тед, не надо. В конце концов, мне твое разрешение не требуется.

– Извини.

– Доктор Хилл просила, чтобы мы с тобой поговорили о... о том, что происходило между нами. Ты это помнишь?

Тед опустил голову.

– Очень плохо, – прошептал он. – Кажется, я... отдалялся от тебя.

– Хотя бы это ты помнишь. – В голосе Холли не слышалось упрека, но он знал ее достаточно хорошо, чтобы понять: она очень рассержена. – Тед, ты запирался в кабинете, почти все время пропадал в доме на озере, избегал меня. Когда я пыталась поговорить с тобой, то разговор превращался в мой монолог. Короткий, потому что я не любительница мусолить одно и то же. Мое присутствие стало помехой в твоей жизни. Я заметила это, ты сам заметил, даже девочки начали замечать.

– К несчастью, это я помню.

– Буду откровенна, в тот момент я думала, что у тебя другая женщина, что твои деловые поездки, твое пристрастие к дому у озера – все это связано с любовной интрижкой. Согласись, со стороны именно так это и выглядело. Но знаешь что? Мне, как это ни смешно, даже хотелось, чтобы это оказалось правдой. Я знала, что ты меня больше не любишь.

– Холли, я...

– Дай мне, пожалуйста, договорить. Сначала я несколько раз звонила тебе в офис, когда ты был в отъезде, поговорила с Трэвисом, с твоей секретаршей и сопоставила полученную от них информацию с тем, что рассказывал мне ты. Города, график встреч, имена клиентов – все сходилось. Мне было противно всем этим заниматься. Как будто я частный детектив... Вроде того, которого ты потом нанял следить за мной.

Холли помолчала.

– Я не знала, что делать, Тед. Когда я пыталась говорить с тобой, казалось, что тебе все равно. Я понимала, что придется подавать на развод, привыкала к этой мысли, набиралась смелости. Тогда я решила поговорить с Джастином. Не потому, что думала, будто он знает о твоих похождениях с другой женщиной и если знает, то непременно мне об этом расскажет. Но он был знаком с тобой даже дольше, чем я, и мне хотелось, чтобы он подтвердил, что я ничего не выдумываю и ты действительно изменился. Что с тобой произошло что-то такое, о чем я даже не догадывалась. Потому

что иначе выходило... что я...

– Что ты сходишь с ума, – с улыбкой договорил за нее Тед. – Не волнуйся, твой случай не такой тяжелый.

Холли кивнула, но не улыбнулась.

– Я поговорила с Джастином, и он сказал мне, что вы с ним почти перестали видеться, что ты отдалился от него, как и от меня. Мы встретились еще несколько раз, говорили о тебе, о том, что с тобой происходит, и постепенно между нами возникла симпатия. Я не считаю его идеальным мужчиной, нет, конечно. Но когда я поняла, что наши с ним отношения далеко зашли, с тобой мы уже почти не разговаривали. Ты даже с девочками был мрачным и угрюмым. В конце концов я набралась храбрости и попросила у тебя развод.

– Это я помню. В гостиной. С того момента напряжение немного спало.

– Я тогда не знала, что ты ходишь к врачу, что просил старого школьного товарища помочь тебе оформить завещание. Тем более что у тебя в сейфе заперты наши с Джастином фотографии. Они лежали там почти месяц, Тед! Ты все знал и не сказал мне ни слова, даже когда я заговорила о разводе.

Тед развел руками.

– Не знаю, почему я тебе ничего не сказал, Холли, правда не знаю.

Она кивнула:

– Хочется верить.

– Я не знаю, по какой причине избил Линча... то есть Джастина, но клянусь, к тебе это не имеет никакого отношения... Вернее, к вашему роману. Это я знаю точно. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Холли, ты и девочки.

Холли опять кивнула.

– Доктор Хилл держала меня в курсе все эти месяцы. Я знаю, что тебе пришлось нелегко. Она сказала, что ты жил... в ирреальном мире или что-то в этом духе.

– Да, что-то в этом духе. Это было ужасно. Как будто кто-то взял мои воспоминания и перемешал их. Больше всего это похоже на сон. Там была одна фамилия, Уэнделл... Тебе она что-то говорит?

– Нет. Доктор Хилл меня об этом тоже спрашивала. Кто такой Уэнделл?

– Вроде бы часть меня. У меня в голове образовалось что-то вроде чулана, в котором заперты некоторые воспоминания, а ключ пропал. Этот чулан – Уэнделл. Я все время общался с этим человеком, а оказалось, что

это я сам... Понимаю, звучит нелепо. Сначала я попал в некие циклы, которые все повторялись и повторялись, но благодаря доктору Хилл мне удалось из них вырваться. Я чувствую, что вот-вот доберусь до правды, сумею наконец сорвать маску с Уэнделла.

Тед сознавал, как он выглядит в глазах Холли. Сумасшедшим, разумеется. Оно и понятно. Он не собирался, конечно, рассказывать ей ни об опоссуме, ни о том, что видел из окна своей...

– Что с тобой, Тед?!

Тед ее не слышал. Он встал и пошел к дивану, взял рисунок Синди и Надин. Пляж. Красный купальник. Совпадения?

– Почему они нарисовали нас на пляже? – спросил Тед.

Холли наморщила лоб.

– Не знаю. А это важно? Я им сказала, что неплохо было бы подарить тебе рисунок, и они пошли к себе в комнату рисовать. Отпуск – счастливая пора, потому, думаю, они его и нарисовали.

Тед снова сел за стол, не сводя глаз с рисунка. Нет ли там еще какой-нибудь говорящей детали? Удочка, надувной дельфин... Ничего особенного. Он провел пальцем по нарисованным шезлонгам, по фигурам загорающих людей, по пальмам... Ничего интересного. Ни злобных опоссумов, ни розовых замков. Ничего, что напоминало бы о его видениях.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Тед? Почему тебя так заинтересовал этот пляж?

– Все в порядке. Я просто видел сон пару дней назад – вот и все. Совпадение. Во сне на тебе тоже был красный купальник...

Холли смутилась: бывший муж видел ее во сне в бикини.

Тед отложил рисунок в сторону.

Они провели вместе еще несколько минут, обсуждая банальные семейные дела, но Теду было трудно сосредоточиться. Зашли девочки – проститься с папой, и ему удалось на минуту отвлечься от мыслей о рисунке, все еще лежавшем на столе. Он обнял дочерей и пообещал, что скоро выпишется из «Лавендера».

Не стоило этого обещать, конечно же.

Рисунок Синди и Надин стал единственным украшением пробковой доски над столом Теда. Он был приклеен четырьмя кусочками скотча. Майк, проходя по коридору, застал Теда за изучением рисунка, подошел и покашлял.

– Кнопки здесь держать не разрешают, – сказал он. – Если ты удивляешься, зачем тогда эти доски из пробки, то ты не первый.

Тед обернулся с рассеянной улыбкой. Меньше всего он думал о кнопках.

– Мне надо увидеть, что там за занавесом, Майк.

Тот не сразу понял, о чем речь.

– Встреча с семьей произвела на тебя неизгладимое впечатление?

– Не в этом дело. То есть не *только* в этом. Мне нужно узнать правду. Нужно выйти отсюда, быть рядом с дочерьми.

Майк кивнул.

– Как мне встретиться с этим проклятым опоссумом, Майк?

В четверг с утра лил дождь, и после обеда, судя по плотной пелене туч, мог в любой момент хлынуть снова. Типичный зимний день среди весны.

Почти все больные сидели в общем зале. Скетч и Лоло сражались за шахматной доской, теперь под наблюдением Теда, которого уже рассматривали не как соперника, а как непобедимого учителя и источник мудрости. Заканчивалась очередная партия, и Тед тут же без единой ошибки воспроизводил ее, к радости товарищей, анализируя каждый ход. Все носились с идеей на ближайшем турнире обыграть отделение В. Лестер, напрочь забыв о былой вражде, тоже присоединился к команде.

В зале появился Майк и попросил Теда выйти с ним в сад. С Майком был Подкидыш, молчаливый толстяк, утверждавший, что видит зверей. Тед, не задавая вопросов, последовал за ними. Остальные собрались было присоединиться к их трио, но Майк, окинув собравшихся грозным взглядом, строго-настрого запретил им следовать за ними. Тед поразился: какой страх мог внушать этот человек, сколько в нем было силы и непреклонности. Скетч, Лоло и Лестер молча кивнули и вернулись к столу. Тед взял с вешалки свое пальто, и все трое вышли во двор. Подкидыш, казалось, плыл над самой землей, как гигантский воздушный шар.

По двору бродили двое больных. Майк махнул им, чтобы шли в корпус, и те без возражений подчинились. Майк окинул взглядом окна здания, чтобы убедиться, что за ними никто не наблюдает. Троица направилась к знакомой скамейке. Тед был уверен, что они, как всегда, на нее сядут. Он знал, что целью операции была встреча с опоссумом, но понятия не имел, что конкретно они собираются делать и какого черта с ними Подкидыш. Тот семенил рядом с Майком, испуганно косясь на него. Громадное брюхо колыхалось при ходьбе. Они подошли к скамейке, и Майк велел Теду взяться за один конец, чтобы ее передвинуть.

– Быстро, – скомандовал Майк, когда они подняли скамейку. – Пока никто не видит. Не то настучат охране. Иди, не останавливайся.

Они двинулись к баскетбольной площадке. Подкидыш следовал за ними. Они почти добрались до центрального круга, когда дверь открылась, и на порог, размахивая руками, выбежал охранник. За спиной у него маячил санитар.

– Эй! Что это вы там делаете? – закричал он.

– Вперед! – скомандовал Майк. Оставалось всего два метра... –

Хорош. Ставь ее сюда и садись. Ты тоже, Подкидыш.

Все трое уселись. Майк и Тед по краям, Подкидыш в середине. Они сидели спиной к зданию и не видели охранника с санитаром, пока те не встали прямо перед ними. Санитаром был Макманус.

– Что вы, черт побери, здесь делаете?

Это была картина, достойная кисти сюрреалиста. Три пациента, глядя мимо Макмануса, с невозмутимым видом сидели на скамейке посреди баскетбольной площадки со сложенными на коленях руками.

– Я вас спрашиваю!

Майк примирительно поднял руку. Ладно-ладно, я вам все объясню. Он указал на дерево и печально покачал головой.

– Под деревом неудобно, – сокрушенно проговорил он. – Как ветер подует, так с него капает... Противно! Правда, ребята?

– Глупости, Доусон! – ответил охранник. – Я за вами наблюдал. Вы там даже не присели.

Майк улыбнулся и кивнул. Эх, попался! Он еще раз поднял руку, немного подумал, наклонился вперед и, прикрывая рот рукой, с заговорщическим видом обратился к охраннику:

– Эти двое малость не в себе... – Он покрутил пальцем у виска. – Не знаю, что им в башку втемяшилось.

– Черт возьми, Доусон! Нельзя таскать туда-сюда казенное имущество! Верните скамейку на место, и дело с концом.

– Слушай, Майерс, скамейка уже здесь, – сказал Майк, в голосе которого добродушие сменилось угрозой. – И мы на ней немного посидим. Ты же знаешь, с кем имеешь дело...

Охранник помотал головой. Наконец вмешался Макманус.

– Черт возьми, я ухожу, – раздраженно сказал он.

Майерс вздохнул:

– Чтобы это было в последний раз, Доусон. Я тебя знаю: выкинешь очередной номер, и все остальные за тобой! Делать мне больше нечего, только следить, как психи инвентарь с места на место перетаскивают!

– Понял, шеф. А теперь извини, но мы хотим понежиться под этим ослепительным солнцем. Ребята, крем для загара, надеюсь, захватили?

Охранник сдался и ушел. Майк оставил насмешливый тон и обернулся к Теду:

– Надеюсь, все это не зря, дружище.

В нескольких сантиметрах от его ног проходила линия, делящая площадку на две половины.

Граница между реальным миром и миром безумия, как говорил Майк.

– Что мы здесь делаем, Майк?

– Ты ведь хотел его увидеть, нет?

Подкидыш, очевидно, знал, о чем речь, потому что весь содрогнулся и заерзал, толкая товарищей.

– Сиди смирно, Подкидыш.

– Я хочу его увидеть, – сказал Тед, – но...

– Вот граница. – Майк указал на белую линию, едва проступающую из-под лужи. – У нас больше шансов увидеть его, когда мы у самой линии... Черт, книгу забыл!

Тед замер, не в силах произнести ни слова. На секунду у него как будто спала с глаз пелена: он увидел настоящего Майка – не грозу местных обитателей, не рассудительного книгочея, не создателя замысловатых теорий, а психически больного человека, почетного гражданина клиники «Лавендер Мемориэл». Тед оглянулся кругом и понял, насколько все это выглядит смешно и дико.

– Ты должен верить, – вдруг сказал Подкидыш. Тед впервые слышал его голос.

– Молчи, Подкидыш, – оборвал его Майк.

Так что? Неужели Майк думает, что они так запросто увидят опоссума? Глупо, но Тед вдруг поймал себя на том, что внимательно изучает противоположный край площадки, за которым начиналась роща со скамеечками для гуляющих, высматривая отвратительного зверька. Но никого не увидел.

– Майк, извини, – снова заговорил он, – но мы бывали здесь много раз, в том числе около самой *линии*, но я никогда никого не видел. Почему ты вообразил, что на этот раз будет по-другому?

– Потому что с нами вот этот великан, – сказал Майк, похлопывая по спине Подкидыша. – Я что, не говорил тебе, что он видит их постоянно? Подкидыш – как громадный фонарь, разве что притягивает не насекомых. Правда, Подкидыш?

– Я их д... д... давно не видел.

Майк натужно рассмеялся.

– Вранье! Громадное, как твоя задница. Но все равно: мы трое их видели... Чем нас больше, тем лучше. – Майк бросил на Теда горящий взгляд. – Слушай, ты хочешь его увидеть или нет? Ведь я ради тебя все это затеял.

Тед кивнул:

– Ты прав, извини.

В конце концов, что он теряет? Если есть надежда узнать истину,

посидев с двумя психами на скамейке, почему не попробовать?

– Я готов, – уверенно заявил Тед. – Давай, Подкидыш, мобилизуй все свои таланты Аквамена и выйди с ними на связь. Прикажи им явиться...

– Это не так работает, – тонким голосом пропищал Подкидыш.

Как это работает, никто не спросил.

Они молча ждали. Из окон корпуса сцена казалась, наверное, еще более нелепой. Три человека, сидящие спиной к зданию посреди баскетбольной площадки. Вуди Аллен был бы счастлив сфотографировать их для афиши своего нового фильма: «Трое на лавке, не считая опоссума», скоро на экранах.

Через двадцать минут они все еще сидели в той же позиции, не сказав за это время ни слова. Вдруг Тед улыбнулся. Опоссума он не увидел, зато вспомнил, как иногда играл с дочками в молчанку. Инициатором почти всегда выступала Надин, которой надоедала болтовня сестры, а лучшего способа заставить ее помолчать хоть немного не существовало. Тед гадал, кто из их троицы заговорит первым. Точно не Подкидыш: тот, похоже, всю жизнь только и делал, что играл с миром в молчанку. Доусон, похоже, грезил наяву о чем-то непонятном. И только Тед не мог абстрагироваться от того, что они делают. *От глупостей, которыми они занимаются.* Становилось холодно, даже в пальто. Устраиваясь поудобнее на скамейке, он почувствовал в кармане брюк тяжесть подковы. Вот оно что! Опоссум и близко не покажется, пока с ним подкова. Он вскочил, вынул подкову из кармана и показал товарищам. Не было произнесено ни слова, но, кажется, все всё поняли. Тед размахнулся было, чтобы забросить подкову подальше, но вовремя себя одернул: не хватало еще, чтобы вернулись Макманус с охранником и начали возмущаться, поэтому он подошел к краю площадки и положил подкову там.

– Накрой ее, – услышал он за спиной голос Подкидыша.

– Чем я ее, к чертям, накрою? – удивился Тед.

– Своим пальто, – вмешался Майк. – Накрой. Тед вздохнул. Гениально.

Простуда ему обеспечена.

Но он не мог не признать, что и ему самому по какой-то безумной причине это казалось наиболее разумным решением. Он оглядел окна корпуса, убедился, что на них никто не смотрит, и быстрым шагом, потирая руки, вернулся к скамейке.

– Подвинься, Подкидыш, пусти меня в середину. Гигант повиновался без возражений.

– Они идут, – сказал он почти сразу. В тоне его не было ни капли сомнения.

Тед напряг зрение, но не увидел ничего необычного. Но он явственно почувствовал, что *что-то* переменялось. И тут он заметил в одной из луж за разделительной линией движущееся отражение, от которого уже не мог оторвать глаз. Отражение чего-то красного.

– Красный – мой любимый цвет, – донесся из пустоты голос Подкидыша. Сейчас он звучал не просто уверенно, но и гораздо ниже, чем обычно.

– Что? – переспросил Тед.

Подкидыш не ответил.

Отражение возникло снова. Стройная фигура Холли в красном бикини задрожала под порывом ветра и исчезла. Но она там была, Тед знал это точно. Он поднял голову и буквально окаменел.

В углу площадки стоял замок с диснеевскими принцессами. Это было не отражение, не прозрачное видение. Замок стоял там. Тед указал на него пальцем.

– Мы видим, – отозвался Майк.

– Это замок моих дочек. – Голос Теда дрогнул.

Он встал и один пошел к замку, но на полпути остановился и обернулся. В глазах Майка читалась тревога. Подкидыш съежился, будто стараясь стать меньше ростом, и втянул голову в плечи. Казалось, оба сидят в кабинке крутых и самых опасных на свете американских горок, но, несмотря на это, Тед испытывал почти непреодолимое желание вернуться к ним, на надежную скамейку.

На крыльце корпуса появился Макманус. Со своего места санитар не мог не заметить замка. Тед снова двинулся вперед.

Замок стоял на границе между площадкой и роцей. Приблизившись, Тед присел на корточки и через боковое окно заглянул внутрь. Он не только не собирался входить в замок – он не хотел даже прикасаться к его стенам. Тед ожидал, что внутри увидит опоссума, но нет. Замок был пуст. Тед отпрянул от окна, почесывая затылок. Со стены на него смотрели Белоснежка, Золушка, Ариэль и Покахонтас. *Ну, что будешь делать дальше?* Он обошел замок. На переднем фасаде была нарисована Эсмеральда, рядом с ней – Спящая Красавица, Тед забыл, как ее звали. Но тут его прямо обожгло воспоминанием: они с Синди ходят вокруг этого замка в магазине игрушек «Тойсрус» и дочка рассказывает ему историю каждой принцессы.

Аврора!

Голос Синди принес ему ответ. Спящую Красавицу звали Аврора. Мороз пробежал у него по коже. Это было первое из воспоминаний,

украденных Уэнделлом. Тед пошел вокруг замка дальше.

– Это – Красавица, Белль... – говорила Синди.

– Из «Красавицы и чудовища», – догадался Тед.

– Ну да! А это – Покахонтас, а это – Мулан.

На задней стене не было принцесс, только фанера, раскрашенная под кирпичную стену. Тед отступил на несколько шагов, чтобы охватить взглядом весь замок, но правой ногой наступил на что-то твердое. Оппоссум! Он подпрыгнул и замер. Но это был не опоссум, а мясницкий нож.

– Он не в «Лавендере», папа. Он такой же, как замок.

Тед наклонился и взял нож. Повертел его в руках и заметил на нем что-то красное.

Красный – мой любимый цвет.

Зачем здесь этот нож? Тед посмотрел на Майка и Подкидыша, как будто они могли со скамейки дать ему ответ. Но его товарищи сидели, замерев, в прежних позах. Тед хотел помахать им рукой, но передумал. Понимал, что ответа не дождется. В нескольких метрах от него зашуршала трава. На сей раз своей ленивой походкой к нему приближался опоссум собственной персоной. Тед, похоже, его не интересовал, зверь принюхивался и то и дело поднимал голову. Тед пошел за ним, не вполне сознавая, что все еще сжимает в руке нож – ни дать ни взять браконьер.

Он ступил в больничную рощу, где прежде не бывал, и через пару минут сидевшие на скамейке товарищи скрылись из виду. Он двигался по тропинке среди деревьев за опоссумом, который показывал дорогу.

Прежде чем вывести Теда на полянку, опоссум отбежал в сторону и бросил на Теда лукавый взгляд – если допустить, что животные способны на лукавство. Позади мохнатого тела извивался голый хвост. Тед прошел еще несколько метров и тогда наконец понял, в чем дело. На полянке лежал труп молодого человека. Тед *знал*, что парень мертв. Он лежал ничком, руки по швам, на нем были куртка и бейсболка с символикой Массачусетского университета, хорошо знакомые Теду: он сам да и все его приятели-студенты когда-то носили точно такие. Лица несчастного он не видел и не был уверен, что ему стоит на него смотреть.

Вспомнив, что в руке у него нож, Тед все же пригляделся к трупу. На горле у того зияла рана. Трава вокруг была запачкана кровью, земля, пропитавшись ею, потемнела.

Кто ты?

Он хотел обойти тело.

Надо перевернуть его. Увидеть его лицо.

– Тед, – раздался голос у него за спиной.

Тед обернулся.

Это был Макманус. Позади него стояли Майк и Подкидыш. Все трое выглядели встревоженными. Тед краем глаза покосился на поляну, чтобы убедиться в том, что знал и так: на поляне не было никакого убитого студента Массачусетского университета, тем более – лукаво улыбающегося опоссума. А куда подевался только что найденный нож?

Назад они возвращались молча.

– Видел? – поинтересовался Майк.

Тед кивнул в ответ:

– Я не уверен, что заглянул за занавес, Майк. Честно говоря, я вообще не понимаю, что увидел.

Убитый парень не шел у него из головы. *Кто он?*

Они уже полчаса сидели в кабинете психотерапии больницы «Лавендер Мемориэл». Лора в общих чертах описала свой визит к секретарше Линча Нине, но финальную сцену приберегла напоследок.

– Полиция ее так и не допросила. Но она была там с тобой, Тед, еще до прихода Линча.

Тед слушал ее невнимательно. Его мысли занимали недавняя встреча с близкими и видение в больничной роще.

– Это в самом деле важно?

– Я пока не все тебе рассказала. Но отмечу сразу: да, это важно. Это подтверждение того, что каждый эпизод твоих фантазий основан на реальных событиях. Не забывай, нам надо восстановить картину последних дней перед госпитализацией.

– Хорошо. Но тогда ответь: зачем, например, я ходил к Блейну?

– Именно об этом я и хотела поговорить. Когда Нина выходила из кабинета Линча, она слышала, как ты обвинял Линча в том, что он за тобой шпионил и выследил тебя возле дома Блейна.

Тед медленно повторил ее последнюю фразу.

– Что общего может быть у меня с этим типом?

– Не знаю. Но вы с ним были знакомы. Возможно, об этом знакомстве не знал никто, даже Холли. Когда ты застукал Линча за слезкой, то пришел в ярость.

Лора вела себя загадочно: время от времени она бросала на Теда испытующий взгляд – или это ему казалось?

– погоди, Лора. Что ты имеешь в виду, когда говоришь о знакомстве?

– Ничего конкретного. Не будем забегать вперед. Пока проясним основное... Тед, что с тобой?

Он опустил глаза.

– Честно говоря, я хотел попросить тебя об одолжении. После того, как я увиделся с девочками...

– И?

На душе у Теда было тяжело. При мысли о Синди и Надин он вспоминал об обещании, которое дал им прощаясь.

– Тед, расскажи, что ты пережил, увидев Холли и девочек. Мы должны это обсудить.

И тогда он решился.

– Мне надо выйти отсюда, Лора. На день или два. Мне надо съездить в дом на озере. Я не могу подключиться к реальности, которой не вижу... Пойми меня правильно: здесь мне помогли, но настало время вернуться к началу. Попасть в то место, откуда все началось.

– Не знаю, Тед... Твое состояние значительно улучшилось, и...

– Поверь, я глубоко тебе благодарен. Я смог повидаться с дочерьми, а добилась этого ты. Но мне надо вспоминать дальше. Я уверен, что найду ответы в доме на озере.

– Почему ты так думаешь?

Он понимал, что ему придется рассказать ей о своем видении в больничном парке.

– Мне приснился очень странный сон. Я снова видел розовый замок. Я подошел к нему, внимательно осмотрел и обнаружил, что позади него – тропинка. Кажется, со мной была моя дочь Синди, но потом она ушла. Я шел по тропинке за домом. Сколько я шагал, не знаю, но меня не покидало ощущение, что в конце пути все прояснится, найдется ключ.

Лора давно достала блокнот и сейчас что-то быстро в нем строчила.

– И тогда я обнаружил тело. Мертвого студента Массачусетского университета. На нем были университетская куртка и бейсболка. Тело валялось в луже крови. Лица я не видел.

– Когда тебе это приснилось?

– Вчера.

Тед не собирался открывать Лоре, что все это произошло наяву, причем на глазах у Майка и Подкидыша, которые наблюдали за ним с баскетбольной площадки. Если он лелеял надежду выйти из больницы, было бы глупостью признаваться, что к трупу его привел воображаемый опоссум.

– Что еще там происходило?

– Больше ничего. Не знаю, что означают замок и мертвый парень, возможно, что-то я позабыл. Но не сомневаюсь, что та тропинка за домом у озера даст ответ на некоторые вопросы. Сон произвел на меня такое сильное впечатление, что я ни о чем другом думать не мог.

– Тед, ты ведь знаешь, что сон – это всего лишь сон. Во сне мы уверены, что нам открылась истина, а проснувшись, понимаем, что это иллюзия.

– Знаю. Но в этот раз было иначе. В каком-то смысле это походило на то, как... как будто со мной говорила часть меня же... Та моя часть, которой известно больше, чем мне.

Тед понимал, что перегибает палку, но он хотел быть убедительным.

Пока его рассказ, по крайней мере, пробудил в Лоре любопытство.

Лора продолжала делать записи.

– То, что ты увидел на тропинке, напоминает тебе о годах учебы в университете?

– Не прямо. Наверное, куртка и бейсболка оказались там не случайно, но вообще у меня довольно смутные воспоминания об университете. Кое-что я помню отчетливо. Помню преподавателей, помню, как мы играли в покер, помню, как подрабатывал... Но я напрочь забыл все, что касается Ли... Джастина. Если мы с ним жили в одной комнате и дружили... Я, выходит, забыл все, чем мы с ним вместе занимались.

Лора кивнула.

– Так что, Лора? Что насчет возможности побывать в доме на озере?

Лора покачала головой. В глазах ее мелькнула грусть.

– Не сейчас, Тед. Извини. Не исключено, что со временем удастся организовать такую поездку. Если мы решим, что она будет полезной.

Тед встал. Руки и ноги его не были скованы, но он знал, что в соседней комнате сидит Макманус, следя через стекло за каждым его движением.

– Лора, я тебя понимаю. Я верю тебе. Но очень прошу: обдумай мое предложение. Если тропинки не существует или она никуда не ведет, мы ничего не теряем.

Лора смотрела на Теда поверх очков. Он был похож на ученика, поднявшегося с места, чтобы прочесть заданное на дом стихотворение.

– Хорошо, я подумаю. Но окончательное решение не за мной. В этом отделении главврач не я.

Тед сел.

– Понимаю. Но ты хотя бы подумай.

– Обязательно. Обещаю тебе.

После короткой встречи за обедом в больничной столовой Маркус не виделся с Лорой, но каждую минуту думал о ней. Когда она позвонила ему и сказала, что хочет обсудить с ним случай Теда Маккея, Маркус решил: как только она войдет в кабинет, он прямо скажет ей о своих чувствах. Хватит мямлить. Тед Маккей подождет. Весь мир подождет.

Лора застала его сидящим в кресле возле окна.

– Можно?

– Конечно.

Лора села во второе кресло, стоящее под углом к первому. Маркус смотрел в окно. На самом деле он собирался с духом и подыскивал нужные слова.

– С тобой все в порядке, Маркус?

– Честно? Нет, со мной не все в порядке. Я...

Она чуть наклонилась к нему, подбадривая. Маркус сделал глубокий вдох.

– Я все время думаю о тебе, – в конце концов сказал он.

Она улыбнулась удовлетворенно и сочувственно.

– В тот день, у тебя дома... Мне так хотелось тебя поцеловать.

Лора накрыла его руку своей ладонью.

– Подожди. Сделаем все как следует. Почему бы тебе в субботу не пригласить меня в гости? Как только ты откроешь дверь, твое желание исполнится.

Он кивнул.

– Свидание назначено, – сказала она и встала.

– погоди! Ты же хотела...

Лора вышла из кабинета. Дверь за ней закрылась, но тут же открылась снова.

– Доктор Грант, можно с вами проконсультироваться?

Маркус рассмеялся.

Лора села перед письменным столом, и он направился к своему рабочему месту.

– Твоя секретарша считает, что я сошла с ума. – Лора подавила смешок.

– Может, она не так уж и ошибается, – ответил Маркус и, чуть помолчав, кивнул на кресла у окна. – Спасибо за... Ты знаешь за что. Так о

чем ты хотела поговорить?

Выражение лица Лоры тут же переменялось.

– Тед кое-что вспомнил. Возможно, нам пора форсировать события.

Лора пересказала сон о мертвом студенте и тропинке за розовым замком.

– Тед хочет съездить в дом у озера, – объяснила Лора. – Он считает, что эта тропинка оживит его память. Я обдумала эту идею и хочу попытаться, Маркус.

– Ты уверена?

– Честно говоря, нет. Но я и раньше не всегда руководствовалась исключительно рациональными мотивами. Недавно приезжали его дочери... Ты не представляешь, до чего прелестные девочки. Если эта поездка поможет Теду открыть последнюю дверь, мы должны попытаться. Ну, в крайнем случае проедем зря.

– Тебе решать, Лора. Я главврач, и за все, что происходит в отделении, отвечаю я. Но его лечащий врач ты. Сделай запрос, и я дам разрешение. Когда ты хочешь ехать?

– В субботу?

Маркус в ужасе вытаращил глаза.

Лора засмеялась.

– У меня свободный день, – объяснила она. – Уолтер с отцом собираются навестить дедушку с бабушкой. Утром съезжу с Тедом, вернусь после обеда. У меня будет полно времени, чтобы не опоздать на свидание. Я знаю, что решение за мной, но мне важно твоё мнение.

– С этим больным интуиция тебя не подводила. Ты нашла якорь в его прошлом – шахматы, придумала этот трюк с подковой, настояла на его переводе в отделение С... Все это твои заслуги. Если интуиция подсказывает тебе, что время настало, что ж, поезжай.

– Спасибо.

– Я могу поговорить с Бобом. Это мой приятель из бостонской полиции. Помнишь его?

Лора кивнула и зажала ладонью рот, чтобы не фыркнуть.

– Роберт Дюваль^[4] – такое не забывается.

Маркус тоже рассмеялся.

– Он самый. Но если встретишься с ним, не вздумай называть его полным именем. Я попрошу его что-нибудь выяснить о предполагаемом убийстве. Когда Маккей учился в университете?

– Поступил в девяносто третьем. Главное, узнать, действительно ли в те годы был убит студент Массачусетского университета.

– Что до поездки, то я распоряжусь о максимальных мерах безопасности. Цепи на руках и на ногах, вооруженная охрана.

– Хорошо.

– Догадываюсь, что ты откажешь, но мне бы хотелось поехать с тобой...

– Ты отлично меня изучил. Лучше мне взять кого-нибудь из тех, кого Тед знает в лицо.

– Посмотрю, кто из парней дежурит в субботу. Любой будет рад прогуляться.

– Туда три часа в один конец, – предупредила Лора, оставившая эту информацию напоследок.

Маркус оценил ее тонкий маневр.

– Ты неисправима, Лора Хилл.

– Обещаю вернуться вовремя и не опоздать на свидание, – сказала она, вставая.

– Пришли мне запрос по всей форме, и я сегодня же его подпишу.

– Большое спасибо.

– Если до этого не увидимся, на всякий случай желаю удачи.

– В субботу мы не станем обсуждать пациентов, – сказала Лора, прежде чем уйти. – Даю слово.

– Ой, не знаю, верить ли тебе.

Она улыбнулась:

– И не забудь, что ты должен сделать, как только откроешь мне дверь...

– Не забуду.

Часть четвертая

1993

В 1993 году в Массачусетском университете училось более двадцати тысяч студентов. Многие из них жили в общежитиях. Всего общежитий было пятьдесят, в каждом – комнаты на двоих. При расселении тщательно учитывались предпочтения каждого студента. Для этого они заполняли подробные анкеты. Распределение по комнатам проходило на их основе, и сбоев практически не было. Администрация даже хвасталась этим в рекламных буклетах!

Тем не менее, когда Тед Маккей познакомился со своим соседом по комнате, он решил, что сотрудники службы расселения – последние лохи. С чего они взяли, что Тед поладит с Джастином Линчем? Достаточно было сравнить их жизненные траектории, чтобы понять, что они вообще не пересекаются. Впрочем, кое-что общее между ними было: оба получали стипендию и пользовались льготным образовательным кредитом, что обязывало к более высоким академическим результатам. Таких студентов, как они, селили в одном из трех общежитий, и они оказались в Шеферд-хаусе, известном как Коробка – по причинам, очевидным каждому, кто мог похвастать минимальным архитектурным вкусом. Не исключено, что в 503-ю комнату Коробки они попали благодаря сходству своего материального положения. Бедность – великий уравниватель. Еще их объединяла любовь к группе *Nirvana*. Но кто в 1993 году не слушал *Nirvana*?

Джастин Линч был настоящим красавцем: высокий, мускулистый, с огромными голубыми глазами и квадратной челюстью. В первые же месяцы Тед заметил, что Джастин был всегда безупречно причесан, и не потому, что не забывал вовремя стричься. Просто волосы у него, отрастая, принимали новую форму, словно начиная жить собственной жизнью. В кампусе существование Линча недолго оставалось незамеченным. Студентки разных возрастов старались всеми правдами и неправдами проникнуть в Шеферд-хаус, топтались возле комнаты 503 или торчали в общем зале на пятом этаже. Порой они подлавливали в коридоре Теда и расспрашивали его о соседе. Самые скромные выпытывали, есть ли у него девушка; более смелые были готовы лично пробраться в заветную комнату и самостоятельно убедиться, так ли это. Именно донжуанские таланты Джастина раздражали Теда, который не так легко находил пути к сердцу особ противоположного пола. Но объяснялось это не только завистью.

Зависть, конечно, тоже играла свою роль, но у Теда имелась более серьезная причина не любить бабников, менявших женщин как перчатки. Таким был его отец... Прохиндей! Тед честно рассказал об этом даме-психологу, которая беседовала с ним при поступлении. Дама настырно лезла в жизнь Теда, особенно интересуясь, почему распалась семья его родителей. И он рассказал. У отца много лет была любовница. Психолог спросила, что он по этому поводу думает. Теду вопрос показался глупым, но он не стал кривить душой и честно сказал, что ненавидит отца, а также всех хмырей, которые ходят налево. И вот администрация университета вынудила его делить комнату с типом, который воплощал все то, чего Тед терпеть не мог. Его возмущению не было предела. Он сразу решил: как только начнется парад красоток, он побеседует с соседом по-свойски. И мало тому не покажется. Тем более что, по его же словам, в родном городе у него осталась невеста – он даже повесил на стенку ее фотографию.

Линч был о Теде ненамного лучшего мнения. И вовсе не из-за внешности, хотя Линчу не нравилось, что сосед носит не снимая кожаную куртку и представления не имеет о хороших манерах. С другой стороны, его готовность грести против течения и отстаивать свое право быть не таким, как все, вызвала определенное уважение, а разваливающийся на ходу «опель-коммодор» с надписью на заднем стекле «Вне закона», на котором ездил Тед, выглядел даже трогательно. Со всем этим Линч смирился бы. Хуже было другое. Линч относился к учебе серьезно, до рези в глазах корпел над книгами, а подрабатывал в библиотеке, тогда как Тед, эта грубая подделка под Джона Траволту, мало того что прогуливал занятия, а подработку нашел в столовой, так еще и часами пропадал на шестом этаже, где резался с дружками в покер. Частенько он заваливался в комнату под утро, провонявший табачным дымом, с красными, как у кролика, глазами, открывал учебник математики или задачник по финансовым расчетам, но через полчаса засыпал, даже не раздевшись, с книгой в руках. Линч знал, что по условиям предоставления стипендии Тед должен показать высокие академические результаты, и не сомневался, что тот провалит первую же сессию. Джастин Линч ждал экзаменов, уверенный, что сосед у него скоро сменится.

В первые месяцы их общение свелось к абсолютному минимуму. Если они и обменивались парой реплик, то только тогда, когда Линч ставил послушать записи *Nirvana* или *Pearl jam*. Кроме музыки, говорить им было не о чем. Они не обсуждали учебу. В столовой никогда не садились за один стол. У них не было ни одного общего приятеля.

Тед первым начал догадываться, что в администрации, возможно,

работали, черт их раздери, гении, а он был несправедлив к Линчу. Парад красоток так и не состоялся. Первая – и единственная – девушка, появившаяся в этот период в их комнате, пришла по приглашению Теда. Линч явно не собирался изменять своей невесте, а настойчивость осаждавших его студенток ввергала беднягу в сильнейшее смущение. Гораздо менее привлекательные парни легко находили возможность «поскрипеть койкой» – так на студенческом жаргоне именовались сексуальные развлечения. В общежитиях стояли кровати со старыми пружинными матрасами – удобные, но скрипучие. За все первые месяцы учебы койка Линча не скрипела ни разу, хотя, Бог свидетель, шансов ее обладателю судьба посылала хоть отбавляй. Тед даже начал подозревать, что его сосед гей, а фотографию девушки повесил для отвода глаз. Но Тед слышал, как Линч разговаривает с невестой по телефону, и, как ни старался, не уловил в его голосе никакого притворства. Парень просто хранил верность своей избраннице. Странный тип. Тед был заинтригован.

Наступил октябрь, а с ним – первые экзамены. Линч сдал два предмета на «хорошо», один на «удовлетворительно», и был счастлив. Но, к его великому изумлению, бездельник-сосед по всем трем предметам получил «отлично». Это не укладывалось у Джастина в голове. Он же знал, что Тед почти не занимается, открывает учебники максимум на час в день. Может, он зубрил на работе? Вряд ли – в столовой не больно-то позубришь. Впрочем, сосед никогда не брал с собой на работу книги! В чем же фокус, недоумевал Линч. Постепенно он раскрыл секрет Теда: тот обладал не только острым умом, но и фантастической, почти фотографической памятью. Благодаря этим талантам он легко осваивал все дисциплины: и требовавшие аналитических способностей, и предполагавшие запоминание больших массивов информации. Читал он с невероятной скоростью, раза в три, а то и в четыре быстрее, чем остальные студенты, при этом ничего не упуская. Позже Линч узнал, что покер – а Тед играл не только в общежитии, но и в нескольких нелегальных притонах, – был для соседа способом добывать средства к существованию. Когда их отношения окончательно наладились, Тед признался, что на самом деле терпеть не может покер, но старается втереться в разные компании, чтобы не вызывать подозрений. Картежники не любят игрока, который выигрывает намного чаще, чем проигрывает. Тед легко запоминал карточный расклад и умел мгновенно принимать нетривиальное решение, поэтому успешнее соперников противостоял слепой воле случая. Даже не делая высоких ставок, он ухитрялся заработать достаточно, чтобы хватало на жизнь, да еще и оплачивал больничные счета матери.

Одним словом, администрация сработала блестяще. Очень скоро Тед и Джастин подружились.

1993

Основой их дружбы стало глубокое взаимное уважение. Тед пока ни с кем по-настоящему не сблизился. Среди картежников он слыл своим, но сам не считал их даже приятелями. Тед подлаживался под их компанию, руководствуясь расчетом, а не искренней симпатией. Джастин был первым, кто вызвал в нем настоящий интерес, и это явилось абсолютно новым для него чувством – пока он учился в школе, друзей у него тоже не было.

Что до Джастина, то он поначалу завел приятелей, в том числе довольно близких, но постепенно все они как-то откололись. Склонный к одиночеству, он всегда мечтал иметь друга, который понимал бы его, – ему казалось, что только так он сможет нащупать почву под ногами и стать наконец самим собой. В тот первый год в университете у него появилась привычка вглядываться в себя, пытаясь определить, кто же он такой.

Однажды холодным утром незадолго до Рождества Джастин сидел и под вопли Курта Кобейна, несшиеся из магнитофона, корпел над эссе для семинара по писательскому мастерству. Тед уже сделал все задания, затратив на это примерно полчаса: не вставая с кровати, ловко, как осьминог щупальцами, пролистал учебники матанализа, статистики и, кажется, какие-то еще. Любой нормальный студент при виде его впал бы в оторопь. Тед собирался на шестой этаж, где игра в покер каждый вечер заканчивалась для него все позднее. Игра требовала от Теда все большего напряжения: его партнеры кое-чему научились, кроме того, он узнал, что трое из них сговорились и разработали секретную систему знаков, с помощью которой надеялись его обыграть. Систему он легко разгадал, но не мог не чувствовать, что обстановка накаляется. Возможно, вскоре ему придется ограничиться покером за пределами кампуса... Погруженный в эти мысли, Тед смотрел на Джастина, который в поисках вдохновения ходил кругами по комнате и бросал в стенку теннисный мячик. Теду давно хотелось задать ему один вопрос. Линч часто рассказывал о матери, но никогда – об отце. Тед подозревал, что отец Джастина умер или бросил семью. Но он ошибался.

Отец Джастина жил в Дирфилде с миссис Линч и их вторым сыном, при этом Джастин его глубоко презирал. Еще одно совпадение!

– Мы почти не общаемся. Никто не знает почему, – сказал Джастин. Он накинул куртку с эмблемой университета и открыл окно. В комнату

ворвался порыв ветра, и мгновенно стало холодно. Линч сел на подоконник и закурил. Двигался он почти машинально. – Даже сам отец не знает причины, представляешь, Тед? А я не хочу ничего ему объяснять. Может, когда-нибудь потом.

Тед сел на кровати. Партия в покер подождет.

– Зато я тебя понимаю. У меня тоже отец придурок.

Джастин кивнул, подставив лицо холодному ветру.

– Он думает, у меня, мол, это юношеский бунт; дескать, стану постарше, все пройдет. Мать тоже так считает, хотя к ней я совсем по-другому отношусь. А этот тупица даже не догадывается, что это он во всем виноват. В детстве я хвостом за ним ходил. Он был моим кумиром, я во всем старался ему подражать.

Джастин докурил сигарету и закрыл окно. Потер руки и подошел к батарее погреться.

– Мы с ним похожи как две капли воды, – с грустью сказал он. – Прямо два клона. Покажи я тебе его фотографию тридцатилетней давности, ты бы решил, что это я, только зачем-то напялил очки и широкие брюки – их раньше называли «слоновьи ноги». Может, поэтому я и был к нему так привязан. Не знаю. Между нами была какая-то особая связь. С братом, скажем, такой не было. У тебя есть братья или сестры?

Тед отрицательно помотал головой.

– Извини, я тебя задерживаю. Тебе пора на...

– Да не волнуйся ты. Рассказывай.

– Мой отец – электрик, мелкий предприниматель. В школе я ждал каникул ради одного – чтобы ездить с ним на работу. У него был грузовичок, в котором он возил материалы. Он всем говорил, что я его помощник. Я мечтал, что когда-нибудь и правда стану ему помогать, клянусь тебе. Если бы меня тогда спросили, кем я хочу стать, когда вырасту, я бы не задумываясь ответил: электриком. Вот так, с лету.

Джастин щелкнул пальцами.

– Отец постоянно заезжал в одни и те же магазины. В двух из них работали молоденькие продавщицы, и отец с ними заигрывал. А меня предупреждал, чтобы я ничего не рассказывал маме, и я, разумеется, его слушался. Он и с клиентками флиртовал, когда приходил по вызову, и иногда флирт заходил очень далеко... И каждый раз он повторял: «Ни слова маме, Джастин! Она расстроится, если узнает». Это не означает, говорил он, что он ее не любит, просто все мужчины всегда заигрывают с женщинами. В общем, нес всякую хрень в этом духе. – Джастин потрянул головой. – Сейчас я понимаю, что это хрень, но тогда я так не думал. Отец

мог мне ляпнуть: «Видал, как продавщица смотрела на мой бицепс? Я специально рукава закатал, чтобы она оценила...» Если по телевизору показывали красивую женщину, он потихоньку от матери подмигивал мне или показывал большой палец. А мне было всего восемь лет! Но когда мне исполнилось двенадцать, я начал подозревать, что одними заигрываниями он не ограничивается... С некоторыми из этих женщин он спал.

Тед слушал его внимательно, думая, что все же они с Джастинем не случайно оказались в одной комнате. Bravo администрации.

– Знаешь, что самое плохое?

– Что?

– Когда мне исполнилось шестнадцать, я стал брать с него пример. Потому что именно так представлял себе мужское поведение. Я себя считаю умным, Тед... Не таким умным, как ты, – Джастин усмехнулся, – но все же не совсем тупицей. Так вот, я ни разу не усомнился в правоте отца. Как будто в его словах заключалась божественная истина. К тому времени я понял, что мать о многом догадывается, она у меня тоже далеко не дура. А я люблю ее больше всех на свете. Но как я мог стать на сторону отца, если видел, что она из-за него страдает?

– Ну, ты все-таки вовремя опомнился. Это самое главное.

– Да, думаю, да. В конце концов я остановился.

В комнате настала тишина, редкая для студенческого общежития в пятницу вечером. За шум в комнатах у них довольно строго наказывали, но в конце недели вожжи немного отпускали.

– Забавно, – вслух размышлял Джастин. – Я никогда никому этого не рассказывал. Психолог приемной комиссии спросила меня об отце, и я сказал, что у нас ужасные отношения, но уточнять не стал. Я никогда никому не говорил, за что его ненавижу.

Тед не знал, что ответить. Признание друга его взволновало.

– Он долго не мог понять, почему я стал от него отдаляться, – продолжал Джастин. – Да и сейчас не понимает, просто смирился. Иногда пытается наладить со мной отношения, но каждый раз заводит разговор о женщинах. Думает меня этим к себе расположить. Слушать противно. В прошлом году я привел домой свою девушку. В первый раз. Ее зовут Лила, я тебе о ней рассказывал. – Он показал на фотографию на стене. – Лила, она не особенно... яркая. Дело в том, что...

Вдруг Джастин встал и схватился за голову руками.

– Господи, что я несусь? Ты подумаешь, что я...

Тед сжал плечо друга.

– Не переживай. Я тоже когда-нибудь расскажу тебе о своем отце, –

сказал Тед, хотя пока не собирался выворачивать перед Джастином душу. – Еще посмотрим, кто из двоих победит в борьбе за звание придурка. Так что там с Лилой?

Джастин помолчал.

– Когда Лила ушла, – произнес он наконец, – отец сказал, что я мог бы найти себе кого-нибудь и получше. Подмигнул и усмехнулся. Представляешь? С Лилой меня познакомил один приятель, и знаешь, о чем я в первую очередь подумал? Что про нее скажет мой отец. Я угадал точно, до слова. До такой степени изучил этого сукина сына.

– Возможно, поэтому ты ее и выбрал.

– Не исключено. Вообще-то у нас мало общего.

Джастин засмеялся.

– В последнее время между нами появилась какая-то холодность. Из-за разлуки, что ли... – Он вдруг осекся. – погоди, разве ты не должен сейчас оципывать на шестом этаже придурков?

Тед пожал плечами.

– Сегодня дам им передохнуть, – ответил он. – Вчера собрал хороший урожай. Пойдем выпьем пива. Я угощаю.

– Пошли!

Тед натянул кожаную куртку и шапку с ушами. Они с Джестином покинули 503-ю комнату Коробки. Тед боялся ошибиться, но у него возникло предчувствие, что он только что обзавелся другом.

Первым в жизни настоящим другом.

1994

Суровая зима 1994 года стала в жизни Джастина Линча переломной. Он порвал с Лилой, коротко объяснившись с ней по телефону; одновременно успеваемость его резко пошла на спад. Первое не было причиной второго, точнее говоря, причина у того и другого была одна. К Джастину пришло осознание, что он поступил в университет с единственной целью – не стать гребаным электриком, как отец. Он бросал ему вызов. История с Лилой объяснялась еще проще. Он выбрал девушку, которую его отец, завзятый казанова, никогда не пожелал бы ни себе, ни сыну. Отец, как черная дыра, втягивал Джастина в бездну. И не важно, делал он что-то в угоду отцу или назло, свет все равно сходился клином на отце.

Джастин начал задаваться вопросом – по его собственному мнению, слишком поздно, – чего он сам хочет от жизни. Так ли он мечтал изучать английскую литературу? Литература давала ему слабую иллюзию освобождения, возможность приобщиться к прекрасному и забыть о мрачной действительности. Но готов ли он был следовать жесткому учебному плану, а главное, сдавать – о ужас! – экзамены? Проще всего было пустить все на самотек и, наблюдая, как корабль его надежд тихо идет ко дну, углубиться в чтение Кафки, Мелвилла, Борхеса, Лавкрафта. Особенно его влекла поэзия Сильвии Плат, прожившей большую часть своей короткой жизни в депрессии и кончившей самоубийством в тридцать лет, он на ней буквально помешался. Едва ли это было подходящее чтение для человека, которого неудержимо тянет все ближе к краю пропасти.

Все это происходило на глазах Теда, и он был единственным, кто пытался хоть как-то помочь Джастину. Начиная с самых незначительных мелочей: он заставлял его бриться и принимать душ, чуть ли не за ручку водил на лекции и давал советы. Особого успеха это не имело.

Джастин вел дневник, куда бисерным почерком записывал свои мысли, наброски стихов и размышления, полные беспросветного отчаяния. Тетрадку эту он повсюду таскал с собой. По ночам он подолгу бродил по кампусу, пока, сраженный усталостью, не засыпал где придется. Полицейские, охранявшие кампус, гоняли его. Иногда Тед, под утро возвращаясь с шестого этажа, находил комнату пустой – сосед где-то шлялся.

В одну из таких ночей Тед, у которого слипались глаза, рухнул на кровать, но уснуть не мог. Он считал себя взрослым человеком, но не помнил, чтобы хоть раз сделал что-то важное для другого человека. А сейчас решился. Надо встряхнуть Джастина, помочь ему вырваться из этой порочной спирали. Тед встал и быстро оделся. Он представлял себе, какими маршрутами обычно бродит сосед, и примерно через час обнаружил его на заброшенной скамейке за библиотекой. Было так темно, что, если бы не огонек сигареты, Тед прошел бы мимо.

Он сел рядом и молча сжал другу плечо.

– Выходит, я веду себя предсказуемо, – сказал Джастин. Из рта у него вылетело белое облачко. На улице похолодало как перед снегопадом.

Той ночью Тед впервые заговорил о своем отце. Без подробностей. Он выдал минимум информации: ровно столько, чтобы Джастин понял, что и ему известно, каково это – иметь отца, которому плевать на семью. Он рассказал, как ездил к Миллеру учиться играть в шахматы, рассказал о двойной жизни отца. Джастин был потрясен. И не столько услышанным, сколько тем, что Тед ему открылся. До того жизнь Теда была для Линча загадкой.

– Я его тоже ненавижу, – сказал Тед. – Я не буду убеждать тебя, что жизнь – не дерьмо, потому что она дерьмо и есть. И виноваты в этом типы, подобные нашим отцам и тем хмырям, с которыми я каждый вечер сажусь играть в покер. Все из-за них. Я хорошо это чувствую. Эту пустоту.

Они оба долго молчали.

– Они виноваты, что существует эта черная дыра... – мрачным тоном повторил Тед. – Вопрос в том, что нам с этим делать...

– Я не знаю. Я устал врать матери. Думаю бросить университет.

– Вот это зря. Потому что тогда победа будет за ними. Понимаешь? Им ведь только того и надо, чтобы подтолкнуть тебя к яме с дерьмом. Сдаться проще всего. Но ты должен их переиграть. Лично я собираюсь окончить этот гребаный университет с лучшими результатами! Я женюсь, у меня будут дети, огромный дом, а может, еще и загородный, куда я буду уезжать на выходные... Я разбогатею!

Джастин усмехнулся:

– Мне бы твою уверенность, Тед Маккей.

– Смотри, Джастин, я могу запоминать наизусть эти чертовы учебники, и это мой плюс. У каждого есть свои сильные стороны. Ты должен использовать свои, находить способ кормить зверюгу, сосуществовать с ней.

– Послушать тебя, так это просто.

– Просто и есть! Поверь мне. Этот мрак... Он как мерзкий паразит, с которым тебе жить всю жизнь. Но нельзя позволить, чтобы он тебя сожрал.

Джастин затоптал окурок.

– Что там с девчонкой, про которую ты мне говорил? – спросил Тед. – Которая ходит с тобой на курс писательского мастерства?

– Дениз Гарретт.

– Да, она самая.

– Не знаю... Мы поговорили несколько раз. Но в последнее время я редко появляюсь на занятиях.

– Пригласи ее куда-нибудь. В кино, например. Может, что и выйдет.

Джастин кивнул.

– А теперь пошли, а то я сейчас уши отморожу, – сказал Тед. – Шапку забыл, черт ее побери!

Они пошли к своей Коробке, перебрасываясь шутками и толкаясь плечами, потому что руки были в карманах.

– Выходит, я умственно отсталый, – фыркнул Джастин. – Ладно еще, что мордой ничего.

– Точно. Я уж боялся, до тебя никогда не дойдет.

– Хрен ты после этого.

– О тебе же пекусь, зараза.

1994

К весне положение стало потихоньку выправляться. Джастин больше не пропускал лекции и заставлял себя хотя бы пару часов в день просиживать над книгами. Он опять устроился на два дня в неделю в библиотеку. Дениз Гарретт он пока никуда не приглашал, но собирался вот-вот это сделать. Тед начал встречаться с девушкой из своей группы, чем подавал Джастину пример. Правда, у него создалось впечатление, что Дениз не вполне свободна: она вроде бы намекала, что в родном городе у нее остался парень. Вообще, она вела себя странно, особенно на занятиях, которые они посещали вместе. Казалось, присутствие Джастина ее напрягает. Тед твердил ему, что беспокоиться не о чем: список девушек, готовых броситься ему на шею, неисчерпаем.

Но Джастин чувствовал, что не пришел в норму окончательно. Он продолжал читать Сильвию Плат и заполнять в тетради все новые листы апокалиптическими мыслями. Он по-прежнему бродил в одиночку по ночам, хотя теперь знал, что может с этим жить. В конце концов, возможно, Тед был прав. Что он сказал ему той ночью в парке? Надо стать сильнее внешней тьмы, и тогда все будет хорошо. Да, он был прав! Конечно же! Тед, черт возьми, гений.

Девятого апреля того года кампус Массачусетского университета и весь остальной мир всколыхнула ужасная новость.

Тед был в столовой. В тот день ему выпало мыть посуду, чего он, разумеется, терпеть не мог. Хорошо хоть, что можно было заниматься этим в наушниках, засунув в карман новенький блестящий плеер. Он трудился уже целый час, не слыша, о чем болтают товарищи, с которыми он вообще мало общался. В какой-то момент в углу огромной кухни образовалась взволнованная толпа, но Тед не обратил на нее ни малейшего внимания. Если начальству надо сообщить им что-то важное, Теда позовут. Он подпевал группе *Soundgarden*, когда рядом возник встревоженный Джастин и схватил его за плечо. До этого Джастин никогда не приходил к нему на работу. Тед снял наушники и перестал тереть стакан. Джастин сообщил новость, которая уже разносилась повсюду... *Подтвержденную* новость.

Курт Кобейн пустил себе пулю в лоб в своем доме в Сиэтле.

Как и следовало ожидать, о причинах гибели говорили разное, но преобладала версия самоубийства. Позднее стало известно, что Курт

сбежал из клиники, где должен был проходить курс детоксикации. Несколько дней его не могли найти, и именно в это время он принял роковое решение. После его смерти обнаружилось прощальное письмо, которое произвело на однокашников Теда, особенно на Джастина Линча, сильнейшее впечатление. Весной 1994 года на всех этажах Коробки голос Курта слышался чаще, чем чей-либо еще.

Через неделю после трагического известия Тед пошел в кино с Джорджией Маккензи, с которой начал встречаться пару недель назад. Джорджия была красивая и раскованная, училась средне, Теда как следует не понимала и, возможно, именно поэтому влюбилась в него. Она не требовала, чтобы жизнь бойфренда вращалась исключительно вокруг ее особы. Они встречались на пару часов в выходные, успевая, кроме всего прочего, поскрипеть койкой, и иногда виделись разок на неделе, деля время между поцелуями и зубрежкой.

В ту субботу Тед проводил ее до дверей общежития, поцеловал с обычной отчаянной жадностью и стал напрашиваться в гости. После слабого и неискреннего сопротивления она уступила. Ей нравилось рисковать, нарушая правила, и она была не против тайком провести в свою комнату парня. Визит был недолгим, но Теда вполне удовлетворил. Он попрощался и отправился к себе.

Едва он вошел в свою комнату, как по всему его телу пробежал холодок. Творилось что-то неладное. Свет в ванной горел, дверь была нараспашку... Но главное – на кровати Джастина лежал его дневник. Теду представился Курт на полу в луже крови... Он бросился к кровати. Тетрадь была раскрыта на двух густо исписанных страницах. На предсмертную записку не похоже, подумал Тед: писавший ни к кому не обращался. Его взгляд упал на слово «Бодда», и Тед содрогнулся. Бодде – воображаемому другу – адресовал свою записку Кобейн. За долю секунды в голове Теда пронеслась тысяча мыслей. Джастин, конечно, в депрессии, но самоубийство?

В ванной никого не было. Но почему Джастин оставил зажженным свет?

Забыл. Не в первый раз.

А дневник?

А Бодда?!

Прежде чем отправляться на поиски Джастина, надо было прочитать текст. Тед вернулся к кровати товарища и наклонился над ней, упираясь ладонями справа и слева от тетради, словно не желал к ней прикасаться. Один раз ему все же пришлось дотронуться до тетради, чтобы перевернуть

страницу и дочитать до конца. Текст был достаточно длинный, но Теду понадобилось всего секунд двадцать.

Это была не посмертная записка, а скорее неоконченный рассказ. Но сюжет... Герой собирается покончить с собой, но ровно в тот момент, когда он кладет палец на спусковой крючок, в дверях у него появляется незнакомец. Его зовут Бодда, и он пришел с предложением. Слова его звучат убедительно, к тому же он знает о намерениях главного героя, чье имя не упоминается. Он говорит, что знаком с другими людьми, озабоченными той же проблемой, и если они начнут сотрудничать друг с другом, то не только помогут родным пережить боль утраты, но и сделают мир лучше. В прямоугольнике наверху страницы Тед прочитал название «Лучший мир». Письмо было торопливым и небрежным, со множеством вставок и зачеркиваний. Рассказ обрывался на том, что Бодда внушал герою, что тот должен убить некоего злодея.

Тед задумался. Возможно, это был просто рассказ – кстати, хорошо написанный, – над которым Джастин работал под впечатлением от недавних событий. Но это могло быть и послание, смысл которого от Теда пока ускользал. Он сломя голову выбежал в коридор, где столкнулся с Ирвингом Проссером, здоровенным немногословным детиной из соседней комнаты. Тед спросил, не видел ли Ирвинг Джастина, тот невозмутимо почесал макушку и уставился в потолок, будто для ответа на этот простой вопрос нуждался в подзарядке.

– Видел ли я его в *последнее время*? – переспросил он.

– Именно так!

Если бы Тед не знал этого парня, то подумал бы, что тот над ним издевается, но Проссер был элементарно глуп.

– Дай подумать... Где-то час назад я видел, как он выходил из комнаты. Я шел в...

Тед не стал дослушивать. Он бросился вниз по лестнице, прыгая через ступеньку и по пути задавая встречным все тот же вопрос. Джастина знали все: вот как выгодно быть живым воплощением Джеймса Дина^[5]. Студент, как раз входивший в Коробку, сказал, что видел Джастина у библиотеки. Тед бросился туда бегом, сам поражаясь, что так тревожится о человеке, с которым знаком меньше года. Но тревогу он испытывал настоящую. Это было новое чувство, прежде ему неведомое.

Джастина он обнаружил на обычном месте, за библиотекой в парке. При дневном освещении, в окружении деревьев в первой весенней зелени, скамейка уже не казалась такой заброшенной и мрачной.

– Тед! – удивленно воскликнул Джастин, снимая наушники. – Ты что

здесь делаешь?

Тед сел рядом.

– Что случилось? – спросил Джастин.

– Ничего. – Тед решил не делиться с другом своими опасениями. Джастин, похоже, был в неплохом настроении. – Вечером думаю сходить на шестой этаж, и у меня к тебе по этому поводу вопрос.

– Я весь внимание.

– Вчера вечером я сыграл несколько партий в покер с кретинами из Фи Сигма Каппа^[6]. Довольно враждебная среда, скажу я, но я их обул. В общем, сегодня у них в братстве вечеринка, и они меня пригласили.

Джастин посмотрел на Теда так, как будто тот внезапно испортил воздух.

– Ты? На вечеринке в братстве?

Тед рассмеялся.

– Я представления не имею, кто такие эти фисигмы, – сказал Джастин. – Ты им сказал, что ты с первого курса? А потом, за вход вроде надо выложить кучу зеленых?

– Ну, в каком-то смысле они уже за меня заплатили. – Тед выразительно постучал пальцами по карману, в котором лежали деньги. – Ты прав, я их презираю. Но будет спиртное, девочки, музыка... Мы посидим сколько захочется, выпьем и смоемся. Чем была бы студенческая жизнь без этих гребаных праздников?

– И то верно. А ты действительно только за этим пришел? – Джастин помолчал и улыбнулся. – Прости мою черную неблагодарность, но ты, Маккей, прямо на глазах превращаешься в человека. Надо же: ты и забота о ближнем. Спасибо за приглашение, идея неплохая. Я сам собирался куда-нибудь двинуть...

Они замолчали. Из висевших на шее у Джастина наушников зазвучала знакомая до боли гитара *Nirvana*. Он сунул руку в карман и нажал на плеере кнопку «Стоп».

– Слушай, – сказал Тед, – ты оставил на кровати тетрадь...

Джастин вздрогнул, догадавшись о продолжении.

– Здорово написано, Джастин, – успокоил его Тед.

– О боже, вот позорище! Это же незаконченная работа.

– Просто отлично.

Джастин кивнул:

– Спасибо, Тед.

– Я серьезно.

– Раз тебе так понравилось, может, назовем главного героя твоим

именем, а? – Джастин подмигнул.

Наши дни

В субботу в девять часов утра от больницы «Лавендер Мемориэл» в направлении поселка Довер, что в штате Вермонт, отъехал пикап. За рулем сидел Ли Стиллуэлл, Лора – рядом с ним, а Тед один занимал весь кузов. Ли, вечно мрачный охранник, считавший дни до вожделенной пенсии, на этот раз пребывал в прекрасном расположении духа и даже разговорился. У него имелись на то веские основания: поездка считалась за три рабочих дня. К тому же ему нравилось водить машину, не говоря уж о том, что без ненавистного больничного халата доктор Хилл выглядела обворожительно.

Тед почти всю дорогу молчал. Он не рвался общаться через маленькое окошечко, отделявшее кузов от кабины, тем более что для этого надо было наклоняться и натягивать цепь, которой он был прикован к железному полу. Поездка тянулась для него целую вечность: со своей неудобной лавки, приваренной к одной из стенок кузова, он не мог даже любоваться пейзажем. Он решил, что самое лучшее – думать о том, что ждет его по приезду. Охранник полностью завладел разговором. Лора несколько раз оборачивалась и смотрела на Теда сквозь решетку со смесью досады и беспомощности. Против стандартных мер безопасности она была бессильна и каждый раз, встречаясь с Тедом глазами, казалось, хотела напомнить ему об этом.

Они мчались с ветерком по шоссе 202, пересекая штат с востока на запад. Просторная дорога, вдоль которой по обеим сторонам протянулась живописная лесополоса, располагала к созерцанию и размышлению. На сотрудников «Лавендера», привыкших к железным дверям, решеткам и камерам наблюдения, бескрайнее синее небо и яркий пейзаж действовали оглушающе. Ли Стиллуэлл пребывал в эйфории. Глядя на дорогу, он признался, что всю жизнь мечтал поселиться в уютном домике в каком-нибудь тихом красивом месте вроде этого. Сейчас, накануне пенсии, они с женой начали понимать, что им никогда не осуществить свою мечту, и это несказанно его печалило. За последние тридцать лет он почти ничего не скопил: если и удавалось отложить хоть немного денег, всегда находилось, на что их потратить.

– Всю жизнь верил, что смогу, – сказал он, крепче сжимая руль, – а теперь вижу, что зря верил.

Он замолчал. От его приподнятого настроения не осталось и следа – он едва сдерживал слезы за зеркальными стеклами очков.

– Когда ты старик, все это уже не важно.

– Ли, ты не старик.

Он кивнул.

– Я достаточно стар, чтобы понимать, что моя мечта не сбудется, но не так стар, чтобы о ней забыть.

Они ехали уже час, когда Тед впервые подал голос:

– У меня тоже была мечта: о доме, куда можно ездить на выходные. У меня он есть – и что с того? Я сижу на цепи, потому что в один прекрасный день мне вдруг втемяшилось продырявить себе башку.

Ли ничего ему не ответил.

– Ты жену любишь? – спросил Тед.

Ли, похоже, не очень жаждал беседовать с Тедом, а может, просто думал о том, что не оправдал надежд своей супруги Марты.

– Да, – наконец ответил он. И это была чистая правда.

– Тогда у тебя есть все.

Тед устался на носки своих ботинок, опустив голову на руки и уперев локти в колени. Одна из цепей висела прямо перед его лицом, тихо позвякивая от движения машины. Другая змеей свернулась у его ног. Больше он не сказал ни слова.

В начале двенадцатого свернули на девяносто первую магистраль.

– Хорошо хоть у меня есть столярная мастерская на заднем дворе, – не желал окончательно сдаваться Ли.

– Я видела стул, который ты подарил главврачу, – сказала Лора. – Очень красивый.

– Спасибо. Столярничать мне нравится. Думаю, как уйду на пенсию, больше буду этим заниматься. Уже недолго осталось.

Ли стал рассказывать про свою мастерскую; в работе с деревом он находил удовлетворение, которого не получал в клинике. Он извинился перед Лорой и добавил, что коллектив «Лавендера» тут ни при чем. Он сам выбрал неподходящую работу и вовремя ее не бросил. Поступил он в клинику случайно, думая подзаработать, пока не найдет что-нибудь получше. Но шли месяцы, годы, десятилетия... «А уйти все труднее, – оправдывался он. – И вдруг понимаешь, что скоро на пенсию, а ты так ничего в своей жизни и не изменил».

Лора слушала его с интересом и сочувствием. Она прекрасно понимала, что должен чувствовать человек, у которого жизнь утекла как вода сквозь пальцы. Ей-то работа нравилась, и уж она никогда не сказала

бы, что зря теряет в «Лавендере» время, но настроения Ли были ей близки. Примерно те же мысли одолевали ее после развода, когда по какой-то причине она решила, что личная жизнь для нее кончена. Глупо так думать, когда тебе всего тридцать пять, но... Хорошо, что теперь она так не считает. Время лечит и помогает открыть сердце новым переживаниям... Лора вспомнила о Маркусе, о предстоящем свидании.

Навигатор вел их по последнему извилистому участку пути. Инструкции Теда Ли слушать отказался. Они свернули с шоссе на грунтовую дорогу, где почти не было машин. Еще три километра – и перед ними возник дом у озера. Ли заглушил мотор, и наступила гнетущая тишина. Из машины никто не выходил. Ли словно остолбенел, впившись взглядом в роскошный особняк: этот дом был в десятки раз роскошнее всего, что могла ему нарисовать самая смелая фантазия.

Наконец охранник выбрался наружу. Формы на нем не было: он оделся в джинсы и куртку, под которой висела кобура с береттой, на поясе – электрошокер «Газер». Он открыл двойную бронированную дверь и отомкнул замок, выпуская Теда.

– Имей в виду, – предупредил Ли, – хоть я и не в восторге от своей работы, но делаю ее хорошо. Не подходи к доктору Хилл ближе чем на два метра. Если чего надо, спрашивай у меня. Я пойду сзади и глаз с тебя не спущу. Электрошокер мне пришлось применять всего пару раз в жизни, а стрелять в человека – ни разу, но не сомневайся: я каждую неделю тренируюсь и могу с десяти метров пробить пулей эту цепь. Никакой самодеятельности. Договорились?

Тед кивнул.

– Все будет в порядке, – пообещал он.

Тут и Лора вышла из машины.

Тед сделал несколько шагов. Цепь на ногах позволяла двигаться довольно свободно: бежать он не мог, но идти – вполне. При виде дома его охватило странное ощущение. Дом выглядел не таким, каким он его помнил, более заброшенным. Понятно, что Холли с девочками за все это время ни разу сюда не приезжали. Разумеется, не было ни следа «ламборгини» со съёмным верхом.

– Холли одолжила мне ключи, – сказала Лора, звеня связкой. – Думаю, надо осмотреть дом внутри, как тебе кажется?

Тед не ответил. Он оглядывался кругом с любопытством ребенка. Деревья, земля, усыпанная сосновыми иглами, колеблемая ветром гладь озера. Здесь даже воздух пах по-другому. Тед глубоко вдохнул раз и другой, с ощущением, что кислород способен вылечить его, принести утерянные

воспоминания, повернуть время вспять.

Издали он увидел розовый замок у самого леса и не мог оторвать от него взгляд.

Ответы.

– Пошли, Тед. Я хочу, чтобы сначала мы осмотрели дом изнутри.

Он кивнул и зашагал к двери. Ли последовал за ним.

Тед вошел, с опаской ступая по индийскому ковру. По тому самому ковру, на который, судя по воспоминаниям, упал сраженный его пулей Уэнделл. Воспоминание было очень ярким, однако, если он пытался сосредоточиться на лице Уэнделла, его черты расплывались. Тед прошелся по первому этажу и остановился возле стены с фотографиями. Многие из них сделал он сам. Потом он дошел до арки, ведущей в кухню, осмотрел календарь и перелистал его, ища аквалангиста, исследующего коралловый риф. Ни на одной странице его не оказалось, одни пейзажи.

– Я ждал здесь, – сказал Тед. Лора внимательно следила за тем, как он листал календарь. – Сначала я его увидел через...

Тед осекся.

– Тут было окно, – сказал он, указывая на стену, возле которой стоял двухкамерный холодильник с висящей над ним полкой. – Я подглядывал за Уэнделлом через это окно, пока он был на озере.

Лора заметила растерянность Теда. Похоже, часть его сознания еще пыталась ухватиться за гипотезу, что все, что он помнит, было на самом деле. Что Уэнделл – не создание его собственной фантазии.

– Пошли наверх, Тед. Хочу тебе кое-что показать.

Он кивнул.

Они вернулись в гостиную и пошли к лестнице.

В отличие от первого этажа с окнами во всю стену, через которые проникал дневной свет, верхний этаж был погружен в темноту. Ли нажал на кнопку выключателя – никакого толку.

– Погодите, доктор Хилл, – крикнул он сверху. – Тут свет не горит. Я открою окно.

Тед стоял на середине лестницы. Лора на нее еще не ступила.

– Что ты хочешь показать мне, Лора?

Она не ответила.

Через секунду охранник крикнул им, чтобы поднимались. Коридор показался Теду совершенно незнакомым. Пройдя несколько метров, он остановился у окна, которое только что открыл Ли. Оттуда очень хорошо был виден розовый замок. Если бы замок стоял на несколько метров дальше, его скрывала бы листва. А так из окна можно было прекрасно

приглядывать за девочками. Интересно, сколько раз он стоял здесь, возле этого окна, чтобы убедиться, что с ними все в порядке.

– Открой эту дверь, – сказала Лора, поднявшись по лестнице.

Тед обернулся. Действительно, напротив окна была закрытая дверь. Он открыл ее.

Увиденное удивило Теда, но еще больше огорчило: вот еще одно доказательство ненадежности его воспоминаний.

Перед ним был его кабинет. Письменный стол, книжный стеллаж, картина Моне, за которой спрятан сейф. Он узнавал в этой комнате каждый предмет и не решался войти.

Из-за спины послышался голос Лоры:

– Холли сказала мне, что в вашем городском доме нет кабинета.

Тед разглядывал комнату целую минуту, а то и дольше.

– Здесь я и собирался это сделать, Лора. Сидя за столом.

– Войти хочешь?

– Думаешь, поможет?

– Не знаю. Делай то, что подсказывает интуиция.

Тед не захотел входить в кабинет.

– Мне бы увидеть тропинку за замком.

– Прекрасно. Идем.

Они вернулись на первый этаж, под неусыпным присмотром Ли обошли дом и молча направились к розовому замку, земля вокруг которого была усыпана сухими листьями.

За замком действительно начиналась тропинка, уходящая в чащу.

– Вот она, – торжественно объявил Тед. Его взгляд стал тверже. Казалось, он бросает вызов этой узкой дорожке.

– Идем же, – сказала Лора. Судя по голосу, она сгорала от нетерпения.

1994

Чтобы попасть на вечеринку, им пришлось больше километра идти мимо незнакомых строений. Хорошо, что Тед держал в голове всю карту огромного кампуса и безошибочно ориентировался на местности. Он вывел их на извилистую пешеходную дорожку, уверяя, что это кратчайший путь, и не ошибся. Вскоре до них донеслись звуки музыки, подтверждая, что они не заблудились. И правда, через пару минут они уткнулись в деревянный забор позади нужного здания.

Часы показывали почти одиннадцать, и вечеринка была в самом разгаре. Три греческие буквы на фасаде были в честь торжественного случая подобающим образом подсвечены. На пороге Теда с Джастинем весьма не приветливо встретили два крупных старшекурсника. Тед обратился к одному из них – второй на них даже не глянул – и назвал свое имя и имя друга. На парковке напротив входа остановилась машина, и из нее выскочили три девчонки. Небрежно кивнув стоящим на пороге парням, они, не переставая болтать и хихикать, впорхнули внутрь. Тед посмотрел на свою куртку, потом на Джастина – тот был в длинном габардиновом пальто, слишком теплом для весенней ночи, – мысленно сравнил с девушками в мини-юбках себя и приятеля и понял, что им здесь не место. Парень нашел в списке их фамилии и кивнул второму: дескать, пропусти. Тот потребовал, чтобы гости предъявили документы. Джастин вытащил из бумажника удостоверение.

– Да не ты, – сказал тот, даже не взглянув. – Твой дружок.

Теда охватило сильное искушение развернуться и уйти прочь. Джастин последовал бы его примеру. Исходя из дальнейшего развития событий, это было бы самым правильным решением в их жизни.

Но они не ушли.

Большая часть приглашенных находилась в помещении, хотя, судя по крикам, доносившимся из сада, кое-кто предпочел выпивать на свежем воздухе. Монотонная пульсирующая музыка не вызывала желания приближаться к ее источнику, но Джастин и Тед, быстро миновав двор, все же заглянули на танцпол. Довольно многочисленная группа парней и девчонок скакала и дрыгала конечностями – назвать это танцами было бы слишком смело, – остальные толпились вокруг с красными пластиковыми стаканчиками в руках. На возвышении бесновался диджей; в зале стояли

столы с огромным количеством выпивки. Тед насчитал пять ящичков с банками пива «Кейстоун», засыпанных льдом. Было жарко, и они бросили куда-то куртку и пальто, не понимая, что делать дальше. С первого курса почти никого не было.

В толпе вокруг стола Тед разглядел Дэна Норриса, который и пригласил его на вечеринку, а сейчас пил текилу с товарищами по братству. К счастью, тот не заметил Теда, и они с Джастином, взяв по банке пива, через боковую дверь вышли на террасу, где было поспокойнее. Одна парочка целовалась взасос в углу, другая в гамаке. Эта часть сада освещалась всего одним слабым фонарем.

В углу террасы стоял ящик со льдом и пивом, куда они и направились. Усевшись на перила, можно было сквозь раскрытое окно увидеть, что творится в доме. Допив пиво, они взяли по второй банке. Потом по третьей. Ни тот ни другой не привыкли много пить, и их повело.

– Надо было сначала перекусить, – заметил Тед.

Джастин был того же мнения.

– Как у тебя дела с Дениз из семинара писательского мастерства?

Тед спрыгнул с перил, но по пути к ящику с пивом потерял равновесие. Он раскинул руки, как серфер на доске, и, когда терраса перестала вращаться, все же добрался до пива, взял две банки и кинул одну Джастину, который ее, естественно, не поймал. Банка стукнула его в грудь и упала на пол. Это вызвало у друзей такой приступ хохота, что они целую минуту держались за животы и стонали от боли.

Тед поднял упавшую банку и отдал ее Джастину. Тот открыл банку, и желтая струя ударила ему прямо в лицо. По этому поводу с ними случился еще один смеховой припадок.

– Ну так что? – Тед снова уселся на перила, стараясь не вывалиться наружу спиной вперед.

– С Дениз ничего не выйдет. К счастью, – сказал Джастин. – Она занята.

– Вроде она тебе говорила, что у нее нет бойфренда.

– А теперь есть. Какой-то спесивый хрен, возомнивший себя будущим Майклом Джорданом. Она мне сама о нем рассказала. Но я только рад, что не связался с ней.

Внезапно лицо Джастина как будто омрачилось. Он собирался спросить друга о его девушке, о Джорджии... В конце концов, этого требовали правила хорошего тона, так ведь? Но Джастин боялся выболтать то, что узнал пару недель назад, одновременно терзаясь угрызениями совести за то, что скрывает от друга правду. С другой стороны, Тед со

своим умом мог догадаться, что не все ладно. Не то чтобы они только и делали, что болтали о подружках, но внезапная потеря Джастинном интереса к этой теме выглядела бы подозрительно.

Джастин не бросил привычки бродить по ночам, и ему было известно, что происходит в кампусе, когда одно за другим начинают гаснуть окна. Невольный соглядатай, он подсматривал за донжуанами, убегающими через черный ход в уверенности, что остались незамеченными. Он видел парочки, искавшие уединения в кустах или просто гулявшие, взявшись за руки. Джастин не стремился лезть в чужие дела, но эти ритуалы были частью ночной жизни, как уханье сов и возня енотов.

Однажды, сидя в парке позади библиотеки, он обнаружил, что Джорджия Маккензи встречается с другим парнем. Она ждала его на углу, почти в полной темноте, так что Джастин не сразу ее узнал. Парень опоздал. На нем была куртка с эмблемой университета и бейсболка с козырьком, закрывающая лицо. В первый раз Джастин даже не понял, что это была Джорджия, но та же сцена повторилась через два или три дня, когда опоздала уже она. Дальнейшее происходило одинаково: долгий поцелуй, короткая беседа и расставание. Свидания длились не более десяти минут и не отличались особой страстностью.

После того как Джастин засек их в третий раз, он твердо решил проследить за парнем, выяснить, кто это, и рассказать Теду. Он не слишком расстроился из-за друга: похоже, тот не так уж был привязан к девчонке. Судя по всему, и Джорджия гораздо больше дорожила этим таинственным субъектом. Джастин пошел за ним, держась на почтительном расстоянии. Тот обогнул библиотеку и зашагал по тропинке, ведущей к парковке у главного здания. По пути парень сделал первую странную вещь: снял куртку, свернул ее и сунул в сумку, висевшую у него на плече. Туда же отправилась и бейсболка, в результате чего обнажилась реденькая шевелюра, воспринятая Джастинном как явственный сигнал. Сигнал получил подтверждение, когда мужчина – а при свете стало очевидно, что он далеко не ровесник Джорджии, хотя его физической форме можно было позавидовать, – вышел на стоянку для преподавательского состава, сел в машину и уехал.

Джастин его узнал. Это был Томас Тайлер, его преподаватель писательского мастерства.

После того печального открытия прошло уже недели четыре. Джастин еще несколько раз видел эту парочку и чувствовал, что между ними происходит что-то серьезное. Иначе зачем так рисковать? Он ждал, что Тед вот-вот сообщит ему, что они с Джорджией расстались. Джастин молча

кивнет, и на этом все закончится. Почему он до сих пор молчит? Джастин понимал, что не сможет долго таиться от друга. Да и зачем? И почему Джорджия ничего не сказала Теду?

И вот Тед смотрел на него с комической пьяной пронизательностью. К счастью, его отвлекли женские крики из окна напротив. Обернувшись, они увидели двух девчонок, которые громко приветствовали их, подняв стаканы. Друзья растерялись: девчонки были незнакомые, но через минуту те уже вышли из задней двери, направляясь напрямиком к ним. Одна тащила за руку другую. Первая была маленького роста, зато с незаурядных размеров сиськами, которые на ходу призывно колыхались из стороны в сторону. Яркая, коротко стриженная, она широко улыбалась, сжимая в свободной руке гигантских размеров стакан.

– Привет, ребята!

Вторая тоже была недурна собой, но, похоже, не такая развязная, как подруга, потому что, видя, как та набросилась на незнакомцев, покраснела как помидор. Она была на голову выше, стройная, в футболке со скромным вырезом.

– Я Тесса. А это Мэри... Моя сестра. Двоюродная.

Тед и Джастин представились и пожали им руки.

Тесса подошла к Джастину, который все еще сидел на перилах, и положила ладонь ему на колено.

– Первокурсники?

– Да.

– Потрясающе! Мэри тоже.

Мэри в подтверждение кивнула, но так и не подала голоса.

– Слушай, Джастин, – сказала Тесса, несколько не смущаясь, – я тут говорила сестре, что ты просто очаровашка. Правда, Мэри? – Тесса скользнула вперед, вплотную прижалась к Джастину и принялась слегка тереться лобком о его промежность.

Мэри оставалась от Теда на почтительном расстоянии.

– Вот дерьмо! – воскликнула Тесса, поднеся к губам стакан и убедившись, что он пуст. Она смяла его и выбросила в сад. В два прыжка оказалась возле пива, взяла две банки и одну протянула Джастину.

Это пятая...

– Тесса, ты уверена... – наконец подала голос Мэри.

– Конечно! Не волнуйся, сестренка знает, что делает.

Они еще долго пили, говорили про учебу и вспоминали родные города. Ни слова о бойфрендах и подружках. Тесса то и дело – раз двести, не меньше, – бегала за пивом и раздавала всем по очередной банке. Вдруг она

схватила Джастина за руку и сдернула с перил так резко, что он едва не грохнулся. Терраса угрожающе закачалась под ним, словно палуба корабля в открытом море. Джастин почти машинально глотнул из своей банки, ничего не почувствовал и сделал еще один глоток, более долгий. Тесса волокла его к лестнице в сад. Сколько там было ступеней? Три? Четыре? Восемьдесят? Джастин попытался поставить ногу на ступеньку, но та коварно ушла вниз, и он чуть не упал. Тесса подхватила его под локоть, прижавшись грудью к ребрам; Джастина, хоть и пьяного в стельку, окутало блаженство.

Они шли вглубь сада, удаляясь от фонаря.

– Куда ты меня тащишь? – спросил он. Ему и вправду казалось, что его, не спросив, ведут куда-то, хотя в его «командире» росту было всего пять футов с небольшим.

Тесса засмеялась, не выпуская его руки.

– Не бойся, насиловать не буду, – ухмыльнулась она.

Они отошли метров на двадцать. Грохот музыки стих, приглушенный деревьями, и перешел в пульсирующее завывание. Они пробрались за кусты, и Тесса сунула Джастину в руки свою банку с пивом. Он покорно принял ее. Они остановились перед довольно заметным склоном. Тесса раздвинула ноги и высоко задрала юбку. Совершенно не стесняясь, она спустила трусы, присела, и в землю ударила толстая струя мочи.

– Очередь в туалет аж до первого этажа, – сказала Тесса и с блаженным стоном выдохнула.

Джастину тоже срочно надо было помочиться, но тут мощная эрекция резко поменяла приоритеты его *дружка*. Раскованное поведение Тессы заставило его гормоны забить фонтаном. Когда струя мочи иссякла, Тесса несколько раз трянула задницей, отчего Джастин окончательно очумел.

Тесса одернула юбку и плюхнулась на ковер из сосновых иголок. Моча, металлически поблескивая, извилистым ручьем стекала вниз по склону. Тесса опять протяжно застонала. Джастин сел рядом с ней и протянул ей банку с пивом, прекрасно понимая, что сейчас воспоследует.

– Можно я позволю себе замечание нездорового характера? – спросил он.

– Ммм... Нездорового? – тут же заинтересовалась она. – Валяй.

– Это было очень сексуально.

Тесса рассмеялась. Теперь, когда они сидели рядом, их лица были совсем близко.

– Чего тут нездорового, балда? Вот если бы мы прямо там... – она указала на дымящийся ручей, быстро впитываемый землей. – Тогда да, а

так...

Джастин лишился дара речи. Лилу одна мысль о том, чтобы мочиться при нем, привела бы в ужас.

– А ты и правда красавчик, – сказала Тесса, глядя его по щеке. Она выпила больше всех, но, как ни странно, не производила впечатления пьяной.

Джастин ощутил кисловатый запах ее пальцев и возбуждился пуще прежнего. Сосновые иголки, неровная поверхность – от всего этого исходила какая-то первобытная сила, приводившая его в ранее неведомое состояние.

– Ты красивая, – сказал Джастин. И, не сумев сдержаться, сильно сжал одну из ее огромных сисек. Он растопырил пальцы, но не сумел обхватить ее полностью. Мозг его готов был взорваться.

1994

Тед вел приятную беседу с Мэри, которая, как выяснилось, посещала один общий с ним предмет и даже кое-что слышала о Теде. Она знала, что он учится лучше всех, и не понимала, что его занесло на эту вечеринку: саму ее двоюродная сестра затащила сюда чуть ли не силком. Тед отвечал почти на автомате. Он мысленно дал себе обещание, что банка пива, которую он держит в руке, будет на сегодня последней, и только изредка делал мелкие глотки. Мэри жаловалась, что еле-еле сдала последний экзамен на «удовлетворительно», и болтала о чем-то еще; несмотря на свою феноменальную память, Тед напрочь забыл о чем. Два или три раза их разговор прерывала Тесса; она выбиралась из зарослей за очередной порцией алкоголя и тут же убегала обратно, хохоча и трясая своим роскошным бюстом.

После полуночи народу на вечеринке прибавилось. У Теда шевельнулась мысль, что пора сматываться в родную Коробку, подальше от этого адского грохота, но ему не хотелось бросать Джастина одного.

– Моя кухня немножко отморозенная, – сказала Мэри чуть ли не извиняющимся тоном.

– Джастин сам в состоянии о себе позаботиться.

– О, ну конечно. Я не это имела в виду. – Мэри залилась краской. Бедняжка! По ее лицу можно было читать как по книге.

Теперь на террасе стало заметно многолюднее. Внезапно толпа расступилась, и вперед вышли два крепких парня – ни дать ни взять головорезы, явившиеся на разборку. Один из них был Дэн Норрис.

– Эй, Маккей! – заорал он.

Подойдя к Теду и не переставая ухмыляться, он похлопал его по плечу и вроде как быстро полуобнял, точнее, стукнул одновременно в грудь и в спину.

– Отлично, что пришел! – И, обратившись к приятелю, добавил: – Слышь, Тим, этот тип – гений покера.

На лице Тима, мускулистого бритоголового громилы, не отразилось ничего.

– Да, зашел вот потусоваться, – выдавил Тед. Он собирался поблагодарить Дэна за приглашение, но прикусил язык. Парочка явилась явно не с мирными намерениями, и Тед думал об одном: как бы от них

отвязаться, не утратив остатки достоинства.

Мэри побелела как мел. Дэн и Тим были с третьего курса. Что они пристали к Теду? На них уже начали оборачиваться...

– Честно, Тим, – орал Дэн, – ты бы видел! Я даже заподозрил, что он мухлюет!

– Иди ты! – изумился Тим.

– Ни разу не видел, чтобы кто-то выигрывал столько рук подряд. Этот хмырь ободрал меня на тридцать баксов!

Тед из последних сил держался, чтобы не удрать. Мэри чуть не плакала.

– В чем фокус, Маккей?

– Нет никакого фокуса. – Тед пожал плечами. – Просто практика.

Дэн расхохотался. Тим пару раз кивнул.

– Я скажу тебе, что мы сделаем, Маккей, – сказал Дэн. – Попозже мы пойдем наверх и сыграем. Ты как?

– Не знаю... Поздно уже.

– Поздно! Ладно тебе, чувак! Ты должен дать мне шанс отыграться.

Дэн опять обнял его своей могучей рукой, обдав винными парами. Однако сильно пьяным он не казался, по крайней мере, говорил вполне связно. Тед, в свою очередь, чудесным образом мгновенно протрезвел: туман в голове рассеялся и вернулась обычная острота мысли. Вот что страх животворящий делает, подумал он, внутренне усмехнувшись. Лучше с ними не спорить, решил он. Если его таки усадят за стол, надо уступить Дэну несколько рук. Или просто вернуть ему его тридцатник. И на будущее зарубить себе на носу: не стоит оципывать третьекурсников как цыплят.

– Ну конечно, Дэн, – сказал Тед.

– Заметано! – Дэн обрушил на его плечо удар, который, вероятно, должен был расцениваться как дружеский. – Скоро увидимся.

Прежде чем удалиться вслед за приятелем, Тим бросил на Теда грозный взгляд. В окно было видно, как они присоединились к компании, сгрудившейся вокруг стола с водкой. Выстроившись полукругом, они после каждого глотка издавали торжествующий вопль и стучали стаканами по столу. Не прошло и минуты, как Дэн осушил три стакана, и Тед сказал себе, что беспокоиться не о чем: если Дэн Норрис не сбавит темп, то скоро вырубится. И никакого покера этой ночью не будет.

– Эти типы, – прошептала Мэри, все еще полумертвая от страха, – похоже, слегка с приветом.

– Есть немного, – согласился Тед.

Через полчаса Теду удалось отделаться от Мэри. Джастин и Тесса

больше не появлялись, и Тед прикидывал, не смыться ли ему одному. Но Дэн с компанией маячили в центре зала, и незаметно прошмыгнуть мимо них не было никакой возможности. Тед понадеялся, что удерет, обойдя дом с другой стороны, но понял, что ничего не выйдет: прилегающая к зданию часть парка была обнесена высоким забором, а на деревянной калитке висел амбарный замок. Возле забора стояли и мочились несколько парней, и Тед без колебаний к ним присоединился. Пока струя билась о деревянную ограду, он думал, что если единственный путь на свободу лежит мимо Дэна и его друзей, то придется ждать, пока они не уберутся.

Ждал он долго и в конце концов поддался искушению хлебнуть еще пивка. Сел на ступеньку на террасе и в одиночестве высосал банку. Голова опять закружилась, но появилось приятное чувство легкости, и захотелось повторить. Он запустил в ящик руку, пошарил в ледяной воде, но не нащупал ни одной банки. Запасы пива кончились. Тед встал и, начисто забыв о Дэне, пошатываясь пошел в зал. Наверное, там еще осталась выпивка. Мысли в голове ворочались с трудом. Никогда прежде он не выпивал больше двух банок пива кряду, но сейчас горел желанием залить в себя как можно больше этой жидкости.

В зале яблоку негде было упасть, и каждый из присутствующих поставил себе целью налететь на Теда, повыше поднимая при этом стакан, чтобы не расплескать содержимое. Тед подошел к столику, за которым две девушки наливали себе какую-то зеленую жижу. Тед схватил пустой стакан и протянул им. Девушки рассмеялись, но одна все же плеснула ему с четверть стакана. Тед глотнул и скривил рот. Худшей дряни он в жизни не пил, ну да и черт с ним!

Он бродил туда-сюда по залу. Музыка отбойным молотком долбила по мозгам, и в миг просветления Тед спросил себя, что он здесь делает, почему не уходит и зачем пьет это мерзкое пойло... Но миг просветления миновал, и он снова приложился к зеленой бурде. К горлу подступил рвотный спазм, заставивший его согнуться в три погибели. Все, кто случайно оказался рядом, бросились врассыпную, но Теда не вырвало. Он медленно выпрямился и улыбнулся всем сразу и никому конкретно.

– Маккей!

Он обернулся. Голос, окликнувший его, перекрыл грохот музыки. Рядом стоял Дэн. За спиной у него маячили двое – Тим и еще какой-то субъект.

– Привет! – сказал Тед и попытался похлопать Дэна по плечу, но промахнулся. Его рука описала полукруг и опустилась на собственное колено. Он сделал еще одну попытку, но и на этот раз только задел майку

Дэна.

– Веселишься?

Тед кивнул.

– А что он такой серьезный? – спросил он, указывая на Тима.

– Слушай, Маккей. – Язык у Дэна ворочался чуть медленнее, чем обычно. Тед отвлекся на декольте танцующей рядом девицы. – Маккей... Эй, смотри на меня. Мы с парнями собираемся сыграть пару партий... И ты идешь с нами.

Теду идея показалась смешной до жути, и он начал хохотать как сумасшедший.

– Покер? – повторял он опять и опять, как будто рассказывал анекдот, состоящий из одного слова.

– Да, покер. За тобой должок. Идем наверх. – Дэн схватил Теда за один локоть, Тим – за другой, и они вдвоем поволокли его к лестнице. Тед не замечал их враждебности.

– Спасибо, ребята, но я, наверно, могу сам.

Однако сам он не мог. Еще двое присоединились к группе, так что их стало шестеро, включая Теда, и они с трудом проталкивались вверх по лестнице. Сколько же всего там было народу?

– Битком, как в вагоне в час пик, – сказал Тед, и никто, кроме него, не засмеялся над шуткой.

На втором этаже народу было поменьше, чем на первом, а на третьем и вовсе царили тишина и покой.

– За тобой должок, Маккей, – повторил Дэн. Сейчас он говорил четко и с расстановкой. Музыка, приглушенная расстоянием, превратилась в тихий утробный стон. Они добрались до конца коридора. Тим открыл дверь ключом, и Дэн втолкнул Теда внутрь. Остальные трое вошли следом.

Никакого стола для покера там не было.

От мощного толчка в бок Тед повалился на пол. И тут на него обрушился град ударов.

1994

Один сердобольный член братства отвез Теда в Коробку на своей машине. Тед фрагментами помнил, как его выводили из дома и запихивали в маленький красный автомобиль. О самой поездке он не помнил ничего. Очнулся он на своей кровати, одетый и с болью во всем теле.

Джастин решил уходить с вечеринки, когда подозрение, что его вот-вот вывернет прямо на Тессу, достигло в нем степени уверенности. Она взяла с него обещание, что скоро они снова увидятся. Джастин его дал и тут же в порыве пьяной откровенности признался, что ему никогда не было так классно с женщиной. Это была чистая правда. Он повсюду искал Теда, не подозревая, что в это самое время того утюжат пятеро членов славного братства Фи Сигма Каппа. Решив, что Тед уже ушел, Джастин пешком вернулся в Коробку. По дороге его вырвало, дома – еще раз. Соседа в комнате не было, но Джастин не слишком обеспокоился и лег спать.

Но когда он проснулся и увидел Теда на соседней койке, то встревожился не на шутку. Лицо друга представляло собой сплошной кровоподтек, руки и ноги были в запекшейся крови. Убедившись, что друг дышит, Джастин чуть успокоился.

К врачу Тед идти отказался. Три дня он провел взаперти, практически не вставая с постели. На четвертый день отек с лица почти сошел, и Тед начал выбираться, надев темные очки. Вскоре он и хромать перестал. Никто, кроме соседа по комнате (и, разумеется, пятерых отметеливших его трусливых подонков), так никогда и не узнал, что случилось той ночью на третьем этаже здания братства Фи Сигма Каппа.

1994

С того эпизода у Теда началась полоса неприятностей, которые лишь частично были его следствием. Он стал еще более угрюмым и замкнутым, что не могло не сказаться на его карточных успехах – в покер выигрывают харизматики и ловкие манипуляторы, – а также на отношениях с Джорджией. Они постепенно отдалялись друг от друга, не особенно горя по этому поводу. Джастин со свойственным ему тактом не лез к нему с вопросами, чувствуя, что лучше оставить друга в покое.

Худшее случилось дней через пять, когда Теду позвонила тетя Одри, сестра отца. Она была единственной из отцовской родни, с кем он изредка общался, хотя раньше она никогда не звонила ему в кампус. Услышав ее потерянный голос, он подумал, что с отцом беда, но, честно говоря, даже обрадовался: они не виделись уже лет пять, и Тед несколько от этого не страдал. Однако выяснилось, что Фрэнк Маккей не умер и не попал в аварию, а всего лишь воспылил желанием встретиться с сыном, для чего прибег к посредничеству Одри. За последние десять лет Фрэнк превратился в преуспевающего торговца зерноуборочной техникой и теперь бил себе в голову, что должен сблизиться с сыном.

Тед имел глупость ему позвонить.

Отец сказал, что приезжает в город на какое-то собрание и навестит Теда в кампусе. Тот, разумеется, отказался наотрез, взамен пообещав, что сам заедет к нему в мотель. От одной мысли, что отец явится в университет, Теда буквально выворачивало. Он решил увидеться с ним, чтобы раз и навсегда положить конец его жалким попыткам завоевать первенство в конкурсе «Отец года».

Тед припарковался возле скромного мотеля «Лоунли Пайн», но остался сидеть в машине. В окне номера 108 виднелся силуэт мужчины. Тед узнал отца. Тот ходил по комнате, раскладывая какие-то вещи. Тед вышел и постоял у окна, слушая птичий щебет: казалось, пернатые пытались предостеречь его от роковой ошибки. Дверь внезапно открылась.

– Тед! Сынок! Как я рад тебя видеть.

– Привет.

Отец здорово посидел с их последней встречи, но все же выглядел лет на десять моложе своего возраста: все те же резкие черты лица, такой же подтянутый и загорелый, как в те времена, когда работал уличным

торговцем. Тед взглянул ему в глаза, потому что еще подростком усвоил: что бы ни говорил этот человек, верить ему нельзя. Если хочешь узнать правду, попробуй прочитать ее в паре крохотных ярко-синих радужек. И сейчас они без слов сказали ему: *я умнее тебя*.

Фрэнк шагнул к сыну, намереваясь его обнять. Тед вытянул вперед руку и отступил на шаг:

– Не надо, папа.

Тот поднял ладони, уступая.

– Проходи, пожалуйста.

Долго задерживаться у отца Тед не собирался.

Комната была маленькая. Когда Тед наблюдал за отцом с улицы, тот распаковывал чемодан, который теперь лежал пустой на кровати. Под телевизором, подвешенным высоко на кронштейне, стоял столик с двумя стульями. Фрэнк присел и жестом предложил сыну присоединиться.

– Тед, нам надо поговорить.

И то верно.

Тед не сводил глаз с безобразной картины на стене. – Я не хочу, чтобы ты приезжал ко мне в кампус.

Никогда.

Фрэнк ответил не сразу:

– Если не хочешь, не буду.

– Отлично.

Снова повисло напряженное молчание.

Тед не стал спрашивать, о чем отец собирается с ним говорить: пусть сам проявляет инициативу.

– Что у тебя с лицом? Подрался в университете? Тед машинально поднес руку к щеке. Лицо у него полностью зажило, если не считать незаметного синяка на левой скуле. Он стал вспоминать, не проболтался ли тете Одри. Нет, точно нет.

– Я не дерусь, – сухо отрезал Тед.

– Тетя Одри говорит, у тебя отличные оценки.

Она показала мне фотографию Джорджии, твоей девушки...

Фрэнк замолчал, ожидая реакции Теда.

– Я твой отец... Естественно, мне хотелось бы... – Если ты будешь и дальше выпытывать у тетки, чем я занимаюсь, добьешься того, что я и с ней перестану разговаривать.

Фрэнк печально вздохнул.

– Что случилось, Тед? – спросил он, слегка наклонившись к сыну. Он протянул было к нему руку, но тут же ее отдернул. – Мы ведь были одной

командой, помнишь?

Тед помотал головой.

– Помнишь, как мы ездили на турниры по шах... – Прекрати. Нечего обсуждать прошлое. Мне давно все ясно. Я не о том, что ты изменял маме с той женщиной, потому что считаю, что тем самым оказал нам огромную услугу.

– Я как раз думаю, что о прошлом говорить надо. Иначе не на чем строить настоящее.

– Гениально. Это, случайно, не мудрое изречение с пакетика сахара? Нет у нас никакого настоящего, и нечего строить. Единственное, о чем нам надо договориться, так это о том, что с сегодняшнего дня мы с тобой перестаем видеться. Понятно?

Фрэнк опустил голову.

– Тебе надо проститься с прошлым, – сказал он, глядя в пол. – Ты взрослый, и я не буду давать тебе советов, но я знаю, что говорю.

– Не морочь мне голову. Ты имеешь в виду не прощание, а прощение. Ты хочешь, чтобы я простил тебя. За то, что ты бил меня и маму. За себя простить или за маму?

– Не говори так.

– Извини, но по-другому не получится. Но дело даже не в прощении. Дело в том, что у меня нет никакой охоты общаться с типом, который бил мою мать за то, что она рассыпала соль или сунула в холодильник ботинки потому, что из-за болезни не соображала, что делает.

– Ты прекрасно знаешь, что она делала не только это... – В голосе Фрэнка мольба смешивалась с яростью.

– Конечно. Она ведь была больна!

Фрэнк сжал губы, потом поднес руку ко рту и начал покусывать ноготь.

– Я попросил у тебя прощения. Большого я сделать не могу. Она была больна, а я... Я не знал, как с этим справиться. Справлялся плохо. Но это послужило мне уроком: я научился решать проблемы по-другому.

Тед покачал головой. Отец всегда ухитрялся встать в позу жертвы.

– Папа, меня не интересует, почему все так происходило. И понять тебя я не рвусь. Жить с мамой все эти годы пришлось мне. Я видел, как ей становилось все хуже, а ты сбегал. И если ты думаешь, что на нее никак не подействовал твой уход, знай, что это не так. Если ты думаешь, что ни в чем перед ней не виноват, то я тебя разочарую. Каждый твой удар и каждый упрек наносили ей непоправимый вред. Ты в ответе за это.

Фрэнк судорожно сглотнул.

– Ты, видимо, прав.

– Видимо.

В глазах Фрэнка мелькнул огонек надежды.

– Но мы с тобой... С тобой я пытался...

– Мне было семь лет, когда я в первый раз увидел, как ты ее бьешь! – взорвался Тед. – Знаешь что? Я никогда тебе этого не говорил, но сейчас скажу. – Он нацелил на отца указательный палец. – Когда ты нас бросил, я перестал спать. Боялся уснуть из-за кошмаров. Эти кошмары снятся мне до сих пор. Рассказать тебе, что мне снится?

– Тед, прошу тебя! Не думаю, что это полезно для...

– Полезно! Еще как полезно!

Фрэнк смотрел на сына холодным и злым взглядом, который был знаком Теду с детства. В глубине души Фрэнк Маккей не выносил, когда ему противоречили. Он мог на время обрядиться в овечью шкуру и молить о прощении, но ничто не бесило его больше, чем стремление других людей ему возражать.

– Мне снишься ты. Во сне ты сидишь вот так же, как сейчас, и спокойно себе покуливаешь. И велишь мне идти к твоему красному «мустангу». Помнишь его?

Что-то изменилось в лице Фрэнка.

– Конечно, я помню свой красный «мустанг».

– Я не хочу подходить к багажнику, потому что знаю, что там внутри. Но ты требуешь, чтобы я к нему подошел. Я подхожу, и он сам собой открывается. Там лежит мама со связанными руками и изуродованным лицом, по которому ползают насекомые.

– Тед... – пробормотал Фрэнк.

– Я смотрю и смотрю на труп, пока не проснусь. И слышу за спиной твой смех, потому что ты наслаждаешься этой сценой.

Тед говорил, не сводя с отца глаз. Он никогда и никому не рассказывал своих снов и даже помыслить не мог, что первым, перед кем он откроется, будет отец. Но теперь ему стало легче. У него как будто камень с души свалился. Подонок заслуживал того, чтобы узнать, как страдал его маленький сын.

– Этот сон часто повторяется, но иногда вместо мертвой мамы в багажнике лежит девчонка, которая мне нравится. Она вдруг оживает и хватает меня за руку. И смотрит на меня, как будто хочет что-то сказать, но не может. Остальное совпадает: красный «мустанг», ты куришь и смеешься. Всегда одно и то же.

Тед вскочил, отпихнул стул ногой и тихо выругался.

– Стоит мне посмотреть на любую женщину, я вспоминаю, что ты сотворил с мамой, – сказал он. – Теперь ты понимаешь, что в моей жизни ты лишний?

Фрэнк ничего не ответил. Он молча подошел к тумбочке, взял книгу, из которой торчала фотография, вынул ее и положил на стол. Знакомые черты и маленькие голубые глазки все объяснили Теду.

– Это твой брат, – сказал Фрэнк. От его жалостного тона не осталось и следа.

Тед поднял глаза и растерянно поглядел на отца. Потом снова стал изучать лицо симпатичного улыбающегося мальчика и не находил слов.

– Это твой брат, – повторил Фрэнк. – Его зовут Эдвард. Фамилия у него по матери, Блейн. Что бы ты обо мне ни думал... Я хочу, чтобы вы с ним познакомились. Для этого я тебя и позвал.

Тед так и не познакомился с Эдвардом Блейном. Годы спустя он узнал его на фотографии из газетной заметки, в которой сообщалось об убийстве подружки Блейна, Аманды Эрдман.

Наши дни

Тед замер перед тропинкой, как стрелок перед дуэлью. Лора и Ли стояли позади него.

– Я ходил по ней много раз, – тихо сказал Тед.

Ли отошел на несколько метров. Хотя доктор заверила его, что опасности нет, он знал, что Маккей избил человека так, что тот до сих пор не пришел в себя. Пусть он сделал это во время нервного припадка или чего-то в этом роде, не важно. Где один раз, там может быть и второй, так ведь? Ответственность за Маккея, пока он не в больнице, лежала на Ли, и он не собирался расслабляться. Если Маккей набросится на доктора Хилл, Ли в два прыжка преодолеет разделяющие их пару метров и применит шокер. А вздумает бежать, тут и того проще: далеко в цепях не ускачешь.

Тед словно в полусне прошагал метров сто. Иногда он опускал глаза, словно шел по невидимому следу. Лора пыталась с ним заговорить, но он отвечал односложно, и она оставила его в покое. Эта тропинка была чем-то важна для Теда, и следовало помочь ему понять, чем именно. Лора достала мобильник и проверила, есть ли связь.

Всего одна черточка.

Тед вел себя как медиум из телесериала. Он останавливался, принимался озиаться и вдруг опускал голову, словно выискивал знак, который направит его по верному пути.

– Что-то случилось?

Тед остановился напротив густых зарослей, покусывая кончик большого пальца.

– Я помню велосипед, – проговорил он глухо.

– Ты приезжал сюда на велосипеде?

– Нет, не я. У меня нет велосипеда.

Лора не стала переспрашивать, однако воодушевилась, потому что воспоминание о велосипеде при всей своей незначительности было новым. Наконец хоть что-то.

– Какого цвета велосипед, Тед?

– Красный, – ответил он не задумываясь.

И только произнеся это слово вслух, попытался вникнуть в его смысл.

– Красный велосипед, – медленно повторил он и снова опустил глаза. Потом он молча пошел дальше по заросшей тропинке, двое спутников – за

ним, раздвигая ветки и обходя упавшие стволы. Наконец показалась поросшая сорняками грунтовая дорога... И тут они его увидели. Сбоку от дороги, едва заметный среди пожелтевшей листвы, лежал сломанный красный велосипед. Одного колеса не хватало, раму нещадно изгрызла ржавчина, но кое-где сохранились следы краски.

– Брошенный велосипед, – проговорил Тед, разглядывая находку.

– Тед, это невероятно!

– Похоже на то, – сказал он без воодушевления.

– Соберись. – Чтобы придать ему уверенности, Лора сжала его плечо.

Ли посмотрел на нее с неодобрением, но промолчал. Подойдя к велосипеду, он внимательно его осмотрел.

– Э, да тут была авария, – удивленно произнес он. – Рама погнута. Второе колесо должно валяться где-то поблизости.

Слово «авария» повисло в воздухе.

– Тед, ты что-нибудь об этом знаешь? – спросила Лора.

– Не думаю. Я просто... видел его здесь.

По ту сторону дороги тоже высился лес. Тед на секунду замешкался.

– Мы можем срезать путь по лесу, – голосом сомнамбулы пробормотал он, – а можем обойти кругом. Все равно придем в одно и то же место.

Что-то просочилось.

– Куда мы придем, Тед? – спросила Лора дрожащим голосом.

– К истине, – ответил он.

И двинулся вперед, приволакивая скованные цепью ноги. Руки он держал, сцепив перед собой пальцы. Лица его ни Лора, ни Ли не могли видеть. И хорошо, потому что в этот миг его черты исказились, пораженные тяжестью открытия.

Через два километра они были на месте.

Наши дни

Маркус не помнил, был ли он когда-нибудь так счастлив, как в эту субботу. Сегодня он чувствовал, что способен на все.

Идя за газетой, он взялся за ручку входной двери, но вдруг остановился, глупо улыбаясь при мысли, что всего через несколько часов он откроет эту дверь, а за ней будет стоять Лора.

И не забудь, что ты должен сделать...

За завтраком ему нестерпимо захотелось ей позвонить, но он сдержался. Он уже поговорил со своим приятелем-полицейским Бобом, и тот обещал просмотреть в архиве все дела об убийствах в Бостоне за 1993 год.

Утро Маркус посвятил домашним хлопотам и отправился на рынок за всем необходимым для своего фирменного соуса. Он не был виртуозом кулинарии, его рацион состоял в основном из быстрозамороженных блюд, пиццы и китайских закусок, хотя кое-что он научился готовить довольно сносно. Особенно ему удавались спагетти с луком под грибным соусом. По пути на рынок он заглянул в торговый центр и ухнул на новую одежду небольшого состояния. Он уже несколько недель планировал обновить гардероб и вот наконец выпал случай осуществить задуманное.

К полудню Маркус вернулся домой с дюжиной пакетов. Запирая дверь, он опять почувствовал приятное возбуждение и улыбнулся. Готовить соус было рано, и, чтобы убить лишние несколько часов, Маркус решил посмотреть у себя в кинозале один из давно отложенных фильмов. Он сунул в микроволновку пакетик с кукурузой, но еще до того, как взорвалось первое зернышко, раздался настойчивый звонок в дверь.

Маркус подошел к окну и увидел на пороге Боба. В правой руке у полицейского была папка, на носу, как обычно, черные очки. Почему он явился без звонка?

Маркус открыл дверь. Вот ведь ирония судьбы: вместо женщины своей мечты он встречал на пороге полицейского – тезку актера.

– Боб, вот так сюрприз... Удалось что-нибудь выяснить?

– Да. – Боб был заметно встревожен.

– Прошу.

Они прошли в гостиную под канонаду лопающегося на кухне попкорна, но не успели еще сесть, как Боб заговорил:

– Ты знал, что Маккей – брат Эдварда Блейна? Того типа, которого обвиняли в убийстве своей подружки?

Маркус остолбенел.

– В первый раз слышу.

– Они братья по отцу. Матери у них разные, – сказал Боб. – Но я пришел не поэтому. Это я мог бы и по телефону рассказать.

Маркус сел.

1994

На рассвете кампус Массачусетского университета сотрясла страшная весть. Недалеко от библиотеки обнаружили труп – вроде бы молодого парня. Администрация университета обратилась к студентам с просьбой не покидать общежитий; занятия были отменены. О происшествии сообщили несколько новостных агентств. Обитатели Коробки сидели перед включенными телевизорами, хотя передаваемая журналистами информация сильно запаздывала. Так, по телевизору еще говорили, что убит студент, имя которого пока не установлено, но весь кампус уже знал, что это неправда. Жертвой преступления стал Томас Тайлер, весьма уважаемый преподаватель английского языка, проработавший в университете добрый десяток лет. Его не сразу опознали, потому что по необъяснимой причине он был одет в куртку и бейсболку с эмблемой университета, и две девушки, в пятницу утром обнаружившие труп, решили, что это студент.

Коробка полнилась самыми противоречивыми слухами. Основным источником достоверной информации стал парень с пятого этажа по имени Марк Манганьелло, более известный как Марман. Его подружка жила по соседству с Жюли Лафлин – одной из двух подруг, наткнувшихся на тело убитого. По словам Мармана, он лежал лицом вниз, поэтому девчонки его и не узнали. Они подумали, что кто-то просто отсыпается после пьянки, но, когда подошли поближе, заметили около тела лужу крови. Несчастному перерезали горло. В первые часы всеобщей растерянности появилась даже версия, что Тайлера убили из-за золотой зажигалки, которую он всегда носил с собой.

Как только личность жертвы была точно установлена, телевизионщики сосредоточились на бросавшемся в глаза загадочном факте. Почему на убитом была университетская куртка? Томасу Тайлеру было за пятьдесят, у него была жена и две дочери-подростка. Возле его дома дежурили выездные бригады репортеров, надеясь на интервью с кем-нибудь из членов семьи.

История убийства выплеснулась на федеральные телеканалы, и в центре внимания была злополучная куртка. Но в коридорах и комнатах общежития обсуждали другое обстоятельство, возможно, уже известное полиции (и о котором вот-вот мог пронюхать какой-нибудь пронира-журналист). Похоже, Тайлер крутил роман со студенткой. Все понимали:

если эта новость просочится в прессу, шуму будет еще больше: публика обожает пикантные подробности подобного рода.

Тед спускался с шестого этажа, где в компании картежников убивал время за покером, и в коридоре наткнулся на взъерошенного Джастина. Его вид так встревожил Теда, что он чуть ли не силком втокнул друга в комнату 503 и запер за собой дверь.

– Что с тобой, Джастин? Не стоит шляться по общежитию с таким лицом. Особенно сегодня.

– Прости, Тед, но я больше не могу! – Джастин метался по комнате, не в силах остановиться.

– Присядь-ка на секунду.

Джастин опустился на кровать.

– Ты ведь ничего не натворил? – спросил Тед, пристально глядя другу в глаза. – Ведь нет?

– Конечно нет!

– Вот и нечего психовать.

– Ты не говорил с Марманом?

– Нет, я только что с шестого этажа.

– Девушка, с которой у Тайлера были шуры-муры – это... Это Джорджия.

Тед поднял бровь.

– Откуда ты это взял?

– Я же тебе говорю: от Мармана. А ты, кажется, не очень-то и удивлен.

Тед тоже сел на кровать.

– Тут есть о чем задуматься, – признался он. – За мной наверняка придет полиция. Но ты не беспокойся: мне нечего бояться.

– Так ты что, знал? Про Тайлера и Джорджию?

– Нет. Но у нас с ней и так ничего не вышло. Строго говоря, мы вообще расстались. Хотя это не важно: полиция все равно захочет задать мне пару вопросов. Ты успокойся, Джастин. Мы должны вести себя как ни в чем не бывало.

– Тед... Мне надо кое-что тебе сказать.

– Говори.

Джастин покосился на закрытую дверь, будто опасался, что его подслушивают, и судорожно вздохнул.

– Я знал про Джорджию и этого препода. Несколько раз видел их в парке за библиотекой. Не хотел тебе говорить, потому что...

– Брось, Джастин. Я понимаю, почему ты молчал. Проблема в том, поверит ли полиция, что ты ничего мне не говорил.

- Не поверит.
- Ну так и незачем им об этом рассказывать. – Тед твердо смотрел другу в глаза.
- Я тоже так думал, Тед. Но меня видели вечерами в парке. Если я не признаюсь, будет только хуже.
- Тед встал и зашагал по комнате.
- То, что ты их видел, серьезно осложняет ситуацию.
- Он надолго замолчал, но потом вдруг резко спросил:
- Где ты был вчера?
- Занимался в читалке до пол-одиннадцатого.
- Тогда у тебя алиби.
- Не уверен. Мы же не знаем, когда именно его убили.
- На нем были куртка и бейсболка. Единственная причина, по которой он так оделся, – свидание с... Джорджией. В котором часу ты их обычно видел?
- Около восьми.
- Ну вот. И она это подтвердит.
- А если они встречались и позже, только я их не видел?
- Джастин, Джорджия не могла одна бродить по кампусу после восьми. Скорее всего, в этот раз произошло то же, что всегда. Она ушла, он покружил немного, чтобы сбить след, и двинулся к машине, собираясь уехать. В этот момент на него набросились и убили. Ты сидел в читальном зале, при нескольких свидетелях. Ты из зала не выходил?
- Нет.
- Отлично. Так и скажешь полиции, если тебя спросят. Обычно ты гулял вечерами в парке, но их никогда не видел. Никогда. А потому и мне никогда о них не говорил: ты просто ничего не знал.
- Последние слова Тед произнес очень медленно. Джастин кивал. Он немного расслабился, но не до конца.
- А если... В полиции есть детектор лжи или что-то в этом роде?
- Джастин, посмотри на меня. – Тед схватил друга за плечи. – Ты всего лишь скроешь, что пару раз видел их, и сделаешь это ради того, чтобы следствие не свернуло в сторону, а пошло по верному пути и поймало настоящего убийцу.
- Джастин отрицательно мотал головой.
- Слушай меня, – продолжал Тед. – Сейчас мы рассматриваем наихудший сценарий. Возможно, у полиции уже есть подозреваемый, и ты зря психуешь.
- Да, может быть.

– Конечно! И помни, что у тебя твердое алиби. Ты в последнее время мало занимаешься, а вчера вечером, по счастью, засел в читалке. Так что тебе крупно повезло.

Джастин криво улыбнулся:

– И то верно. Если бы я вчера бродил по кампусу, сейчас штаны бы со страху обмочил.

– Вот именно. А пока беспокоиться не о чем. Если кто-нибудь сболтнет полиции, что ты любишь гулять по парку, ты не станешь этого отрицать, но скажешь, что их никогда не видел и об их связи даже не подозревал. А про вчерашний вечер расскажешь чистую правду. Ты ничем не рискуешь.

Послушать Теда, все было проще простого. А может, он прав? Джастин не убивал Тайлера и другу о нем в самом деле ничего не говорил. Значит, Тед тоже его не убивал.

– Тед, а сам ты где был вчера вечером? Как всегда, на шестом этаже?

Тед переменялся в лице.

– Да, на шестом. Но примерно в шесть ушел.

Повисло тяжелое молчание.

– А потом? – спросил Джастин мрачно.

– Потом сидел здесь, занимался. Так что, боюсь, у меня твердого алиби нет.

И Тед рассмеялся.

1994

На следующий день стало официально известно, что у Тайлера был роман со студенткой по имени Джорджия Маккензи, и внимание публики к его убийству взлетело до небес. Вещание велось непрерывно. Над кампусом кружили два вертолета, ведя аэрофотосъемку. Занятия в университете отменили на три дня (которые превратились в пять). Женатый преподаватель, образцовый семьянин, закрутивший шашни со студенткой, – разве телевидение могло пройти мимо такого сюжета? Наиболее дерзкие и циничные журналисты выдвинули гипотезу, согласно которой Джорджия сама убила любовника в приступе ревности. *Влюбленная в преподавателя девушка узнает, что он хочет с ней расстаться, и от ревности теряет голову.*

Вскоре в фокус внимания попал и Тед.

1994

Слухи в университетском кампусе опережали сами события. Убедившись, что связь Джорджии с преподавателем больше ни для кого не тайна, Тед отправился к девушке в комнату, где она в панике пряталась от прессы. Он не стал терять время на предисловия и сразу заговорил о деле. Ему надо было знать, что тем вечером видела его бывшая подруга, если она вообще что-то видела. Джорджия сказала, что вот-вот приедут ее родители, которые должны привезти с собой адвоката, так что Теду следовало поторопиться. К его величайшему удивлению, она, дрожа и плача, призналась, что не только встречалась в тот вечер с Тайлером, но и видела, как его убивали. Тед остолбенел. Из сбивчивого рассказа девушки следовало, что они с Тайлером сидели на скамейке в парке, куда Джорджия согласилась прийти только затем (она клялась в этом Теду), чтобы объявить ему, что между ними все кончено. Разговор велся на повышенных тонах. Тайлер чем-то задел Джорджию (она не захотела говорить, чем именно), и она заплакала. Он попытался ее обнять, она его оттолкнула. Потом вскочила и пригрозила, что, если он не оставит ее в покое, она все расскажет его жене, хотя ничего подобного делать не собиралась. После этого Джорджия развернулась и пошла прочь, но через минуту-другую ей стало жалко Тайлера: он не заслуживал такого сурового обхождения. Она решила вернуться и проститься с ним по-человечески. Когда до скамейки оставалось всего несколько метров, она увидела, как из кустов выпрыгнула какая-то тень и буквально мгновенно перерезала Тайлеру горло. Тот рухнул на бок, не успев даже вскрикнуть. Убийца – в темноте она различала лишь его смутный силуэт – на секунду замер, а потом сделал нечто странное: наклонился и стал обшаривать труп, как будто что-то искал. В следующий миг он исчез – испарился бесследно, как привидение.

Тед слушал молча. Она сидела на кровати, он – на стуле. Он не подходил к ней, не пытался ее утешать. Решил почему-то, что не стоит.

– Ты не разглядела, кто это был? – спросил Тед.

– Когда он наклонился, то на него вроде бы попал свет фонаря... Но все равно было слишком темно, и я его не разглядела.

– Ты расскажешь это полиции?

– Не знаю, Тед. Мне очень страшно. Я вчера наглоталась таблеток, иначе не уснула бы. Было сразу понятно, что Тайлер мертв, потому я и

ушла. Ты себе не представляешь: кровь хлынула у него из горла фонтаном... Он упал. Это было...

Джорджия разрыдалась. Она дрожала всем телом, безмолвно моля о спасительном объятии, но так его и не дождалась.

– Похоже было, что убийца знает, что делает, – всхлипывая, добавила Джорджия.

Тед кивнул.

– Мне так важно, чтобы ты меня прости... – жалобно произнесла она.

Тед не успел ответить, потому что дверь распахнулась и на пороге возник детектив – его звали Сегарра, он возглавлял расследование, и его сопровождали еще двое полицейских.

На следующий день Джорджия дала показания. После нее допросили Теда. Больше им не дали встретиться. Тед твердо придерживался версии, изложенной Джастину: в вечер преступления он играл в покер, потом ушел к себе и засел за книги. Ему задавали самые разнообразные вопросы, и не только про события того дня, перескакивая с одного на другое и явно пытаясь его сбить. В ответах Теда не нашлось ни одной неувязки.

Каким-то образом репортеры получили доступ к показаниям Джорджии, и ее версия событий стала официальной. Десятки журналистов, стоя возле ограждения в парке, рассказывали в прямом эфире о том, как студентка простилась с преподавателем, но через несколько минут вернулась и стала свидетельницей его убийства. Многие, в том числе Тед, считали, что эту утечку организовал детектив Сегарра. Девушка не смогла разглядеть преступника, но утверждала, что это точно не ее бывший бойфренд Тед, которого она узнала бы и в темноте. Возникали все новые догадки и гипотезы. Одни сомневались в том, что Джорджия сказала правду, и подозревали ее; вторые верили, что она в сговоре с бойфрендом; третьи возлагали вину за убийство на жену Тайлера.

Положение Теда осложнилось, когда адвокаты Джорджии убедили ее дополнить первоначальные показания. Как ни крути, у девушки был мотив желать убитому зла, к тому же она скрылась с места преступления. В ее пользу говорил тот факт, что она чистосердечно во всем призналась, но тут же возникал вопрос: а во всем ли? По крайней мере две ее подруги знали, что она тайно встречается с Тайлером; их могли видеть вместе... Иначе говоря, она не стала отрицать того, что и так было известно многим. По ходу следствия фигура Джорджии привлекала к себе все больше внимания. По совету адвокатов она уточнила, что в тот вечер было слишком темно, так что она в любом случае не узнала бы нападавшего, даже если это был Тед. Адвокаты настаивали, что Тед Маккей, явившись к Джорджии на

следующий день после убийства (невольным свидетелем чему был сам Сегарра), запугал девушку, и она поспешила отвести от него подозрения именно по этой причине. Впрочем, Джорджия не могла дать сколько-нибудь точного описания преступника. Она не утверждала даже, что это был мужчина.

Наши дни

Лора, Тед и Ли стояли перед длинным забором неопределенного цвета. Серая краска отчасти сохранилась в его верхней трети, надстроенной позже, чтобы высота ограды достигла внушительных трех метров. Ниже краска почти совсем облупилась, обнажив старую кирпичную кладку, изрисованную граффити и исчерканную надписями. По верху забора тянулись два ряда колючей проволоки; посередине имелись ворота, замкнутые толстой цепью, с которой свисал здоровенный замок.

– Это заброшенная фабрика пишущих машинок, – сказала Лора. Вопросительной интонации в ее голосе не прозвучало.

– Верно. – Тед подошел к забору и двумя руками уперся в него, словно надеялся уловить некие вибрации. В определенном смысле это ему удалось. – Моя фирма приобрела ее десять лет назад.

– На одном из сеансов ты говорил мне, что ее приобрел Уэнделл, – сказала Лора.

Тед, казалось, не сразу понял, о ком речь.

– Я приобрел ее через свою фирму, – повторил он и двинулся вдоль забора, не отнимая от него рук. – Ключи вон там. – Он указал на кирпич в нижнем ряду кладки, почти скрытой густой травой и колючим кустарником.

Ли попросил Теда посторониться, не без труда нагнулся и, раздвинув траву, потянулся к кирпичу и попробовал его раскачать. Ухватившись за кирпич обеими руками, он его вытащил. В полости за кирпичом лежала связка ключей.

– Мы должны туда пойти, – сказал Тед. – Но только мы с Лорой.

– Нет, – отрезал Ли.

– Тед, – вмешалась Лора, – ты знаешь, что так нельзя. Если тебе надо что-то сказать мне, Ли разрешит нам посекретничать. Но отпускать нас одних он не имеет права.

Тед потер себе висок. Он колебался. Остальные двое ждали.

– Слушай, Маккей, – сказал Ли, – или мы идем все трое, или возвращаемся назад по той же тропинке. Без вариантов.

– Хорошо.

Ли пошел к воротам.

– Ключ – самый длинный.

– Ты правильно поступаешь, Тед. Я попрошу Ли дать нам поговорить хоть относительно наедине. Ты знаешь, что мы должны увидеть? Вспомнил?

Тед молчал. В его глазах застыло странное выражение:

– Нет. Не знаю.

Но он знал.

Они ступили на просторную парковку, с виду такую же заброшенную, как и забор. Сквозь асфальт пробивалась трава, кое-где проросли даже кусты. Справа стояло двухэтажное здание, его окна и двери были забиты досками – все, кроме одной небольшой двери ближе к углу дома. К ней все трое и направились.

Пока они шли через лес, южный ветер нагнал пелену облаков. Дождя не было, но солнце скрылось.

Вторым ключом Ли отомкнул еще один навесной замок, третьим, поменьше, – дверь, которая со слабым щелчком захлопнулась за ними. Они вошли в пустую и сильно запущенную комнатушку: ясно, что это был далеко не парадный вход. Тед указал им на боковую дверь в коридор, который вел в кабинеты администрации. Ли зажег фонарь, потому что света, сочившегося в щели между досками, было явно недостаточно. В кабинетах оставалась кое-какая мебель: письменные столы, каталожные шкафы и тому подобное. На полпути Тед остановился и посмотрел на одну из боковых дверей, как будто не мог ее вспомнить или, наоборот, она имела для него какое-то особое значение. Но повел он их не туда, а к большой двустворчатой двери в конце коридора. За ней располагалось огромное помещение бывшего сборочного цеха с высоченным потолком; окна, хоть и сильно запыленные, все же пропускали дневной свет.

Ли спрятал фонарь и на всякий случай нащупал в кармане электрошокер. Это место ему совсем не нравилось: мало света и много мест, где можно спрятаться.

В этот момент у Лоры зазвонил мобильник, и все трое вздрогнули.

– Маркус?

Сигнал проходил, но с жуткими помехами.

– ...вет... очно... льницу.

Лора машинально отвела трубку от уха и попросила у Ли ключ. Тот без возражений передал ей связку.

– Маркус, я ничего не понимаю. Что-то срочное в «Лавендере»?

– ...ышат... отойди...

Ничего не разобрать. Лора побежала назад по лабиринту, по которому их вел Тед. Перебрав три маленьких ключа, она наконец нашла нужный и

выбралась из здания. И сразу перезвонила Маркусу:

– Теперь слышишь?

– Да. А ты меня?

– Я хорошо тебя слышу. Я вышла из здания.

– Из какого здания?

В голосе Маркуса звучала тревога.

– Тропинка за домом Теда ведет к старой фабрике. Той самой, которая...

– Лора, слушай меня внимательно. Маккей сейчас под надзором Ли?

– Да.

– Скован по рукам и ногам?

– Да, а в чем дело?

– Ты уверена, что он не подслушивает?

– Уверена! Маркус, ты меня пугаешь. Что случилось?

– Со мной сейчас Боб Дюваль. Боб выяснил все, о чем я просил. В девяносто четвертом году, когда Тед учился на первом курсе Массачусетского университета, там действительно было совершено убийство. Преподавателю Томасу Тайлеру перерезали горло. Полиция допрашивала некоторых студентов, в том числе Теда Маккея и Джастина Линча, но преступника так и не нашли. Дело осталось нераскрытым и было отправлено в архив. Папка со всеми материалами у меня в руках. Но это еще не все. Не догадываешься, что я имею в виду?

Лора ни о чем не догадывалась: мысли путались у нее в голове. Убитый преподаватель? Но если Маркус говорит, что дело срочное, это может означать только одно...

– Расскажи все по порядку, пожалуйста.

Вдруг ноги у нее подкосились, и она села прямо на асфальт.

1994

С убийства Томаса Тайлера прошло пять дней, но кампус все еще лихорадило. Занятия возобновились, но студенты только и говорили что о гибели преподавателя. Телерепортеры покинули территорию университета, вертолеты больше не кружили над его корпусами, но пресса об инциденте не забыла. В центре ее внимания оказался любовный треугольник. В новостях то и дело мелькали фотографии Тайлера, его жены и дочерей, а также Джорджии Маккензи. Мелькнули две или три фотографии Теда (одна – из школьного альманаха, где он был запечатлен с одноклассниками). Джорджия по предписанию врачей отправилась домой. Официально ей не было предъявлено никаких обвинений, но почти никто не поверил, что ее просто отпустили.

В шесть часов утра обитателей Коробки разбудил громкий голос, транслируемый по системе внутренней связи по всем комнатам. Заспанные студенты с опухшими физиономиями, кто в пижаме, кто полуголый, открывали двери в коридор и недоуменно переглядывались, пытаясь осмыслить услышанное. К ним обращался ректор, требовавший, чтобы не позднее чем через десять минут все собрались внизу, в вестибюле, где будет сделано важное объявление.

Ничего похожего не происходило никогда. Что еще за объявление в шесть утра?

В комнате 503 первым проснулся Тед. Его друг и сосед спал крепко, хоть из пушки над ним пали. Тед минуты две безуспешно расталкивал Джастина, пока тот не сообразил, что суматоха наверняка связана с убийством; тут уж с него мгновенно слетели остатки сна.

– Джастин, не суетись, прошу тебя. Спокойно одевайся, и пойдем.

По коридору брели их полусонные соседи по пятому этажу.

Если у кого-то из них еще оставались сомнения по поводу того, зачем их позвали, то внизу они окончательно развеялись. По лестнице навстречу тем, кто еще спускался, поднималась группа из десяти полицейских. В просторном вестибюле яблоку негде было упасть. У дверей стояли ректор и детектив Сегарра, которого все уже знали в лицо – он часто выступал по телевидению, рассказывая о ходе следствия. С ними были еще несколько полицейских и два человека из свиты ректора.

– Что за дерьмо? – пробормотал Джастин.

– Наверняка какая-нибудь рутинная проверка, – беззаботно обронил Тед.

– Доброе утро, – сказал ректор. – Буду краток. Как вы догадываетесь, департамент полиции Массачусетса обращается к вам за помощью. Детектив Сегарра и его сотрудники должны обыскать здание общежития. Мы просим всех оставаться здесь, пока обыск не закончится.

По вестибюлю пронеслась волна возмущенного ропота. Слово взял Сегарра.

– Если кому-то из вас требуется забрать из своей комнаты что-то жизненно необходимое на ближайшие два-три часа, поднимите руки. Наш сотрудник вас проводит. – Он сделал паузу. – Под жизненно необходимым я подразумеваю лекарства.

– А вы имеете право обыскивать наши комнаты? – поинтересовался кто-то из студентов.

– Здесь присутствуют университетские юристы, – ответил ректор. – Они проследят, чтобы все было по закону.

Руку никто не поднял. Сегарра с сотрудниками пошли вверх по лестнице. Внизу остались только двое полицейских, охранявших входную дверь.

Что же произошло?

Изо всех университетских общежитий в первую очередь с обыском пришли в Коробку. Маловероятно, что по чистой случайности: в выборе первой жертвы должна была быть какая-то логика. Обитатели других общежитий, предупрежденные об опасности, если что и прятали, то теперь могли легко от этого избавиться. Но, скорее всего, в остальных зданиях кампуса никакого обыска не будет: то, что искала полиция, наверняка находилось в Коробке.

Джастин с Тедом стояли в группе студентов, тут были Марман и Ирвинг Проссер. К ним подошел парень по имени Джо Стьюэлл; он был бледен и так испуган, что, кажется, разучился моргать. Тед возблагодарил судьбу за то, что послала им Стьюэлла: на его фоне ужас Джастина не так бросался в глаза.

– Думаете, ищут зажигалку? – предположил Марман.

Тед успел забыть о знаменитой зажигалке, якобы послужившей мотивом к убийству. Это явно была выдумка; просто кто-то из студентов видел у преподавателя дорогую золотую зажигалку.

– Не было никакой зажигалки, – отозвался Ирвинг.

– Тогда что они ищут?

Теда интересовало не столько что они ищут, сколько почему. Получить

разрешение на обыск шестиэтажного университетского общежития не так-то просто, это и ежу понятно, даже если речь идет о резонансном убийстве. На первый взгляд, ректор всячески поддерживал следствие, но на самом деле он наверняка возражал и сопротивлялся до последнего. Значит, полиции удалось получить ордер. И получить быстро. Иначе говоря, следствию удалось убедить судью, что для обыска есть объективные основания.

Через час с небольшим Сегарра с помощниками вернулись на первый этаж. Тед сосчитал полицейских. Пятнадцать человек. Все – оперативники, ни одного криминалиста. Из чего вытекало, что санкция судьи распространялась на поиски конкретного предмета и не подразумевала снятие отпечатков пальцев и сбор генетического материала. Очевидно, сделал вывод Тед, следствие значительно продвинулось. Второй его вывод – более важный – заключался в том, что за столь короткое время тщательно обыскать все комнаты общежития силами полутора десятков полицейских невозможно.

Студентам разрешили вернуться к себе. Тед поднялся по лестнице, но, прежде чем пойти в свою комнату, внимательно осмотрелся. Следы обыска бросались в глаза. Тед догадался, что произошло: двое или трое полицейских для вида устроили более или менее убедительный бардак во всех комнатах, а остальные старательно обыскали одну-единственную комнату, которая их реально интересовала. Потому что, если допустить, что пятнадцать человек за час обшарили все здание, это означало бы, что полиция сработала халтурно. Но зачем тогда было затевать всю историю?

Его догадки переросли в уверенность, стоило ему переступить порог комнаты 503. Здесь царил полнейший разгром: сдернутые с кроватей матрасы валялись на полу вперемешку с вытряхнутыми ящиками, одеждой и бельем. Впрочем, чтобы сотворить подобный хаос, хватило бы усилий одного человека. Тед обвел комнату внимательным взглядом, пока не наткнулся на книжные полки. Вот оно! Фотографическая память его не подвела. Книги стояли на прежних местах, но были задвинуты на другую глубину. Кто-то не поленился одну за другой снять их и поставить обратно.

– Что ты там увидел? – раздался из-за спины голос Джастина.

– Да так, ничего, – ответил Тед, не сводя глаз с книг. – Скоро получим привет от Сегарры.

– Какой привет?

– Такой, – серьезно произнес Тед. – Ты должен держать себя в руках, Джастин. Вспомни, что я тебе говорил. Скоро с тобой захочет побеседовать детектив. Может, и со мной тоже, хотя он знает, что от меня ничего не

добьешься.

Сегарра не нашел того, что искал. Сейчас, подумал Тед, он наверняка с досады рвет на себе волосы.

1994

Очередную новость в Коробку опять принес Марман. В последние дни он рыскал по всему кампусу, по крохам собирая любопытную информацию и наслаждаясь ролью живой газеты. Он разносил слухи, порой самые фантастические, но иногда ему удавалось выведать что-нибудь действительно важное.

– Я кое-что узнал, – объявил Марман, остановившись в коридоре пятого этажа, – и это, парни, не слух.

Ирвинг Проссер и Джастин слушали его наострив уши.

– Пошли лучше в комнате поговорим, – предложил Тед. Он был в этой компании четвертым.

Марман колебался: в коридоре могли появиться новые слушатели.

– Пошли, Марман, – настаивал Тед. – Остальным расскажешь по отдельности, лучше запомнят.

– И то верно.

Они зашли в комнату 504, соседнюю с комнатой Джастина и Теда, и уселись на кровати, по двое на каждую.

– Это звучит невероятно, но я проверил по трем разным источникам, – с интонацией волка расследовательской журналистики произнес Марман. – Отец Фионы Смит – она учится в одной группе с моей девушкой – работает в полиции и участвует в расследовании. Она слышала, как он обсуждал это дело со своим папашей. А Мередит Малоун, сестра секретарши ректора, слышала, как тот говорил об этом по телефону с Сегаррой. Наконец...

– Ты нам скажешь в конце концов, в чем дело? – перебил Тед.

– Да, – поддержал его Ирвинг. – В чем фишка-то?

– Ладно. У полиции есть ключевой свидетель, – сказал Марман и замолчал, оценивая реакцию собеседников.

– Кто-то видел, как произошло убийство? – спросил Джастин.

Если кто-то еще бродил вечерами по кампусу, то мог заметить его и рассказать об этом полиции, подумал Джастин.

– Да, это человек, который видел убийство своими глазами, – подтвердил Марман. – Я даже знаю, как его зовут. Некто Уэнделл.

– И что? – На Ирвинга новость явно не произвела сильного впечатления.

– Фиона говорит, что ее отец назвал Уэнделла ключевой фигурой

следствия. Он предоставил им информацию, из которой все стало ясно. Якобы он не только присутствовал при убийстве, но и мог вывести их на след убийцы. Сегарра обещал ректору, что дело будет раскрыто меньше чем за неделю.

– Ну надо же... А кто такой этот Уэнделл? Студент?

– У меня есть приятель в канцелярии, он как раз это сейчас и выясняет. Я спрашивал: вроде никто этого Уэнделла в глаза не видел.

– Если не студент, значит, кто-то из персонала: сторож, охранник или еще кто.

– Нам обязательно надо узнать, кто такой этот Уэнделл, – спокойно произнес Тед. – Ты сможешь?

– Если он студент, скорее всего, смогу. Но вообще-то вряд ли он студент. Мы бы про него и так знали.

– Я тоже так думаю, – сказал Джастин.

Тед вернулся в комнату 503. Надо было все обмозговать.

1994

Убийство Томаса Тайлера осталось нераскрытым. Дело вместе с немногочисленными вещественными доказательствами сдали в архив, и оно пролежало там многие годы. Никто в Коробке так и не узнал, кто такой Уэнделл и что за ценную информацию он предоставил полиции.

Убийца Тайлера совершил новое преступление. И не одно.

Наши дни

Лора сидела на земле, привалившись спиной к холодной стене здания. За каменным забором раскачивались деревья, облака сгущались и темнели, легкий ветерок превращался в пронизывающий ветер. По асфальту заброшенной парковки кружились, шурша, сухие листья. Единственным, что не давало ей впасть в панику, оставался металлический голос Маркуса, доносившийся из крохотного динамика мобильного телефона.

– Лора, ты здесь?

– Да. Слышимость плохая. Меня трясет, Маркус.

– Успокойся. Если Маккей в цепях и ничего не помнит, беспокоиться не о чем. Но если он ничего не помнит, зачем он вас туда привел?

– Не знаю. Все равно я чего-то не понимаю. Ты говоришь, что в деле фигурирует ключевой свидетель по фамилии Уэнделл.

– Совершенно верно. Но на самом деле его не существовало. Полиция выдумала его и пустила слух, что у нее появился ключевой свидетель. Они надеялись, что убийца испугается и совершит промах. Как только я увидел в деле эту фамилию, я все понял...

– А я до сих пор не понимаю.

– Лора, послушай. Маккей убил того преподавателя, потому что тот связался с его девушкой. Уэнделл мог его разоблачить, поэтому ему надо было, чтобы тот умер, как в циклах. Улавливаешь?

– Пытаюсь.

– Мы с Бобом едем к вам. Мне нужны точные координаты этого места. Боб связался с ФБР, их бригада тоже в пути. Я понимаю, что, пока ты там, тебе трудно сосредоточиться, но доверься мне. Вспомни, что я сказал тебе вначале. Маккей и Блейн – братья. У Блейна на момент убийства подружки было твердое алиби... А у Маккея? Он вполне мог ее убить. Мы ничего не знаем об отношениях между братьями.

Лора никак не могла привыкнуть к мысли, что Маккей и Блейн – братья. Как эта деталь укладывается в головоломку?

– Маркус, я больше не могу разговаривать. Если я быстро не вернусь, они заподозрят, что что-то неладно. Координаты пришлю эсэмэской.

– Хорошо. Лора, будь осторожна. Если Маккей убил того преподавателя и подружку своего брата... Между двумя убийствами прошло много времени, так что, возможно, были и другие.

Она не ответила.

– Я не просто так это тебе говорю. Пообещай, что будешь осторожна.

– Буду. Пока, Маркус.

Лора нажала отбой, но продолжала держать трубку возле уха. Удивление и потрясение проходили, уступая место страху. Фабрика вдруг показалась ей зловещей. Она была едва знакома с Ли Стиллиуэллом, он не работал в ее отделении, но ей вдруг захотелось оказаться рядом с ним, под его защитой, и она поспешила вернуться в здание.

Лора включила в телефоне программу навигации и отправила координаты Маркусу.

Возможно, были и другие.

Лора шла, перебирая в уме все обстоятельства этого запутанного дела. Слова Маркуса произвели на нее сильное впечатление, но ей казалось, что она понимает – или начинает понимать – ситуацию лучше, чем он; она почти нащупала те невидимые нити, которые диктовали Теду его поведение. Главное было определить, что ему самому об этом известно. Лора прошла мимо кабинетов и задержалась на том месте, где несколько минут назад остановился Тед. Она посмотрела на ту же боковую дверь. Почему на внутренней двери висит замок? Недолго думая, она приблизилась к двери и принялась перебирать самые большие ключи, пока один из них не подошел. За дверью оказался обставленный мебелью кабинет. Лора попробовала зажечь свет – безуспешно. Она включила фонарик на телефоне и осмотрелась. В комнате стоял деревянный письменный стол, старый колченогий стул и несколько каталожных шкафов. Несмотря на пыль и грязь, кабинет не выглядел заброшенным. Лора подошла к столу и потянула один из ящичков. Он неожиданно легко поддался. Внутри лежало несколько картонных папок. Лора открыла другой ящик, тот, что слева, и увидела еще папки. Она догадывалась, что в них.

Лора достала первую папку и открыла ее. Держа в одной руке телефон с включенным фонариком, она начала перебирать содержимое папки. Лора не ошиблась: это были газетные вырезки, посвященные делу об убийстве женщины по имени Элизабет Гарт.

Убийца перерезал жертве горло.

Лора пробежала глазами три-четыре заметки.

Потом быстро пролистала остальные папки – их было около десятка. Убитые женщины. Только женщины.

Возможно, были и другие.

Наши дни

После ухода Лоры не прошло и пяти минут, а Ли уже почувствовал себя неуютно. Маккей смотрел на него со странной безмятежной улыбкой.

– Что это за место? – спросил охранник.

Тед посмотрел вверх и по сторонам, словно в поисках ответа на этот вопрос.

– Что-то вроде логова. Убежище. Место уединения.

Ли не слишком удивился. Работая в «Лавендере», он наслышался всякого. А тут, подумаешь, чокнутый богачей, которому нравится сидеть в одиночестве на заброшенной фабрике.

– Вспомнил, значит, – сказал Ли без особого энтузиазма. – Ну и хорошо. Сейчас доктор вернется, и двинем назад.

– Не думаю, что она вернется.

Ли непонимающе уставился на него.

– Не думаю, что она вернется скоро, – уточнил Тед. – Сдается мне, там что-то серьезное стряслось.

– Тебе-то откуда знать?

– Догадываюсь.

Тед облокотился о металлический стол. На нем валялись куски ржавого железа, банки с краской, еще какие-то предметы. Руки Теда были скованы, но Ли насторожился. Что, если у этого типа остались на воле сообщники? Что, если они готовили ему побег? Доктор Хилл ему доверяла, что, по мнению Ли, было с ее стороны не слишком осмотрительно.

– Перед тем как меня заперли в «Лавендере», я собирался покончить с собой.

Почему пациент вдруг заговорил об этом? Ли заметил, что на его лице появилось мечтательное выражение.

– Ты что, неизлечимо болен?

– Нет. – Опять та же задумчивая пауза. – Я очень хочу убить себя, Ли. – Тед смотрел на охранника широко раскрытыми глазами, в которых читалась мольба. – Я хочу этого больше всего на свете.

Рука Ли потянулась к пистолету, но он не вынул его из кобуры.

Тед улыбался:

– Успокойся, Ли. Я хочу тебе кое-что предложить.

– Что?

– Когда вернется доктор, я попытаюсь бежать. Ты подашь мне предупреждающий сигнал, как положено по протоколу, крикнешь, что, если я не остановлюсь, будешь стрелять, но я тебя не слушаю. Пиф-паф! И проблема решена.

– Я не стану тебя убивать, Маккей. В крайнем случае получишь пулю в ногу.

– Да ладно, Ли... Подыграй мне, чего тебе стоит? Доктор Хилл будет свидетелем. Никто не сможет проверить, в ногу ты целился или в голову. Я могу бежать довольно быстро: цепи не такие уж короткие. А целиться в бегущую мишень трудно.

– Я не собираюсь тебя убивать, – повторил Ли. – Я хочу до трех часов вернуться в «Лавендер», сдать дежурство и спокойно отправиться домой, к жене.

– Кстати, о твоей жене. Ее ведь Марта зовут, да? Представь, что ты все-таки сможешь исполнить ее мечту о домике у озера. Ведь здорово было бы, а?

Ли наморщил лоб и промолчал.

– Представь себе, Ли, что ты сможешь купить внедорожник и на каждые выходные ездить с Мартой в собственный домик в тихой местности. А когда выйдешь на пенсию, свозишь свою Марту на пару месяцев в Европу. Ты бывал в Европе? Представь себе, что сможешь путешествовать, не заботясь о расходах. Представь себе...

– Эй, Джон Леннон, к чему это ты клонишь?

– А к тому, Ли, что мы можем воплотить в жизнь твои мечты прямо сейчас.

– Каким образом?

– Здесь есть подвал. Там спрятан миллион наличными. Он твой.

Ли усмехнулся:

– Миллион в подвале?

– Слушай, Ли, ты же видел мой загородный дом. Это здание тоже принадлежит мне. Почему бы мне не припрятать здесь денежки на всякий случай?

– Сомневаюсь, что ты спрятал деньги в подвале.

– А зачем, по-твоему, мы сюда пришли?

Ли уставился на Теда долгим взглядом. Потом обернулся к двери, чтобы убедиться, что они все еще одни. Ему совсем не хотелось, чтобы доктор Хилл слышала этот разговор.

– Я думал, ты потерял память...

– Так и есть... Но кое-что начинаю припоминать. Слушай, Ли, в

подвале лежит миллион. Что нам мешает спуститься и посмотреть на него своими глазами?

От Теда не укрылось, что охранник колеблется.

– Мы все от этого выиграем, Ли. Я же не нанимаю тебя убить кого-то другого. Только меня. Поверь, всем будет лучше, если пуля угодит мне прямо в лоб.

– Я не могу застрелить тебя из-за попытки к бегству...

Тед понял, что имел в виду охранник.

– Ну тогда... пусть это будет не просто побег. Я могу напасть на доктора Хилл... Схватить ее за горло. Ты крикнешь мне, чтобы я ее отпустил, а я потянусь за какой-нибудь железякой, которой можно ударить ее по голове. Тут на столе полно этого добра.

– Я не говорил, что согласен.

– Понимаю. Мы рассуждаем чисто теоретически. Если ты выстрелишь в меня при Лоре, никто не усомнится, что это необходимая оборона. В полиции тебе зададут кое-какие вопросы, но ты легко на них ответишь. А после приедешь сюда и заберешь деньги.

– Где они? Я должен их увидеть.

Тед улыбнулся:

– Вот дверь в подвал. Ключ не в связке. Он спрятан в дыре, в углу стены.

В подвал вела мощная с виду железная дверь. Ли пошарил рукой в дыре и нашел ключ.

– Если вернется доктор Хилл, я скажу ей, что услышал в подвале подозрительный шум. А ты не вздумай делать глупости.

Прежде чем вставить ключ в скважину, Ли обернулся.

– погоди. До того как я увижу деньги, мне надо знать, что ты такого натворил.

– То, что я совершил, пусть лучше уйдет вместе со мной.

– А деньги?

– Деньги я хранил на всякий случай. Они мои, не краденые, если ты это имеешь в виду.

– Тогда пошли.

Они начали спуск по узкой лестнице. На стене подвала висел электрический распределительный щит.

– Верхний рубильник, – подсказал Тед.

Ли недоверчиво покосился на него, но после секундного колебания нажал на выключатель. Загорелся свет. Они продолжили спуск по лестнице. Тед шел первым. Он шагал осторожно, стараясь не запутаться в цепи. Ли

следовал за ним на безопасном расстоянии.

Внизу царил неимоверный беспорядок. Чего тут только не было! Древние пишущие машинки, большие деревянные ящики, каталожные шкафы, стеллажи... Все, что не представляло ценности, бросили догнивать в этом забытом подzemелье. Если и наверху хватало мест, где можно было спрятаться, подумал Ли, то здесь, среди этих завалов мусора, дело обстояло еще хуже. Окна под потолком были заложены кирпичной кладкой, а слабые лампы не справлялись с освещением подвала, из каждого закоулка которого вырастал целый город теней.

Тед свободно ориентировался в хитросплетениях этого лабиринта. Ли шел за ним молча. Что толку предупреждать его, мол, если что, стреляю? Этот хрен и так хочет, чтобы его застрелили.

Или нет?

Два или три раза они слышали мелкий топоток – мыши или крысы? Ли питал глубокое отвращение к крысам, но не сказал ни слова. Остановились перед высоким стеллажом, заставленным доисторическими пишущими машинками, покрытыми толстым слоем пыли. Рядом со стеллажом стоял растерзанный диван, обитый некогда зеленым бархатом; славные дни этого роскошного предмета мебели остались далеко в прошлом. Тед начал толкать диван вбок. Наблюдая за ним, Ли краем глаза заметил крысу – та на бешеной скорости неслась через весь подвал. Хорошая отговорка для доктора Хилл, подумал Ли. Тут и в самом деле можно услышать странные звуки.

Под диваном обнаружился люк без ручки. Тед сказал, что ему нужно что-нибудь острое, чтобы подцепить крышку.

– Вот еще! Только дай тебе острое, – с насмешкой произнес Ли. – Отойди и стой смирно.

Ли сам подцепил крышку люка одним из своих ключей. Что скрывать: его охватило возбуждение. Что, если тут и в самом деле спрятаны деньги? В голове у него начал складываться план. Стрелять в Маккея не понадобится. Как только вернется доктор Хилл, Ли потребует, чтобы они немедленно ехали назад. За безопасность пациента отвечает он, и ему не составит труда отмахнуться от любых возражений доктора. Маккей и рта раскрыть не посмеет, ведь теперь Ли слишком много знает. А позже можно будет вернуться за деньгами. Он усмехнулся.

Если, конечно, там есть деньги.

В подполе стоял большой металлический ящик с двумя запорами, которые Ли оттянул большими пальцами. Крышка щелкнула и откинулась. В ящике лежали в прозрачных пакетах они. Пачки сто долларовых купюр.

Ли никогда не видел столько денег сразу. Можно отвезти Марту в путешествие, подумал он с восторгом. Маккей, как видно, обладал телепатическими способностями, потому что точно угадал, что ему нужно. Марта всегда жаловалась, что нигде не бывала. Ни разу не выбиралась дальше Северной Каролины, где жила ее сестра. Зато теперь...

Рядом что-то прошуршало. Секундой позже возле металлического ящика возникло уродливое серое создание с огромной зубастой пастью. Глазах чудища полыхнули огнем отраженного света, и от неожиданности Ли, сидевший на корточках, отпрянул и потерял равновесие. Зверь прошмыгнул к люку, и это было последнее, что видел Ли. Его накрыла тень, и голова у него взорвалась.

Он издал сдавленный крик.

На него обрушилась лавина пишущих машинок, а следом за ними и весь стеллаж.

Наши дни

Возвращаясь в сборочный цех, Лора чего только не воображала, но ей и в голову не могло прийти, что на месте не окажется охранника.

Тед ждал ее в центре огромного зала. Руки его свободно свисали вдоль тела. Цепи исчезли.

– Где Ли?

– В подвале.

Лора спросила себя, жив ли он. Но задать этот вопрос вслух не решилась.

Сохраняй спокойствие.

– Я его сковал, – сказал Тед, демонстрируя свои запястья. – Отпущу позднее. А ты уходи прямо сейчас, Лора.

– Уходить? Зачем? Мы с тобой значительно продвинулись. Давай я отвезу тебя назад в «Лавендер». Что бы тебя ни тревожило сейчас, мы сможем это преодолеть. Подумай о семье, подумай о...

– Лора, я высоко ценю все, что ты для меня сделала. Но не всякой беде можно помочь лечением. Существуют вещи необратимые.

Лора не двинулась с места.

– Уходи. Возвращайся по тропинке к моему дому. И, смотри, никого не вызывай.

– Что ты собираешься делать?

На его лице мелькнула тень сомнения.

– Ничего плохого.

Лора начала понимать, что творится в голове Теда. Он запутался и нуждался в помощи.

– Кто тебе звонил? – спросил вдруг Тед и сделал несколько шагов в ее сторону.

– Маркус Грант, главврач отделения С. Ему надо было срочно проконсультироваться по поводу одного пациента.

– Ага...

– Ну да.

– Что там случилось? Вы долго разговаривали...

Он подошел к ней достаточно близко:

– Они уже все знают, Лора?

Она нахмурилась. Надо срочно что-то придумать.

– Я заходила в комнату, где ты хранишь папки. Задержалась, пока их просматривала.

– Тогда ты знаешь, что я сделал, – пробормотал Тед.

Он поднял голову, словно к чему-то прислушиваясь, потом опустил глаза и долго смотрел в дальний угол. Казалось, он забыл, где находится.

– Тед! Боюсь, все несколько сложнее, чем тебе представляется...

– Уходи, – сказал он, развернулся и пошел в сторону двери, ведущей в подвал.

– Я с тобой, – объявила она.

Он, не оборачиваясь, бросил:

– Ты прекрасно знаешь, что будет, если ты это сделаешь.

Но она все равно пошла за ним и, спускаясь по лестнице, на полпути явственно почуяла запах бензина.

Наши дни

У входа в подвал стояли пять канистр с бензином. Они пробирались между всякой рухлядью, пока не дошли до старого дивана, рядом с которым в полу зиял люк. Кругом в беспорядке валялись древние пишущие машинки. Увидев рухнувший стеллаж, Лора догадалась, что здесь произошло. Недалеко от люка краснело свежее кровавое пятно. Охранника видно не было.

– Где Ли?

– Там, – беспечно отозвался Тед и махнул рукой на старомодную офисную тумбу с метр высотой, стоящую в нескольких метрах дальше. Весила тумба не меньше тонны. Из-за ее угла торчали сапоги охранника.

Тед наклонился и стал что-то искать в подполе. Лора заметила металлический ящик.

– Что ты собираешься делать, Тед?

Он не ответил. Лора придвинула два пыльных стула и села на один из них.

– Хочу устроить последний сеанс терапии, – объявила она.

Тед обернулся, посмотрел на пустой стул, потом на Лору.

– Они едут?

Она кивнула.

– Сколько у нас времени?

– Не знаю. Думаю, час.

Тед сел.

– Ну хорошо. Я хочу, чтобы ты поговорила с Холли. Обо мне будут рассказывать много страшных вещей, и почти все будет правдой. Если после этого она меня возненавидит, я не удивлюсь...

– Я с ней поговорю, обещаю.

– Если захочешь описать мой случай и издать книгу, я согласен. Хотя тебе мое согласие не требуется.

Лора не помнила, чтобы обсуждала это с Тедом.

– Я заметил, что ты приняла мою историю близко к сердцу, – сказал Тед, грустно улыбаясь. – Ты хорошо поработала. Иначе мы бы здесь не сидели, и никто так бы и не раскопал всю гнусность моей жизни.

– Тед... Как я тебе уже говорила, я думаю, что все немного сложнее.

– Нет, все просто. Я убил тех женщин... – Тед погрузился в состояние

полузабытья.

Мимо них со всех ног промчалась крыса, и Лора невольно вздрогнула. Крысы были повсюду. Очевидно, запах бензина заставил их всполошиться.

– Тед, я хочу поговорить о Блейне.

Он кивнул.

– Ты вспомнил о нем?

– Блейн – мой брат. Но я о нем не думал, пока ты не заговорила. Память возвращается постепенно, Лора. Как будто я брожу с фонариком внутри собственной головы... Где раньше была тьма, теперь все видно.

– Это очень хорошо.

У Теда было на этот счет другое мнение.

– Ты с самого начала это знала? Что Блейн – мой брат, я имею в виду.

– Нет. Полиция сопоставила некоторые факты.

– Полиция... – пробормотал Тед себе под нос.

Лора тут же пожалела о своих словах. Надо было постараться воссоздать обстановку сеанса психотерапии. А тут мало того что и место, и мебель выглядели дико, так она еще навела Теда на мысли о преследовании со стороны правоохранителей.

– Я узнал об этом на первом курсе университета, – сказал Тед. – В то время отец периодически предпринимал попытки помириться со мной. Действовал через тетюшку Одри, которая за меня переживала. Если честно, она заслуживала брата получше. Я скрепя сердце согласился на встречу, и он рассказал мне о Блейне. Даже фотографию показал.

– Почему он это сделал? Именно тогда, я имею в виду.

Тед пожал плечами.

– Нес какую-то чушь о том, что нам, мол, необходимо познакомиться, что мы одной крови и брат не должен расплачиваться за наши с отцом плохие отношения.

– Звучит вполне здраво.

– Еще бы. Мой отец всегда рассуждал, как самая здравомыслящая сволочь на свете. Но ты права. Почему именно тогда? Я учился в университете, а Блейн в школе. На самом деле, Лора, отцу в тот день приспичило поехать мне по мозгам, и он использовал первое, что подвернулось под руку. Вот и все. Единственное, что заботило этого подонка, – собственная шкура. Ему было по фигу, подружатся его сыновья или нет. Так и есть, будь уверена.

– И вы подружились?

– С Блейном? Нет, конечно. В тот день я, как обычно, поругался с отцом и ушел. Мне и в голову не пришло познакомиться с братом.

– Неужели ты не думал об этом? Твой отец правильно говорил: мальчик-то ни в чем не был виноват. Как и ты. Почему бы вам было не познакомиться?

– Я над этим не задумывался. Тот год в университете был сумасшедший. Но мне кажется, начини я общаться с Блейном, мне бы никогда не удалось окончательно порвать с отцом. Тем самым я как бы впустил его в свою жизнь. Судя по дальнейшим событиям, я все сделал правильно. Блейн оказался такой же мразью, как наш отец...

Тед замолчал и опустил глаза. Лора знала, о чем он думает. Она протянула руку и взяла его за подбородок.

– Смотри на меня, Тед.

– Похоже, и я не избежал той же участи, – сказал он.

Лора не отпускала его подбородок.

– Говорить о тебе мы пока не будем, еще не время. Не хочу говорить и о твоём отце. Давай поговорим о Блейне.

Лора убрала руку и слегка откинулась на спинку стула.

– Что ты хочешь узнать?

– Нам известно, что ты был в его доме. Помнишь, зачем ты туда ходил?

Тед этого не помнил.

– Когда я увидел заметку об убийстве его подружки, то сразу понял, что речь о моем брате. Я всего лишь раз видел его фотографию много лет назад, но лицо мне запомнилось. Он был чем-то похож на отца, особенно вот в этом месте... – Тед указал на переносицу. – Но я окончательно убедился, что это мой брат, когда увидел его в телерепортаже: он среди бела дня пытался скрыться на улице от журналиста. У него странная манера ходить: чуть наклонившись вперед, руки висят вдоль тела и не двигаются. Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так ходил...

– Что ты о нем подумал?

– Не знаю. Наверное, решил, что он виновен. На самом деле – не помню.

– Скажи, а сейчас что ты думаешь? О Блейне.

– Тебе это надо?

Лора кивнула.

– Блейн мой брат... Наверное, в нас что-то заложено. Что-то такое сидит у нас внутри.

– Это тебя успокаивает?

– Честно говоря, да.

– Ты мне сказал, что узнал о Блейне на первом курсе университета, но

не думал о нем, потому что год выдался сумасшедший. Что ты имел в виду?

Лора уже знала ответ, но предпочла, чтобы Тед дал его сам.

– Я в тот год убил человека. Его звали Томас Тайлер, он был преподавателем английской литературы. У него был роман с моей тогдашней девушкой, Джорджией. Именно его труп я видел во дворе «Лавендера».

Раздался пронзительный крысиный писк. Из противоположного угла на него отозвалась вторая крыса.

– Как ты это сделал? – спросила Лора.

– Они встречались по вечерам в парке рядом с библиотекой. Я дождался, когда Джорджия ушла, и подкрался сзади. Перерезал ему ножом горло и убежал. Следствие так ничего и не доказало.

Удивительно, насколько бесцветным механическим тоном Тед рассказывал о тех трагических событиях.

– Странно... В папках, которые ты хранишь наверху, речь идет только о женщинах.

– Тогда это было нечто... личное.

– Вы с Джорджией были сильно привязаны друг к другу?

Вопрос захватил Теда врасплох. Он за эти годы не раз думал о Джорджии, но всегда как о второстепенном персонаже. Честно говоря, он и лица-то ее толком не помнил.

– У нас было мало общего. Кажется, к тому времени мы начали друг от друга отдаляться, а после никогда не встречались.

Теперь кивнула Лора.

– Тем не менее преподавателя ты убил.

– Лора, зачем ты меня об этом спрашиваешь?

– Все это время мы пытались распутать сложный узел. Нам удалось его ослабить, но мы перестарались и достигли противоположного результата. Теперь приходится тянуть за все свободные нити, Тед. Твой брат Блейн – свободная нить, то же – убийство Тайлера и все эти погибшие девушки. Но мы упустили главную нить. Единственная возможность ее ухватить – нырять и нырять в твое прошлое, пока не доберемся до сути.

– Понимаю... Но разве это имеет значение? Результат все равно будет тот же.

– Для Холли и девочек результат может оказаться разным.

– О чем еще ты хочешь узнать?

– Хочу, чтобы ты рассказал мне, как убил первую женщину, Тед, – сказала Лора, глядя ему в глаза, – причем во всех подробностях. Расскажи все, что помнишь. Ее звали Элизабет Гарт, да?

– Ну если тебе так хочется...

Тед на секунду задумался, взгляд его устремился вдаль. Голос его опять стал глухим и монотонным.

– Элизабет Гарт была матерью-одиночкой, очень молодой. Ей было всего двадцать лет, она работала в кинотеатре Харперфилда, небольшого поселка рядом с тем, где я вырос. Ее сыну было два года, он жил с бабушкой и дедушкой где-то в Нью-Гэмпшире, хотя это я узнал позже. Она не была плохой матерью: ей хотелось малость подзаработать и забрать ребенка. Не думай, что родители не разрешали ей видиться с собственным сыном. Ничего подобного. Но они считали, что она не сможет вырастить его, поэтому забрали к себе. Особенно плохие отношения у нее были с отцом. Они практически не разговаривали. Он не простил ей того, что она забеременела. Даже после убийства, когда еще искали виновного, у него проскальзывали нотки упрека. Вроде как Элизабет сама нарывалась. Или того хуже: будто она это заслужила.

Тед помотал головой:

– Но она не нарывалась. Она была блондинка, очень тоненькая, хрупкая. Как и все остальные. Просто оказалась в неудачное время в неудачном месте. Она жила в квартире с еще двумя девушками, с которыми вместе работала. Они не дружили, скорее терпели друг друга. Нечего было и думать, чтобы везти ребенка в такую крохотную квартирку, поэтому она мечтала переехать. Развесила в кинотеатре и в ближайших магазинах объявления, написанные от руки: «Хорошо воспитанная и ответственная девушка предлагает услуги по уборке и уходу за пожилыми в обмен на скромное вознаграждение и жилье для себя и своего маленького сына». Внизу стояло ее имя: Эли.

– Ты позвонил ей и предложил вариант.

– Именно так. Это было очень просто. Если бы не ее обстоятельства, она никогда не согласилась бы встретиться с незнакомым человеком, да еще в таком удаленном месте. Я назначил ей встречу на пустынном шоссе в пригороде, где жили богатые коневоды. Припарковал машину на обочине. Она приехала на крохотной развалюхе, когда уже смеркалось. Дорога до дома была довольно запутанная, поэтому я ее и встретил на шоссе. Это, конечно, было вранье: никакого дома не существовало. Она бросила свою машину и пересела ко мне. В тот день она отработала две смены подряд и очень устала. Я назвал ее вдовцом, сказал, что моему сыну семь лет и что мы живем в огромном пустом доме. Она рассказала о своем отце, о сыне, о его отце, который исчез с концами, и я быстро завоевал ее доверие.

В какой-то момент до Элизабет дошло, что никакого дома нет и что я

заманил ее в ловушку. Она выскочила из машины и бросилась бежать через лес. Я запросто ее догнал. Она была слабенькая, почти не сопротивлялась.

– Ты зарезал ее ножом? – спросила Лора, как будто это был самый обычный на свете вопрос. – Ты перерезал ей горло, как Тайлеру?

Казалось, Тед искренне раскаивается, он чуть не плакал и просто молча кивнул.

– В вырезках из газет, которые я успела просмотреть, говорилось, что ее ударили ножом в грудь раз десять. Ты десять раз ударил ее ножом, Тед?

Он опять кивнул.

– Можно задать тебе еще один вопрос? – не спросила, а потребовала Лора. – Если ты договаривался с ней по телефону в ответ на ее объявление, откуда ты знал, как она выглядит? Почему был уверен, что она соответствует нужному образцу?

Тед сокрушенно покачал головой:

– Не знаю, Лора... Может, я засек ее, когда она расклеивала объявления? Ты думаешь, это важно?

– Да, Тед, это важно. Потому что многое из того, что ты рассказываешь мне об Элизабет Гарт, почерпнуто из вырезок, которые я только что прочитала.

– Так оно все и было.

– То, что собрано в той комнате, не храм воспоминаний, Тед... Это материалы расследования.

Тед смотрел на нее со смесью растерянности и досады. Лора продолжала:

– Элизабет Гарт погибла в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. Тебе было семь лет, Тед. Семь.

В эту секунду притихли даже крысы.

– Ты не убивал Элизабет Гарт и остальных девушек. Ты и Томаса Тайлера не убивал. Ты никого не убивал! Узрел наконец общий знаменатель?

1983

Тед лежал в своей комнате на потертом ковре перед портативной шахматной доской, когда услышал, как его мать закричала в первый раз. Он замер, ожидая, что крик повторится, и, почти не думая, отполз под кровать, откуда мог видеть щель под дверью. Если подойдет мама, он ее увидит. Папы дома не было.

Рядом с доской лежала потрепанная книжка с партиями Бобби Фишера, подарок соседа. Для Теда она превратилась в основной источник знаний. Скоро он выучит все партии наизусть, но пока книжка была просто незаменима. Доску ему тоже подарили, но анонимно, через церковь. К ней прилагались фигуры в количестве тридцати одной штуки. Взамен потерянной пешки мама сделала ему фигуру из фольги. Мама умела делать потрясающие вещи... но только если принимала лекарства.

Сегодня она их не приняла, Тед был в этом уверен. В последнее время папе приходилось заставлять ее принимать таблетки. Если его не было дома, она про них забывала, и тогда ее голова начинала выкидывать фокусы. Как Бобби, когда он разыгрывал хитрые комбинации, чтобы обмануть соперника и скрыть свои истинные планы.

Тед испугался. Он целый день провел у себя в комнате, разбирая партии Бобби, и теперь понял, что, возможно, совершил огромную ошибку. Мама не приготовила ему обед, ни разу не заглянула к нему, а он не спустился даже выпить стакан воды. Даже в туалет ни разу не сходил! Но если мама не забеспокоилась, значит, голова начала играть с ней свои злые шутки. Может, если бы он попробовал заговорить с ней раньше, удалось бы уломать ее принять лекарство. Но теперь – он знал – ничего не получится. И хуже всего, что единственным, кто мог все поправить – как сам Тед много раз объяснял себе, – был папа. Беда в том, что в последнее время они все чаще ссорились. Папе даже приходилось бить маму, чтобы она наконец поняла, что должна слушаться.

– Тедди!

Это кричала мама.

Что делать? А если с ней что-нибудь случилось? Бабушка его друга Ричи упала в ванной, и ее два дня не могли найти. Мама – не старушка, но могла обо что-то споткнуться, подумал Тед. Ему стало очень стыдно, что он не побежал к ней сразу. Он вылез из-под кровати, собрав всю свою

решимость. Он не знал, хочет ли, чтобы мама позвала его снова. Нельзя, чтобы она расшиблась, как бабушка Ричи, это понятно, но с другой стороны... Он знал, какая путаница бывает иногда у мамы в голове. Он взялся за ручку двери и начал потихоньку ее поворачивать.

Крик не повторился, и в пустом коридоре второго этажа от этого стало особенно жутко.

Тед спустился на несколько ступенек и присел на корточки. Выглянув в гостиную сквозь деревянные столбики перил, он быстро обнаружил начинающую сесть макушку Кристен Маккей за диваном. Тед не в первый раз заставлял ее в этой позе: она садилась на пол, упираясь спиной в спинку дивана, а вытянутыми ногами в стену. Почему-то так ей становилось спокойнее. Он очень медленно подошел к ней:

– Мама?

Кристен обернулась. В ее глазах Тед прочел все, что ему надо было знать. Смесь отчаяния и растерянности.

– Прячься! – Кристен схватила его за руку и потянула к себе так, что он шлепнулся на пол рядом с ней.

– Что случилось, мам?

– В доме чужие, – прошептала она.

Еще несколько месяцев назад Тед постарался бы поверить ей. *Это же мама!* Что-то внутри подсказывало ему, что он обязан ей верить. Но в глубине души он отлично знал, что, кроме них, никого дома нет.

– Ты лекарство приняла, мама?

Она уставилась на него, подняв бровь. Потом погладила его по голове.

– Тише, тише, Тедди.

– Кто в доме? – спросил он шепотом. – Ты их видела?

Кристен кивнула.

– Люди-антенны.

Тед в жизни не слышал о таких. И название его, конечно, испугало. Кристен обернулась и указала куда-то вверх дивана.

– Один из них на кухне. Недавно прошел по гостиной, я его отсюда видела. Они очень высокие, Тедди. Ему пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться о притолоку. Они тощие, у них муравьиная голова и длинные-предлинные антенны.

– Может, он уже ушел. Я пойду посмотрю...

– Нет! – Кристен впилась острыми ногтями в ручку Теда. – Это опасно. Я же говорю, что видела его сию секунду.

– Но что они ищут, мама?

Она на мгновение задумалась.

– Ты умный мальчик, Тедди. Эти лекарства, как ты их называешь, вовсе не лекарства... Они мне не помогают. Твой отец заставляет меня принимать таблетки, чтобы избавиться от меня. Он хочет, чтобы я весь день лежала в постели одурманенная.

– Папа нас любит, – сказал Тед, хотя в семь лет уже начинал в этом сомневаться.

– Я спустила таблетки в раковину на кухне. Поэтому и пришли люди-антенны.

– Все таблетки?!

Лекарство было дорогущее. Папа все время на это жаловался. Иногда Кристен выбрасывала одну-две таблетки в унитаз, и после этого начиналась бесконечная ссора. А теперь она уничтожила *все*.

– Люди-антенны об этом знают, они улавливают это своими антеннами. Потому и пришли.

Тед не вытерпел и бегом помчался на кухню. Мама попыталась удержать его, но он оказался проворнее.

– Нет! – закричала Кристен, обернулась и, стоя на коленях, увидела, как ее единственный сын вбегает в кухню.

– Тут нет ниче!.. – Тед подбежал к раковине. Сбоку валялась груда картонных упаковок. Все пустые. Мама сказала правду: все таблетки отправились в сливную трубу. Его затрясло. Было страшно даже представить себе, к чему это приведет...

Он так же бегом вернулся в гостиную. Мама все еще сидела за диваном.

– На кухне никаких людей-антенн нет! Людей-антенн не бывает. Ты выбросила все таблетки!

Она поползла к нему и хотела схватить за руку. Он вырвался и отскочил.

– Папа рассердится!

– Твой отец ненавидит нас, Тедди. У него есть другая женщина. Поэтому он хочет избавиться от меня, а потом придет твоя очередь. Он отправит тебя в приют и...

– Замолчи!

Кристен выползла из-под защиты дивана, снова пытаясь поймать Теда за руку. И снова безуспешно.

– Ты во всем виновата! Я тебя ненавижу!

Что-то изменилось в лице Кристен. Она снова спряталась за диваном. Заговорила тише.

– Ты не мой Тедди... Ты один из них. – Кристен указала в сторону

кухни. – Вы держите его там, да?

Тед всхлипнул. Не смог сдержаться.

– Ты меня не обманешь. Убирайся!

– Мама...

Она мотала головой. Глаза ее были широко открыты. Тед знал, что ничего не может поделать. Знал он и то, что дальше будет только хуже. Он бросился в свою комнату, закрыл за собой дверь и залез под кровать. Шахматная доска и книжка Бобби Фишера по-прежнему лежали на полу. Он отшвырнул их в сторону, уткнулся лицом в сгиб локтя и горько расплакался.

Примерно через полчаса, показавшиеся Теду вечностью, до него донеслись звуки, которых он так боялся. Перед домом остановилась машина Фрэнка Маккея. Тед выскочил из укрытия, словно подброшенный пружиной, и зажмурился от яркого света. Потом подошел к окну. Да, отец выходил из своего «мустанга». Тед не обратил внимания на то, что он оставил окно машины открытым. Папа всегда оставлял окно открытым, если скоро собирался опять уезжать.

Громовой голос Фрэнка разнесся по всему дому. Тед мог бы опять спрятаться под кроватью – понятно, это не помешало бы ему слышать все, что происходит на первом этаже, – но почему-то открыл дверь и проскользнул на лестницу. Могло произойти что-то очень плохое. Теду было страшно.

Фрэнк почти сразу прошел на кухню и обнаружил около раковины следы преступления.

– Ах ты зараза! – заорал он. – Ах ты мразь! Шлюха подзаборная!

Ругался Фрэнк виртуозно.

Кристен не отвечала. Тед представлял себе, как она сидит за диваном. Что-то с грохотом разбилось: то ли кувшин, то ли ваза, то ли лампа из гостиной.

– Я уйду из этого дома, слышишь? Единственное, что от тебя требуется, – это проглотить две гребаные таблетки. И даже на это ты не способна! Потому что ты безмозглая тварь!

– Отойди от меня! – вскрикнула Кристен.

– Еще чего!

– Не трогай меня!

– Дернись мне еще, сука!

– Отку...

Звонкая оплеуха заставила Кристен немедленно замолчать. Вслед за первым прилетело еще два удара. Фрэнк был мастером не только ругаться.

– Глотай, дура!

– Откуда... – Кристен говорила с трудом.

– Откуда у меня таблетки? Припрятал, вот откуда! Я знал, что рано или поздно ты попробуешь что-нибудь такое учудить. Только и думаешь, чем еще меня достать. Глотай, дрянь! Рот открой, кому сказано? Не смей кусаться, скотина!

Удар. Почти наверняка ладонью, потому что прозвучал он, как щелчок хлыста.

– Еще одну глотай! Только попробуй выплюнуть!

Мама никогда не принимала две таблетки сразу. Врач велел ей принимать по одной каждые восемь часов, Тед прекрасно это знал.

– На этот раз сожрешь три, – с расстановкой процедил Фрэнк, наслаждаясь своей властью.

Три! Тед был в ужасе. В конце концов, две еще можно было объяснить, раз одну она пропустила. Но три? Какой был смысл в том, чтобы заставлять маму проглотить три огромные таблетки?

– Я уйду из этого дома. Слышишь, Кристен? Уйду и никогда не вернусь. Пусть тобой займется бюджет... Вот здорово будет, а?

Мама ничего не ответила. Наверное, заснула быстрее, чем обычно. Все-таки она приняла целых три таблетки.

Тобой займется бюджет.

Тед услышал на лестнице шаги Фрэнка и испугался. Он бросился в свою комнату, закрыл за собой дверь, забрался в постель и притворился спящим. Дверь открылась и снова закрылась. Тед надеялся, что папа поверил, что он проспал весь скандал, хотя поверить в это было трудно.

Потом в душе зашумела вода, и Тед вылез из постели.

Обычно папа принимал душ по утрам. Если он пошел в душ среди дня, значит, собрался куда-то ехать. И тут Тед понял. Фрэнк уходит из дома! Ведь он сам только что об этом сказал!

Я уйду из дома, Кристен.

Тед принял решение. Он уложил под одеяло несколько подушек, чтобы казалось, будто он там спит, взял сумку и сунул в нее пару комплектов белья. Поставил сумку на кровать и задумался, стоит ли выходить сейчас. Папа все еще был в душе, и Тед чуть успокоился. Он спустился на первый этаж. Мама по-прежнему сидела за диваном – ноги в стороны, голова свесилась набок. Она дремала.

– Тедди... – пробормотала она, с трудом открывая глаза.

Тед поцеловал ее в лоб.

– Я не ненавижу тебя, мама.

Пусть тобой займется бюджет.

На губах Кристен Маккей появилась слабая улыбка.

Тед вернулся к себе в комнату, взял шахматную доску и книгу Бобби, вылез в окно и по крыше добрался до боковой стены, по которой спускался вниз много раз. «Мустанг» Фрэнка ждал его. У Теда не было ключей от багажника, но это не имело никакого значения. Он проскользнул в открытое окно, перелез на заднее сиденье, потянул за спинку и... готово!

Он уедет с папой. Сейчас папа в ярости, но, когда злость пройдет, он поймет Теда.

И маме без них будет лучше. Тед не совсем понимал, кто такой этот «Госбюджет» и как он будет заботиться о маме, но наверняка у него это получится лучше, чем у Фрэнка Маккея.

Он свернулся в багажнике калачиком и стал ждать.

1983

В багажнике он с его ростом устроился вполне комфортно и сам не заметил, как уснул. К счастью для себя, потому что не успел подумать о том, что будет, если папа решит взять с собой чемодан. Мысль о чемодане пришла Теду в голову, когда машина уже тронулась. К тому времени волноваться не имело смысла. У папы хватит денег, чтобы купить им все необходимое.

Тед представления не имел, куда они едут. Вскоре он обнаружил, что если снизу надавить на угол полки багажника, то появляется щелка, сквозь которую видно, что происходит в салоне. Он и правда видел неподвижный силуэт Фрэнка, а впереди – дорогу. Они выехали из города.

Прошел час или около того. Тед вдруг обнаружил, что прижимает к груди шахматную доску и что его опять клонит в сон. Он начал уже привыкать к мысли, что путешествие затянется надолго, когда «мустанг» притормозил и остановился. Тед подождал несколько секунд, широко раскрыв глаза в полной темноте, потом повернулся, отложил шахматную доску и осторожно приподнял край полки. Яркий свет заставил его зажмуриться. Он ненадолго ослеп, но слышал, как Фрэнк вышел из машины: дверь открылась и снова захлопнулась.

Снаружи слышались голоса. Один, понятно, принадлежал Фрэнку, а другой был женский. Двери открылись, и машина качнулась, как бывает, когда двое садятся в нее почти одновременно. Тед прильнул к своей щели, но пассажирское сиденье через нее не просматривалось.

А если попробовать нажать с другой стороны? Нет, ничего не вышло. Там полка была приделана прочно.

– Извини, что раньше не смогла, – сказала женщина. – Сегодня две смены отработала.

Тед окаменел. Папа всегда говорил, что терпеть не может автостопщиков. Пока он работал торговым агентом, успел насмотреться на эту, как он выражался, шушеру. Севшая в машину девушка (Тед был уверен, что она гораздо моложе его отца) не была автостопщицей. *Извини, что раньше не смогла.*

– Ничего страшного, – ответил Фрэнк. – У меня в офисе тоже был трудный день.

В офисе?

– Нам далеко?

– Не очень. Ехать на двух машинах нет смысла... По дороге ближе познакомимся.

Тед больше не подглядывал. Он слушал, прижавшись ухом к полке.

А если мама была права? Может, это и есть другая женщина, о которой она сегодня говорила? При мысли о бедной маме, сидящей в гостиной за диваном, сердце Теда сжалось от боли. Мама выпила три таблетки...

Нет, не сама выпила. Папа ее заставил.

Скорее всего, она так и будет сидеть где сидела до глубокой ночи. Очнется, а вокруг тьма... И дома никого. Что, если этот Госбюджет не скоро ее найдет?

У Теда мурашки пробежали по коже. Мысленным взором он видел темную гостиную и беспомощную маму за диваном. Над ней склонились люди-антенны, время от времени поворачивая друг к другу свои муравьиные головы.

Фрэнк назвал девушку по имени. Элизабет. Они заговорили о ее маленьком сыне, который жил где-то с дедушкой и бабушкой. Но Тед слишком углубился в собственные мысли, так что не особо прислушивался. Он еще не готов был себе признаться в том, что, кажется, совершил ошибку, бросив мать на произвол судьбы.

Серьезную ошибку.

– ... его отец так никогда его и не видел, – говорила Элизабет. – Он знает о сыне, я ему, конечно, сказала. Но он ни разу им не поинтересовался. А у тебя что?

– Я овдовел, и дом стал для меня слишком велик, – сказал Фрэнк Маккей. – Тедди всего семь лет, и я иногда думаю, что он так и вырастет в одиночестве...

Вдовец? Тедди? Отец никогда не называл его Тедди.

Что происходит?

Теду пришлось приподнять полку повыше и посмотреть, что там творится. Он не верил своим ушам. Он не рос в одиночестве: у него была мама! И дом у них был скорее маленький, если сравнить с соседскими. Папа говорил неправду. Тед попытался извернуться так, чтобы увидеть Элизабет, но у него ничего не вышло. Зато он разглядел в щелку зеркало заднего вида и... встретился глазами с отцом. Папа смотрел прямо на него!

Тед отпустил полку, которая сухо щелкнула о сиденье, и растянулся на дне багажника.

Папа тебя не видел. Он смотрел назад, на дорогу. Это ведь зеркало заднего вида.

- Что это было? – спросила Элизабет.
- Ты о чем?
- Мне показалось, что-то щелкнуло.
- Ничего не щелкало.
- Далеко нам еще?
- Не очень.

Потом настала тишина. Тед полностью утратил представление о беге времени и не мог бы сказать, как долго они еще ехали.

– Можно на минутку остановиться? – спросила вдруг Элизабет. – У меня срочная надобность.

– Мы уже подъезжаем. Полкилометра – и комфортабельная уборная к твоим услугам.

– Я не могу ждать.

– Можешь, – отрезал Фрэнк. Теду хорошо был знаком этот тон. Не терпящий возражений.

«Мустанг» разгонялся все сильнее.

– И не вздумай открывать дверь. Слышишь?

Элизабет пронзительно закричала:

– Выпусти меня!

Тед затаил дыхание.

Через несколько секунд они остановились.

– Видишь? – спокойно проговорил Фрэнк. – Если откроешь дверь, воткну его тебе в ногу.

Тед не смотрел в щелку. Он не понимал, что происходит, но узнавал властный и непреклонный тон отца.

– Не делай мне ничего, – взмолилась Элизабет. – У меня ребенок.

– Нет у тебя ребенка.

Фрэнк почему-то зазвенел ключами, потом открыл дверцу и вышел. Через несколько секунд открыл дверь со стороны своей попутчицы.

– Не хочу машину пачкать. Поняла? Да?

– Не надо! – Дрожащий голос девушки перешел в рыдания.

– Выходи.

– Не надо, прошу тебя!

– Боишься?

Элизабет всхлипывала и не могла остановиться. Фрэнк что-то делал с ней, но Тед не смел подсмотреть, что именно.

– Ну хорошо, хорошо, я пойду с тобой, – говорила Элизабет, не переставая рыдать.

Она вышла из машины, и через секунды раздался ее

душераздирающий крик. Тед за всю свою короткую жизнь не слышал ничего ужаснее. Крики не прекращались, Теду пришлось зажать себе уши, но это не помогло.

Через некоторое время Фрэнк вернулся в машину, завел мотор и тронулся с места, насвистывая свою любимую мелодию.

Наши дни

В подвале старой фабрики опять засуетились крысы. Они нервничали, чуя бензин, и, уже не скрываясь, шастали у самых ног Теда и Лоры. Некоторые даже останавливались и смотрели на них.

– Ты не убивал тех женщин, – сказала Лора. – Их убил твой отец.

Он глянул на нее растерянно.

– Возможно, ты всегда это подозревал, – продолжала она, – а когда Фрэнк умер, подозрение переросло в уверенность.

– Сон про девушек в багажнике... – сказал Тед скорее себе, чем Лоре. Правда обрушилась на него сокрушительным ударом. Он поднял голову. Глаза его были широко раскрыты.

– Что?

– Отец пытался меня убить, – потрясенно произнес Тед.

Лора пришла к тому же выводу.

– Я помню один из последних разговоров с ним. Я тогда учился в университете. Он сказал, что Блейн – мой брат. В тот день я так на него разозлился из-за матери, что проболтался ему о своих снах. Я рассказал, что мне снятся женщины в багажнике «мустанга».

Тед замолчал.

Мальчик прильнул к своей щели, но пассажирского сиденья сквозь нее видно не было.

– Он, наверное, понял, что рано или поздно я все вспомню. И в тот же вечер этот подонок явился искать меня в кампусе.

– Тайлер был с твоей девушкой, – добавила Лора. – К тому же на нем была студенческая куртка.

Тед вскочил. Крыса, смотревшая на него из люка в полу, юркнула назад.

– Даже помереть умудрился вовремя. Вспомни я это раньше... Теперь-то все без толку.

– Тед, сядь, пожалуйста. И не говори так. Многие семьи получают ответ на свои вопросы.

– Да, конечно: маньяк запугал и замучил ваших дочерей. Хорош ответ. Он мертв, Лора, сдох во сне от рака. Ты можешь представить себе большую несправедливость?

– Нет, если честно. Но ты в этом не виноват.

Молчание.

– Если бы я вспомнил раньше...

– Нам стоило больших усилий прийти к тому, к чему мы пришли, Тед. Психотерапия и препараты, конечно, сделали свое дело, но в конечном счете добился этого ты. И сделал это ради Холли, ради дочек.

Он кивнул. Семья казалась ему теперь далекой галактикой.

– Ты помнишь, как узнал об этом, Тед? Сны тебе подсказали?

– Не думаю, – с сомнением в голосе проговорил Тед. – Сны мне снились всегда. Пожалуй, все началось с Блейна... Когда я увидел его по телевизору и понял, что это мой брат, то подумал: может, это отец убил его подружку. Вроде как оказал ему услугу или что-то в этом роде. Это была... бессознательная мысль... не знаю. Я подумал, что у отца диагностировали рак в терминальной стадии, и он вполне мог на такое пойти.

– Понятно. И у тебя возникли подозрения...

– Да, наверное, так. Поэтому я стал следить за Блейном. Мне надо было узнать о нем побольше, проверить, имеет ли он к этому отношение. Но к тому времени я уже знал, чем занимался мой отец... Шахматные турниры, Лора. Так я узнал об убийствах. Он пользовался поездками на шахматные турниры, чтобы убивать беззащитных женщин.

– Посмотри на меня, Тед. Мы уже все знаем. Твой отец умер, а твоя семья ждет тебя. Смотри на меня.

– Знаешь, не все так просто. Я причинил им зло... – Глаза Теда наполнились слезами. – Как там Джастин?

– Боюсь, все еще в коме. Хотя врачи настроены скорее оптимистически.

– Я чуть не до смерти избил друга.

– Ты в это время был не в себе. Тяжесть вины за убийства, которых ты не совершал, давила на тебя, Тед. Ты чувствовал себя ответственным за них и действовал иррационально. Джастину что-то стало известно, да?

– Да, думаю, что так. Я узнал, что он за мной шпионит. Однажды я, когда выходил из дома Блейна, заметил его: он сидел в своей машине. Я нанял детектива, чтобы следить за ним, и таким образом узнал, что он встречается с Холли. – Тед грустно улыбнулся. – Бедняга детектив, наверное, решил, что разворошил осиное гнездо. Но роман Холли и Джастина не был для меня проблемой. Проблема была в том, что Джастин выследил меня здесь. Возможно, он видел, что я храню в своем бывшем кабинете, куда ты заходила.

– Джастин вызвал тебя к себе в контору, чтобы поговорить об убийствах?

– Честно говоря, не знаю. Возможно, он хотел поговорить о другом. Но было слишком поздно... Я был сильно не в себе, теперь мне это ясно.

– Джастин выздоровеет и все поймет, я уверена. Ты был тогда в тяжелом состоянии, Тед.

– Знаю. Я уже решил свести счеты с жизнью, сходил к Робишо по поводу завещания и вообразил, что у меня опухоль мозга, которая меня убивает.

– Тебе не кажется, что сейчас все гораздо лучше?

Тед знал, что лучше станет только тогда, когда придет в себя его друг.

– Думаю, да.

Лора встала. Тед смотрел на нее недоверчиво, не понимая, что она задумала. Даже когда она протянула ему руку, он не понял, что с ней делать.

– Ты молодец, Тед.

Он неловко поднялся и пожал ей руку.

– Спасибо за все, Лора, – прошептал он срывающимся голосом.

Тут они услышали позади шум, слишком громкий для того, чтобы списать его на крыс. Лора вздрогнула. У Теда мороз прошел по коже, когда он вспомнил, что оставил за тумбой скованного охранника. Боже, он ведь обрушил на него все эти пишущие машинки! Прежде чем бросить Ли за тумбой, он убедился, что тот дышит, хотя и мог быть серьезно ранен. Эта мысль обожгла Теда, когда из полумрака за конусом света, падавшим только на него и Лору, серой тенью поднялся Ли Стиллиуэлл.

Лора обернулась и испугалась, увидев Ли на ногах: она почти забыла о его существовании.

– Отпусти нас сейчас же, ублюдок, – произнес Ли.

Скованные руки охранник держал на уровне груди. В них был зажат какой-то маленький предмет. На таком расстоянии нельзя было разобрать, что это, пока вслед за легким щелчком не полыхнул крошечный огонек.

Наши дни

Маркус сидел на пассажирском сиденье. Машину вел Боб. Первые полчаса они разговаривали, потом молчание прерывали только сообщения от агентов ФБР, которые выехали одновременно с ними из Олбани и должны были прибыть на место раньше.

Когда ехать оставалось примерно полчаса, группа ФБР в последний раз вышла на связь. Боб прослушал сообщение. Новости, похоже, были плохие.

– Там был пожар, – сказал он после того, как закончил разговор с агентами. – Похоже, использовали какое-то горючее, потому что огонь распространялся очень быстро.

– Пожар? – Маркус растерялся. Ему не хотелось задавать вопрос, ответа на который он так боялся.

– Подразделение из Олбани застало на месте пожарных. Кто-то увидел дым и позвонил им, но приехали они поздно.

– Что значит поздно? – Маркус не мог держать себя в руках. – Что это значит?

– Двое погибших. Выжил только один человек.

– Кто? – спросил Маркус, не отрывая прижатых к лицу ладоней.

Наши дни

Ли почему-то решил, что припугнуть Теда зажигалкой – удачная идея. То ли контузия лишила его способности ясно мыслить, то ли он никогда не слышал о парах бензина, потому что, едва крошечный синий огонек превратился в огромный шар огня, на лице его возникло искреннее изумление. Он на миг выпучил свои маленькие глазки, пока не завопил от боли, кружась в бешеном танце внутри огненного шара.

У Лоры и Теда не осталось времени на раздумья. Стена пламени двинулась на них, протягивая свои огненные щупальца. Тед и Лора бросились в разные стороны. Крики Ли звучали все пронзительнее, помещение наполнил запах горелого мяса.

Пожар разделил подвал надвое, и Лора оказалась отрезанной от входа. Охранник в агонии издавал последние вопли, а она пыталась проникнуть на другую половину, но путь ей преграждала полоса огня. Дым становился все гуще. Одна за другой взрывались лампочки. Верещали крысы.

Тед кричал ей что-то с другой стороны подвала, пытаясь сдвинуть еще не охваченный пламенем зеленый диван, надеясь, что он послужит Лоре чем-то вроде моста, но огонь уже добрался до его рубахи. Он содрал ее с себя и закрыл ею рот, чтобы не задохнуться. Он что-то кричал Лоре.

– Что?! – Лора была метрах в десяти от него, но ей приходилось отступать все дальше. Она тоже сняла блузку и дышала через нее, но воздуха оставалось все меньше.

Тед убрал рубаху от лица и снова крикнул:

– Люк, Лора! Заберись в него и закрой крышку.

На этот раз Лора его поняла. Но добраться до люка было невозможно из-за полосы пламени.

– Тед, я не могу!

Он еще что-то крикнул, но треск пламени заглушил его слова. Дым стал таким густым, что Лора не выдержала и убрала ото рта блузку. Она тут же зашлась в кашле и упала на колени. Как ни странно, оказалось, что у самого пола дышится легче. Она приказала себе ползти, прижимаясь к плинтусу. Вдоль стены выстроилось несколько металлических столов, образуя туннель, по которому она и двинулась вперед. Два или три раза путь ей преградил огонь, так что пришлось вылезать из импровизированного туннеля. Чем ближе к входу, тем гуще становился

дым.

Ей оставалось преодолеть еще метров восемь. Она проползла примерно половину, когда перед ней встала красная стена. Вылезать из-под стола не имело смысла – там было то же самое. Оглянувшись назад, Лора поняла, что возвращаться тоже некуда.

Она громко окликнула Теда, но ответа не услышала. Выбрался он из подвала или лежит без сознания? Полиция должна была приехать с минуты на минуту. Если бы добраться до люка, закрыться и переждать там некоторое время. Пламя утихнет. Она будет кричать, и снаружи кто-нибудь ее услышит.

Как попасть к люку? Оставить этот туннель и пробираться к нему круглым путем? Или попробовать прорваться сквозь завесу пламени? Ради Уолтера стоило попытаться.

Замотав голову блузкой, она прикрыла лицо локтем, словно щитом, и рванулась вперед.

Эпилог

Два года спустя

Публика встретила Ренделла Форестера громом аплодисментов. Последние три года он вел на четвертом канале криминальные новости и успел добиться невероятной популярности. Не последнюю роль в его стремительном взлете сыграло дело Фрэнка Маккея. Ренделл был молод и обаятелен, но главное, умел балансировать на тонкой грани, не скатываясь в желтизну, потакание нездоровым интересам публики, но и не углубляясь в скучные технические подробности этого запутанного расследования.

На установленном сбоку сцены экране появилось лицо со знакомым всем пронизывающим взглядом с подписью внизу:

ХАМХЕРСТВИЛЬСКИЙ ПОТРОШИТЕЛЬ

Фрэнк Эдмунд Маккей

1951–2011

Публика притихла. Из динамиков зазвучал голос журналиста:

– Семья среднего достатка из крошечного поселка под названием Хамхерствиль. Отец, день и ночь трудившийся на металлургическом заводе. Мать, которой пришлось поработать и кухаркой, и прачкой, и продавщицей, и уборщицей. Лет до двенадцати, пока не появилась на свет его сестренка Одри, маленький Фрэнк рос очень одиноким ребенком.

Ренделл двигался по сцене с уверенностью опытного телеведущего, не вынимая одной руки из кармана. Он то устремлял взгляд на публику, то смотрел поверх голов в пространство, будто надеялся увидеть в нем очертания далекого прошлого, дающего ключ ко всей истории.

– Вот немного, что нам известно о первых годах его жизни. Что в точности происходило в семействе Маккей, возможно, навсегда останется для нас тайной. В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году Ральф и Тереза Маккей вместе с детьми перебрались в столицу штата, почти не оставив по себе памяти и лишая нас возможности реконструировать те давние события.

На экране появилась черно-белая групповая фотография школьников. Два лица были обведены кругами, одно из них – со знакомыми большими бездонными глазами.

– Фрэнк рано научился маскировать свой характер и манипулировать окружающими. Он прекрасно учился и обладал умственными способностями намного выше среднего. У учителей никогда не было с ним проблем, он не привлекал к себе особого внимания. Пожалуй, одному лишь Эндрю Доббинсу, единственному другу Фрэнка тех лет, удалось угадать в нем истинную сущность будущего серийного убийцы.

В этом месте Ренделл сделал паузу. Он уже много раз произносил эту речь и знал, что надо дать публике время осмыслить услышанное.

– Когда всплыла эта история, все, кто знал Фрэнка Маккея, удивились и ужаснулись. Его сестра, его бывшая жена, соседи, компаньон... Все, кроме Эндрю Доббинса. Эндрю Доббинс, в последний раз видевший Фрэнка, когда обоим было по десять лет, – Доббинсы тоже переехали в город, – сразу поверил, что облетевшая всю страну новость может оказаться правдой. На самом деле он знал, что это и есть правда. Потому что Эндрю Доббинс был первым и, как я уже сказал, единственным, кто заглянул в бездну и увидел истинное лицо этого человека.

В какой-то момент изображение на экране поменялось. На этот раз появилась фотография, на которой молодой двадцатилетний Фрэнк позировал на фоне красной машины. На первый взгляд, в его улыбающемся лице не было ничего особенного. Однако по мере того, как приближалась камера, становилось все заметнее, что в его глазах застыло выражение, от которого каждому смотрящему делалось не по себе.

– Фрэнк Маккей не был ни образцовым мужем, ни идеальным соседом, ни тем более хорошим отцом... Но по мнению тех, кто его знал, не был и убийцей. *Не мог* быть убийцей. Человек темпераментный, импульсивный – возможно. Убийца? Нет, исключено. Сколько раз мы слышали подобное о других злодеях? Когда такие, как Маккей, прячутся под маской нормальных людей, их нельзя вычислить, и они спокойно живут среди нас. Ощущение собственной безнаказанности и превосходства над окружающими и заставляет их продолжать творить черные дела. Не только желание убивать и мучить, но и сознание своего всемогущества... Эндрю Доббинс жил через пару домов от Фрэнка. Они вместе ходили в школу, вместе возвращались, и подружились. Однажды Фрэнк пригласил Эндрю к себе. Было лето, родители еще не вернулись с работы, так что мальчики были одни. Фрэнк сказал, что не хочет кататься на велосипеде и играть. Он повел Эндрю в сад и показал ему несколько склянок с пауками,

жуками и другими крупными насекомыми. С собой у Фрэнка был складной ножик; он купил его у кого-то из старших мальчиков; никто, кроме Эндрю, не знал о существовании этого ножика. Это был их общий секрет. В тот день в саду Фрэнк попросил друга выбрать одно насекомое. Эндрю выбрал средних размеров паука, который казался довольно вялым. Он предполагал, что Фрэнк убьет паука ножом – уже тогда он считал, что приятель на это способен, – и, надо сказать, не очень беспокоился. Кто из нас не убивал пауков? Эндрю готов был участвовать в этой игре, не догадываясь, что на самом деле задумал приятель.

Хотя дело Хамхерствильского потрошителя было досконально изучено, большинство журналистов сосредоточилось на убийствах, произошедших в более поздний период. Пресса часто пишет о монстрах, акцентируя внимание на их жутких поступках и игнорируя их личность. Но Ренделл давно заметил, что некоторые детали способны произвести на аудиторию гораздо более сильное впечатление, чем рассказ о самом извращенном убийстве. И правда, публика затаила дыхание.

– Фрэнк не стал убивать паука ножом. Он отрезал ему четыре лапки, и они вместе с Эндрю наблюдали, как паук пытается убежать, и смеялись над тем, что он ходит и ходит кругами. Потом Фрэнк отрезал ему еще одну лапку, а потом еще одну, объясняя приятелю, что нельзя отрезать конечности слишком близко к телу паука, потому что тогда он умрет слишком скоро. В конце концов у бедного паука осталась всего одна лапка, которой он мог только царапать землю, вращаясь вокруг своей оси, пока не умер. В конце лета Фрэнк снова пригласил к себе Эндрю. Он сказал, что хочет поставить особый опыт – так Фрэнк называл издевательства над насекомыми, которыми они оба занимались уже раза три-четыре, – и Эндрю очень обрадовался. К тому времени он был буквально заморожен другом, чуть ли не благоговел перед ним. Фрэнк повел его в сад, но на этот раз склянок с насекомыми там не было, а стояла корзинка с котенком месяцев трех-четырёх, как много лет спустя рассказал Эндрю Доббинс, с явным сожалением признавая, что, если и угадал намерения Фрэнка, не слишком расстроился. Ему никогда особенно не нравились кошки... Фрэнк растянул лапы котенка в стороны тонкими веревками. Зафиксировав визжавшего котенка, он ножом выколол ему глаза, а потом стал зажигалкой жечь ему живот, уши, морду... пока котенок не умер. Эндрю почти сразу прекратил ходить к Фрэнку в гости, и, возможно, это стало для юного Маккея сигналом. Сигналом, предупреждавшим о том, что может случиться, если посторонние поймут, какова его истинная натура.

Экран в этот момент был пуст. Ренделл подождал несколько секунд,

пока не появилось лицо девушки лет двадцати.

– Едва ли Элизабет Гарт была первой из его жертв, но без сомнения – одной из первых, потому что Маккей никогда больше не совершал убийств неподалеку от Бостона...

Ренделл задумался, медленно покачал головой и добавил:

– Впрочем, доподлинно это не известно... Но главное в нашем рассказе еще впереди. В конце концов, для того мы здесь сегодня и собрались... То, как Фрэнк Маккей убил Элизабет Гарт, юную мать-одиночку, доказывает, что в то время он еще только набирался опыта. Мало того, что он убил ее сравнительно недалеко от своего дома, он еще и установил с ней определенный контакт, благодаря которому его еще тогда могли арестовать. На руках и ногах Элизабет было много ножевых ранений, но ее смерть была быстрой. Совсем иначе Фрэнк обходился с жертвами последующих убийств, которых, прежде чем прикончить, подолгу мучил. О чем думал Маккей после убийства Элизабет Гарт? Готов поспорить, что он, во-первых, испытал наслаждение, поэтому не собирался останавливаться, а во-вторых, понял, что, допусти он малейшую оплошность, его схватят. Он разработал систему, которая позволила ему снова и снова безнаказанно убивать. С восемьдесят третьего по восемьдесят девятый год он совершил как минимум семь убийств, и все за пределами штата. Жертвами становились молодые женщины, но это было единственной общей чертой всех преступлений. Фрэнк убивал ножом, молотком, душил голыми руками; жертвы выбирал наугад, сводя контакт с ними к минимуму. В те годы он использовал для маскировки шахматные турниры, на которые сопровождал своего сына Теда. Пока мальчик играл в шахматы, его отец заманивал очередную жертву, вывозил в какое-нибудь укромное место, два-три часа над ней измывался, а потом убивал. Несмотря на невиданную жестокость, распознать почерк преступника было практически невозможно.

На экране, сменяя друг друга, появлялись портреты жертв.

– Фрэнк Маккей так и умер неразоблаченным. На его совести гибель девятнадцати женщин и двоих мужчин, и есть подозрение, что еще пятнадцать убийств – дело его рук. Даже при помощи современных систем, способных анализировать базы данных, обнаружить в этих убийствах черты сходства не представляется возможным.

На экране появилось изображение круглого лабиринта.

– Я говорил, что истинного Фрэнка Маккея, скорее всего, не знал никто, кроме друга его детства Эндрю Доббинса, но это не совсем верно. Я думаю, что его первая жена Кристен Маккей, многие годы страдавшая от его побоев и издевательств, отлично понимала, какими демонами одержим

ее муж. Но Кристен страдала психическим заболеванием, которое с годами только усугублялось. Свидетелем путешествий своего отца был Тед, малолетний сын Маккея, – шахматный вундеркинд, а в будущем успешный бизнесмен. Тед, сам не догадываясь об этом, с детства знал ответы на многие вопросы.

Ренделл указал на лабиринт.

– Сегодня и мы можем ознакомиться с его захватывающей историей.

Изображение лабиринта стало медленно удаляться, пока не превратилось в часть книжной обложки. Под названием «Последний шанс» красным шрифтом было напечатано имя автора.

– Дамы и господа, разрешите представить вам человека, благодаря которому тайное наконец стало явным. С нами доктор Лора Хилл.

Под дружные аплодисменты Лора быстро вышла к столику, установленному под экраном. Это была уже третья по счету презентация книги, но нервничала Лора, как в первый раз. Она отыскала глазами Дэдэ, сидевшую в зале и восторженно хлопавшую в ладоши, и это придало Лоре сил. С сестрой ее всегда связывали теплые отношения, но в последнее время, после увольнения из «Лавендера» и разрыва с Маркусом, Дэдэ стала ее единственной опорой, не считая Уолтера, конечно. Именно Дэдэ настояла на том, чтобы Лора закончила работу над рукописью, когда обстановка в «Лавендере» стала невыносимой. «Потрясающая книга! Если в клинике этого не понимают и смеют ставить тебе ультиматумы, посылай их ко всем чертям. Не удивлюсь, кстати, если твой бойфренд умоет руки: он никогда мне не нравился».

Дэдэ не ошиблась.

– Добро пожаловать!

– Спасибо, Ренделл.

Для выступления Лора выбрала юбку горчичного цвета и белую блузку с длинными рукавами. Вся одежда с длинными рукавами. Садясь и складывая руки на коленях, Лора машинально проверила, закрыто ли ее правое запястье. Из-под манжеты показалась крохотная полоска обожженной кожи.

– Прежде всего, – сказал Ренделл, – должен признаться, что я воспринял предложение провести эту встречу как высокую честь.

Лора кивнула.

– Ты произнес великолепное вступительное слово.

– Спасибо.

Журналист бросил взгляд на экран, по-прежнему показывающий обложку книги, и спросил, словно озаренный внезапной мыслью:

– Лора, а почему ты выбрала для иллюстрации книги лабиринт?

– О, меня всегда завораживали лабиринты. Я выросла в Хокмуне, в Северной Каролине. Там был небольшой парк аттракционов. Его владелец, замечательный человек по фамилии Адамс, вопреки всем прогнозам долгие годы не закрывал парк. Главным аттракционом в нем был большой круглый лабиринт.

– Ты имеешь в виду зеленый лабиринт из специально высаженных кустов?

– Нет, это был совсем другой лабиринт. Он мог менять конфигурацию. Там были дверцы, которые закрывались и открывались, поэтому путь через лабиринт каждый раз оказывался разным. Мистер Адамс говорил, что существует тысяча вариантов его прохождения, хотя я допускаю, что он несколько преувеличивал. Внутри лабиринта бродил человек, переодетый Минотавром: мы, детвора, его жутко боялись. Мало кому удавалось выбраться из лабиринта без посторонней помощи. Мы с сестрой, которая сегодня со мной в этом зале, ходили туда чуть ли не каждый день. Там работал один парнишка, который нам с ней нравился.

Дэдэ замахала ей из партера, одними губами произнеся: *«Это тебе он нравился»*.

Лора не смогла сдержать улыбки.

– Лабиринты всегда меня привлекали, – продолжила она. – Наш образ мыслей похож на попытки выбраться из лабиринта.

– В котором мы частенько застреваем!

– Верно! В Хокмуне мы проходили в самый центр лабиринта по специальному коридорчику, и я думала, что если буду каждый раз выбирать такое направление, чтобы оказаться дальше от центра, то обязательно выберусь. И конечно, ни разу не выбралась.

– Чтобы выбраться, иногда надо отступить назад, так ведь?

– Именно так. Когда Тед Маккей поступил в «Лавендер Мемориэл», я решила, что он застрял в лабиринте, созданном его собственным разумом.

– Поскольку речь идет о человеке столь незаурядном, наверное, и лабиринт был очень запутанным.

– Разумеется. Он неделями ходил по замкнутому кругу. Я пыталась ускорить события, подтолкнуть его к выходу на свободу, но действовала слишком прямолинейно, как в хокмунском лабиринте, и он снова терял дорогу. Приходилось начинать все с начала.

– Тед Маккей погиб в пожаре на заброшенной фабрике, – сказал Ренделл, добавляя в голос трагические нотки. – В пожаре, из которого ты, Лора, сумела спастись. В каком-то смысле эта история была и твоим

собственным лабиринтом. Не так ли?

– Возможно. Но Теду Маккею досталась более тяжелая роль. И не только потому, что в результате он расстался с жизнью. Ему пришлось на протяжении многих лет нести на плечах непосильный груз. В этой книге, Ренделл, рассказывается о том, как ему удалось вырваться из ловушки, расставленной его собственным сознанием. Если бы не его стойкость, я бы сейчас не сидела здесь перед вами. И ни одно из этих жестоких преступлений так никогда и не было бы раскрыто.

Слабые поначалу аплодисменты были подхвачены публикой и постепенно превратились в овацию. Лора и Ренделл тоже захлопали.

– Перед самой гибелью Тед сказал мне, – продолжала Лора, – что для него все это лишено смысла, ведь его отец уже умер. Но нам хорошо известно, как важно знать правду...

– О да, конечно. Мне пришлось общаться с родными убитых. Многим из них известие о том, что виновник их горя покинул наш мир, принесло большое облегчение.

– Как и бывшей жене Теда, и его дочерям, пережившим потерю близкого человека. Нам трудно даже вообразить себе, каково это. Но они, по крайней мере, увидели его таким, каким он был на самом деле: человеком с огромным сердцем, вынужденным нести чужой крест.

Презентация растянулась еще на полчаса. Ренделл был прекрасным интервьюером, беседа между ним и Лорой текла легко и непринужденно.

После выступления Лора подписывала читателям книгу. Это была самая легкая и приятная часть встречи. Некоторые потихоньку косились на шрам, чуть выглядывающий из-под манжеты ее блузки, другие высказывались по поводу книги или задавали вопросы. Чаще всего спрашивали про Джастина Линча. В новостях передали, что он вышел из комы, но всем хотелось узнать подробности. Лора дипломатично отвечала, что не поддерживает с Линчем никаких контактов, а полученное от его родных разрешение на разглашение информации полностью использовала в своей книге.

В какой-то момент Лора заметила в зале коротышку в очках, который не становился в очередь за автографом. На вид ему было лет пятьдесят или чуть меньше, он просто стоял и ждал, зажав под мышкой книгу и слегка улыбаясь уголком рта.

Вручая каждую подписанную книгу, Лора незаметно скашивала глаза в его сторону. Он по-прежнему стоял на том же самом месте. Зал почти опустел, когда к столу подошел один из организаторов встречи, мужчина под два метра ростом по фамилии Мэттьюз. Лора попросила его побыть

рядом, и он, разумеется, согласился. Именно в это время Очкарик встал в очередь. Последним.

Перед столом возникла необъятных размеров дама, загородив от Лоры Очкарика. Дама широко улыбалась; слова лились из нее потоком. *«Я таааак счастлива, что пришла сюда, мне тааааак понравилась ваша книга»*. Лора постаралась сосредоточиться на разговоре с читательницей, которая, как выяснилось, проделала немалый путь, чтобы побывать на презентации. *«Я из Вермонта... Мы с мужем живем в Вермонте, но я специально приехала, чтобы увидеть вас, мисс Хилл. Вы – бааальшой талант»*. Лора кивала и одновременно писала на первой странице какие-то банальности. Она то и дело поднимала глаза, чтобы посмотреть, здесь ли Очкарик, но упиралась взглядом в объемистый живот своей поклонницы. *«Баааальшое, баааальшое спасибо... Можно я открою вам секрет?»* Лора улыбалась, смутно подозревая, что ее улыбка похожа на натужную гримасу. Где Очкарик? Ей представилось, как он, размахивая кинжалом, выскакивает из-за спины толстухи. С чего она взяла, что он опасен? *«Я влюбилась в Теда, совсем чуть-чуть»*. Женщина залилась краской. *«Ой, вы подумаете, что я совсем дурочка. Нет, не то чтобы прямо влюбилась-влюбилась... Просто всегда так случается, если тебе нравится персонаж»*. Лора ответила, что прекрасно ее понимает и благодарит за добрые слова в свой адрес. Наконец она вручила даме книгу, и та удалилась. Очкарик стоял в хвосте очереди.

Через десять минут Лора подписала книгу супружеской паре, и к столу подошел коротышка.

– Вы меня не узнаете?

У него был мелодичный голос и мягкая интонация. Если это был серийный убийца, то самый обаятельный на свете. Лора расслабилась.

– Честно говоря, нет, – сказала она. Но, стоило ей произнести эти слова, как она поняла, что поторопилась с выводом.

– Меня зовут Артур Робишо, – подтвердил ее догадку мужчина в очках.

Когда-то Лора нашла фотографию адвоката в интернете. Они никогда не встречались, хотя между ними состоялся короткий и не совсем приятный разговор по телефону.

Робишо оглянулся по сторонам. Кое-где еще стояли небольшими группками читатели, но они были далеко. Их мог слышать только Мэттьюз, и Лора попросила его оставить их наедине.

– Спасибо, что изменили мое имя, – сказал адвокат.

– Я выполнила вашу просьбу.

– Да, конечно, но могли и не выполнить. Простите, что я был немного резок с вами по телефону, но... Вы ведь понимаете, что мне подобная слава ни к чему.

– Ничего, все в порядке.

Робишо казался обеспокоенным. Он все еще не подал ей книгу, которую держал под мышкой.

– Я прочел вашу книгу. Она мне очень понравилась. Поздравляю вас.

Он положил книгу перед ней на стол.

– Спасибо. Но мне кажется, что вы пришли не только за этим. Я ошибаюсь?

Робишо молча покачал головой. Потом посмотрел на потолок, как будто искал там подсказку.

– Я много думал о том, что скажу вам, и все равно это очень трудно...

Лора не понимала. В книге она сократила роль Робишо до минимума. Что же такого важного он хочет ей сообщить?

– Я даже жене ничего не говорил, – с искренней грустью произнес адвокат. – Никому ни слова не сказал, но вы меня поймете, во всяком случае, я на это надеюсь.

– Слушаю вас.

– Однажды Тед пришел ко мне домой, как вы и написали в книге. Я как раз праздновал день рождения, о чем он, конечно, не знал. Это неправда, что у меня в гостях собрались все наши одноклассники, но некоторые из них, конечно, были. Я хочу сказать: то, что вы описываете в книге, довольно близко к тому, что действительно произошло в тот день. Мы с ним пошли ко мне в кабинет, чтобы обсудить кое-что, связанное с завещанием.

Лора внимательно смотрела на адвоката.

– В основе каждого цикла лежал реальный эпизод, – сказала она. – Вы можете поговорить с другими участниками событий, и убедитесь в этом.

Робишо кивнул.

– Жаль, что я не поговорил с вами раньше. Я... Если бы я знал... – Робишо накрыл книгу ладонью, как будто собирался давать присягу.

– Ничего страшного.

– В книге вы пишете про опоссума... Что он в действительности обозначает?

От удивления Лора чуть не привстала в кресле. Она не углублялась в тему опоссума. Тед мало говорил о нем. Большая часть информации поступила от Майка Доусона, а тот был скорее скуп на подробности.

– Тед почему-то его боялся, – сказала Лора, изображая на лице

сочувственную улыбку. – Видимо, из-за какого-то травмирующего эпизода, так мне кажется. Я никогда его об этом не спрашивала.

Робишо кивнул.

– Ну, а какую роль играл этот зверек в циклах?

– Мистер Робишо, для вас это действительно важно?

– Да.

– Вы можете объяснить почему?

– В тот день Теду показалось, что он увидел у меня в саду опоссума, как вы и пишете в своей книге. Вернее, не совсем так. Он заметил его не в старой крышке, а между цветочными горшками моей жены.

Лора растерянно молчала. Она считала, что часть рассказа, связанная с опоссумом, не имеет ничего общего с действительностью, что это бред, часть цикла.

– Удивительно, – наконец вымолвила она.

– Еще бы. Так в чем же заключалась роль опоссума?

– Точно не знаю, мистер Робишо, но думаю, он удерживал Теда внутри циклов... Каждый раз, когда ситуация выходила из-под контроля, появлялся опоссум. По-моему, он несколько раз снился Теду. Возможно, во время циклов он играл роль стража или чего-то в этом роде.

Робишо задумался.

– Как Минотавр в лабиринте вашего родного города...

Неплохо для адвоката.

– Да, примерно так, насколько я понимаю.

Зал совсем опустел.

– Я видел в тот день опоссума, – вдруг признался Робишо.

Лора молчала.

– Тед закричал, что в саду опоссум, и несколько моих друзей побежали его ловить. И никого не нашли. Но я был в кабинете, смотрел в окно и... видел его. Прекрасно видел, как он залез в щель между горшками.

– Не знаю, что и сказать... Опоссумы существуют. Он, наверное, убежал.

– Там было человек тридцать, и никто не видел, как он убежал. Горшки с цветами стоят посреди лужайки. Опоссум не мог скрыться незамеченным. Тед его видел. И я его видел. А больше никто.

Робишо встал, и Лора наконец смогла окинуть его взглядом с головы до ног. Он протянул ей руку, и Лора пожала ее.

– Теперь вы понимаете, почему я не мог поговорить с вами раньше?

Артур Робишо не стал дожидаться ответа, взял со стола книгу, улыбнулся и ушел с видом человека, сбросившего с души тяжкий груз.

Благодарности

Эта книга писалась не за одну ночь. Теду Маккею пришлось долго ждать, пока я пойму, что за мотивы им двигали. К счастью, в этом нелегком деле у меня были помощники.

Спасибо Лус, моей матери – на ранних этапах работы над книгой она внимательно выслушивала все мои идеи, какими бы по большей части безумными они ни были. Вместе с моим отцом Раулем Аксатом она всегда поддерживала меня в моих литературных трудах.

Спасибо Патрисии Санчес – она услышала эту историю, когда я только начинал облекать ее в слова. Дружба Патрисии, ее вера в мои силы помогли замыслу стать реальностью.

Мария Кардона, мой агент в *Pontas Agency*, прочла первый вариант рукописи и предложила внести в сюжет несколько важных изменений. Спасибо, Мария, вы направили меня в нужное русло!

Я хочу выразить благодарность Анне Солер-Понт, капитану удивительного литературного корабля и всей ее команде – при работе над книгой им удалось достичь невозможного.

Спасибо Анне Сольдевила и редакторам *Destino* за самоотверженную работу с первым вариантом рукописи.

Спасибо моим сестре и брату Ане Лауре Аксат и Джеронимо Аксату и моему племяннику Эсекьелю Санчесу Аксату.

Спасибо Ариэлю Боси и Марии Пии Гаравaglia за то, что прочли рукопись и поделились со мной своими мыслями.

Спасибо моим замечательным коллегам, которые помогали мне советом и примером – Раулю Анзола, Паулю Пену, Монтсе де Паз и Долорес Редондо.

notes

СНОСКИ

Рука в кармане,
Касаясь пальцами стали,
Ощутила тяжесть пистолета.
Он чувствовал, как бьется сердце,
Бьется, бьется, бьется.
О, любовь моя, о, любовь моя,
О, любовь моя, о, любовь моя...

(англ.)

Главный герой фильма «Знакомьтесь: Джо Блэк» (1998 года). На самом деле это смерть, решившая устроить себе небольшие каникулы и познакомиться с миром людей, для чего приняла облик обаятельного молодого человека (роль которого исполнил Брэд Питт).

Джессика Рэббит – женщина-вамп из многократно экранизированных романов Гэри Вульфа о кролике Роджере.

4

Тезка знаменитого актера, сыгравшего множество ролей полицейских и рейнджеров.

Джеймс Дин – культовый американский актер 1950-х.

Мужские студенческие объединения в США буквально называются «братствами», а женские «сестричествами». Обычно названия их состоят из греческих букв. Фи Сигма Каппа – одно из крупнейших объединений, сокращенно также именуется Фи Сиг. Активная работа в братствах обычно проводится старшекурсниками.